

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

«Наука»

Москва

2015

Главный редактор:

Т. М. Николаева д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт славяноведения РАН

Ответственный секретарь:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

В. А. Виноградов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН
Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский технический университет, Испания
А. В. Бондарко д. ф. н., чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН
Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге
М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН
Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН; Тбилисский университет
В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН
В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН
А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США
Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН
М. М. Маковский д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет
А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зав. отделами: Н. Л. Артамонова, А. С. Кулева, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2015

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2015

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY JAZYKOZNANIJA

(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues in a year

4
JULY — AUGUST

«Nauka»
Moscow
2015

Editor-in-chief:

Tatiana M. Nikolaeva   Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Review editor and executive editor:

Vladimir A. Plungian   Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editor:

Viktor A. Vinogradov   Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov   Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Yury D. Apresjan   Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
Igor M. Boguslavsky   Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Technical University of Madrid, Spain
Aleksandr V. Bondarko   Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Valery Z. Demyankov   Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Vladimir A. Dybo   Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Tamaz V. Gamkrelidze   University of Tbilisi, Georgia
Vyacheslav Vs. Ivanov   Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA
Nikolai N. Kazansky   Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Mark M. Makovsky   Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
Aleksandr M. Moldovan   Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
Vera I. Podlesskaya   Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Ekaterina V. Rakhilina   National Research University «Higher School of Economics»; Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
Nikolai B. Vakhtin   European University at St. Petersburg, Russia
Mariia D. Voeikova   Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. Zhuravlev   Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff: Natalia L. Artamonova, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor: Nataliia V. Gannus

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index; Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Т. М. Николаева (Москва). О «лингвистике речи» (в частности, о междометии)	7
М. И. Магомедов, А. К. Абдулаев (Махачкала), А. Гальярди, М. С. Полинская (Кембридж, Масс.). Усвоение именных классов в цезском языке.....	21
М. А. Ключева (Йошкар-Ола). К этимологии названия марийской игры <i>митули</i>	37
С. Ю. Бородай (Москва). Об индоевропейском мировидении	60

Критика и библиография

Обзоры

И. А. Стенин (Москва). Грамматика тундрового ненецкого языка И. А. Николаевой и проблемы описания самодийских языков	91

Рецензии

О. С. Волков (Москва). <i>Д. В. Сичинава</i> . Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013	134
А. И. Фалилеев (Санкт-Петербург). <i>J. Carroll, D. Parsons</i> (eds). <i>Perceptions of place: Twenty-first-century interpretations of English place-name studies</i> . Nottingham: English Place-Name Society, 2013	139

Научная жизнь

В. И. Супрун (Волгоград). XIV Международная конференция «Ономастика Поволжья»	145
Р. К. Потапова, В. В. Потапов (Москва). XVI Международная конференция СПЕКОМ'2014 «Speech and computer» («Речь и компьютер»)	147
М. Ю. Пупынина, А. А. Сюрюн (Санкт-Петербург). Конференция «Системные изменения в языках России»	154
М. Ю. Снесарева (Москва). Польский вклад в развитие кельтологии: хроника конференции в Познани	158

CONTENTS

Tatiana M. Nikolaeva (Moscow). On the «linguistics of speech».....	7
Magomed I. Magomedov, Arsen K. Abdulaev (Makhachkala), Annie Gagliardi, Maria Polinsky (Cambridge, MA). The acquisition of noun classes in Tsez.....	21
Maria A. Klyucheva (Yoshkar-Ola). Towards the etymology of a Mari game <i>mituli</i>	37
Sergey Ju. Boroday (Moscow). On the Indo-European worldview.....	60

Bibliography. Reviews

Overviews

Ivan A. Stenin (Moscow). I. A. Nikolaeva's Tundra Nenets grammar and some issues in Samoyedic descriptive studies	91

Reviews

Oleg S. Volkov (Moscow). <i>D. V. Sitchinava. Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskij plyuskvamperfekt [Pluperfect typology. Pluperfect in the Slavic languages]. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2013</i>	134
Alexander I. Falileyev (St. Petersburg). <i>J. Carroll, D. Parsons</i> (eds). <i>Perceptions of place: Twenty-first-century interpretations of English place-name studies. Notting- ham: English Place-Name Society, 2013</i>	139

Academic life

Vasily I. Suprun (Volgograd). XIV International conference «Onomastics of Volga Re- gion».....	145
Rodmonga K. Potapova, Vsevolod V. Potapov (Moscow). XVI International con- ference SPECOM'2014 «Speech and computer».....	147
Maria Yu. Pupylnina, Arzhaana A. Syuryun (St. Petersburg). International confe- rence «System changes in the languages of Russia».....	154
Marina Yu. Sneseva (Moscow). Celtic studies in Poland: Poznań conference chronicle.....	158

О «ЛИНГВИСТИКЕ РЕЧИ» (в частности, о междометии)

© 2015 г. Татьяна Михайловна Николаева

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Россия

Автор статьи предполагает существование лингвистики речи, отдельной от по-уровневой лингвистики языка и не совпадающей с речью как порождением речевой деятельности. В лингвистику речи входит прежде всего «коммуникативный фонд», состоящий из междометий, партикул, порядка элементов, просодии слова и фразовой интонации на всех ее уровнях. В лингвистику речи входит и конвой изолированного высказывания, без которого определить его смысл невозможно. Таким образом, язык представляет собой нечто вроде сотрудничающей конфедерации. В широком смысле в лингвистику речи входят и правила построения текста.

Ключевые слова: лингвистика речи, междометия, партикулы, коммуникативный фонд, просодия слова, фразовая интонация, конвой изолированного высказывания

ON THE «LINGUISTICS OF SPEECH»

Tatiana M. Nikolaeva

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russia

The author proposes to consider linguistics as a confederation including the linguistics of speech and the linguistics of language. The linguistics of speech is not the fluent speech as such and is not the product of language activity. The most part of linguistics of speech constitutes the so-called «communicative fond»: interjections, *particulae*, particles, the word order and the whole system of language prosody. In the broad sense the linguistics of speech includes also the encirclement of an utterance.

Keywords: linguistics of speech, interjections, *particulae*, particles, fond of community, phrase intonation, word prosody and surroundings of isolated utterance

Относительно междометий как класса можно сказать, что в мировой науке по поводу них существует согласие в несогласии и согласие в утверждении их непонятности. Так, все согласны, что междометия — это часть речи, входящая в общий инвентарь частей речи данного языка. Согласны все и во многом другом. Например, в том, что междометия делятся на первичные (первообразные): *А!*, *О!*, *Ой!*, *Ах!* и т. д. и вторичные (производные). (О теоретической допустимости такого деления будет сказано далее.) Состав этих классов для лингвистов разнообразен — скажу только, что мною собрано около восьмидесяти описаний систем междометий разных языков вплоть до самых экзотических, и большинство их не совпадает не столько по составу, сколько по подходу исследователя.

К первому классу, первичному, ученые часто приписывают, кроме собственно междометий, частицы, звукоподражательные слова, слова — обращения к животным, даже хезитации.

Во второй класс вводят слова-восклицания: *Боже мой!*, *Какой ужас!*, *Вот это да!* и этикетные стереотипные выражения вроде *Здравствуйте*, *Пожалуйста*, *Ну что Вы?*, *Спасибо* и т. п. Оба списка неединообразны, единообразно только деление на них. Приписать нечто к классу междометий гораздо менее ответственно, чем приписать нечто к глаголам или прилагательным. Поэтому большая часть интернет-сообщений о диссертациях,

посвященных междометиям, описывает экзотические междометия, и защищаются такие диссертации легко, так как проверить эти списки затруднительно.

Вернемся к фактам общего согласия. Так, все согласны, что одни и те же междометия, например, *А!* или *Ох!* могут произноситься с самой разной интонацией и иметь в коммуникативном контексте разное значение.

Как их определяют?

Не обращаясь к временам давним (а о междометиях говорили начиная с античности), обратимся к дефинициям середины прошлого века.

В академической грамматике 1970 г. [АГ-70] о междометиях говорится необычайно кратко:

Междометие — это часть речи, объединяющая слова, которые выражают (но не называют) различные эмоции и призывы.

Большая часть междометий — это неизменяемые односложные или двусложные слова, лишенные лексического значения: *ай, ах, ох, эх, ах, ба, о, ой, ага, увы, айда, алло, бис, браво, ура* и др. Некоторые междометия образуются повторением односложных междометий: *ай-ай-ай, ой-ой-ой, ах-ах-ах, сюда же, ах-ах-ах, кис-кис-кис, цып-цып-цып* и др. [АГ-70: 313].

Далее говорится — по одной фразе — о том, что к междометиям примыкают (? — *Т. Н.*) слова звукоподражательные и слова, выражающие эмоции, но утратившие свое значение, например, *ужас!*

В академической грамматике 1980 г. [АГ-80] междометиям уделено внимания гораздо больше, но значительную часть этого пятистраничного раздела составляют классификации междометий и примеры. Определение же их таково:

Междометия — это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность: *ах, ба, батюшки, ну и ну, ого, ой-ой-ой, ох помилуйте, то-то, тьфу, ура, ух, черт, айда, алле, ату, ау, брысь, караул, стоп, улю-лю, кис-кис, цып-цып-цып* и др. По ряду признаков к междометиям примыкают звукоподражания <...>.

В системе частей речи междометия занимают особое положение. Как слова, лишенные номинативного значения, они не относятся ни к одной из знаменательных частей речи. Вместе с тем междометия существенно отличаются и от слов служебных, так как их роль в синтаксической организации текста не аналогична роли частиц, союзов и — тем более предлогов [АГ-80: 732]¹.

1. Десятилетиями основным авторитетом в области русского языка, как и практически основным его кодификатором, был Виктор Владимирович Виноградов. Естественно обратиться поэтому к его знаменитой книге «Русский язык». Как это ни покажется странным, В. В. Виноградов практически уходит от вопроса о том, что же такое междометия, понимая, что это, по сути, вопрос неразрешимый (для эпохи 1945 г.). Вот абсолютное начало главы о междометиях его книги:

В старой лингвистической традиции вопрос о междометиях был связан с общей проблемой возникновения и границ слова. Из междометий нередко выводились первичные слова человеческого языка. Междометия как эмоциональные сигналы противопоставлялись словам как знакам мысли. Между тем живые семантические процессы, характеризующие употребление междометий в современном русском языке, почти не были предметом изучения. Этимологическая точка зрения на междометия в русском языкознании не сдвинулась с вопроса о переходе междометий в слова (если не считать общих наблюдений акад. Н. Я. Марра о происхождении и генезисе междометий). Но по отношению к современному русскому языку сам этот вопрос менял свою форму и содержание. **Для современности гораздо важнее наблюдения над превращением других слов в междометия** (выделено мной. — *Т. Н.*) [Виноградов 1973: 584].

¹ Автор статьи не считает необходимым подробный анализ академических определений междометия.

Все лингвисты отмечают также возможную необычность звукового облика первичных междометий; они могут даже включать в себя звуки, вообще неизвестные фонетической системе данного языка. Более того, исследования показывают, что как будто бы идентичные по звуковому составу междометия даже в родственных языках могут выражать различную смысловую гамму. Как пишет С. И. Карцевский: «Чтобы остановить лошадь, русский, а также финн кричат “*тпру*”, что есть не что иное, как долгий билабиальный *p*. В русском *ф* никогда не встречается перед гласной, однако это правило не распространяется на междометия: *фу* (отталкивающий запах), *фырк* или *фркк* (фыркание лошади) и т. д. Уже в процессе эволюции общеславянского языка начальное *э* получило протезу, но восклицания обходятся без нее; например, в русском *э!*, *эге!*, *эх!*, *эй!*» [Карцевский 1984: 129]. Как об этом писала А. Вежибicka [Вежибicka 1999], сопоставляя употребление русского *Oй!* и *Oj!* польского: почти полностью совпадая фонетически, эти междометия все-таки различаются по семантике.

Большинство лингвистов считает, что междометия не входят в синтаксическую структуру высказывания, а как бы свободно «болтаются» внутри нее — в начале, в середине, в общем, в соответствии со своей внутренней формой: *inter-jectio*.

Исключением в этом плане является замечательная статья Н. Ю. Шведовой, задолго опередившая теорию конструкций, которую она строит, начиная с междометий:

В современной русской разговорной речи существует ряд конструктивных типов предикативных единиц, в которых обязательным структурным элементом является непроеизводное междометие или неразложимое сочетание такого междометия с частицей или местоименным словом. Изъятие междометия ведет здесь не только к изменению эмоциональной и модальной окраски высказывания, но и к разрушению данной предикативной единицы как определенного типа построения. Некоторые из этих конструкций отмечаются исследователями, но собственно «строительная» грамматическая роль междометия упускается из виду... [Шведова 1957: 85]

Связь междометий в некоторых конструкциях отмечается ею далее: «Существует ряд предикативных единиц, оформляемых при участии сочетания непроеизводного междометия с местоименным словом. <...> Междометие в таких построениях обязательно несет на себе ударение, вся конструкция интонационно не членится» [Там же: 90]. Но таких проницательных статей мало.

Наконец, очевидно, что междометие — это нелюбимая для серьезных языковедов часть речи; действительно, какие-то «мелкие слова», пользуясь выражением Л. В. Щербы, который, однако, их любил. Часть речи, нелюбимая так же, как и интонация (кроме тех, кто занимается ею серьезно)², нелюбимая, как и частицы, как и частицы — опоры коммуникативного фонда языка, о которых я тоже пыталась писать, нелюбимая, как и контекстный конвой изолированного предложения. Да как и сам текст, анализом которого, по сути, занимаются немногие.

В 1992 г., однако, целый том «*Journal of pragmatics*» был посвящен именно междометиям. Одна из статей этого журнала, работа известного исследователя междометий Феликса Амеки, называлась очень точно: «Междометия: универсальная, однако пренебрегаемая часть речи» («*Interjections: The universal yet neglected part of speech*» [Ameka 1992]).

В отечественной науке в последние годы серьезные исследования междометий и их функций были опубликованы И. А. Шароновым. Не приводя весь список его работ на эту тему, остановимся на монографии, целиком посвященной междометиям во всех возможных аспектах этого странного класса [Шаронов 2008]. Открывается она примерно теми же словами, что и наша статья: «Междометия вслед за Л. В. Щербой можно назвать самой неясной и туманной областью языка. Лингвистические представления об этих единицах — клубок противоречий и методологической путаницы» [Там же: 9].

² О причинах нелюбви к серьезному изучению интонации я писала подробно в статье «Почему лингвисты не любят “про интонацию”?» [Николаева 2009].

Книга И. А. Шаронова описывает класс междометий фундаментально. Представлена история изучения междометий³, семиотический аспект подхода к этому классу, когнитивный и социологический подходы, соотношение первичных междометий и ономатопои. В целом И. А. Шаронов полагает, что первичные (primary) междометия выполняют роль звуковых жестов.

Создается впечатление, что после книги Шаронова эта тема, скорее, закрыта. Но все-таки так сказать нельзя. Видно, что за всеми этими «нелюбимыми» компонентами речепождения тянутся куда-то вглубь не столько нашей речи, но сколько нашей лингвистики, таинственные нити, клубок, который хотелось бы хоть немного распутать.

2. Известно, что в лучшем случае все мы стоим на плечах гигантов. Поэтому прежде всего в данной ситуации нужно обратиться к трудам С. И. Карцевского, придававшего междометиям очень большое значение в общей системе становления нашей речевой способности. Благодаря самоотверженному труду профессора Ирины Фужерон и ее коллег мы имеем теперь два недавно изданных собрания трудов С. И. Карцевского — на русском и французском языках [Karcevski 2000; Карцевский 2004]. Недостаточная признанность Карцевского как лингвиста по сравнению, например, с тем же Р. О. Якобсоном, как кажется, объясняется тем, что он жил за границей, писал в основном по-французски, а примеры приводил русские во французской транслитерации, теряя таким образом многих своих потенциальных читателей.

Но, к счастью, серьезнейшая работа Карцевского о междометиях и их сущностях 1941 г. была переиздана в журнале «Вопросы языкознания» в 1984 г. [Карцевский 1984]. Цель этой статьи — не включить междометия в привычный для лингвиста перечень «частей речи», а, напротив, показать их и языковую, и семиотическую особенность. Как пишет Карцевский: «Общим для всех междометий является отсутствие у них концептуальной значимости. Не случайно их считают словами, образующими особую “часть речи”, хотя и соотносительную с другими частями речи. <...> Ни *мяу*, ни *а-а-а* не имеют никаких формальных показателей. Более того, мы сможем убедиться в том, что употребление этих знаков во многом отличается от функционирования частей речи. **Междометия принадлежат особому семиологическому плану** (выделено мной. — Т. Н.)». Разумеется, Карцевский говорит и о типологическом разнообразии междометий, и об их звуковой особенности: «То, что называют “фонологической системой”, управляет звуковой структурой концептуальных семиологических планов и, в первую очередь, слов, организованных в части речи. Но ее воздействие практически не распространяется на не-концептуальный план, к которому принадлежат междометия». Таким образом, междометия не входят ни в какой перечень и, строго говоря, частью речи не являются⁴. Очень важно то, что, опережая науку о происхождении языка на 60—70 лет, Карцевский связывает междометия с жестовым языком: «В первобытном обществе наряду со звуковым языком широко используется язык жестов. Последний оказал большое влияние на первый. Можно утверждать, что он послужил основой его развития» [Там же: 129—130].

Не останавливаясь на гипотезе происхождения междометий, Карцевский намечает путь их эволюции — тоже особый и не повторяющий эволюцию других речевых классов [Karcevski 2000]. То есть Карцевский выдвигает гипотезу о том, что восклицания, например, *и*, *а*, *но*, *да*, *ну* постепенно становятся союзами, хотя с животными мы обычно говорим восклицаниями. Возникающие союзы делятся на внешние, начинающие высказывание, и внутренние, входящие в структуру высказывания. См. (пример дается мной в русской

³ Некоторые исследователи, в основном описывающие «экзотические» междометия, трактуют идущий от античности термин «interjection» буквально и настаивают на том, что междометия должны помещаться в середину высказывания.

⁴ Однако нужно честно признать, что к междометиям Карцевский относит также и звукоподражательные слова, и восклицания — «преднамеренные человеческие выкрики».

транслитерации. — Т. Н.): *Отец хотел уехать а нас оставить да все колебался, но мать настояла и нас увезли* [Ibid.: 137]. Удивительно и предложенное им достаточно оригинальное когнитивно-семантическое деление внешних и внутренних союзов. По его мнению, переход от внешних союзов к внутренним способствует большей интеллектуализации и интериоризации сообщаемого: «Les conjonctions externes sont plus ou moins émotives, les conjonctions internes sont plus ou moins intellectualisées» [Ibid.: 147]. Собственно говоря, эта же идея высказывается и в упомянутой выше его статье о междометиях [Карцевский 1984: 129]. Восклицания *э!*, *эх!*, *эй!* включаются в местоимения дейктического характера: *этот*, *эдакий* и т. п., без характерной для русского языка протезы и чередования типа *елень* > *олень*.

Таким образом, становится очевидным, что Карцевский интересовался минимальными единицами речепорождения и их языковой судьбой.

Эпоха Карцевского была эпохой, которую условно можно назвать предвоенной, эпохой, когда еще можно было говорить о более чем одной лингвистике, можно было говорить о лингвистиках с их поисками, прозрениями и заблуждениями.

3. Необходимо заметить, что С. И. Карцевский много работал над описанием высказывания и роли союзов в нем, по сути, он был первым, открывшим системную значимость типов фразовой интонации [Karcevski 2000]. Однако в этом интересе к живой фразе и укрепляющим ее мелким «словечкам» он был в предвоенную эпоху совсем не одинок. Достаточно здесь назвать имена отечественных ученых: В. И. Абаева, И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона и др. Сходным было и мало известное у нас направление немецких ученых-телеологов: Э. Хермана, В. Хаверса, В. Хорна и др.⁵ И те и другие «выросли» из исследователей древних языков, а также языков экзотических, в связи с чем определялся интерес к невербальной стороне человеческой коммуникации, целевой установке на поиск движущих элементов возникновения человеческого языка вообще. Эта невербальная сторона человеческой коммуникации была связана с изучением жестовой системы (обычно у экзотических племен) и с теорией интонации как языковой подсистемы, которая тогда только начинала развиваться и, в сущности, сводилась к месторасположению так называемого «тона». Так, телеолог Э. Херман видел начало звукового языка в междометных выкриках неопределенной семантики [Hermann 1942: 15]. Каждое из этих междометий имело консонантную опору (Stammlaut), которая в дальнейшем модифицировалась через сопровождающий вокал, становясь формой CV и приобретая более конкретизированное значение. Строго говоря, необходимо заметить, что тут он был неправ: во-первых, первичные выкрики-восклицания могли иметь и имели только вокальную форму, во-вторых, его восклицания и были для славянских языков по форме именно теми партикулами, из которых сложился славянский коммуникативный фонд и которые подробно описаны в книге [Николаева 2008]. «Мелкие словечки» для всех лингвистов именно этого направления описывались как наиболее частотные, удобопроизносимые, и именно из них создавался первообразный синтаксис. В рамках синтаксиса как опоры лингвистической теории интерес вызывали и некие местоименные элементы [Кацнельсон 1936: 97], которые вначале не были ни глагольными, ни местоименными, а имели некое диффузное значение. Тот же Кацнельсон пишет: «Не слова составлялись из готовых звуков, а, напротив, отдельные звуки вырабатывались в ходе развития отдельных языков» [Кацнельсон 1949: 16].

Наиболее близким немецким телеологам, пожалуй, оказался В. И. Абаев с его замечательными идеями языка как идеологии и языка как технизации [Абаев 1934/1995: 51]. Системная строгость языка, по его мнению, есть явление позднее, а древнейшие языки составляли массив исключений, приближающийся просто к словарю. «Дело в том, что каждый язык в своей грамматической и лексической структуре влачит в десемантизированном виде обрывки и клочки мировоззрений прошлого, в сильнейшей степени замаскированные и перепутанные процессами технизации» [Там же: 61].

⁵ Подробно об этом направлении см. работу [Николаева 2000a].

Более подробно описывать некие близкие друг к другу направления той эпохи не стоит: суть их ясна и так. Из «синтаксического дыма» то ли высказывания, то ли просто неформальной жестово-просодической цепочки возникали отдельные фонетически простые единицы, выражающие определенные смыслы в определенных ситуациях⁶.

Междометия таким образом оказывались первыми претендентами на роль первичных единиц коммуникации.

Существуют и на раннем этапе истории языкознания именно такие теории, согласно которым междометия являются «первословами», так как они непроеизводны и соотносятся с эмоциональными выкриками (Ш. де Бросс, Ж. Ж. Руссо, В. Вундт)⁷.

(Не имеет смысла обсуждать действительно безумные четыре протоэлемента марризма, о происхождении которых сам И. И. Мещанинов дал ответ, достойный, скорее, жреца, а не ученого: «Спрашивается, как возникли эти четыре элемента и какое объяснение им дается? Категорически полный ответ дать пока трудно, так как мы вынуждены углубляться в состояние человечества, о котором человек уже забыл» [Мещанинов 1929: 175].)

4. Можно подумать, что в настоящей статье обсуждаются лишь вопросы, относящиеся к истории языкознания, пусть даже относительно недавней.

Между тем это совсем не так. По мысли автора, современная лингвистика, о которой будет сказано ниже, все еще влачит за собой, пользуясь выражением В. И. Абаева, «обрывки и клочки мировоззрений прошлого».

И вот в последние годы, т. е. начиная с 90-х гг. XX в., вспыхнул интерес к происхождению языка. А тем самым и к его первообразным единицам. Работ этих опубликовано несметное количество, но в большинстве из них ощущается некая робость предела, желание найти «разумное» объяснение того, почему возник наш язык. Ни в коем случае не будет это обсуждаться в данной статье, хотя нельзя пройти мимо некоего фактора, называемого мной «параллельным», который всегда обнаруживается в подобных работах. Теория «параллельного фактора» в возникновении и развитии языка была популярна еще во второй половине XIX в. ([Воегее 2003] и др.). Например, язык появился из-за потребности контакта с близкими («мама» теория); бипедализм привел к увеличению занятости рук, а протоязык, повторяя эти движения, стал их комбинировать с вокализацией («та-та» теория); язык стал имитировать звуки внешнего мира («бау-вау» теория); язык произошел из ритмического пения, производимого во время тяжелой работы («yo-heave-ho» теория). Подобных «теорий» много. Так, существует «динг-донг» теория, приписывающая возникновение языка осознанию связи между обликом вещей и набором звуков. Язык мог быть порожден смехом, ухаживанием («синг-сонг» теория), люди нуждались в контакте и заявляли о себе («хей, вы!» теория). Наконец, была популярна и «хокус-покус» теория, возводящая язык к магическим звукам, возможно, магии контакта с животным миром. Эффектна и теория «эврика», согласно которой язык был открыт внезапно. Ср. «Humanity does not construct language, it finds it» [Tassot 1988: 3].

Такие теории параллельного фактора были удобны тем, что этот фактор объявлялся некоей первопричиной, тогда он снимал бы ответственность с гуманитарного исследователя языка и передавал ее кому-то другому.

Итак, через сто лет после запрета подобных исследований интерес к происхождению языка возродился; вместе с ним возродились и поиски «параллельного фактора». Например, появление языка объясняется латерализацией мозга гоминидов [Chiarelli 1989]: оно совпадает с началом изготовления каменных орудий [Ragir 1993]. Развитие языка — это результат эхолокации и акустической сенсорики: «Вполне можно считать верифицированным положение о том, что на ранних эволюционных этапах преимущество было за не-оптической

⁶ Говорить здесь о «фонемах» просто некорректно теоретически, так как фонемы суть единицы по-уровневого языкового строя, суть единицы языка, а не речи.

⁷ См. об этом [Прокахина 2012].

сенсорикой, именно она помогала выжить» [Fründt 1993: 15]. Можно сколько угодно перечислять «параллельные факторы» и далее. Иногда «параллельный фактор» связывается с теорией «скачка». Так, скачком считалось появление поэтического ритма, который связывался в сознании с иконическим отображением мира; скачком было и появившееся у гоминидов искусство подражания; скачком было прежде всего «оскудение» физического окружения: с появлением ледников (ice ages) гоминиды стали искать пищу, что уже в свою очередь требовало большего развития их мозга. И тогда возникновение языка стало необходимым. Наконец, при увеличении мозга происходило постепенное смещение жестовой и вокальной систем коммуникации, при котором жестовая постепенно отходила на задний план [Corbalis 2002].

Все эти, даже самые последние, теории замечательны тем, что они часто могут выступать как «перевертыши». Например, мозг увеличился — и появился язык. Можно считать и наоборот: язык появился — и мозг увеличился. И так далее.

Наконец, интерес к происхождению языка несколько сместился в сторону его первичного состояния. В этом отношении интересно обратить внимание на привлекающую общее внимание и неоднократно рецензировавшуюся в нашей научной прессе книгу У. Т. Фитча «Эволюция языка» [Фитч 2013]⁸. На самом деле, в этой огромной книге о языке как таковом, о том языке или языках, которые преподаются в школах, говорится очень мало. Еще меньше говорится о его эволюции. Ведь, по сути дела, сейчас, в 2015 г., уже сложно дать определение языка, т. е. выявить, что в нем (то есть в нашем понимании языка) является построением лингвистов, а значит — артефактом, а что является неотъемлемым элементом речевой деятельности. В известной мере отношение языка к его реальному воплощению можно сравнить с отношением глобуса к точной форме планеты Земля, которая на самом деле, как известно, вовсе не такая и круглая. Фитч огромное внимание уделяет коммуникативно-звуковым способностям животных, привлекая обильную литературу о языке животных, столь облегчающую исследователям возможность уйти от основной проблемы. Как и многие другие исследователи происхождения языка, Фитч много занимается жестовыми знаками, которые сопровождали человеческую речь в ее истоках. Вторым фактором, столь же важным для изложения его теории, является реконструируемая просодическая цепочка некоего звучащего потока, который условно можно назвать высказыванием. Но уже никак не языком. Сам Фитч в этом признается: «Подытоживая сказанное, я должен согласиться с Хьюзом — стандартные аргументы не в состоянии правдоподобно объяснить переход наших предков от жестовой коммуникации к речи» [Фитч 2013: 479]. Характерно, что Фитч указывает на вторичное, рекурсивное обращение к синтаксису как источнику языковой деятельности, казалось бы, забытому, отодвинутому в течение сорока лет победным шествием по-уровневого строя, начинающегося с фоном. «Так, многие исследователи видят истоки синтаксиса в необходимости формирования развитой социальной среды <...> Они не отрицают, что эти первоначальные адаптации казались специфически присущими только эволюции человека и тем самым присоединяются к идее формирования синтаксиса именно для человека. <...> Согласно всем этим гипотезам, синтаксис — это главный инструмент, который, однажды сформировавшись, открыл дорогу к становлению современных языков. Иными словами, речь идет о биологической эволюции синтаксиса как такового» [Там же: 146].

В заключение Фитч присоединяется к той модели эволюционного происхождения речевой деятельности, «согласно которой жестикуляция и речь эволюционировали в тесной связи друг с другом. Таким образом, я рассматриваю комбинацию двух названных моделей в качестве кандидатов на состояние, предшествующее лексическому протоязыку» [Там же: 543]. Фитч не пользуется словом «просодический», заменяя его более, видимо, для него понятным словом «музыкальный». Но в целом его теорию — а он ссылается на слишком

⁸ Рецензии на эту книгу можно найти хотя бы в журналах «Вопросы языкознания» и «Известия РАН. Серия литературы и языка»; см. [Бурлак 2014; Козинцев 2014].

многое и многих, что говорит о некоторой его самонеуверенности — можно сформулировать как формирование неких жестово-просодических цепочек, из которых как бы «выпадали» (пользуясь терминами 1930-х гг.) некие единицы, которые с большой натяжкой можно назвать словами.

Второй часто цитируемый и популярный автор, пишущий о «происхождении языка» — это М. Томаселло. В своей книге [Томаселло 2011] он ведет происхождение человеческого языка к жестовому началу, переходящему от указательных жестов к жестам-картинкам и жестам-ситуациям, сопровождаемым звуками. Его концепция в общем смысле совпадает с концепцией У. Фитча.

Итак, высказывание — это достаточно длинная звуко-жестово-просодическая цепочка. Интересная точка зрения проглядывает и из замечательно смелой статьи Ф. А. Елоевой, Е. В. Перехвальской, Э. Саусверде [Елоева и др. 2014]. Как будто бы занимаясь только когнитивной функцией метафоры, авторы делают вывод о некоем типе дискурса:

Отсутствие (малое количество) метафор сигнализирует о таком дискурсе, в котором:
— у людей отсутствует необходимость говорить на абстрактные темы;
— отсутствует необходимость вербализации окружающего мира.
Такой тип дискурса есть в любом языке [Там же: 82].

Авторы идут далее. Они говорят о том, что таковы не только типы дискурса, но и языки в целом. В конце концов они также приходят к выводу, что «по-видимому, древнейшей формой языка были характерные в детской речи слова-высказывания, описывающие всю ситуацию в целом <...> Можно предположить, что в языках древнего человека таких слов (т. е. слов-картинок. — Т. Н.) могло быть значительно больше и что именно из таких слов, описывающих ситуацию в целом, и состоял первоначально человеческий язык. При этом данные слова-картинки не были в чистом виде звукоподражательными, не основывались на произвольных выкриках и т. п. Они были произвольны, как и любой другой языковой знак. В этом смысле язык, состоящий из подобного рода слов-картинок, являлся в полной мере человеческим языком» [Там же: 87].

Автор настоящей статьи не исследует происхождение человеческого языка, хотя имеет и свое не высказываемое здесь мнение. Но хочется задать терминологический вопрос: ведь практически все работы на эту тему — а имя им легион — так или иначе трактуют **происхождение языка**. Что такое язык, мы все-таки знаем: это гигантская многомерная и многоярусная машина с разветвленными иерархически единицами и их все по-новому определяемыми функциями? Не создается ли впечатление, что изучение лепета малолеток, жестикуляции у высших приматов, пения птиц, способности собак различать множество команд и даже описание языков, которые Елоева и соавторы осторожно трактуют как «не-метафорические», есть в какой-то мере сознательный уход от основной проблемы: что ребенок учится языку, но его не производит, что собака различает команды на языке хозяина, но их не повторяет и т. д.

Более того, почему-то междометия, местоимения и др. — это всегда для лингвистов «части речи» (parts of speech и никак иначе), а у языка есть уровни, но нет частей.

5. Итак, если все говорят о «частях речи», то хочется понять, что такое речь и как она делится на части. Обратимся снова к великим гигантам, чтобы знать это и понять. Разумеется, в данном случае гигант — это Фердинанд де Соссюр, знаменитый многими своими научными тезисами, в том числе и дихотомией язык — речь. Внимательное чтение его «Курса» показывает удивительную вещь: ровно сто лет тому назад Соссюр понимал искусственность существования языка, его артефактивность:

Как же надо представлять себе этот социальный продукт, чтобы язык вполне выделился, обособившись от всего прочего? Если бы мы были в состоянии охватить сумму всех словесных образов, накопленных у всех индивидов, мы бы коснулись той социальной связи, которая и образует язык. Язык — это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному

коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу⁹, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе [Соссюр 1977: 52].

Таким образом, язык есть как бы объективная реальность и как бы нет: «Язык есть нечто вполне определенное в разнородном множестве фактов речевой деятельности <...> Язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива. Вместе с тем, чтобы знать его функционирование, индивид должен учиться; ребенок овладевает им лишь мало-помалу» [Там же]. «Как мы только что видели, язык есть общественное установление, которое во многом отличается от прочих общественных установлений: политических, юридических и др.» [Там же: 54].

Что же такое речь? Часто говоря о том, что она принадлежит индивиду в отличие от языка, и создавая впечатление у потомков, что речь — это, в общем, речевой поток, *fluent speech*, Соссюр все же оговаривается: «Речь в свою очередь необходима для того, чтобы сложился язык; **исторически речь всегда предшествует языку** (выделено мной. — Т. Н.). <...> Таким образом, устанавливается взаимозависимость между языком и речью: язык одновременно и орудие, и продукт речи. **Но все это не мешает языку и речи быть двумя совершенно различными вещами** (выделено мной. — Т. Н.)» [Там же: 57].

Глава IV «Курса» Фердинанда де Соссюра называется «Лингвистика языка и лингвистика речи». Различая их, он пишет: «Можно в крайнем случае сохранить название лингвистики за обеими этими дисциплинами и говорить о лингвистике речи. Но ее нельзя смешивать с лингвистикой в собственном смысле, с той лингвистикой, единственным объектом которой является язык.

Мы займемся исключительно этой последней...» [Там же: 58].

6. В нашей же статье мы наконец займемся первой. То есть лингвистикой речи. Цель автора — показать, что такая лингвистика существует — также, как и лингвистика языка. Что это вовсе не индивидуальный речевой поток и не индивидуальная речевая деятельность, а общая для всего говорящего национального социума многоуровневая, многомерная и многофункциональная система, еще очень и очень недостаточно изученная. Пожалуй, это то, что большинство современных (или считающих себя современными) лингвистов «не любит», от чего отмахиваются или как будто не замечают. Могу сказать, что это то, чему автор настоящей статьи посвятил около пятидесяти лет своей уже долгой жизни и что этот факт непрерывности научного пути был им осознан только в самое последнее время.

Прежде всего речь пойдет о том, что было мною названо «коммуникативным фондом». Что туда входит? Сначала скажем кратко, в режиме списка.

— Это все просодические явления: интонация фразы, интонация / просодия слова, тип выражения словесного ударения, тип оформления подчеркивания слова или словосочетания, если оно необходимо, тип паузации и ее семантика, сильные и слабые фразовые позиции в любом коммуникативном типе фразы. Это сложное соотношение словесной и фразовой просодии и многое-многое другое.

— Это, конечно, междометия. Только междометия первичные, или первообразные, как бы они ни назывались в любой лингвистической традиции.

— Это те элементы, которые мною в монографии «Непарадигматическая лингвистика» [Николаева 2008] были названы партикулами и из которых создаются союзы, частицы, местоимения, местоименные наречия, флексии в именных и глагольных парадигмах, компоненты наречия и т. д. Например, *и-бо, ли-бо, и-но, и-ли, да-ли, да-же, да-бо, къ-то, къ-то-то, та-къ* и т. д.

— Это порядок элементов в тех языках, где он значим и функционален.

⁹ Во французском языке слово *virtuel/le* имеет еще значение ‘потенциальный, возможный’, так что не следует считать Соссюра уж слишком современным.

— Это конвой изолированного высказывания, без которого по-настоящему понять его смысл невозможно. И пренебрегать им также невозможно, поскольку без него высказывание остается правильным, но нереализованным.

— В конце концов это даже текст во всей его сложности и связности, подлинный и потаенный (или не-потаенный) смыслы которого стали изучать только в последние десятилетия. Таким образом, название одной из моих монографий — «От звука к тексту» [Николаева 2000б] — можно считать как бы изначально заданным, а не случайным, хотя это название можно перевернуть и назвать книгу: «От текста к звуку».

Я полностью присоединяюсь к тезису Ф. де Соссюра о том (см. выше), что «исторически речь всегда предшествует языку». Таким образом получается, что я присоединяюсь и к позиции У. Фитча, М. Томаселло и других их единомышленников в том, что в начале было нерасчлененное жестово-просодически оформленное высказывание, из которого постепенно выпадали слова и отмеченные говорящим просодические тональные узлы со временем становились центрами будущих слов, возможно, тональными ударениями¹⁰.

Почему можно предположить, что лингвистика речи, как это сто лет тому назад понял Ф. де Соссюр, предшествовала лингвистике языка? Да хотя бы потому, что многое в ней не изменяется, не исчезает и не эволюционирует (или эволюционирует в очень малой степени) в отличие от элементов лингвистики языка.

Так, например, набор славянских партикул практически не менялся примерно до XVI в. То же можно сказать о наборе первичных (первообразных) междометий и т. д.

Не все лингвисты, как можно быть в этом уверенным, знают, что фразовая интонация распределяется и профилируется по слогам, а не по словам, как часто думают.

Итак, можно себе представить, что в некоем периоде друг против друга стояли два массива (разумеется, это изображение метафорично): лингвистика речи в ее коммуникативном аспекте и зарождающаяся лингвистика языка.

Но в каждом из этих массивов все в большей и большей степени обозначались лакуны, как бы когнитивные дыры. И тогда оба массива стали заполнять пустоты друг друга. Этому способствовало и нежелание лингвистов (а вспомним, что язык в известной степени — это артефакт) понять системную неоднородность нашего средства коммуникации (сейчас я сознательно избегаю слова «язык») и, напротив, желание объединить обе лингвистики, как бы сплуснуть их в единую колонну. Отсюда появились в словарях и грамматиках частицы вроде *пускай, пусть, ведь* и т. п., явно составленные не из партикул и — тем самым — не из первичного коммуникативного фонда. Отсюда появилось желание объявить междометиями этикетные стереотипы вроде *Большое вам спасибо; Здравствуйте!; Ну, что вы!; Боже мой, какой ужас* и т. п. Отсюда появилось желание включить в класс междометий звукоподражательные слова, которые на самом деле являются цитатными единицами, а не естественными человеческими выкриками. Отсюда же появилось желание включить в непонятный всем нам по статусу класс междометий заполнения хезитационных пауз, которые являются фактами психолого-физиологического плана и не принадлежат ни к лингвистике речи, ни к лингвистике языка. И так далее.

Единицы коммуникативного фонда так же вливались в лингвистику языка: именно они становились флексиями, т. е. создавали парадигмы. Иногда одни и те же единицы присоединялись к знаменательному корнеслову то справа, то слева, то редуцировались. Об этом подробно написано в монографии [Николаева 2008], которая имеет значимый подзаголовок «История блуждающих частиц».

Таким образом, язык в известном смысле можно назвать конфедерацией, которая, однако, не враждует, а сотрудничает.

¹⁰ Вероятно, эту сохранившуюся просодическую модель в словах умел слышать С. В. Кодзасов, но доказать это ему было сложно из-за общей самоуверенной презумпции, что научное открытие должно быть перцептивно общедоступно: ведь не всем дано понять, что «однако ж прав упрямый Галилей».

7. Если принять все сказанное выше всерьез и согласиться с позициями автора настоящей статьи, то было бы естественно предположить, что состав первичных междометий хотя бы для языков одной семьи, например индоевропейских, был бы един — как, в общем, можно попытаться и пытались (например, [Дункель 1992]) свести к единому списку состав индоевропейских партикул.

Однако, это не так.

Так же, как и описанные в книге [Николаева 2008] славянские партикулы не пересекаются с аналогичными по функции партикулами родственных языков, например германских; так же, как фразовая интонация одного языка не совпадает с интонацией языка близкородственного (ср., например, фразовые интонации русского, белорусского и украинского языков по книге [Николаева 1977]), также и первообразные междометия, казалось бы, первичные элементы лингвистики речи, совпадают друг с другом (о функции их здесь не говорится, только о плане их выражения) по очень небольшому выявленному мною списку.

Всего нами были зафиксированы списки первообразных междометий 13 языков¹¹.

Английский язык: *ah, aha, ahem, aw, bah, bingo, bleh, blah, boo, boo-boo, ttk, eh, er, ew, gak, ha, hey, hist, hm, hmph, ho-ho, hup, huh, ick, wow...* и т. д.

Немецкий язык: *heisa, hei, ah, aha, ätsch, nanu, hoppla, oho, echt, nja, hoha, na, hm, pfui, bäh, igitt, äks, huhu, hu, brr, au, autsch, aua, auweh...* и т. д.

Французский язык: *a, ah, ale, bah, boft, eh, fi, ha, hé-hé, hé, hein, hé, là, hep, heut, hi, heu, hum, youpi, tut, brr, j, ouille, ouiche...* и т. д.

Итальянский язык: *oh, ah, th, ehi, veh, toh, mah, doh, bo, tah, zip...* и т. д.

Испанский язык: *zape, no, ay, eh, ah, ehhe, ole, esc, ay...* и т. д.

Португальский язык: *oh, oxala, ai, fu, irra, ole, ola, ih, psiu, psch...* и т. д.

Латышский язык: *ai, au, vai, brr, oja, iju, rau, re, raug, klau, skat, hei, pag, tis...* и т. д.

Несмотря на то, что списки междометий, как видно по приведенным нескольким примерам, не совпадают, все же сходство заметить легко. Во-первых, активно фигурирует спигант {h}. Это отмечалось практически всеми исследователями междометий европейских языков. Во-вторых, активны гласные [a], [o], [e] — как в комбинациях, так и изолированно.

Гораздо интереснее другое. Если звуковое сходство между междометиями и их списками в европейских языках все же найти можно, то различия в обращениях к животным и подражаниях звукам животных просто поражают. Догадаться, что французскую кошку подзывают *мину-мину* вместо нашего *кис-кис*, просто невозможно. Приведем еще примеры. Немецкий: *tirili* (пение птиц); *wiff* (лай собаки); *klirr* (дребезжание); *schwups* (хлопанье); *blubb-blubb* (хлюпанье)... В латышском языке утка кричит: *pe-pe-pe*, голубь: *gu-gu-gu*; кошка: *murr-murr-murr*. Итальянская лошадь кричит: *arri, arri*, а лягушка — *gre-gre*. *Uh-uh* — это вой волка-итальянца.

В нашем распоряжении есть данные звукоподражательных слов языков совсем редких: юкагирского, нахского, кабардино-черкесского и каратинского. Представляется, что это резкое различие между сходством первообразных междометий и столь же резкое отличие по языкам слов звукоподражательных и слов — обращений к животным само по себе требует самостоятельного лингвистического исследования и отдельной интерпретации.

¹¹ Эти данные были взяты в основном из Интернета, где фиксировались и настоящие научные статьи, и дипломные и курсовые работы, авторефераты, оригинальные тексты. Поэтому адресацию этих работ, на наш взгляд, легко проверить, не загромождая статью. При этом нужно отметить, что для многих языков (например, для английского и немецкого) предоставлялось много материалов разных авторов (особенно много было списков междометий английского языка). Таким образом, в сумме мною были проанализированы 74 списка. К этому нужно добавить еще отдельно выделенный мною состав списков предполагаемых русских междометий: считая, что авторы — носители русского языка (а они таковыми в основном и были) — ориентируются в языке более точно, опасаясь читательской проверки. Списков русских междометий было 29.

8. О русских междометиях написано очень много и перечислять их в данной статье не имеет смысла. Хочется обратиться к тому, что можно назвать «фонетикой служебных слов» или — уже — фонетикой коммуникативного фонда. В частности, все языки, которые были мной зафиксированы, имели состав междометий чисто односложного вокального состава: [a], [o], [u], [i] и т. д. Как заметил С. Карцевский (см. выше), некоторые из них становились сначала внешними, а затем внутренними союзами. Это безусловно так. Но если обратиться к словнику партикул, как он представлен в книге [Николаева 2008], то очевидно, что они строятся из или чистого вокала, или консонанта с вокалом: CV — *да, ли, бо, же* и т. п. Междометия же, напротив, строятся по принципу чистого вокала или противоположного по отношению к партикулам соотношения VC, т. е. сочетания вокала с консонантом: *ай, ой, ах, ох* и т. д.

Выше говорилось о том, что во многих языках в междометиях представлен звук {h}, произносящийся или непроизносящийся. Существует предположение, что он является маркером долготности предшествующего звука; это предположение требует экспериментальной проверки.

Интересно, что предлоги (по моему мнению, не входящие в коммуникативный фонд, так как они связаны с референцией) предпочитают звук [r]: *pro, contra, через, сквозь* (простореч.), *перед* и т. п., а слова коммуникативного фонда его «не любят».

Таким образом, основной мыслью автора статьи является то положение, что лингвистика речи существует отдельно от лингвистики языка, в известной степени артефактивного, что она состоит из разных древних по своему происхождению и игнорируемых лингвистами сущностей, которые, однако, сосуществуют с собственно языковой по-уровневой системой, переплетаясь с ней как в сфере синтагматики, так и в сфере парадигматики.

И междометия входят в коммуникативный фонд этой лингвистики речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абаев 1934/1995 — Абаев В. И. Язык как идеология и язык как техника // Язык и мышление. Т. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 33—54; Абаев В. И. Избранные труды. Т. 2: Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995. С. 45—66. [Abaev V. I. Language as ideology and language as technique. *Language and thought*. Vol. 2. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1934. Pp. 33—54; Abaev V. I. *Izbrannye trudy*. Vol. 2: *Obshchee i sravnitel'noe yazykoznanie*. Vladikavkaz, 1995. Pp. 45—66.]
- АГ-70 — Грамматика современного русского языка. М.: Наука, 1970. [*Grammatika sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian grammar]. Moscow: Nauka, 1970.]
- АГ-80 — Русская грамматика: В 2 т. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika: V 2 t. T. 1: Fonetika, fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar: In 2 vol. Vol. 1: Phonetics, phonology. Accent. Intonation. Word-formation. Morphology. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Бурлак 2014 — Бурлак С. А. [Рец. на:] Фитч У. Т. Эволюция языка / Пер. с англ. Е. Н. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2013. 768 с. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 5. С. 70—77. [Burlak S. A. [Review of:] Fitch W. T. The evolution of language. Transl. by Panov E. N. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013. 768 p. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2014. Vol. 73. No. 5. Pp. 70—77.]
- Вежбицкая 1999 — Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. [Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999.]
- Виноградов 1973 — Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1973. [Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)*. [The Russian language. A grammatic theory of the word]]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1973.]
- Дункель 1992 — Дункель Г. Э. Грамматика частиц // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 13—33. [Dunkel G. E. The grammar of particles // *Voprosy yazykoznanija*. 1992. No. 5. Pp. 13—33.]
- Елоева и др. 2014 — Елоева Ф. А., Перехвальская Е. В., Саусверде Э. Метафора и эвристическая функция языка (бывает ли язык без метафор) // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 78—99.

- [Eloeva F. A., Perexval'skaja E. V., Sausverde 3. Metaphor and heuristic function of language (Is a language without metaphor possible?). *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 1. Pp. 78—99.]
- Карцевский 1984 — Карцевский С. Введение в изучение междометий // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 127—137. [Karcevskij S. Introduction to the study of interjections. *Voprosy jazykoznanija*. 1984. No. 6. Pp. 127—137.]
- Карцевский 2004 — Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. Т. II. М.: Языки славянских культур, 2004. [Karcevskij S. I. *Iz lingvisticheskogo naslediya*. T. II [From the linguistic heritage]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- Кацнельсон 1936 — Кацнельсон С. Д. К генезису номинативного предложения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Katsnel'son S. D. *K genezisu nominativnogo predlozheniya* [Towards the genesis of nominative sentences]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1936.]
- Кацнельсон 1949 — Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. [Katsnel'son S. D. *Istoriko-grammaticheskie issledovaniya* [Historico-grammatical studies]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1949.]
- Козинцев 2014 — Козинцев А. Г. [Рец. на:] У. Т. Фитч. Эволюция языка / Пер. с англ., науч. ред. и послесл. Е. Н. Панова; послесл. А. Д. Кошелева. М.: Языки славянской культуры, 2013 // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 133—139. [Kozintsev A. G. [Review of:] W. T. Fitch. The evolution of language. Translated from English and edited by Panov E. N., afterword by Panov E. N. and Koshelev A. D. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 4. Pp. 133—139.]
- Мещанинов 1929 — Мещанинов И. И. Введение в яфетидологию. Л.: Прибой, 1929. [Meshchaninov I. I. *Vvedenie v yafetidologiyu* [Introduction to Japhetic studies]. Leningrad: Priboi, 1929.]
- Николаева 1977 — Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977. [Nikolaeva T. M. *Frazovaya intonatsiya slavyanskikh yazykov* [Phrasal intonation in Slavic languages]. Moscow: Nauka, 1977.]
- Николаева 2000а — Николаева Т. М. Несколько слов о лингвистической теории 30-х: фантазии и прозрения // Слово в тексте и словаре. Сборник статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 591—607. [Nikolaeva T. M. About the linguistic theory of the thirties: fantasies and insights. *Slovo v tekste i slovarye. Sbornik statei k 70-letiyu akad. Yu. D. Apresjana*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000. Pp. 591—607.]
- Николаева 2000б — Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2000. [Nikolaeva T. M. *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2000.]
- Николаева 2008 — Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2008. [Nikolaeva T. M. *Neparadigmaticheskaya lingvistika* [Non-paradigmatical linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2008.]
- Николаева 2009 — Николаева Т. М. Почему лингвисты не любят «про интонацию»? // Фонетика и нефонетика. Сб. статей к 70-летию С. В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 43—52. [Nikolaeva T. M. Why don't linguists like to discuss intonation? *Fonetika i nefonetika. Sb. statei k 70-letiyu S. V. Kodzasova*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009. Pp. 43—52.]
- Прокахина 2012 — Прокахина Д. А. Семиотические особенности системы междометий современного испанского языка // http://dibase.ru/article/1311/213112012_98819_prokahina/2 [Prokakhina D. A. Semiotic features of the modern Spanish interjections system. Available at: http://dibase.ru/article/1311/213112012_98819_prokahina/2]
- Соссюр 1977 — Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.; Л.: Прогресс, 1977. [Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works in linguistics]. Moscow; Leningrad: Progress, 1977.]
- Томаселло 2011 — Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. [Tomasello M. *Istoki chelovecheskogo obshcheniya* [Origins of human communication]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Фитч 2013 — Фитч У. Т. Эволюция языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Fitch W. T. *Evolutsiya yazyka* [The evolution of language]. M.: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Шаронов 2008 — Шаронов И. А. Междометие в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2008. [Sharonov I. A. *Mezhdometie v rechi, tekste i slovare* [The interjection in speech, text and dictionary]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2008.]
- Шведова 1957 — Шведова Н. Ю. Междометие как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 85—95. [Shvedova N. J. Interjections as grammatically significant elements of the sentence in colloquial Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 1957. No. 1. Pp. 85—95.]

- Ameka 1992 — Ameka F. Interjections: The universal yet neglected part of speech. *Journal of pragmatics*. 1992. Vol. 18. Pp. 101—108.
- Boeree 2003 — Boeree C. G. *The origins of language*. Available at: <http://www.ship.eduegboeree/lamg-origins.html>.
- Chiarelli 1989 — Chiarelli Br. The origin of human language. *Studies in language origins*. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins, 1989.
- Corbalis 2002 — Corbalis M. C. *From hand to mouth: the origins of language*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2002.
- Fründt 1993 — Fründt H. Speech origin research: semiotic and linguistic indications from echolocation among animal. *Language origins Society. 9-th meeting*. Oranienbaum, 1993.
- Hermann 1942 — Hermann E. *Probleme der Frage*. Göttingen, 1942.
- Karcevski 2000 — Karcevski S. De l'exclamation à la conjonction? Karcevski S. *Inédits et introuvables*. Paris: Peeters éd., 2000. Pp. 137—175.
- Ragir 1993 — Ragir S. The development of stone tool technologies and the structure of thought. *Language origins Society. 9-th meeting*. Oranienbaum, 1993.
- Tassot 1988 — Tassot D. *Language — origins and evolution*. Available at: <http://www.creationism.org/csshs>.

Статья поступила в редакцию 14.01.2015.

УСВОЕНИЕ ИМЕННЫХ КЛАССОВ В ЦЕЗСКОМ ЯЗЫКЕ*

© 2015 г.

Магомед Ибрагимович Магомедов^а,
Арсен Курбанович Абдулаев^а,
Анни Гальярди^б,
Мария Семеновна Полинская^{б, @}

^а Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, 367025, Россия; ^б Гарвардский университет, Кембридж, 02138, США;
[@] polinsky@fas.harvard.edu

Данная статья преследует две взаимосвязанные цели. Первая, методологическая, — представление и обсуждение доступной методики по изучению детской речи; такая методика может быть применена к самым разным языкам, в том числе языкам малых народов или бесписьменным. Методика включает в себя создание корпуса детской речи и речи, обращенной к детям (в нашем исследовании около 10 часов живой речи), анализ этого корпуса и дальнейшее экспериментальное исследование моделей и закономерностей, которые попадают в поле зрения исследователя корпусного материала. Наша вторая цель состоит в том, чтобы, пользуясь этой методикой, рассмотреть систему именных классов (родов) в цезском языке нахско-дагестанской семьи и показать, как дети усваивают подобную систему при освоении родного языка. Главным вопросом является набор и соотношение предсказательных признаков, которые позволяют детям и взрослым приписывать конкретные слова к тому или иному именному классу. Данные нашего экспериментального исследования показывают, что дети и взрослые опираются на разные предсказательные признаки. В частности, для детей — носителей языка — формальные признаки существительного (например, начальный или конечный звук слова) играют более важную роль, чем семантика, в то время как для взрослых семантика имеет большее значение.

Ключевые слова: детская речь, именной класс (род), корпусная лингвистика, нахско-дагестанские языки, семантические признаки, фонологические признаки, цезский язык, экспериментальная методология

THE ACQUISITION OF NOUN CLASSES IN TSEZ

Magomed I. Magomedov^а, Arsen K. Abdulaev^а,
Annie Gagliardi^б, Maria Polinsky^{б, @}

^а The Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and Arts, Daghestan Academic Centre, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, 367025, Russia; ^б Harvard University, Cambridge, 02138, USA;
[@] polinsky@fas.harvard.edu

This paper follows two related goals. First, it introduces a simple methodology that can be used to investigate first language acquisition in lesser-studied languages, including those that may be endangered. The proposed methodology consists of three steps, namely, (i) corpus building, (ii) data mining based on that corpus, and (iii) subsequent experimental studies motivated by patterns observed in the corpus. The second goal of this paper is to apply the proposed methodology to the investigation of noun-class acquisition in the Nakh-Dagestanian language Tsez. Based on the proposed methodology, we have constructed a new corpus of child-directed speech and child language (about ten hours of speech), which we analyze to determine the role of predictive cues that

* Работа выполнена при поддержке Научного фонда США (NSF Graduate Research Fellowship Program; NSF IGERT 0801465; NSF 1144223) и стипендии по документации исчезающих языков (DEL).

Авторы выражают искреннюю благодарность Патимат Абдулаевой и Хайрат Гамзатовой за помощь в экспериментальном исследовании, а также следующим коллегам за обсуждение этой работы на разных ее этапах: М. Е. Алексееву, А. Е. Кибрику, Б. Комри, Дж. Лидзу, Я. Г. Тестельцу и Д. А. Эршлеру.

help the learner assign a given noun to a noun class. Since Tsez does not overtly mark agreement on all its verbs or adjectives, we also use the corpus data to assess the extent of overt noun-class agreement. We conclude that a variety of semantic and phonological (formal) cues allow Tsez speakers to determine the noun class of a given nominal. We then present and analyze an elicited-production experiment that uncovers asymmetries in the classification of nouns with predictive features in the corpus and by children and adults. We show that children are biased to use phonological information over semantic information, despite a statistical asymmetry in the other direction.

Keywords: corpus building, experimental methodologies, language acquisition, Nakh-Dagestanian languages, noun class (gender), phonological properties, semantic properties, Tsez

1. Введение

Данная статья преследует две цели: общелингвистическую и методологическую. С общелингвистической точки зрения наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть систему именных классов (родов) в цезском языке и показать, как дети усваивают подобную систему при освоении родного языка. Усвоение рода детьми изучалось на материале индоевропейских языков (ср. [Гвоздев 1961; Rodina 1999] для русского, [Karmiloff-Smith 1979] для французского, [MacWhinney 1978; Mills 1985; 1986; Szagun et al. 2007] для немецкого), однако в дагестанских языках такое исследование проводится впервые. Новизна данного исследования определяет вторую цель нашей работы: продемонстрировать, что изучение детской речи в малых языках в принципе возможно, и предложить конкретные методы подобного изучения. Отчасти данная статья перекликается с англоязычной работой [Gagliardi, Lidz 2014], в которой изложен материал того же эксперимента, проведенного в Дагестане с детьми, изучающими цезский язык как родной. Однако статья [Gagliardi, Lidz 2014] не преследует общеметодологических целей; между тем мы надеемся, что данная публикация послужит стимулом для дальнейшей работы по изучению того, как дети усваивают бесписьменные языки. Если нам удастся представить читателю то, что по-английски называется *proof of concept* (проверка концепции) относительно экспериментальной работы с малыми языками, это будет шагом вперед в изучении и сохранении этих языков.

Информацию о принадлежности существительного к тому или иному согласовательному классу можно почерпнуть из двух источников: во-первых, из согласовательных показателей и, во-вторых, из информации, содержащейся непосредственно в существительном — в его семантике и фонологическом облике. Наше внимание направлено именно на информацию, заложенную в существительном, и в связи с этим нас интересует вопрос о том, на что обращают внимание дети и взрослые при классификации новых для них существительных. Забегая вперед, заметим: несмотря на то, что со статистической точки зрения семантическая информация является более надежным признаком класса, чем фонологическая, дети в отличие от взрослых, по-видимому, более предрасположены к тому, чтобы ориентироваться в первую очередь на фонологические признаки. Этот результат перекликается с выводами исследователей, которые изучали освоение грамматического рода в таких языках, как французский или немецкий.

2. Система именных классов в цезском языке

Цезский язык принадлежит к цезской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской семьи. По данным Всероссийской переписи населения 2012 г., на нем говорят около 12 тысяч человек, живущих в Цунтинском районе Республики Дагестан, а также переселенцы в равнинные районы этой республики.

В цезском языке в единственном числе существительные делятся на четыре класса, которые во множественном числе сливаются в два, см. [Бокарёв 1959; Имнайшвили 1963; Comrie, Polinsky 1999].

Класс, к которому принадлежит существительное, можно определить по морфологическим показателям, выражающим согласование в начинающихся на гласный глаголах, а также некоторых прилагательных и наречиях.

Согласовательный префикс в прилагательных фонологически пуст для существительных I класса, согласование с существительными II класса выражается с помощью префикса *y-*, с существительными III класса — с помощью префикса *b-*, а IV класса — *r-*. Согласовательные префиксы во множественном числе, а также некоторые формы личных и указательных местоимений зависят от именного класса, но из-за заметного синкретизма эти показатели служат куда менее надежными признаками именного класса, к которому принадлежит существительное — контролер согласования. Кроме того, класс существительного можно до некоторой степени предсказать по его семантике и фонологическому облику. Мы, соответственно, будем впредь говорить о внешних и внутренних признаках, позволяющих носителю языка определять класс данного существительного. Под внешними признаками мы подразумеваем согласовательные показатели, а под внутренними — информацию, содержащуюся в самом существительном.

Ниже приводятся иллюстративные примеры, показывающие классное согласование в цезском языке (мы приводим только примеры в единственном числе):

- (1) Ø-igu   uži
I-хороший   мальчик.АБС
- (2) y-igu   kid
II-хорошая   девочка.АБС
- (3) b-igu   k'et'u
III-хорошая   кошка.АБС
- (4) r-igu   y'utku
IV-хороший   дом.АБС

Глагол цезского языка всегда согласуется с абсолютивом, т. е. с подлежащим в непереходном предложении и с дополнением в переходном. Следующие примеры показывают, как работает глагольное согласование (примеры серии «а» содержат непереходный глагол, серии «б» — переходный):

- (5) а. Uži   Ø-ay-s.
мальчик.АБС I-приходить-ПРОШ
'Мальчик пришел'.
- б. Eniy-ä   uži   Ø-ayir-si.
мать-ЭРГ мальчик.АБС I-приводить-ПРОШ
'Мать привела мальчика'.
- (6) а. Kid   y-ay-s.
Девочка.АБС II-приходить-ПРОШ
'Девочка пришла'.
- б. Eniy-ä   kid   y-ayir-si.
мать-ЭРГ девочка.АБС II-приводить-ПРОШ
'Мать привела девочку'.
- (7) а. K'et'u   b-ay-s.
кошка.АБС III-приходить-ПРОШ
'Кошка пришла'.
- б. Eniy-ä   k'et'u   b-ayir-si.
мать-ЭРГ кошка.АБС III-приводить-ПРОШ
'Мать привела кошку'.
- (8) а. Łaci   r-ay-s.
ветер.АБС IV-пришел
'Ветер налетел (пришел)'.
- б. Allah-ä   łaci   r-ayir-si.
Бог-ЭРГ ветер.АБС IV-приводить-ПРОШ
'Бог прислал ветер'.

В таблице 1 представлен состав именных классов, основанный на традиционных описаниях цезского языка. Класс I наиболее четко выделяется из остальных — к нему относятся все мужчины (а также некоторые сверхъестественные существа) и только они, и, таким образом, на отнесение существительных к этому классу имеются наибольшие семантические ограничения. Класс II включает имена, обозначающие лиц женского пола, но в отличие от I класса он состоит главным образом из неодушевленных и абстрактных существительных. Класс III самый обширный — к нему относятся названия всех живых существ, кроме людей, а также большое число неодушевленных, в том числе абстрактных существительных. Класс IV включает многие неодушевленные существительные, среди них абстрактные, в том числе образованные при помощи абстрактного суффикса *-ti*.

Таблица 1

Именные классы в цезском языке

	Класс I	Класс II	Класс III	Класс IV
Доля существительных, входящих в класс, от общего числа существительных	13 %	13 %	40 %	34 %
Состав класса	Наименования мужчин и некоторых сверхъестественных существ	Наименования женщин; неодушевленные существительные	Все прочие одушевленные существительные; неодушевленные существительные	Неодушевленные существительные

Проценты подсчитаны по существительным, представленным в словаре [Халилов 1999]. При подсчете мы не учитывали слова, которые могут относиться к нескольким классам в зависимости от пола денотата, например 'учитель'.

[Plaster et al. 2013] подробно рассматривают вопрос о том, какого рода информация позволяет соотносить цезские существительные с именными классами. Авторы этой работы разместили все существительные из словаря [Халилов 1999] в соответствии с потенциальными признаками — индикаторами класса и установили, что можно сформулировать правила, апеллирующие ко внутренним признакам существительных. Эти правила позволяют классифицировать около 70 % цезских существительных.

В дополнение к материалам, использованным в работе [Plaster et al. 2013], мы собрали и обработали корпус детской речи и речи взрослых, обращенной к детям [Gagliardi 2012]. На материале нашего корпуса мы уточнили состав признаков — индикаторов класса, предложенных в [Plaster et al. 2013]. Они включают в себя простые семантические характеристики (мужчина, женщина, животное, все прочие сущности) и столь же простые, легко доступные формальные (фонологические) признаки (исходный звук слова, конечный звук слова). Мы сознательно использовали именно эти признаки, так как они позволяют увидеть, на какие семантические или фонологические свойства ориентируются носители языка при отнесении существительного к определенному классу.

Полный набор признаков приведен в таблице 2, где также показана вероятность, с которой данное существительное может быть членом того или иного класса при наличии у этого существительного соответствующего признака — индикатора класса¹. Например, если слово начинается со звука /b/, то вероятность его принадлежности к классу III составляет 51 %, что обозначено в таблице как 0,51. Вероятность этого типа вводится с помощью записи $p(C_i \dots | \text{признак } X)$. Второй тип условной вероятности, показанный в таблице 2, — это

¹ Имеется в виду условная вероятность, т. е. возможность принадлежности к определенному классу при наличии у формы некоторого признака.

степень вероятности, с которой можно ожидать, что имя существительное будет обладать данным признаком (например, начинаться с некоторого звука или обозначать животное и т. д.), являясь членом данного именного класса. Эта вероятность определяется тем, сколько всего имен входит в конкретный класс. Она обозначена в таблице как $p(\text{признак } X | \text{CI} \dots)$. Например, для существительных III класса вероятность того, что слово будет начинаться со звука /b/, составляет 0,10.

Таблица 2

Признаки — индикаторы класса в речи, обращенной к детям

Класс	Семантический признак класса	Прочие семантические признаки	Фонологические признаки
I	‘Мужчина’ $p(\text{CI I} \text{‘мужчина’}) = 0,99$ $p(\text{‘мужчина’} \text{CI I}) = 0,99$	—	—
II	‘Женщина’ $p(\text{CI II} \text{‘женщина’}) = 0,99$ $p(\text{‘женщина’} \text{CI II}) = 0,22$	‘Из бумаги’, ‘одежда’ $p(\text{CI II} \text{‘из бумаги’ или ‘одежда’}) = 0,52$ $p(\text{‘из бумаги’ или ‘одежда’} \text{CI II}) = 0,04$	—
III	‘Одушевленный’* $p(\text{CI III} \text{‘одушевленный’}) = 0,98$ $p(\text{‘одушевленный’} \text{CI III}) = 0,13$	—	‘Начинается с b-’ $p(\text{CL III} \text{‘b-’}) = 0,51$ $p(\text{‘b-’} \text{CL III}) = 0,10$
IV	‘Неодушевленный’	—	‘Начинается с r-’ $p(\text{CL IV} \text{‘r-’}) = 0,61$ $p(\text{‘r-’} \text{CL IV}) = 0,09$ ‘заканчивается на -i’ $p(\text{CL IV} \text{‘-i’}) = 0,54$ $p(\text{‘-i’} \text{CL IV}) = 0,41$

*Одушевленными здесь условно названы все живые существа за исключением мужчин и женщин, т. е. животные, а также дүхи.

Мы исходим из предположения, что для взрослых именной класс является частью лексической информации, что означает, что он приписан к слову, а не вычисляется заново при каждом употреблении существительного. В связи же с детской речью возникает вопрос о том, каким путем дети приходят к той системе лексической информации, которой располагают взрослые.

В литературе по усвоению именных классов показано, что дети при усвоении языка обращают внимание и на согласование, и на (внутренние) признаки — индикаторы класса существительных, подобные тем, что приведены в таблице 2. Более того, дети используют внутренние признаки при отнесении новых для них существительных к классу /роду. Это наводит на мысль о том, что оба типа информации имеют вес при усвоении языка. Кроме того, дети более младшего возраста предпочитают использовать морфофонологическую, а не семантическую информацию, несмотря на то что в части случаев именно последняя наиболее надежно предсказывает именной класс.

3. Экспериментальное исследование именных классов в речи цезских детей

Нами были записаны 10 часов речи, обращенной к детям во время обычного, повседневного общения на цезском языке (материалы собраны в 2008 и 2009 гг.). Материал нашего корпуса содержит речь матери, тетки и старшей сестры двух двадцатимесечных детей,

живущих в поселке Шамхал (Дагестан). Сбор данных проводился в течение месяца. Около шести часов из этих записей были затранскрибированы с помощью двух членов этой же семьи, носителей цезского языка, в результате чего было получено около 3 000 строк текста. Затем текст был размечен вручную; были обозначены части речи, согласовательная морфология и именные классы. Хотя по меркам корпусной лингвистики наш корпус и мал, в нем все же содержится достаточно данных для того, чтобы было можно оценить распределение признаков в наиболее частотных цезских существительных.

Как уже упоминалось, согласование в цезском языке маркируется только в некоторых глаголах и прилагательных, начинающихся с гласного звука. Ни одна форма, начинающаяся на согласный, не показывает согласования, однако даже не все формы, начинающиеся на гласный, согласуются. Согласующиеся глаголы и прилагательные составляют лишь небольшую часть от общего числа лексем (4 % прилагательных и 27 % глаголов) и, в принципе, могло бы оказаться, что информация о согласовании очень слабо представлена в обращенной к ребенку речи. Тем не менее в нашем корпусе глаголы и прилагательные такого рода достаточно частотны: частота типов (*type frequency*) для согласующихся глаголов и прилагательных составляет соответственно 60 % и 35 %, а частота экземпляров (*token frequency*) еще выше: 84 % всех вхождений глаголов и 77 % вхождений прилагательных. Эти данные усреднены по всем четырем согласовательным показателям (см. примеры (1)–(4)), но примерно такая же картина наблюдается, когда подсчет производится по отдельности для каждого из классов в единственном числе. Таким образом, ребенок, усваивающий цезский язык, может уверенно извлечь информацию о принадлежности имен к классам по данным о согласовании.

Подсчет показывает, что из 114 лексем существительных, представленных в нашем корпусе, у 24 % были признаки — индикаторы класса; если вести подсчет по вхождениям словоформ существительных, то из 1 189 вхождений признаки — индикаторы класса были у 39 %². Подсчет также показывает, что внутренние признаки — индикаторы класса (см. таблицу 2) присутствуют у 100 % участвующих в согласовании существительных I класса, 52 % таких существительных II класса, 51 % существительных III класса и 45 % существительных IV класса. Таким образом, информация о классах имен, необходимая ребенку, усваивающему язык, вполне доступна. То, что кажется малочастотным и редким при рассмотрении слов в словаре, оказывается широко распространено в речи, обращенной к детям, что, в свою очередь, позволяет им эффективно усвоить информацию о классах.

Чтобы подробнее исследовать, насколько дети и взрослые чувствительны к свойствам, характеризующим существительные каждого из классов, мы провели эксперимент, определяющий, какими свойствами пользуются носители, чтобы классифицировать как знакомые, так и новые существительные, в которых представлены признаки, позволяющие отнести их к тому или иному классу.

В эксперименте были использованы как реально существующие в языке, так и специально составленные искусственные слова (*nonce words*)³. Часть слов обладала каким-либо одним из выделенных нами признаков — маркеров класса, у некоторой группы слов присутствовало сочетание двух признаков и, наконец, в эксперимент были включены в качестве контрольной группы слова, не обладающие ни одним из явных признаков, которые мы изучали.

В таблице 3 исчислены сочетания признаков, присутствующих у слов каждого из усваиваемых классов. У каждого из слов, использованных в эксперименте, имеется основной семантический признак, позволяющий очертить группы слов, соответствующие мужскому

² Все наши подсчеты исключают имена собственные. Это, возможно, уменьшает как долю существительных с признаками — индикаторами класса, так и долю согласующихся существительных, если рассматривать пол обладателя имени собственного как признак-индикатор для соответствующего существительного.

³ Полный список использованных слов содержится в Приложении.

полу, женскому полу, животным; в группе неодушевленных существительных были выделены дополнительные, более тонкие семантические признаки — принадлежность к предметам одежды или принадлежность к бумажным изделиям; наконец, были выделены формальные фонологические признаки (например, исходный звук слова).

Реальные цезские слова брались из нашего корпуса. Если слова с нужным нам сочетанием семантических и формальных признаков там не оказывалось, то вместо него подбирались семантически близкий эквивалент английского слова, часто встречающегося в английских корпусах обращенной к детям речи. Искусственные слова были составлены в соответствии с цезской фонотактикой и затем проверены носителями языка, чтобы удостовериться в том, что никакое из них случайно не совпало с реально существующим словом.

Таблица 3

**Состав лексики, обладающей выделенными признаками
и использованной в эксперименте**

Класс	Основной семантический признак	Прочие семантические признаки	Фонологический признак	Согласованные признаки	Несогласованные признаки
I	‘Мужчина’ (3/3)	—	—	—	‘Мужчина’ и ‘начинается с y-’ (0/3) ‘Мужчина’ и ‘начинается с b-’ (0/3)
II	‘Женщина’ (3/3)	‘Из бумаги’ (3/3); ‘одежда’ (3/3)	‘Начинается с y-’ (3/3)	‘Женщина’ и ‘начинается с y-’ (0/3)	‘Женщина’ и ‘начинается с r-’ (0/3)
III	‘Одушевленный’ (3/3)	—	‘Начинается с b-’ (3/3)	‘Животное’ и ‘начинается с b-’ (3/3)	‘Животное’ и ‘начинается с r-’ (2/3)
IV	‘Неодушевленный’	—	‘Начинается с r-’ (3/3) ‘кончается на -i’ (3/3)	‘Начинается с r-’ и ‘кончается на -i’ (2/3)	‘Неодушевленный’ и ‘начинается с b-’ (3/0)

Числа в скобках показывают количество в выборке реальных /искусственных слов с данным признаком.

Чтобы придать искусственным словам нужные семантические признаки, испытуемым в эксперименте сообщалось, что это названия неизвестных ранее животных или редкие имена людей. Для того чтобы сравнить, как носители языка классифицируют существительные, обладающие признаками-индикаторами, и существительные, лишенные таких признаков, в выборку были также включены и искусственные существительные без каких-либо семантических или фонологических признаков-индикаторов.

Задание в эксперименте было очень простым и легко доступным для детей. В цезском языке есть два глагола со значением ‘есть, кушать’: непереходный *-iṣ* и переходный *-ac* ‘-’. Оба глагола высоко частотны и согласуются с абсолютивом. Все экспериментальные предложения содержали эти глаголы.

Сначала испытуемого обучали выполнению задания. Дети считали, что их задача — разделить предметы на те, что можно есть, и те, что нельзя.

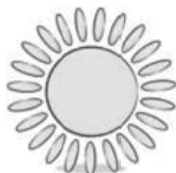
Ребенку показывали игрушку-фигурку, и он должен был скомандовать фигурке начать есть, используя непереходный глагол *-iṣ*. При этом в глаголе появлялся согласовательный префикс, указывавший на то, к какому классу ребенок относит фигурку. Например, если ребенок относил фигурку к классу III, он говорил ей *b-iṣ!*, а если к классу I, то *Ø-iṣ!*

Затем фигурка двигалась по набору картинок, а экспериментатор вслух называл нарисованные там предметы. Ребенок должен был говорить фигурке, есть ей или не есть каждой из них. При этом ребенок употреблял переходный глагол *-ac'o* (повелительная форма от *-ac'*), и согласовательный префикс на глаголе показывал, к какому классу ребенок относит изображенный предмет — прямое дополнение глагола. Экспериментатор записывал, какой согласовательный показатель был использован с каждым из предметов. Эксперимент проводился с большим числом картинок, и в итоге были задействованы все существительные из нашей выборки (общим числом 107). Пример страницы с картинками показан на рисунке, а идеализированная расшифровка диалога во время эксперимента — в таблице 4.

kid
'девочка'

класс II
семантический
признак:
'женщина'

buq
'солнце'

класс III
фонологический
признак:
'начинается с b-'

k'uray
'лук'

класс IV
без признаков

zamil
искусственное слово

класс III
семантический
признак:
'животное'

Рис. Образцы изображений, использованных в эксперименте

Таблица 4

Фрагмент эксперимента, расшифровка записи

Говорящий	Реплика	Действие
АЭ (Ассистент экспериментатора, носитель языка)	Kid. 'Девочка'. (Класс II)	Объясняет задание, показывает и называет предмет
Р(ебенок)	Sis q'ano ʔono один два три y-iš! II-есть.НЕПЕР.ИМПЕР 'Раз, два, три, ешь!'	Командует фигурке; глагол согласуется с абсолютивом подлежащего
АЭ	Buq. 'Солнце'. (Класс III)	Показывает на солнце и называет его
Р	Buq солнце.АБС b-ac'-xosi ānu! III-есть-ПРИЧ ОTR 'Солнце несъедобное'.	Командует фигурке / описывает ситуацию
АЭ	K'uray. 'Лук'. (Класс IV)	Показывает на лук и называет его

Таблица 4 (окончание)

Говорящий	Реплика	Действие
Р	K'uraу г-ас'-о! лук IV-есть.ПЕРЕХ-ИМПЕР 'Ешь лук!'	Командует фигурке / описывает ситуацию; глагол согласуется с абсолютным дополнением
АЭ	Zamīl. Искусственное слово, должно относиться к III классу	Показывает на вымышленное животное и называет его
Р	Zamīl замил.АБС b-ac'-xosi ānu! III-есть.ПЕРЕХ-ПРИЧ ОTR 'Замил несъедобный'.	Командует фигурке / описывает ситуацию; причастие согласуется с искусственным словом

Испытуемыми были носители цезского языка, живущие в поселке Шамхал и городе Кызылюрт (Республика Дагестан), которые были привлечены к участию в эксперименте при помощи ассистента — местного жителя, знакомого с цезскими семьями, живущими там. Эксперимент проходил в 2009 г. Он проводился в отдельной комнате, где находились экспериментатор, ассистент — носитель цезского языка, ребенок, а также иногда родители ребенка, другие родственники или еще какие-нибудь сопровождающие взрослые, которым было заранее объяснено, что во время эксперимента они должны молчать. Разрешалось только подбадривать ребенка, если тот очень стеснялся и не хотел выполнять задание.

4. Основные результаты

Результаты, представленные ниже, отражают материал, собранный в группе младших детей (от четырех до семи лет, всего 10 испытуемых), в группе более старших детей (от восьми до двенадцати лет, всего 12 испытуемых), а также в контрольной группе из 10 взрослых⁴.

Экспериментальные данные анализировались следующим образом: для каждого типа примеров (скажем, для искусственных слов с семантическим признаком 'женский род' или для существующих слов с фонологическим признаком 'начинается с b-') была вычислена доля ответов, в которых экспериментальные слова были отнесены к каждому из классов, среди общего числа ответов. Эти ответы были просчитаны по отдельности для каждой из возрастных групп. Например, у младших детей классификация искусственных слов с семантическим признаком «женский род» оказалась такой: в 4 % ответов они были отнесены к I классу, в 52 % к II классу, в 22 % к III классу и в 22 % к IV классу.

Для каждого набора слов с заданным признаком или комбинацией признаков (см. таблицу 3) была вычислена доля ответов, в которых они были отнесены к каждому из классов, среди общего числа ответов про эти слова. Таким образом, для каждого из наборов слов и для каждой возрастной группы мы получили распределение ответов о принадлежности этих слов к именным классам.

Мы также провели сравнение классификации реально существующих слов с их классификацией в словаре. Для классификации искусственных слов такого сравнения быть не может, но здесь мы провели сравнение между классификацией искусственных слов, обладающих признаками-индикаторами, и классификацией искусственных слов, таких признаков лишенных.

Говоря о классификации искусственных слов, мы подразумеваем долю ответов, в которых эти слова относятся к ожидаемому классу — тому, на который сильнее всего (в смысле приведенных в таблице 2 условных вероятностей) указывают признаки-индикаторы данного

⁴ Мы разделяем детей только на две группы по возрасту, поскольку общее число детей, участвовавших в эксперименте, относительно невелико.

слова, по сравнению с долей таких же ответов для слов, лишенных признаков-индикаторов. Например, ожидаемый класс искусственного слова, обозначающего женщину, — второй. Мы сравнивали долю ответов про искусственные слова с этим семантическим признаком, который позволяет их относить ко II классу, с долей ответов про слова, не имеющие этого признака, но тем не менее отнесенные к этому классу.

Наш анализ позволил обнаружить следующие общие тенденции. Во-первых, классификация искусственных слов с фонологическими или семантическими индикаторами принадлежности к I, II и III классам значительно отличалась от классификации искусственных слов, лишенных признаков-индикаторов, причем различия между возрастными группами не наблюдалось. Это показывает, что все носители цезского языка подсознательно обращают внимание на семантические и фонологические классные признаки.

Во-вторых, в обеих группах детей классификация искусственных слов с противоречивыми индикаторами отличалась от классификации слов, у которых были либо только семантические, либо только фонологические индикаторы; тем самым, дети были чувствительны к взаимодействию признаков. У взрослых такого различия между подгруппами искусственных слов не наблюдалось.

В-третьих, дети младшей группы классифицировали реально существующие слова с противоречивыми индикаторами не так, как они классифицировались в словаре. Это наводит на мысль о том, что младшие дети еще находятся в процессе построения системы признаков, по которым они могут относить слова к классам. Чем старше дети, тем более привычны для них формальные признаки, тогда как семантические признаки, особенно то, что выходит за пределы обычной одушевленности, по-прежнему вызывают затруднения. Этот результат хорошо согласуется с наблюдениями об усвоении рода французскими детьми, которые в старших группах тоже отдают приоритет формальным признакам (см. [Karmiloff-Smith 1979]).

Таблица 5

Процент реально существующих слов, правильно отнесенных к своему классу

	Семантический признак пола / одушевленности	Прочие семантические признаки	Фонологические признаки	Отсутствие признаков-индикаторов	Несогласованные признаки
Младшие дети	79	71	84	77	42
Старшие дети	86	58	94	78	47
Взрослые	87	75	92	86	71

Из таблицы 5 видно, что ни в одной из групп и ни для одного из типов слов их отнесение к грамматическому классу не оказалось стопроцентным. Однако высокие доли правильного отнесения имен к классам заставляют нас предположить, что по крайней мере часть слов была известна всем трем возрастным группам. Если это так, то часть отклонений от 100 % может объясняться незнанием слов или отсутствием быстрого лексического доступа, а другая часть — шумом в эксперименте. В свою очередь, соотношение лексических лакун и шума требует дальнейших исследований, которые не ограничиваются одним языком. Наличие шума в эксперименте подтверждается и тем, что отклонения от правильной классификации оказались равномерно распределены по лексемам; если бы испытуемые не знали каких-либо отдельных слов, мы могли бы ожидать ошибок только в этих словах, но этого не произошло.

Следует также иметь в виду, что многие дети и даже взрослые не были привычны к структурированным тестам, что могло увеличить число неправильных ответов. Кроме

того, условия, в которых проводились эксперименты, были далеки от идеальных, так как найти тихую комнату без отвлекающих факторов возможности не было. Это тоже приводит к увеличению числа ошибок. Тем не менее можно констатировать, что представители всех трех возрастных групп очень хорошо справились с классификацией слов, обладающих только семантическим или фонологическим признаком или лишенных каких бы то ни было признаков. В тех же случаях, когда признаки противоречили фактическому классу слова, дети из обеих групп справлялись с заданием хуже. Во всех этих случаях информация, не соответствующая настоящему классу слова, была фонологической. Так, например, *resenyo* ‘муравей’ принадлежит III классу, но начинается с *r*-, что служит индикатором IV класса. Дети часто делали ошибки в выборе класса этого слова, относя его не к III, а к IV классу. Это значит, что для детей фонологический индикатор определенного класса перевешивает возможный опыт обращения с данным словом.

В отличие от классификации реально существующих слов, в отношении которых мы ожидали, что большинство из них будет отнесено к их реальному грамматическому классу, для искусственных слов можно предположить, что они будут классифицироваться в соответствии с признаками-индикаторами, если таковые имеются. При наличии каких-либо опознавательных признаков ожидаемым классом искусственного существительного мы называем тот, который наиболее значимо предсказывается внутренними признаками данного слова. В таблице 6 приведены проценты слов, правильно отнесенных к ожидаемому классу.

Таблица 6

Процент искусственных слов, отнесенных к ожидаемому классу

	Семантический признак пола / одушевленности	Прочие семантические признаки	Фонологические признаки	Несогласованные признаки
Младшие дети	54	8	61	38
Старшие дети	65	9	63	53
Взрослые	53	23	61	55

Первое, что бросается в глаза, — это степень совпадения классификаций во всех трех группах испытуемых. Это означает, что все группы чувствительны к признакам идентификации слов, которые предсказывают грамматический класс. Можно видеть, что при классификации искусственных слов задействованы и семантические, и фонологические признаки; существенная часть слов, обладающих такими признаками, оказывается отнесена к ожидаемому классу представителями всех возрастных групп. Для классов I и II получающееся распределение существенно отличается от дефолтного, показанного в таблице 1, в то время как для классов III и IV наблюдаемое и дефолтное распределения оказываются очень близки в тех случаях, когда подходящие признаки-индикаторы присутствуют. В тех же случаях, когда признаки-индикаторы отсутствуют, отклонения от дефолтного распределения значительно сильнее. Полная классификация для каждого из типов признаков дается в статье [Gagliardi, Lidz 2014].

Перейдем к более специфическим семантическим признакам. Так, [Plaster et al. 2013] показывают, что более специфические семантические признаки (например, в случае нашей выборки — ‘быть из бумаги’) также играют роль в отнесении имен к классам; в частности, это признаки, которые были использованы в нашей работе для отнесения имен к классу II. Наш эксперимент показал, что дети менее активно пользуются этими семантическими признаками, чем взрослые (различие между 8 % и 9 % слов с этими признаками, отнесенных к классу II, и 1 % слов, лишенных каких бы то ни было индикаторов и отнесенных, тем не менее, к тому же классу, оказалось статистически не значимо). Между тем взрослые активно опираются на эти признаки. Так, они отнесли слова, обозначающие бумажные

предметы и одежду, к классу II в 23 % случаев, что статистически значимо отличается от процента слов, не содержащих признака-индикатора, которые были отнесены к этому классу. В целом эти количественные данные показывают, что значимость индикаторов с семантикой, не связанной с полом и одушевленностью, при отнесении цезских имен к классам существенно ниже.

Семантическая информация обладает наибольшей предсказательной силой для искусственных слов с противоречивыми признаками-индикаторами. У таких искусственных слов, если семантика предлагает принадлежность к одному классу, а фонологические признаки указывают на другой класс, выбор делается в пользу семантики. Однако такая стратегия — признак носителей языка, которые уже в полной мере им владеют. В нашем случае это взрослые и дети старшей группы. Младшие дети даже в такой ситуации ориентируются в большей степени на фонологическую информацию.

Подведем итоги. Мы продемонстрировали, что, используя экспериментальные материалы и прибегая к помощи информированных носителей языка, в принципе возможно изучать усвоение детьми малых бесписьменных языков. Мы установили, что усвоение именных классов в цезском — языке с большим числом именных классов (родов), чем в языках, которые обычно подлежат изучению в работах по детской речи (например, если сравнивать с индоевропейским родом), следует тем же принципам, которые были ранее обнаружены в исследованиях детской речи. Дети определяют именные классы, опираясь на сочетание базовых семантических признаков (пол, одушевленность) и очевидных формальных признаков; в цезском языке к последним относятся исходный и конечный звук существительного в абсолютиве — падеже, с которым всегда согласуется глагол. Однако дети более младшего возраста при отнесении имени к грамматическому классу ориентируются в первую очередь на фонологический облик слова, а не на его семантические признаки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Слова, использованные в эксперименте

Тип слова	Русский перевод	Цезское слово
искусственное, I, несогласованные признаки	новое наименование мужчины	<i>yasi</i>
искусственное, I, несогласованные признаки	новое наименование мужчины	<i>yeža</i>
искусственное, I, несогласованные признаки	новое наименование мужчины	<i>banu</i>
искусственное, I, несогласованные признаки	новое наименование мужчины	<i>yušon</i>
искусственное, I, несогласованные признаки	новое наименование мужчины	<i>bino</i>
искусственное, I, несогласованные признаки	новое наименование мужчины	<i>buma</i>
искусственное, I, семантический признак	новое наименование мужчины	<i>cina</i>
искусственное, I, семантический признак	новое наименование мужчины	<i>kirop</i>
искусственное, I, семантический признак	новое наименование мужчины	<i>melu</i>
искусственное, II, согласованные признаки	новое наименование женщины	<i>yeħu</i>
искусственное, II, согласованные признаки	новое наименование женщины	<i>yunik</i>
искусственное, II, согласованные признаки	новое наименование женщины	<i>yina</i>
искусственное, II, несогласованные признаки	новое наименование женщины	<i>riħu</i>
искусственное, II, несогласованные признаки	новое наименование женщины	<i>rak'o</i>
искусственное, II, несогласованные признаки	новое наименование женщины	<i>ruya</i>
искусственное, II, фонологический признак	новое наименование пищи	<i>yobar</i>

Продолжение таблицы приложения

Тип слова	Русский перевод	Цезское слово
искусственное, II, фонологический признак	новое наименование предмета	<i>yuto</i>
искусственное, II, фонологический признак	новое наименование пищи	<i>yala</i>
искусственное, II, универсальный семантический признак	новое наименование женщины	<i>kuna</i>
искусственное, II, универсальный семантический признак	новое наименование женщины	<i>haba</i>
искусственное, II, универсальный семантический признак	новое наименование женщины	<i>sohaq</i>
искусственное, II, специфический семантический признак	новое наименование бумаги	<i>molo</i>
искусственное, II, специфический семантический признак	новое наименование одежды	<i>lemin</i>
искусственное, II, специфический семантический признак	новое наименование бумаги	<i>mačum</i>
искусственное, II, специфический семантический признак	новое наименование одежды	<i>kenu</i>
искусственное, II, специфический семантический признак	новое наименование бумаги	<i>hidar</i>
искусственное, II, специфический семантический признак	новое наименование одежды	<i>zubu</i>
искусственное, III, согласованные признаки	новое наименование животного	<i>bazu</i>
искусственное, III, согласованные признаки	новое наименование животного	<i>budu</i>
искусственное, III, согласованные признаки	новое наименование животного	<i>bišan</i>
искусственное, III, несогласованные признаки	новое наименование животного	<i>yugi</i>
искусственное, III, несогласованные признаки	новое наименование животного	<i>resu</i>
искусственное, III, несогласованные признаки	новое наименование животного	<i>riga</i>
искусственное, III, несогласованные признаки	новое наименование животного	<i>čohi</i>
искусственное, III, несогласованные признаки	новое наименование животного	<i>rola</i>
искусственное, III, несогласованные признаки	новое наименование животного	<i>t'awi</i>
искусственное, III, фонологический признак	новое наименование блюда	<i>beto</i>
искусственное, III, фонологический признак	новое наименование блюда	<i>baka</i>
искусственное, III, фонологический признак	новое наименование блюда	<i>bidan</i>
искусственное, III, семантический признак	новое наименование животного	<i>zamil</i>
искусственное, III, семантический признак	новое наименование животного	<i>seno</i>
искусственное, III, семантический признак	новое наименование животного	<i>kiru</i>
искусственное, IV, согласованные признаки	новое наименование блюда	<i>rubi</i>
искусственное, IV, согласованные признаки	новое наименование блюда	<i>rehi</i>
искусственное, IV, согласованные признаки	новое наименование блюда	<i>rabi</i>
искусственное, IV, фонологический признак	новое наименование блюда	<i>tali</i>
искусственное, IV, фонологический признак	новое наименование предмета	<i>joni</i>
искусственное, IV, фонологический признак	новое наименование предмета	<i>q'omi</i>

Продолжение таблицы приложения

Тип слова	Русский перевод	Цезское слово
искусственное, IV, фонологический признак	новое наименование предмета	<i>rega</i>
искусственное, IV, фонологический признак	новое наименование блюда	<i>ruŋo</i>
искусственное, IV, фонологический признак	новое наименование блюда	<i>rinay</i>
искусственное, без признаков	новое наименование блюда	<i>miraj</i>
искусственное, без признаков	новое наименование блюда	<i>lesi</i>
искусственное, без признаков	новое наименование блюда	<i>kola</i>
искусственное, без признаков	новое наименование блюда	<i>nola</i>
искусственное, без признаков	новое наименование блюда	<i>kela</i>
искусственное, без признаков	новое наименование блюда	<i>šiwa</i>
искусственное, без признаков	новое наименование блюда	<i>dero</i>
искусственное, без признаков	новое наименование предмета	<i>norib</i>
искусственное, без признаков	новое наименование блюда	<i>žewu</i>
искусственное, без признаков	новое наименование блюда	<i>nawe</i>
реально существующее, I, семантический признак	младенец	<i>k'ak'a</i>
реально существующее, I, семантический признак	мальчик	<i>uži</i>
реально существующее, I, семантический признак	отец	<i>baba</i>
реально существующее, II, без признаков	соль	<i>cijo</i>
реально существующее, II, без признаков	дверь	<i>ac</i>
реально существующее, II, без признаков	сыр	<i>izu</i>
реально существующее, II, фонологический признак	камень	<i>ɣul</i>
реально существующее, II, фонологический признак	молоко	<i>ɣaj</i>
реально существующее, II, фонологический признак	штаны	<i>ɣel'o</i>
реально существующее, II, универсальный семантический признак	женщина	<i>ɣana</i>
реально существующее, II, универсальный семантический признак	девочка	<i>kid</i>
реально существующее, II, универсальный семантический признак	мать	<i>eni</i>
реально существующее, II, специфический семантический признак	письмо	<i>kayat</i>
реально существующее, II, специфический семантический признак	рубашка / платье	<i>ged</i>
реально существующее, II, специфический семантический признак	трусы	<i>turusik</i>
реально существующее, II, специфический семантический признак	шапка	<i>šapka</i>
реально существующее, II, специфический семантический признак	книга	<i>t'ek</i>
реально существующее, II, специфический семантический признак	газета	<i>gazit</i>
реально существующее, III, согласованные признаки	рыба	<i>besuro</i>

Окончание таблицы приложения

Тип слова	Русский перевод	Цезское слово
реально существующее, III, согласованные признаки	змея	<i>bikori</i>
реально существующее, III, согласованные признаки	овца	<i>be't'yu</i>
реально существующее, III, несогласованные признаки	море	<i>ralad</i>
реально существующее, III, несогласованные признаки	муравей	<i>recenyo</i>
реально существующее, III, без признаков	яблоко	<i>heneš</i>
реально существующее, III, без признаков	картофель	<i>hek'u</i>
реально существующее, III, без признаков	хлеб	<i>magalu</i>
реально существующее, III, фонологический признак	солнце	<i>buq</i>
реально существующее, III, фонологический признак	вишня	<i>ba'li</i>
реально существующее, III, фонологический признак	палец	<i>baša</i>
реально существующее, III, семантический признак	цыпленок	<i>onoču</i>
реально существующее, III, семантический признак	корова	<i>ziya</i>
реально существующее, III, семантический признак	кошка	<i>k'et'u</i>
реально существующее, IV, несогласованные признаки	будка (или туалет?)	<i>butka</i>
реально существующее, IV, несогласованные признаки	флаг	<i>bairaq</i>
реально существующее, IV, несогласованные признаки	кольцо	<i>basčiqow</i>
реально существующее, IV, без признаков	лук	<i>k'uray</i>
реально существующее, IV, без признаков	суп	<i>čorpa</i>
реально существующее, IV, без признаков	глаз	<i>ozura</i>
реально существующее, IV, фонологический признак	вода	<i>li</i>
реально существующее, IV, фонологический признак	каша	<i>qiqi</i>
реально существующее, IV, фонологический признак	окно	<i>aki</i>
реально существующее, IV, фонологический признак	рука	<i>reŭ'a</i>
реально существующее, IV, фонологический признак	сливочное масло	<i>riŭ</i>
реально существующее, IV, фонологический признак	ключ	<i>reka</i>
реально существующее, IV, согласованные признаки	мусор	<i>rešoni</i>
реально существующее, IV, согласованные признаки	колыбель	<i>rikini</i>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

I, II, III, IV — именной класс в единственном числе

АБС — абсолютив

ИМПЕР — императив

НЕПЕР — непереходный глагол

ОТР — отрицание

ПЕРЕХ — переходный глагол

ПРИЧ — причастие

ПРОШ — прошедшее время

ЭРГ — эргатив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бокарёв 1959 — Бокарёв А. Н. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М.: Издательство АН СССР, 1959. [Bokarev A. N. *Tsezskie (didoiskie) yazyki Dagestana* [Tsez (Dido) languages of Dagestan]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1959.]
- Гвоздев 1961 — Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М.: Наука, 1961. [Gvozdev A. N. *Voprosy izucheniya detskoï rechi* [Problems of child speech study]. Moscow: Nauka, 1961.]
- Имнайшвили 1963 — Имнайшвили Д. С. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршийским языками. Тбилиси: Академия наук Грузинской ССР, 1963. [Imnaishvili D. S. *Didoiskii yazyk v sravnenii s ginukhskim i khvarshiiskim yazykami* [The Dido language in comparison with the Hinukh and Khvarshin languages]. Tbilisi: Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1963.]
- Халилов 1999 — Халилов М. Ш. Цезско-русский словарь. М.: Academia, 1999. [Khalilov M. Sh. *Tsezskorusskii slovar'* [Tsez-Russian dictionary]. Moscow: Academia, 1999.]
- Comrie, Polinsky 1999 — Comrie B., Polinsky M. Some observations on class categorization in Tsez. *Studies in Caucasian linguistics: Selected papers of the Eighth Caucasian Colloquium*. Van den Berg H. (ed.). Leiden: Universiteit Leiden, 1999. Pp. 125—139.
- Gagliardi 2012 — Gagliardi A. *Input and intake in language acquisition*. Doct. dissertation. University of Maryland, 2012.
- Gagliardi, Lidz 2014 — Gagliardi A., Lidz J. Statistical insensitivity in the acquisition of Tsez noun classes. *Language*. Vol. 90. No. 1. Pp. 58—89.
- Karmiloff-Smith 1979 — Karmiloff-Smith A. *A functional approach to child language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- MacWhinney 1978 — MacWhinney B. The acquisition of morphophonology. *Monographs of the Society for research in child development*. 1978. Vol. 43. No. 1/2. Pp. 1—123.
- Mills 1985 — Mills A. E. The acquisition of German. *The crosslinguistic study of language acquisition*. Slobin D. I. (ed.). Vol. 1. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum, 1985. Pp. 141—254.
- Mills 1986 — Mills A. E. *The acquisition of gender: A study of English and German*. Berlin: Springer, 1986.
- Plaster et al. 2013 — Plaster K., Polinsky M., Harizanov B. Noun classes grow on trees: Noun classification in the North-East Caucasus. *Language typology and historical contingency: In honor of Johanna Nichols*. Bickel B., Grenoble L. A., Peterson D. A., Timberlake A. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 153—170.
- Rodina 1999 — Rodina Y. *Semantics and morphology: The acquisition of grammatical gender in Russian*. Doct. dissertation. Tromsø: University of Tromsø, 2009.
- Szagun et al. 2007 — Szagun G., Stumper B., Sondag N., Franik M. The acquisition of gender marking by young German-speaking children: Evidence for learning guided by phonological regularities. *Child Language*. 2007. Vol. 34. No. 3. Pp. 445—471.

Статья поступила в редакцию 07.09.2014.

К ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЯ МАРИЙСКОЙ ИГРЫ *МИТУЛИ*

© 2015 г. Мария Аркадьевна Ключева

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, 424000, Россия
keymachine@yandex.ru

Статья посвящена марийской игре *митули*, которая рассматривается в контексте игрового фольклора Урало-Поволжья. Название игры сопоставляется с соответствующей игровой лексикой в финно-угорских, тюркских языках и русских диалектах, что позволяет выявить его этимологию.

Ключевые слова: народные игры, марийские игры, финно-угорские языки, тюркские языки, русские диалекты, заимствования, субстрат, культура Урало-Поволжья

TOWARDS THE ETYMOLOGY OF A MARI GAME *MITULI*

Maria A. Klyucheva

Mari State University, Yoshkar-Ola, 424000, Russia
keymachine@yandex.ru

The article deals with a Mari game *mituli*, which is considered in context of Volga-Uralian game folklore. The name of this game is compared with related game terms in Finno-Ugric, Turkic languages and Russian dialects, and on this basis its etymology is revealed.

Keywords: folk games, Mari games, Finno-Ugric languages, Turkic languages, Russian dialects, borrowing, substrate, Volga-Uralian culture

Mituli — марийская народная подвижная игра с палками. Ее название — асемантическое слово в марийском языке, и для выяснения его этимологии в данном исследовании привлекаются сравнительные материалы с этнографическими описаниями игр народов Урало-Поволжья, данные диалектологических словарей, а также собственные записи автора, касающиеся марийского игрового фольклора и русской региональной игровой лексики.

Мы располагаем описаниями двух игр с названием *митули*, одним упоминанием об игре со сходным названием — *микули* и одним описанием игры *акули*. Все это игры с палками. Обе игры *митули* записаны в Волжском р-не Марий Эл (с. Помары и д. Малое Иваново). Приведем описание помарской игры *митули*.

На кол, вбитый в землю, нанизывается расщепленная деревяшка. Игроки с палками отходят на некоторое расстояние от кола и по очереди бьют в него палкой. Водящий стоит около кола. Если кто-то попадет по колу, насаженная на него деревяшка слетает с кола, а водящий старается поймать ее руками или картузом. Если сразу с лету не поймает, водящий бежит за этой деревяшечкой, чтобы поскорее усадить ее обратно на кол. Одновременно игрок, который попал в кол, бежит за своей палкой и при этом, не переводя духу, кричит: «Митули-и-и!». Как только деревяшка снова нацеплена водящим на кол, крик прекращается. Таким ходом и идет игра: как в игре *в клёк*, игроки бросают в кол свои палки и бегают за ними, а водящий устанавливает деревяшку на место. Водящий может отыгаться в двух случаях: 1) если поймает деревяшку с лету; 2) когда все игроки окажутся около своих брошенных палок и уже некому бить с начальной черты. Во втором случае водящий сам снимает деревяшку с кола и бросает ее в любую из лежащих палок. Тот, в чью палку он попадет деревяшкой, сменяет водящего, и игра продолжается [Ключева 2014: 182—183].

Таким образом, название игры происходит от голосянки¹ *Митули-и-и!*, которую, не переводя дыхания, кричат игроки во время бега за палкой.

Вторая игра *митули* (д. Малое Иваново) — без голосянки и отличается по действию. Это игра «с пятью колышками (палочками). Длина палочек — примерно 12 см, нижний конец заострен, поскольку колышки втыкаются в землю, на верхнем конце делается выемка — срез. На этом белом срезе химическим карандашом пишется “цена” палочки — 10, 50 очков и т. п. Колышки втыкаются в ряд, и игроки по очереди сбивают их палкой (как в клёке — с трех позиций: сначала с самой дальней, потом — со средней, потом — с ближней). Каждый игрок набирает очки в зависимости от цены палочек, которые он сбивает» [Там же: 183]. О третьей игре — *микули* — известно лишь то, что это командная игра типа чижа (Моркинский р-н Марий Эл, д. Большие Шали) [Там же].

Наиболее подробно описана игра *акули* (Горномарийский р-н, д. Юнга Кушерга), которая также является вариантом игры в чижа [HMG 2013]. В источнике (на горномарийском форуме) описание игры дано на горномарийском языке. Здесь приведем подстрочный перевод:

В сухом месте на земле палкой чертят четырехугольник — «дом» (стороны — около 50—70 см). Акули нужно положить в середине этого места. Игроки по считалке устанавливают очередность (марийские считалки были ведь — забыл, помогите вспомнить...). Первый играющий мальчик (давайте назовем его Волойки) лопаткой ударяет по острому концу акули: «Один!» — выкрикнет. После удара акули, конечно, подпрыгивает вверх. Потом подпрыгнувшую акули очень сильно отобьет лопаткой: «Два!» — выкрикнет. Акули подальше улетает... Если можешь хорошо бить — очень далеко улететь может. Второй мальчик (пусть будет Ондри) упавшую акули с земли поднимает и кидает, стараясь попасть внутрь «дома». Если акули ляжет внутрь дома — очередь меняется. Не забудьте — у Волойки два (счет два) «в кармане» уже есть... Если акули в «дом» не попадет — Волойки дальше играет. Для второго посмотрят, каким боком кверху лежит акули. Помните? Может быть от «одного» до «четырех». Ладно, давайте вместе посмотрим — видите? «Три!» — лежит боком, на котором вырезаны три бороздки. Волойки очень рад — может бить три раза, да если умеет, может сделать так, чтобы акули у него много раз подплясывала. Прямым концом лопатки по заостренному концу акули послабее ударил да безостановочно вверх подбивает и совсем не дает акули упасть на землю... «Три, четыре, пять, шесть, семь!» — считает удары. Ударяя, от дома подальше шаг за шагом старается отойти... Где-то пять метров уже удар за ударом в сторону отошел, да после неверного удара акули упала на землю. Но! Еще две очереди (попытки) ведь остались! Так дальше играет, и так же от его удара за ударом акули у него пляшет... «Двадцать, двадцать один, двадцать...» — до скольких-то досчитал — вдруг не попал, да акули упала на землю. От дома уже подальше отошел, но на этот раз наш Ондри бросил акули попрямее и в дом попал. Теперь его очередь заставлять плясать акули да удары считать... Так мальчики в Юнга Кушерге играли до ста, двухсот, трехсот... — до скольких играть между собой до игры договариваются... [HMG 2013].

¹ Понятие «голосянка» ввел в научный оборот Г. С. Виноградов, который таким образом обозначает определенный жанр детского фольклора: краткий стишок, последнее слово (слог) которого следует тянуть, пока не кончится дыхание, например: «Давайте, ребята, голосянку тянуть; кто не вытянет — того за волосы рва-а-а-ть...» [Виноградов 1998: 155]. То есть это своего рода голосовое упражнение. Но народная голосянка не обязательно включает в себя стишок — это может быть и одно слово, даже один звук, например: *И-и-и!* в костромской игре типа чижа [Всеславин 1863: 931]. Использование подобных голосянок внутри подвижной игры, причем во время бега, характерно для детского фольклора, и не только русского. Бег на выдохе как самостоятельная игра известен у нанайцев и нивхов, как игра в игре — у мордвы и тувинцев, как жеребьевка — у башкир. Причем у башкир кричат: *У-у-у...* [Шагапова 2008: 31]. В Средней Азии в подобных играх на бегу кричат: *З-з-з-з...* В СРНГ голосянкой, в частности, называется «упражнение деревенских мальчишек, кто дольше кого прокричит одну ногу, не переводя духу» (Нижегор., 1860) [СРНГ, 6: 329]. Мы считаем целесообразным называть выкрики в игре на одном дыхании именно «голосянками», т. е. трактовать этот термин несколько шире, чем было у Виноградова. Такое определение соответствует и реалиям бытования голосянок в детском игровом фольклоре, и самому народному значению слова «голосянка», отраженному в СРНГ.

Таким образом, в этой игре *акули* — название заостренной с двух сторон палочки (чижа).

На рисунке (который привел сам рассказчик в своем описании игры) видно, что четыре стороны *акули* помечались черточками (от одной до четырех), т. е. были неравнозначны, и для хода игры было важно, какой стороной упадет *акули* (как игральная кость). Голосянки в этой игре нет (по крайней мере, в имеющемся описании).

Далее отметим, что есть и мордовские игры типа чижа с аналогичными названиями: *куликисаи макули*, *макули* [Семакова 1999: 43—44], *кулик* [Брыжинский 2009: 40]. В игре *куликисаи макули* используется палочка, называемая *кулик*, концы которой срезаны под углом, и на каждой грани цифра: 1, 2, 3, 4 — т. е. совсем как черточки в марийской игре *акули*. В мордовской игре *макули* водящий игрок, когда прыгает на одной ножке за куликом, кричит: *Макули-и-и!* [Семакова 1999: 43—44]. В аналогичной мордовской игре *в чиже*, так же прыгая кричит проигравший [Таракина 1978: 132].

Таким образом, имеется ряд сходных марийских и мордовских игровых лексем: *митули́*, *микули́*, *акули́*, *макули́*, *кули́к*. Их этимология раскрывается через сопоставление со следующими голосянками в русских играх типа чижа: *Кули-и-и-ик!* (Акм. Казах.) [СРНГ, 16: 66], *На кули*, *кули-и-и!* (б. м.) [Терещенко 1848: 57], *Закули-и-и!* (Покр. Влад., 1901) [СРНГ, 10: 174]². Голосянки подобного рода характерны для русских игр в чижа в записях XIX в. Как правило, их исполняет проигравший или водящий игрок, когда бежит (или прыгает на одной ножке) за брошенной другим игроком палкой. Во время всего пробега нужно кричать, не переводя дыхания. *На-ку-ли́!* кричат также в следующей одноименной саратовской игре: «Как можно дальше бросается палка или камень, и во время бега к месту падения нараспев кричат *на-ку-ли*; если духу не хватит — проиграл» (Сарат., 1918) [СРНГ, 19: 356].

Марийские и мордовские названия игр с палками и самого предмета в этих играх (*макули*, *акули*, *микули*, *митули*) восходят к русской голосянке *На кули́!* Рассмотрим этимологию *кули* в этом выражении.

Грамматическая структура русской фразы *на кули́* (за *кули́*) указывает на то, что *кули* здесь — локативный термин, т. е. слово, означающее определенное место в игре (куда бегут или где предмет игры). Что же касается слов с фрагментом основы *кул-*, в русской терминологии игр с палками они являются в основном названиями предметов игры и действий с ними, а отсюда и названиями самих игр:

а) сбиваемый предмет: *кули́к* — одно из названий игры в чижа (Нижегор., Новосиб., Акм. Казах., Соль-Илецк.) [СРНГ, 16: 66], то же *кулики* (Ряз.) [Сёмин 2012: 293]; *кули́к* — деревянный мяч, по которому бьют палкой (Новосиб.) [СРНГ, 6: 125]; *кульёк* — детская игра, при которой с силой выбивают палкой шар из круга (Новосиб.) [СРНГ, 16: 56]; *куль* — шар, чурка в игре *козиный рог* типа хоккея (Могил.) [Романов 1912: 580]; *куль*, *кулик* — варианты названия игры типа пыжа³ (Харьк.) [Иванов 1889: 22]⁴;

² Ср. также *куликать* ‘громко разговаривать, кричать’ (Калин.) [СРНГ, 16: 67].

³ Играми типа пыжа, следуя за терминологией В. Н. Всеволодского-Гернгросса [Всеволодский-Гернгросс 1933: 497], мы называем род игр, в которых, как в городках, игроки сбивают палками чурку или деревянный шар, но при этом имеется водящий, который караулит сбиваемый предмет, ставит его на место и старается определенным образом подловить игроков, чтобы передать свою роль другому.

⁴ Там же *куль* — удар в игре *крам* с мотивом воровства (за каждую из уворованных вещей — по удару в наказание) (Харьк.) [Иванов 1889: 43].

б) бита, палка: *куля* — игральная бабка, налитая свинцом (Перм.) [СРНГ, 16: 77], т. е. это кость-бита, которой сбивают другие кости; *кулик* — палка, которой бьют («галяют») по мячу (Новосиб.) [Там же: 66]; *кулика́лка* — палка, которой бьют в игре по мячу, шару (Яросл.) [ЯОС, 5: 104]; *куликалка* — палка, которую бросают «колесом» (Волог.) [Иваницкий 1890: 157]; *кулиса́лка* — палка, которой бьют по мячу, шару (Волог., Арх., Яросл.) [СРНГ, 16: 68];

в) действия с палкой: *кулика́нье* — бросание палки, чтобы она шла «колесом», *выкуликивать* — бросать таким образом палку (Волог.) [Иваницкий 1890: 157]; *кулика́ть* — то же (Буйск. Костром.) [СРНГ, 16: 67], (Яросл.) [ЯОС, 5: 106]; *кулика́ть* — играть в игру, при которой круглый чурбан катают палками от одного играющего к другому (Верхожан. Якут.) [СРНГ, 16: 67].

Названия игр с фрагментом основы *кур-*, которая, возможно, является вариантом к *кул-*: *ку́рка* — то же, что и чиж (Моск.) [СРНГ, 16: 130]; *курком* — ‘шаром’, игра типа пыжа (Олон.) [Петров, Репников 1890: 9], *курок* здесь ‘шар’; в *курок* — игра [какая?] (Яросл.) [ЯОС, 2: 43].

Ср. также *корела*, *корелка* ‘чурка величиной с рюху’, которую сбивают палками в одноименной игре типа пыжа (Олон.) [Покровский 1895: 311—312].

В системе русской игровой лексики термин *кулик* может восприниматься как «птичий» синоним к *чижу* — другому наиболее распространенному и характерному названию палочки, с которой происходит игра. Однако свести этимологию приведенных лексем к названию птицы представляется упрощением. Игровые значения лексемы *кулик* и прочие смежные игровые лексемы, приведенные выше, не упоминаются ни в ЭССЯ (см. *kulikъ [ЭССЯ, 13: 96—97] и следующие этимологии), ни в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (см. «Кулик» [СД: 40], «Курица» [Там же: 60—68]). Лексема *кулик* в игре носит и звукоподражательный характер (удар палки о палку). Картина еще более усложнится, если привлечь сравнительные материалы по названию этой игры у неславянских народов. Например, чеченское название игры в чижа — *кул* (*куьлла*) [Кенеман, Осокина 1988: 86], что значит ‘альчик, бабка’, поскольку в эти игры первоначально играли именно с костью (чечен. *ghulǵ*, ингуш. *gholǵ* ‘альчик, бабка’, абаз. *qual* ‘бабка’, осет. И *qul*, осет. Д *gola* ‘бабка, лодыжка’ и др. [Дыбо 1993: 14]). Приведенные выше русские лексемы с фрагментом основы *кул-* могут быть гетерогенными, в том числе среди них могут быть и кавказские заимствования. Вместе с тем ареал русских лексем с фрагментом *кул-* (Олон., Волог., Арх., Яросл., Моск., Ряз., Костром., Перм.) и голосянки *на/за кули* (Сарат., Влад.) в целом примыкает к марийскому и мордовским землям (в том числе это и так называемые исторические мерянские земли), поэтому логично начать анализ этимологии локативного *кули* с рассмотрения сходной игровой лексики в языках Поволжья.

В первую очередь обратим внимание на марийскую игру *кула́й* ‘прятки’ [Китиков 1993: 57]. Название этой игры происходит от приговорки, которую произносит водящий, когда «чурает» на коне (главном месте игры) найденных игроков. Ударяя рукой или палкой по кону, он говорит: (*Эчан*)⁵, *кулай!* [Там же], *Кулай-кулай!* или *Кулай-кулай, (Маша)!* [Ключева 2014: 82]. В настоящее время чурание *кулай* бытует в игре в прятки в восточных и северных районах Марий Эл (Сернурском, Новотурьяльском, Мари-Турекском, Параньгинском, Моркинском, Куженерском), а также в граничащем с Марий Эл Уржумском районе Кировской области (марийская деревня Ешпаево); в Моркинском районе (д. Чодраял) при чурании могут говорить: *Кула́-кула́* [Там же]. При этом сама игра называется *кула́й-кула́й*, *кула́йка*, *кула́йки* либо просто прятки⁶. *Кула́ем* [Казанцев 1980: 111], *кула́йкой* [Ключева 2014: 85] называется также палка, которой бьют по кону в этой игре.

⁵ *Эчан* — марийский вариант имени Александр; здесь имя найденного, которого чурает водящий.

⁶ По нашим последним пока не опубликованным данным чурание *кулай* бытует и в Оршанском районе Марий Эл. Любопытный вариант чурания бытовал в 1970-е гг. в п. Параньга Марий Эл: *Кулай-кулай, кут-кут* (метатеза *тук-тук* или редуцированный вариант марийского звукоподражания *күлт-күлт*) [Ключева 2014: 83].

Вместе с тем чурание *Кулай! Кулай! Кулай!* используется в игре *харанючки* типа прятков в Рязанской области (с. Дубровичи) [Сёмин 2012: 293]. А по данным XIX — начала XX в., *кулай* как название прятков было известно еще в некоторых русских областях, смежных с марийскими землями: Вятской [Покровский 1895: 113], Нижегородской (Вачский, Выксунский р-ны) [Девицын 1991: 273], Ярославской (Пошехоно-Володарский р-н) [СРНГ, 16: 51]. В вятской игре (прятки с палочкой) звучали приговорки: *Кулай-кулай, палочка пришла, крадена пришла* и *Кулай-кулай, палочка, кулай-кулай, крадена* [Покровский 1895: 114]. Слово *кулай* в ярославской игре фиксируется и как персонажный термин (название игрока) — ‘водящий при игре в кулай’ [ЯОС, 5: 104]⁷. Чурание *Кул-кулá, чур за себя!* используется в игре *кули́чки, кули́кушки* типа прятков в Оренбурге [Ключева 2014: 82]. А по сведениям, любезно предоставленным нам Г. И. Романием⁸, слово *кулайка* зафиксировано и в локативном значении: «То, обо что надо было стучать, называлось *кулайка*, и говорили мы при этом *Кула-кула я!*» [LJ 2002]⁹. В Марий Эл термин *кулайка* в таком же локативном значении употребляется в п. Новый Торъял. Интересно также наблюдение Г. И. Романия, что аналогичная игра *кулай-кулай* обозначена как *удмуртская народная* на сайте школы д. Светозарево Слободского района Кировской области [Svetozarevo 2011].

Кулай в марийском языке, как и в русском (и в удмуртском), является асемантическим словом. Относительно его этимологии высказаны некоторые гипотезы (все в работах финно-угроведов). В частности, Ф. И. Гордеев сопоставляет мар. *кулай* ‘игра в прятки (с палочкой)’ с осет. *кулáй* ‘бабка для игры’ и относит, таким образом, его к иранизмам в марийском [Гордеев 1970: 13]. Эту гипотезу поддержали Д. Е. Казанцев [Казанцев 1980: 111; 1986: 68] и И. С. Галкин [Галкин 1988: 52] несмотря на то, что сам Гордеев впоследствии от нее отказался, определив *кулай* в марийских прятках как русское заимствование [Гордеев 1982: 92; 1985: 33]. Гордеев предлагает следующую этимологию: *кулай* образуется с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-ай* от русск. диал. *гула* ‘шишка, нарост на корнях’ [Гордеев 1985: 33]. Таким образом, если раскрыть мысль Гордеева, *кулай* примыкает к гнезду праславянских слов, которые восходят к и.-е. **geu-l*, ср. др.-инд. *gola* ‘шар, ком’ [ЭССЯ, 7: 170]. Отметим, что и В. И. Абаев сопоставляет осет. *qúl, gólæ* ‘бабка для игры, альчик’ с др.-инд. *gola-* ‘шар’ [Абаев 1965: 20]. Отсюда Гордеев приходит к выводу, что соответствие марийского и осетинского слов имеет вторичный характер. В целом эта этимология русского *кулай* Гордеева сомнительна, поскольку между игровой лексемой *кулай* и словом *гула* ‘шишка’ (этого слова, кстати, нет в СРНГ) не прослеживается семантической связи. С другой стороны, В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев под вопросом сопоставляют мар. *кулай* с коми *галö* ‘черта, кон (в игре в прятки)’ [Лыткин, Гуляев 1999: 74]. Этимология коми *галö* у Лыткина и Гуляева не приводится, под вопросом дается сопоставление с русск. диал. *гало* ‘снаряд для гнутья дуг, ободьев и полозьев: в сплоченных брусках вырублен круг’ и *гало* ‘оптическое явление в виде цветного и блестящего круга около солнца, луны или планеты’ [Там же]. При этом о лексемах с основой *гал-* в русских прятках Лыткин и Гуляев не упоминают¹⁰. Еще одна версия этимологии *кулай* принадлежит В. А. Девицыну, который связывает нижегородское *кулай* с морд. *куломс* ‘умирать’ [Девицын 1991: 273]. Наконец, интересна своей уникальностью фиксация слова *кулай* в марийской сказке: «В одной черемисской сказке пред окном черемисина, чтобы он дал овцу, волк поет: “Кулай-кулай — Пектулай!”» [Семенов 1887: 228].

⁷ Ср. также в *курýль-курýль* — игра [какая?] (Яросл.) [ЯОС, 2: 43].

⁸ Глеб Иванович Романий — лингвист, специализируется на изучении ареалов игровых лексем по данным Интернета, и мы благодарны ему за указание на этот и некоторые другие источники.

⁹ Место бытования последнего термина и чурания в прятках надежно не установлено. Информант из Зеленограда Московской области, но сомнительно, что там же прошло его детство. Известно также, что по крайней мере одна бабушка сообщившего о «кулайке» была татаркой.

¹⁰ Заметим, что лексема *галö* встречается даже в коми считалках, например: *Галö-балö / Гут куталö / Нянь сеталö / Бөр босьталö / Кодлы кило / Кодлы сто / Медмичалы / Кык кило* ‘Галö-балö / Мух ловит / Хлеб отдает / Обратнo принимает / Кому кило / Кому сто / Самой красивой / Два кило’ [Рассыхаев 2007: 70].

Т. Семенов приводит эту краткую ссылку на сказку в статье «К вопросу о родстве и связи мери с черемисами» в связи с этимологией названия марийской деревни Кулаево в Уфимской губернии, сопоставляя также с мар. *кула* ‘саврасый’, ‘русый’. Заметим, что *Кулай* — это еще и собственное имя, татар. ‘годный, сподручный’ от *кул* ‘рука’; а в чувашском фиксируется диал. *кулай* ‘название птицы, питающейся падалью’ [Ашмарин 1928—1950, 6: 274].

Из этих версий этимологии мар. *кулай* достаточно убедительным представляется сопоставление с осетинским словом, поскольку у чувашей есть игровой термин *калай* ‘деревянный шар или камень в игре’ [Ашмарин 1928—1950, 7: 109—110], вполне соотносимый с осет. *кулъй* ‘бабка для игры’ и фонетически, и по смыслу¹¹. Судя по всему, в этой чувашской игре деревянный шар, который гоняют палками, заменил первоначальную кость, и аналогичная игра с тем же названием была у мари, поскольку марийская и чувашская игровая лексика в значительной степени общая. Далее *кулай* уже в производном значении ‘деревяшка’ > ‘палка’ попадает в игру в прятки с палочкой. Однако *кулай*, в соответствии с осетинской этимологией Гордеева, является названием предмета, тогда как в выражении *на кули*, как мы предположили, содержится указание на место. Практически исключено, чтобы в системе народной игровой терминологии предметный термин приобрел производное локативное значение, тогда как обратный процесс (переход названия по смежности с локуса на предмет) вполне обычен. Ср. *городок* как место в игре > *городок* как чурочка, которая там устанавливается. Так что продолжим поиск локативного *кули* в игровой лексике соседних с мари народов (в марийской игровой лексике ничего похожего на *кули* больше не обнаруживается).

Главное внимание следует уделить играм, типологически родственными чижу и пыжу (каковыми являются игры *митули*, *микули* и т. п.), т. е. играм с палками: это городки и игры с деревянным шаром, который игроки загоняют палками в лунку. И действительно, в Поволжье обнаруживается локативный игровой термин — чуваш. *хула* (*хола*) ‘город’ в игре *хулалла*, *холалла* ‘в город’ (Ядринский р-н Чувашии) [Ашмарин 1928—1950, 16: 148]. Это игра «в чушки», как сформулировано у Н. И. Ашмарина, т. е. что-то вроде городков.

«Город» — вполне стандартный локативный термин в подвижных играх по всей Евразии. В аналогичных русских играх весь круг, в котором происходит игра, «с дуками и дучками» (т. е. лунками) называется «городом» (Кубан.) [Покровский 1895: 276], (Моск., Симб., Астрах., Терск.) [Там же: 275—278]. «Городом» в русских играх также называют центральное место (кон) в прятках; «домик» в догонялках; два противоположных края игрового пространства в лапте, между которыми игроки совершают перебежку; место, в котором стоят вышибаемые мячом игроки; место, с которого сбивают кости, чурочки, палочки в играх типа пыжа, чижа, городков и т. д. О широком функционировании лексемы *город* в русских подвижных играх с примерами лексем см. [Ключева 2012: 43—44].

Аналогично и в игровом фольклоре народов Урало-Поволжья.

Что касается чувашской лексемы, означающей ‘город’, форма *хули* (с конечной *-и*, что является формой принадлежности 3-го лица) присутствует, например, в чувашском названии Санкт-Петербурга — *Петёр хули* [Ашмарин 1928—1950, 9: 171], Царевококшайска (Йошкар-Олы) — *Чар хули* [Там же, 15: 149]. Чуваш. *хула*, *хола* ‘город’ соотносится с *кала* ‘город’ в тюркских языках (другие значения ‘крепость, укрепление’, ‘деревня’). Отсюда же татар. *кала* и башк. *қала* ‘город’, татар. *кальга* ‘крепость’, а в финно-угорских языках мар. Г *хала*, мар. Л *ола*, *ала*, *кала*, удм. диал. *кала*. Тюркские лексемы восходят к араб. *қал* ‘а’ ‘крепость’ [Ахметьянов 1988: 111]. Подробнее об этимологии этих лексем см. также [Федотов 1996, 2: 354; Добродомов 2008: 200].

Татарское соответствие чувашскому *хула* — *кала* ‘город’, и эта лексема также встречается в подвижных играх как обозначение определенного места:

¹¹ Заметим также, что кавказский по происхождению игровой термин *клёк*, родственный рассматриваемому осетинскому слову [Дыбо 1993: 14], широко распространен в Поволжье, в том числе в Мордовии и Марий Эл [Ключева 2014: 165].

1) в городках; отсюда одно из татарских названий игры в городки — *кала* [РТС: 203];

2) в игре типа царь горы *кала алу* ‘взятие города’ [Ягафаров 2002: 102]. Ей соответствует башкирская игра *уди кала* ‘то же’ (северо-западные районы Башкирии) [Шагапова 2008: 86]¹². В этих играх, происходящих на возвышении (обычно зимой на горке из снега), все толкаются, стараясь занять вершину. Вероятно, того же типа чувашская игра *хула илмелле* ‘взятие города’ (в словаре приведено только название игры без ее описания) (Буинский уезд Симб.) [Ашмарин 1928—1950, 16: 147]¹³.

Лексема *кала* ‘город’ обнаруживается и в аналогичных марийских играх:

1) мар. В (калтасинское) *калá тоя́* ‘биток в игре в городки’, где *тоя́* ‘палка’, *кала* < татар. *кала* ‘город, городок’ [Исанбаев 1994: 64];

2) мар. Г *Я сам халамёр* — название игры типа царь горы и выкрик в этой игре [Ключева 2014: 215].

В последней игре *хала* — мар. Г ‘город’, *хала-мер* — ‘города мэр’, по предположению информанта (1948 г. р.)¹⁴. Приговорку *Я сам халамер!* кричит игрок, который занимает вершину горки. Ей в точности соответствует русская приговорка *Шии с городу долой, я сам городовой!* в аналогичной нижегородской игре [Кудрявцев 1871: 180].

В Пермской губернии эта игра называлась *силен-волен на городу стоять* [Всеволодский-Гернгросс 1933: 127], во Владимирской — *баба* (тот, кто стоит наверху, кричит: *Баба-баба!*) [Покровский 1895: 364]. Смежные игры типа взятия снежного городка — *городок* (Тул., Пенз., Симб., Енис., Сиб.), *город* (Воткин. Вят.), *масленичный город* (Тюмен.) [Всеволодский-Гернгросс 1933: 126].

У русских была распространена специфическая разновидность этой игры (интересная в плане лексики), в которой водящий стоит отдельно на возвышении (это место обычно называется «городом») и ведет диалог с остальными игроками, вызывая одного из них к себе. Вызванный бежит или прыгает на одной ножке к водящему, а остальные игроки при этом бьют его кулаками. Начальный диалог отражает эти специфические действия, например:

— *Еги-бабе!* — *Чего, дядя?* — *Придай руки!* — *На чьи боки?* (Волог.) [Иваницкий 1890: 161];

— *Оловень!* — *Чего, сударь?* — *Поднимай кулаки!* — *На чьи боки?* (Олон.) [Там же: 161];

— *Колика-баба!* — *Наши дядя.* — *Нажимай кулаки.* — *На чьи боки?* (Вят.) [Покровский 1895: 139]; аналогично (Влад., Вят.) [СРНГ, 14: 134];

— *Канадалы!* — *Скованы.* — *Раскуй.* — *Кого?* — *Насыкай кулак.* — *На чьи боки?* — *На такого-то* [Терещенко 1848: 57], аналогично *кáндалы* и *кандалы́* (Твер., Симб., Тул., Урал) [СРНГ, 13: 38], *кóндалы* (Влад.) [СРНГ, 14: 246].

Другие названия этой воинственной мальчишечьей игры: *карин-баба* (Вят.) [Покровский 1895: 139], *кошка-баба*¹⁵ (Вят.) [Пономарев 1991: 19]. По-видимому, того же рода игра *калин-баба* (Свердл., 1971) [СРНГ, 12: 355]¹⁶. Определенную модификацию этой игры составляет

¹² В башкирском названии игры, согласно примечанию Г. Р. Шагаповой, «*уди*, вероятно, *уйди* с русского языка, т. е. название можно понимать как ‘уйди с горы’. Но вполне возможно провести и связь с монгольским словом *удэ*, корень которого имеет значение ‘руководить’» [Шагапова 2008: 86]. Понимание «уйди с города» в точности соответствует одному из русских названий этой игры — *с города долой* (Нижегор.) [Кудрявцев 1871: 180]. Другие башкирские названия этой игры — *батша* ‘царь’, *тау батшаһы* ‘царь горы’ [Шагапова 2008: 86].

¹³ Ср. *кулики* ‘снежные заносы’ (Ленингр.) [СРНГ, 16: 67].

¹⁴ *Мер* здесь можно иначе интерпретировать как мар. СЗ *мáр(ы)* (~ мар. Г *мáры*, мар. Л *марй*), т. е. ‘человек, мужчина, муж’ (слово, являющееся и марийским автоэтнонимом). То есть *хала-мер* — это букв. ‘города человек (муж)’, видимо, в значении ‘хозяин города’, ‘городовой’.

¹⁵ *Кошка-баба* — здесь не исключена ошибка в публикации, которая могла произойти при чтении рукописной записи: *колика* > *кошка*.

¹⁶ Ср. также *бабка-голанка* — детская игра [какая?] (Новг.) [СРНГ, 2: 21].

игра *кололом*, в которой водящий прыгает на одной ножке, а остальные бьют его кулаками (Енис.) [СРНГ, 14: 178]. Известен и удмуртский вариант этой игры с вызовом *Кыкымызы*. По действию эта игра мягче, поскольку играют девушки. Вызванная девушка бежит до намеченной черты, а противники должны ее поймать [Долганова, Морозов 2002: 69]¹⁷. Во владимирской игре *колокол* водящий прорывается из круга, а остальные его ловят [Покровский 1895: 139]. (Как отмечалось выше, во Владимирской губернии известна и игра *колика-баба*. То есть две владимирские игры — *колика-баба* и *кололом* — близки по действию и схожи по названию, что весьма характерно для системы народных наименований игр.)

К настоящему времени игры с вызовом, в которых бьют друг друга кулаками, давно вышли из употребления, но зачин с вызовом сохраняется в играх типа цепи разрывные. В них игроки одной команды вызывают кого-нибудь из команды противников (происходит диалог между командами) и вызванный бежит, пытаясь прорвать цепочку игроков-противников. Пример диалога между командами: *Клумбаба! — Починяю рукава! — На чьи бока? — На пятом-десятом на (Диме) горбатом* (Киров) [Ключева 2014: 218]. Встречаются следующие названия этой игры (от начальных слов приговорки-вызова): *калим-бамба*, *калим-баба* (Нижний Новгород), *али-баба* (СПб., Нижний Новгород, Тверь)¹⁸. У финно-угров Урало-Поволжья то же: *скалонь бомба* (у мордвы)¹⁹ [Там же], *колумбамба* (у удмуртов) [Долганова, Морозов 2002: 161].

А в аналогичной марийской игре зачин иной — *Кырген-кырген, татарин!* (вариант *Йерген-йерген татарин, Киргин-киргин татарин*) [Там же]. Здесь *кырген* воспринимается как восходящий к мар. *каргым(е)* ‘проклятый’ или *карген* ‘проклинаю’ (хотя нет уверенности, что это первоначальный смысл), т. е. *Кырген-кырген, татарин* — что-то вроде ‘Проклятый-проклятый татарин!’²⁰ Сопоставляя этот марийский зачин с *Карин-баба* и под., устанавливаем соответствие элементов: <...>-*татарин* — <...>-*баба*. И это наталкивает на мысль, что *-баба* в русских зачинах является указанием не на некую бабу-женщину, а на мужчину — т а т а р и н а-«бабая». Этому соответствует и ареал распространения игры, и сам воинственный, мужской ее характер. Неслучайно В. Н. Всеволодский-Гернгросс в своем большом сборнике помещает описания подобных игр в тематический раздел «Война». Такая интерпретация значения *баба* подтверждается структурой приведенных выше зачинов: *Колика-баба! — Наш дядя* (Вят.), *Еги-бабе! — Чего, дядя?* (Волог.), в которых вторая реплика представляется частичным переводом первой с соответствием элементов <...>-*баба* — <...>-*дядя*.

Очень любопытны удмуртские вариации зачина в игре типа цепи разрывные следующего рода: *Былин, Блин та-та, Блинта-тутай, Минта-тутай, Минто-тутто* (Глазовский р-н Удмуртии) [Долганова, Морозов 2002: 161]. *Б(ы)лин*, возможно, от *калін* (цепочка *калін* > (*калін)-*малин* > *балин) > *былін* > *блин*; *блин* (или *малин*) > *млин > *мин*). Второй элемент этих удмуртских зачинов — *татай* и *тутай* — удм. ‘старшая сестра’, т. е. хотя и термин родства, но с иным значением, чем *баба*. Вместе с тем марийские фонетические соответствия удмуртскому *тата* и *тутай* — мар. *СЗ т’ут’а* [Иванов, Тужаров 1971: 241],

¹⁷ Аналогичные игры, в которых вызванный игрок бежит до определенного места, а противники его ловят (а не лупят кулаками), бытовали и у русских, например владимирская игра *сало* [Покровский 1895: 106].

¹⁸ Примеры игровых диалогов в этой игре (варианты из СПб.): а) *Алибаба, гони рукава. — С какого бока? — С правого края (Маишу) сюда!*; б) *Алибаба. — О чем слуга? — Тяни рукава. — Не готов пока. — Слева-направо (Мочалову) нам надо!*; в) *Алибаба. — О чем слуга? — Пятого-десятого (Катю) нам сюда* [Ключева 2014: 218].

¹⁹ *Скалонь бомба на лужочки; Пятого-десятого, иди Леночка ко мне! Скалонь* здесь — ‘коровья’ (морд.) [Ключева 2014: 218].

²⁰ Этимология элемента *кырген* (*киргин* / *йерген*) в марийском зачине заслуживает отдельного анализа (который мы оставляем за рамками данной статьи), поскольку необходимо его сопоставление с другими зачинами, бытующими в играх такого типа в Урало-Поволжье у русских, удмуртов, татар: *Карин, Кингера, Кемера, Кенерам, Кин ярам, Камыр* и т. п.

мар. Г *тб́отя* [МРС, 7: 430], мар. Л *чача́й, чочо́* [МРС, 8: 334, 410] означают именно **дедушку**²¹. Ср. значение русск. диал. *тятя*, наряду с 'отец', тоже именно 'дедушка' (Некоузский р-н Ярослав.) [ЯОС, 9: 126]. Зачин *Блин-тата* в игре типа цепи разрывные фиксируется также у русских в г. Слободской Кировской области и в Вологодской области (д. Ваулиха и Арбузиха Харовского р-на)²². Таким образом, *тата* в данных приговорах является, по-видимому, термином родства. Русск. диал. *тата* 'отец' фиксируется в Вологодской и, шире, в северных областях [СРНГ, 43: 302]. Это слово является фонетическим вариантом *тятя* 'отец, дед' и соответствием (по крайней мере на уровне рассматриваемых приговорок) к *баба* 'дед'. (Заметим, что Харовский район (где *Блин-тата*) и Некоузский (где *тятя* 'дедушка') близки географически.)²³

Определив элемент зачина *баба* в рассмотренных выше играх как тюркизм (*баба* 'дядя, дед'), мы имеем основание с этой же точки зрения рассмотреть и начальную часть зачина. Хотя она и подвержена существенным изменениям (*колика, калин, б(ы)лин, карин, али, оловень (?)*, *скалонь, колум, клум, колотом, колокол*), опираясь на сюжетный смысл игры (взятие / защита города), достаточно уверенно можно разглядеть здесь фонетические варианты исходной основы *кол-* (*кал-*). Ср. чуваш. *хола*, мар. *ола*, татар. *кала* 'город'. Итак, первый элемент зачина, видимо, переводится как 'город', а оба элемента вместе — 'города дядя (дед, отец)', т. е. '**городовой**'. Тот, кто находится на вершине горы в игре, — *городовой*, что соотносится и с приведенным выше анализом мар. Г *я сам халамер*²⁴.

Итак, лексема «город» (*кала* и варианты) достаточно представительна в игровой лексике Урало-Поволжья (включая русскую).

Исходя из этого, выдвинем гипотезу, что локативное *кули* в играх с палками (от которого происходят голюсы *«за кули»*, *«на кули»*) и названия игр *микули, акули, макули, митули*), по происхождению может быть булгаризмом (модификацией чуваш. *хула (хули)* 'город' > *кули*)²⁵.

Приговорка с зачином типа *Колика-баба (Кулю-баба)* была в XIX в. очень популярна практически по всей России, распространилась и на другие игры и жанры детского фольклора. Пример русской считалки с подобным зачином:

²¹ «Мерцание» пола является достаточно обычным для терминов родства, тем более в контактных зонах. Ср. мар. *павай* (< тюрк. *бабай* 'дедушка') означает дядю (старшего брата отца) в восточном наречии марийского языка, но бабушку в волжском говоре лугового наречия (в горномарийском аналогично *папа* 'бабушка').

²² По данным Г. И. Романия, в личном сообщении.

²³ Приведенные данные по удмуртским и русским зачинам с элементом *тата* заставляют внимательнее присмотреться к мар. *Кырген-кырген (Йерген-йерген / Киргин-киргин)*, *татарин*. Скорее всего, элемент *татарин* здесь вторичный, производный от *тата*, тем более что обычное марийское слово для обозначения татарина — *суас*, а не *татарин*. Нарращение *-рин (тата > татарин)* может объясняться рифмовкой с начальным *киргин*. Заметим, что в деревне, где записан зачин *Кырген-кырген, татарин*, дедушек называют диал. *чачай* (ср. *тата*). Кроме того, мар. *Кырген-кырген, татарин* сопоставимо с чувашскими зачинами *Тетерина, тетерина* и *Чечче, чечче, чеччерина* в аналогичных играх типа цепи разрывные [Лаврентьева, Яковлева 2012: 17, 20], притом чуваш. *тете* означает 'старший брат', 'дядя' (обращение к старшему по возрасту мужчине) [Федотов 1996, 2: 209].

²⁴ В вятском *карин-баба* переход *л > р* можно объяснить (помимо простого ротацизма) давлением пермско-финской лексики. В коми и удмуртском языках город — *кар* (< ф.-п. *kar 'городище, укрепленное место' [Лыткин, Гуляев 1999: 117]). У коми игра в городки называется *кар* [Там же], *карьясьом* [Рассыхаев 2007: 42]. Таким образом, в этом регионе *кар* соответствует распространенному несколько южнее *кала*, в том числе и в игровой лексике. Возможно, *карин-баба* — тот же 'городовой' (?). Ср. также название населенного пункта в Вятской губернии — татарского села Карино. По предположению финно-угроведа В. В. Напольских (в качестве примечания к нашим тезисам), *карин-баба* — 'каринский дед' [Ключева 2013: 151].

²⁵ Ср. также выражение *у черта на куличках*, что в приведенном контексте можно интерпретировать как 'в чертовом городе'. А также см. *кулига* 'поле, лес, поляна, луг, болото, огород' и т. д. — 29 (!) локативных значений этого слова приведены в СРНГ [СРНГ, 16: 60—63].

*Кулю, кулю, кушки —
Четыре лягушки,
Пятый карнатый,
Шостый бесхвостый*

(переселенческий участок Малой Иркут.) [Виноградов 1998: 306].

У удмуртов приговорку *Куки-бабы* произносили, когда качали на ноге ребенка:

*Куки-бабы, куки-бабы!
Оялы — нянь, войынь нянь!
Лёшкалы — скал сйть.
Уп-па, уп-па!*

*‘Куки-бабы, куки-бабы!
Оле — хлеб, с маслом хлеб,
Алёшке — коровья лепешка
Уп-па, уп-па!’*

[Долганова, Морозов 2002: 175—176].

У коми сигнал *Коклоюка!* используется в игре типа третий лишний (правда, не аутентичной, а придуманной на народном материале работниками культуры). В этой игре все танцуют под музыку, а как только водящий громко крикнет: *Коклоюка!*, должны образовать пары [Рассыхаев 2007: 57]. *Коклоюка* в коми языке понимается как ‘кочерга’ (< русск. *кокляха* ‘палочка с утолщенным концом для намотки ниток и плетения’ [Лыткин, Гуляев 1999: 129]), но кочерга в игре не используется, и смысл игры с кочергой не связан. Сигнал *Коклоюка!*, вероятно, взят из какой-то другой игры, возможно, из подобной русской игры *колика-баба*. У коми еще, по крайней мере, в 1980-е гг. бытовала игра *гöра босьтöмьсь* ‘взятие горы’²⁶, но нет данных о том, чтобы в этой игре использовались интересующие нас формульные сигналы.

Наибольшее распространение приговорка *кулю-баба* получила у русских в XIX в. в играх в прятки, образовав целое гнездо производной игровой терминологии. Покажем эту лексику с фрагментом основы *кул-*:

А) Названия игр:

— прятки: *кулю́ки* (Брян.) [СРНГ, 16: 76]; *кулю́кушки* (Витеб.) [Никифоровский 1897: 26—27], (Могил.) [Романов 1912: 561], (Урал) [СРНГ, 16: 76], (Самара, Волгоград, Оренбург, Кувандык, Медногорск, Харабали (Астрах.), Уральск, Шымкент, Чирчик (Узбекистан)) [ГД]; *кули́чки* (Сарат.: «Дед-мордвин говаривал кули́чки») [Ключева 2014: 77, 347]; *кулю́чки* (Твер., Тул., Симб.) [Сахаров 2000: 139; Покровский 1895: 112; Всеволодский-Гернгросс 1933: 436—437], (Дон., Терск., Кубан., Ворон., Калуж., Тул., Челябин., Тамб., Орл., Саратов., Ульянов., Моск., Пенз.) [СРНГ, 16: 77], (Грозный, Урюпинск, Ставрополь) [ГД]; *кулика́шки* (Ташкент) [Ключева 2014: 77], (Узбекистан, север Таджикистана) [ГД];

— жмурки: *кулюкушки* или *кулючки* (Пенз.) [Терещенко 1848: 31—32], (Моск.) [Всеволодский-Гернгросс 1933: 394]; *кулючки* (Дон., Тамб., Орл., Саратов., Ульянов., Моск., Пенз.) [СРНГ, 16: 77], (казацкие станицы на Кавказе) [Покровский 1895: 204]; *покулю́чка*, *покулю́чки* (Вешен. Рост., Вешен. Дон., 1975) [СРНГ, 29: 22];

— то же, что и гулючки [прятки или жмурки?]: *кулючки* (Симб., Курск., 1852) [СРНГ, 16: 77];

— ? *куликалка* (Волог.) — игра с палкой, которая тоже называется *куликалкой* [какая игра? прятки с палочкой?] [Там же: 66].

Ср. также *кулики* (Черниг.) — игра типа догонялок-горшков [Покровский 1895: 109]. Догонялки — ближайшая к пряткам и жмуркам разновидность игр преследования (игр с водящим), и названия одних игр могут переходить на похожие, смежные.

Б) Названия действий:

— водить в прятках: *кулика́ть* ‘водить в детской игре в прятки’ (Терск., Кубан., Нижнеол. Пенз., Перм., Том.) [СРНГ, 16: 67]; *кулю́кать* (Ворон., Курск., Челябин., Сиб.) [Там же: 76];

²⁶ По данным коми фольклориста А. Н. Рассыхаева (в личном сообщении).

кулю́чить (Терск., Кубан., Дон., Ставроп., Курск., Челяб.) [Там же: 77], (Грозный) [ГД]; *кулекать* (Симб.) [Там же: 56]; *кулі́чить* (Узбекистан, север Таджикистана) [ГД];

— отдельное действие водящего в прятках: *кулю́кать* ‘дожидаясь, пока играющие спрячутся, произносить с закрытыми глазами определенные слова’: «Один, пока другие спрячутся, закрыв глаза, кулюкает так: — *Кулю, кулю баба, на выколи глаза; глаз поспел, коврижку съел*» (Обоян. Курск.) [СРНГ, 16: 76]; *кулюковать* ‘то же’ (Могил.) [Романов 1912: 561, 564];

— прятаться в игре в прятки: *кулю́кать* (Симб.) [СРНГ, 16: 76];

— играть в прятки: *кулю́кать* (Обоян. Курск.) [Там же].

В) Названия водящего в прятках: *кулюкуванник* (Могил.) [Романов 1912: 561, 564]; *кулеканица* (Корсун. Симб.) [СРНГ, 16: 56] и др.

Приведенные выше лексемы с фрагментом основы *кул-* вполне гомогенны. Прятки называются *кулюкушками* и т. п., а водящий — *кулюкуванником* и т. п., потому что в начале игры он стоит с закрытыми глазами и *кулюкует*, т. е. произносит приговорку с зачином *Кулю-кулю-баба*, например такую: *Кулю-кулю баба! Не выколи глаза. Глаз на полнице, другой — в солонице. Пора что ли?* (Твер.) [Покровский 1895: 112] или *Гулю, гулю, баба, не выколи глаза. Глаз на полничке, другой в слонишке. Пospel горox?* (Моск.) [Всеволодский-Гернгросс 1933: 439]. Пока он говорит, остальные игроки прячутся, т. е. эта приговорка заменяет счет, по функции она аналогична расхожему: *Я считаю до пяти, не могу до десяти. Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать!* [Ключева 2014: 78—79].

Затем *кулюкать* в значении ‘произносить приговорку *кулю-баба*’ дает производные значения: ‘водить’, ‘искать’, ‘играть в прятки’, ‘прятаться’ (как было показано выше). От прятков названия типа *кулючки* переходят и на смежные, типологически родственные им игры в жмурки и, в меньшей степени, другие смежные игры с водящим: разновидности догонялок и угад.

Итак, прятки-кулючки благодаря зачину сближаются с играми типа взятия города. Приговорка из игр с вызовом могла перейти в игры в прятки и здесь уже прижиться и дать производную лексику. К тому же водящий в прятках — тоже своего рода «городовой». Главное место игры (кон), которое охраняет водящий, в системе русской игровой терминологии тоже иногда называется *городом* (Харьк., Херсон., Кубан.) [Покровский 1895: 115]. Ср. также приговорку в прятках: *Кто по город(к)у не ходит, тот четыре кона водит* (Северодвинск, Москва) [Ключева 2014: 83]. Направление перехода приговорки именно из игр с вызовом в игры в прятки (а не наоборот) аргументируется осмысленностью приговорки и ее прямой функциональностью в играх типа взятия города (*колика-баба* ‘городовой’), тогда как в прятках она играет роль времяизмерительного текста и носит орнаментальный характер, чем и объясняется крайняя бессвязность и разнообразие ее продолжений: *...глаз поспел, коврижку съел* [СРНГ, 16: 76], *...глаз на полнице, другой в солонице, ...сын под окошком, свинья под лукошком* и т. п. [Покровский 1895: 112]. Хотя стремление к осмысленности выражается в контаминации с *колоть, выкалывать глаза* (достаточно устойчивая фраза *не выколи глаза* во втором стихе), ведь водящий стоит в начале игры с закрытыми глазами.

Разумеется, приговорка *кулю-баба* подвергается самым разнообразным модификациям и частичным заменам, например *кума-баба* (Тул.) [Там же]. А у казаков, на Украине и юго-западе России фиксируются следующие названия жмурок: *каляба, каляба-баба, калябки* (Дон.) [СРНГ, 13: 10], *куци-баба, цици-баба* (Харьк.) [Чубинский 1877: 51], *куца-баба* (Укр.) [Исаевич 1887: 480—481], *куци-баби, кици-баби* (казацкие станицы на Кавказе) [Покровский 1895: 204], *баба-куца* (Краснодар) [Ключева 2014: 91]. В этих играх <...>-*бабой* называют и дразнят водящего.

Приведем также группы русской игровой лексики в играх в прятки и жмурки, которые являются фонетическими вариантами лексем с фрагментом основы *кул-* (*кулючки, кулюкушки, кулю-баба* и т. д.):

— с фрагментом *гул-* — названия прятков: *гулю́кальцы* (б. м.), *гулю́чи* (Новг.), *гулю́чки* (Смол.), *гулю́бки* (Пск.) [СРНГ, 7: 220—221], *гулюкушки* (Нижегор.) [Кудрявцев 1871:

180—181], *гулючка* (Волог.) [Иваницкий 1890: 158]; названия жмурок: *гулю́чки* (Тамб.), *гулю́чка* (Яросл.) [СРНГ, 7: 221];

— с фрагментом *кол-* — названия пряток: *колюкушки* (Лайш. Казан.) [СРНГ, 14: 218], ? *поколóчки* (Медвежьегор. КАССР, 1970) [СРНГ, 28: 392]; названия жмурок: *колючки* (б. м.) [Терещенко 1848: 84], *колюкушки* (Пенз.) [Всеволодский-Гернгросс 1933: 393]; также *колюкушкой* — игра, в которой водящий должен угадать, чья голова под одеялом (Арх.) [Цейтлин 1911: 13].

Ср. также названия догонялок: *колюнды* (Астрах.) [Покровский 1895: 104] и *кóли* (Астрах.) [Ключева 2014: 97], а также *коляны́* — детская игра [какая?] (Мосал. Калуж.) [СРНГ, 14: 223];

— с фрагментом *кур-* — названия пряток: *лóвушки-курюкышки* (Уржум. Вят.) [СРНГ, 17: 102], *курюкальцы* (Сиб.), *курюкол* (Макар. Костром., Холмогор. Арх.) [СРНГ, 16: 152], *курю́чки* (Княгин. Нижегород., Сузд. Влад.) [Там же: 152]; названия жмурок: *курюко́льцы* (Перм.) [Покровский 1895: 204], *куры бабы* (Вят.) [Там же]; с выпадением гласного в первом слоне — *кру́гольцы* (Перм.) [СРНГ, 15: 305]; названия пряток и жмурок: *курюкышки* (Пенз., Чистоп. Казан.) [Всеволодский-Гернгросс 1933: 394], *курюкальцы* (Сиб.); *курюкальщик* ‘тот, кто водит при игре в жмурки’; *курй́чить* ‘водить в прятках’ (Курган., 1971) [СРНГ, 16: 130], *курюкать* ‘водить в жмурках’ (Чебокс.), ‘водить в прятках’ (Сузд. Влад.); ‘при игре в прятки — ожидать с завязанными глазами, пока играющие спрячутся’ (Сиб., 1968) [Там же: 152].

(Ср. также названия некоторых игр, описаний которых нет, возможно, это жмурки: *в куры́ль-куры́ль* — игра [какая?] (Яросл.), *в куры* — игра [какая?] [ЯОС, 2: 43].);

— с фрагментом *кор-* — названия пряток: *корю́колки* (Средний Урал) [СРНГ, 15: 39]; названия жмурок: *кору́кольцы*, *кору́гольцы*, *кору́калки*, *кору́кальцы* (Перм.), *кору́кальчи-мачелки* (Свердл.) [СРНГ, 13: 108; СРНГ, 15: 27]; *корю́чить* — в прятках или жмурках водящему ждать, пока остальные спрячутся (Свердл.) [СРНГ, 13: 113];

— с основой *кар-* — названия жмурок: *кару́кальцы*, *карю́кальцы* (Урал) [Там же: 108], *каро́кальцы* (Перм.) [Там же: 97]; *карю́чить* — в прятках или жмурках водящему ждать, пока остальные спрячутся (Свердл.) [Там же: 113].

Разумеется, часть приведенной лексики сближается в результате народной этимологии с *колоть*, *колотить*, *куры* и другими русскими словами, что осложняет этимологизацию диалектных игровых терминов. Примечательна в этом смысле приговорка, зафиксированная в Пермской губернии, которую водящий говорит, когда кого-то находит, призывая его выйти: *Олень на голос!* [Петухов 1863: 16—17]. Слово *голос* заменило здесь некий локативный термин, потому что в подобных приговорах обычно называлось начальное место игры (кон), куда должен был выходить найденный. Например, в аналогичных случаях в Вятской губернии говорили *на кашу* (при том, что *кашей* называлось это самое центральное место игры) [Покровский 1895: 112], в Нижегородской — *на Божью волю* [Кудрявцев 1871: 181] и т. п. Соответственно, исходное слово, означающее центральное место в данных пермских прятках, было фонетически схоже с *голос* (отчего и произошла контаминация). Резонно сопоставить его с русск. диал. *гáло* (Арх., Вят.), *гáла* (Вят.) [СГРС, 1: 11, 8] и коми *галö*, означающими центральное место в игре в прятки. Отметим, что у коми слово *галö* используется не только в прятках — это локативный термин, означающий линию, круг и в других подвижных играх. Ср. также коми *галö*, русск. *гало*, *гала* (лексическое значение которых вне игры не ясно) и мар. *ола*, *хала*, *кала* ‘город’.

Здесь уместно напомнить параллель, по-видимому, верную, которую проводили Лыткин и Гуляев от коми *галö* к марийскому чуранию в прятках *кулай*. *Кул-* и *кал-*, согласно нашей гипотезе, могут быть фонетическими вариантами слова «город»: болгарским (чувашиским) и татарским соответственно. Тогда основа *гал-* — озвонченное *кал-*.

В русском игровом фольклоре, в основном в северных областях, на Урале, в Сибири, *гала* (откуда, по-видимому, и коми *галö*) звучит тоже именно как чурание в прятках, с чем связаны и названия самой игры, и прочая лексика игр в прятки. Приведем перечень русских игровых терминов в прятках с основой *гал-*, дополнив его удмуртской и коми лексикой:

а) кон в прятках, бревно, по которому колотят: *гáла* (Вят.), *гáло* (Арх., Вят.) [СГРС, 3: 8, 11]; коми *гала*, *галӧ*, *згала*, *скала* ‘в играх место, черта’ [Рассыхаев 2014а: 103], коми *скалӧ*²⁷ ‘кон (столб) в игре в прятки’ [Рассыхаев 2014б: 78].

Ср. *кулайка* — место, по которому бьют палкой;

б) палочка в игре в прятки: *галя* (Кадн. Волог.) [СРНГ, 6: 123], *гáло* (Вят.) [СГРС, 3: 11], *гáла* (Вят.), *галá* (Арх., Волог.) [Там же: 9]; коми *галэ* ‘палка в игре в прятки’ [Рассыхаев 2014а: 100], коми *гала*, *гали́*, *галӧ* ‘то же’²⁸.

Ср. *кулай*, *кулайка* ‘палка в игре в прятки’;

в) чурания и приговорки в прятках: *галá-галá* — возглас водящего в прятках [СГРС, 3: 9]; *гáла* — чурание в прятках и других играх, например: *Гала за (Маиу)* и *Гала-гала за (Маиу)* (Республика Коми), *Гали-гали* я или *Гали-гали (Саиша)* (Череповец). Отсюда действие *загáлать* [Ключева 2014: 83];

Ср. чурание *кулай-кулай*, действие *кулáять*, *кулáйкать*.

Гáли-гáли, палочку украли — приговорка («считалка») в прятках (Петерб.) [СРНГ, 6: 111], ср. коми *Галэ гуви* ‘Украл палочку’ [Рассыхаев 2014а: 100] и русскую приговорку: *Кулай-кулай, палочка, кулай-кулай крадена*;

г) водить в прятках: *галить* (Перм., Челяб., Урал, Сиб., Том., Енис., Вост.-Казах., Свердл., Арх.) [СРНГ, 6: 112], (Арх., Вят.) [СГРС, 3: 10], (Пермь, Челябинск, Коми, Ижевск, Удмуртия, Нижний Тагил, Томск, Казахстан, Балхаш) [Ключева 2014: 77—78, 83], *галонить* (Арх.) [СГРС, 3: 10]; удм. *галитьтыны*, *галить карыны* ‘водить (галить) при игре (в лапту, в прятки, в жмурки)’ [РУС]; коми *галитны* ‘галить’ [Рассыхаев 2014а: 102];

д) водящий в прятках: *гáлевый* (Ср. Урал, Перм.) [СРНГ, 6: 109], *галéльщик* (Златоуст, Урал), *галéнь* (Пинеж. Арх.) [Там же: 110], *галíльщик* (Перм.) [Там же: 111], *гáля* (Арх., Свердл., Ср. Урал) [Там же: 112], *гáлящий*, *гáля*, *гáльщик* [Ключева 2014: 78].

Ср. *кулай* — водящий;

е) игра в прятки: *гáли* (Волог.) [Иваницкий 1890: 158], (Олон., Яросл.) [СРНГ, 6: 111], (Яросл.) [ЯОС, 2: 43], *гáля* (Олон., 1898) [СРНГ, 6: 123], *гáлы* (Волог.), *гáля*, *гáль* (Вят.) [СГРС, 3: 9, 13]; в догонялки: *гал* (г. Токмак Украина) [Романий 2009; Ключева 2014: 98], *гáли*, *гáля* (Пермь), *гáля* (Пермский край, Омск, Тюмень, Сургут) [Романий 2009; Ключева 2014: 97]; некоторые игры (возможно, прятки): *гáла* (Кирил. Новг.) [СРНГ, 6: 103], ? *гáлашéлка* (Ворон.) [Там же: 106].

Ср. *кулай*, *кулайка*, *кулай-кулай* как названия игры.

Последовательность образования слов с основой *гал-*, относящихся к игре в прятки, следующая. Исходным является локативный термин *гала* (*кула*) ‘центральное место в игре в прятки, кон’. По метонимии это название переходит на палку, которой бьют по кону при чурании. Далее предметный термин (название палки — *гала*, *кулай*) попадает в словесные формулы чурания, поскольку в них практически во всех случаях содержится упоминание палки (или же звукоподражание удару палкой)²⁹. Далее от приговорки чурания появляются названия действий (*галить*, *кулаять*, *кулайкать*) и водящего (*гáля*, *гáлящий*, *кулай*, *кулайка*).

Окающие варианты фрагмента основы (все фиксации на Урале и в Сибири):

— *голéть* — водить в прятках (Новосиб.) [СРНГ, 6: 292];

— *голи́ть* — водить (Хакасия) [Бутанаев, Верник 1995: 90], (Красноярск, Новосибирск, Иркутск, Норильск) [Ключева 2014: 78], (Сибирь без Алтайского края, Курганской и Тю-

²⁷ Формы *скала*, *згала*, *скалӧ*, скорее всего, являются производными от *гала*, где *с-* восходит к русск. предлогу (от *с гала*) либо приставке (от *сгалить*, *загалить*). Ср. аналогичное коми *скон* ‘место в игре’ (< русск. *кон*) [Рассыхаев 2014а: 103].

²⁸ По личному сообщению А. Н. Рассыхаева.

²⁹ Ср. примеры чураний: *Палочка-выручалочка*, *Палы-выры*, *Пали-стукали*, *Пали-пали*, *Скрал-пал*, *Подскрал* (< *Скраденная палочка*), *Чур* (< *Чурка*) и т. п. [Ключева 2014: 81]. Подробнее о типах чураний в прятках см. [Ключева 2013: 148—149].

менской областей; Казахстан без Павлодара, Костаная, Караганды; Петропавловск-Камчатский (?), Златоуст, Лысьва, Элиста (?)) [ГД]; водить в жмурках (Красноярск) [Там же: 94];

— *гóля* водящий в прятках (Норильск, Красноярск, Новосибирск, Иркутск) [Ключева 2014: 78]; игра типа догонялок (Красноярск, Норильск, Братск, Ангарск, Бурятия, Якутия) [Романий 2009; Ключева 2014: 97].

Приведенная лексика игр в прятки и жмурки с фрагментами основ *гал-* и *гол-* восходит, как мы полагаем, к локативному термину, означающему кон в игре — «город» (русс. диал. *гала* < *кала* ‘город’ в татарском, марийском и удмуртском языках) и этимологически родственна лексике аналогичных игр с основой *кул-* (*кули* < чуваш. *хула*, *хули* ‘город’)³⁰.

Лексика с вариантами фрагмента основы *гал-* (*кал-*), *гол-* (*кол-*) широко используется и в других играх с палками (костями, шаром, мячом). Это локативные, предметные, акционные и персонажные термины:

1) локус: русск. *кало́* — в игре *в шепугу* ямка, лунка в земле (Влад.) [СРНГ, 12: 363];

2) предмет:

а) *деревяшка* или *кость*: *га́ля* — деревянная бита для игры в бабки (Новосиб.) [СРНГ, 6: 123]; *голяк*³¹ — игральная кость (Урал) [Там же: 350], новый гайданчик — игральная кость, овечья лодыжка (Ростов-на-Дону) [Ключева 2014: 183]; *галочка* — палочка, клинышек типа чижа и игра с ним (Влад., Симб.) [Покровский 1895: 267—268]; *га́ла* — палка, которой играют дети, название этой игры (Новг.) [СРНГ, 6: 103]; *ка́ла* — короткая толстая палка, употребляемая в игре *в калы́* (Влад.) [СРНГ, 12: 332]; *кале́нка* — палка для выбивания кона с городков или для удара по мячу в игре (Яросл.) [ЯОС, 5: 15].

Ср. также *коlobber* — род игры в бабки или костыги, в которой в качестве битки употребляется плоская железная плитка овальной формы (Сольвыч. Волог., 1897) [СРНГ, 14: 145]; *калбышка*: а) в игре в городки — бита; б) «[и]гра, состоящая в том, что между шестнадцатью “калбышками” — городками, расставленными в шахматном порядке, ребята катают чугунный шарик, стараясь при этом не сбить городки; в эту игру играют обычно на Пасху, причем раньше вместо шарика использовались яйца» (Челяб.) [СРНГ, 12: 341]³²;

³⁰ В ЭССЯ русск. диал. *галья* ‘игра в прятки’ (Олон., Новг.), ‘деревянная бита для игры в бабки’ (Новосиб.), ‘тот кто водит в игре’ (Арх., Свердл., Ср. Урал) определяется как производное от глагола *galiti [ЭССЯ, 6: 95], но далее в большой статье *galiti ясной этимологии русского игрового *гальить* не дано, приведены слова с разнообразными значениями, отмечена «крайняя сложность и затемненность первоначальных значений», причудливость их переплетений и в итоге затруднительность, проблематичность этимологии [Там же: 92—94].

³¹ Слово *голяк* может восприниматься как производное от русск. *голень* или *голый*, поскольку так назывался новый, т. е. гладенький, чистенький *гайдан* (игральная кость). Однако в описании этой игры из Ростова-на-Дону остальные игровые термины преимущественно тюркского происхождения: *чик*, *бук*, *тала*, *орца* — названия сторон игровой кости, аналоги которых распространены в лексике игр в кости у тюркских народов; *цикание* ‘бросание жребия’, *цикать* ‘бросать кость’ [Ключева 2014: 183—184]. В свою очередь тюркские термины игры в кости (*чик*, *бук*, *альча* (~ *орца*)) восходят к монгольским формам: *чик* < к монг. *siġa ‘бита’, ‘щиколотка’, ‘бабка’; *бук* < монг. *biġe* ‘горбик игровой кости’; *альча* < монг. *alċu* ‘углубление на бабке’, ‘сторона игровой кости с углублением’ [Дыбо 1993: 10, 15, 13]. Русск. диал. *тала* соотносимо с термином *тава*, *това* ‘плоская сторона игровой кости’, бытующим у казахов и киргизов. Неясна этимология еще одного термина, употребляемого в этой игре в Ростове-на-Дону, — *курушак* ‘старая игральная кость со сбитыми краями’. Скорее всего, *курушак* — это не просто старая кость, а кость, у которой намеренно обточили края, чтобы использовать ее как биту, тогда как *голяк* — это обычная кость естественной формы, которую сбивают с кона. Учитывая, что в некоторых кавказских языках место, с которого сбивали кости, называлось *гала* ‘город’, вполне ожидаемо южнорусское *голяк* как название кости, производное от локативного термина (*гала* > *голяк*). Ср. чечен. *гала* — название игры в городки (в чеченском — арабизм, как и чуваш. *хола*, *хула*).

³² Ср. также в СРНГ русские диалектные слова, означающие обрубок дерева: *калабашка* (Олон.), *калбашка*, *калбек*, *калбека* (Ряз.), *колобашка* (Мурман., Олон., Ленингр.), *колобишко* (Олон.), *калабашка* (Ленингр.), *колобка* (Ряз.), *калбѣха* (Дон.), *калбешка* (Дон.), *калбиха*, *калбыха* (Калуж.), *калбушка* (Перм.), *калбишка* и *колбишка* (Сиб.), *колбышка* (Ср. Урал) и пр.

б) мяч: *гáла* — мяч в игре (Арх.) [СГРС, 3: 9], *голо́к* — мяч в игре, по-видимому, в лапте (Новосиб.), то же: *го́ленка*; *голо́к* (Новосиб.) [СРНГ, 6: 317], *галёнка* (Том.), *голёнка* (Курган., Тобол., 1896) — мяч или шар в одноименной игре [Там же: 109], *галом* — игра с мячом, своеобразная модификация лапты в сторону современных вышибал (штандера): «Игра в мяч галом заключается в том, что мячик подбрасывают небольшой дощечкой так, чтобы он полетел вверх возможно выше; пока он летает, все, кроме одного, убегают за известную черту: оставшийся ловит мяч и должен кого-нибудь попечь, когда играющие побегут к лунке» (Онеж. КАССР, Калинин., 1933) [СРНГ, 6: 116—117].

От предмета (палки, мяча) происходит название действий с ним и не только;

3) действие:

а) подавать мяч (прежде всего в играх типа лапты): *го́лнуть* ‘бросить мяч’ (Новосиб.) [СРНГ, 6: 317], *гáлить* ‘бить мяч’ (Тюмен.) [Зобнин 1896: 540], *гáлять* ‘играть в мяч’ (Новосиб., 1966) [СРНГ, 6: 125], ‘подбрасывать мяч’ (Арх.) [СГРС, 3: 13], *голёть* ‘бросать мяч’ (Новосиб.) [СРНГ, 6: 292], *гáлиться* ‘начинать партию при игре в мяч’ (Южн.-Сиб.), ‘бросаться мячиком’ (КАССР) [Там же: 113], *калять* ‘пинать ногами (мяч), бить’ (Влад., Иван. (Иваново, Кинешма, Вичуга, Новоисцово), Моск. (Дубна, Кольчугино)) [ГД], *калять* или *колять* ‘пнуть ногой (мяч)’ (Волгоград) [Там же];

б) водить — т. е. происходит обобщение значения действия: ‘подавать мяч’ > ‘водить в лапте’ > ‘вообще водить в различных играх’; в частности, *гáлить* ‘водить’ (Перм., Челябин., Урал, Сиб., Том., Енис., Вост.-Казах., Свердл., Арх.) [СРНГ, 6: 112], (Башкирия, Курган., Тюмен., Омск.) [ГД], *го́лить* ‘водить’ (Красноярск, Норильск, Новосибирск, Иркутск) [Ключева 2014: 78], (Сибирь (без Алтайского края, Курганской и Тюменской областей), Казахстан (без Павлодара, Костаная, Караганды), Петропавловск-Камчатский (?), Златоуст, Лысьва, Элиста (?)) [ГД], *го́лить* (Тобол.) [СРНГ, 6: 294], *голеть* (Новосиб.) ‘быть в партии бьющих мяч’ (тогда как водящие — ловят) [Там же: 317];

в) считаться, конаться³³ — т. е. термин используется для обозначения смежного действия: *гáлиться* — считаться, чтобы определить, кто будет водящим (Ср. Урал) [СРНГ, 6: 113]; *го́лить* — конаться, считаться в игре (Курган., Тобол.) [Там же: 264];

4) персонажный термин (именование игрока, роли):

— *гáлящий* ‘водящий’ (Пермь, Челябинск, Коми, Ижевск, Нижний Тагил, Томск, Балхаш, Казахстан), *гáля* ‘то же’ [Ключева 2014: 78]; *галу́шка* ‘водящий (игрок, который прибегает первым) в одноименной игре типа лапты’ (Урал, 1949) [СРНГ, 6: 120], *гáля* ‘то же’ (Арх., Свердл., Ср. Урал) [Там же: 123]; *гáлевóй* ‘водящий в играх с шаром, мячом, в прятках’ (Ср. Урал, Перм.), *галéльщик* ‘то же’ (Златоуст, Урал); *галéль* (Перм.), *галéля*, *галéя*, *голёля* (Свердл.), *галéнь* (Арх.); *галíльщик* (Перм.) [Там же: 109—111], *го́ля* ‘водящий’ (Красноярск, Норильск, Новосибирск, Иркутск) [Ключева 2014: 78].

Ср. также специфические термины и значения, связанные с игрой в мяч: *в гал* ‘вверх’ (бросить камень, мячик), *на галу* ‘на лету’ (Арх.) [СРНГ, 6: 103]; *галка* (Вят.) [Покровский 1895: 238—241], *галки* (Перм.) [Тихонов 1889: 6] — в игре с мячом типа *выходов* фигура: став спиной к стене бросить мяч в стену через голову (глядя вверх) и, когда мяч отскочит, быстро развернуться и поймать мяч; ? *галазёюшки* — детская игра в мяч: «Брошенный мяч на крышу погреба (или об стенку) ловят с различными условиями» (Дон.) [СРНГ, 6: 104].

Приведенные лексемы игр с палками сближаются с *калить*, *коло* (круг), *колобок*, *галка* (птица), *глядеть*, *голый*, *галька* и др.

Отметим, что источником лексем с основной *гал-* в русском игровом фольклоре может быть не только тюркская и финно-угорская лексика, но и кавказская (в соответствующих регионах), поскольку и у народов Кавказа этот арабизм функционирует как игровой термин, например, как мы уже отметили выше, *гал* (*гала*) — чеченское название игр типа чиж и городков < чечен. *glala* ‘город’ [ЧРС]. Таким образом, это в полном смысле «бродячее»

³³ Конаться — проводить жеребьевку перед игрой, чтобы выяснить, кто будет водящим.

слово (восходящее к арабскому), фиксирующееся в игровом фольклоре народов России: от Кавказа до Белого моря, от Белоруссии и Украины до Средней Азии и Якутии.

К русским игровым лексемам с основной *гал-* примыкает также лексическая группа с основой *гил-*. Синонимический параллелизм областных глаголов *галить* и *гилить* отмечал еще В. И. Даль [Виноградов 1994: 123]. Родственными русск. *галить* и укр. *гилить* в игровых значениях считал и А. А. Потебня [ЭССЯ, 6: 94]³⁴. Игровые термины с основой *гил-* не используются в прятках, но синонимичны русским лексемам на *гал-* (*гол-*) прежде всего в играх типа лапты: *гилить* — в играх *в мяча*, *в свайку* и пр. подавать, прислуживать, служить на кого-то по условию игры (южн.) [Даль, 1: 863]; *в лапте* ‘подавать мяч бьющим игрокам’ (Екатериносл.) [Покровский 1895: 264]; *гилить* и *гылить* ‘то же’, ‘водить вообще’ (Дон., Курск.) [СРНГ, 6: 171], *загилить* ‘в игре типа лапты ударить мячом в перебежчика’ (Екатериносл.) [Покровский 1895: 265], *подгилить* ‘ударить битой — *гилкой* (при игре в мяч)’ (Зап. Брян.) [СРНГ, 27: 373]; *гылка*, *гылка машикова* (Укр.) [Всеволодский-Гернгросс 1933: 512], (Херсон.) [Покровский 1895: 263], (Курск., Орл., Кубан.) [СРНГ, 6: 171], *илка* (Могил.) [Романов 1912: 567] — палка-лапта, которой в игре бьют по мячу, и название этой игры; *гылля* — игра в мяч [вероятно, лапта] и палка, которой бьют мяч в этой игре (Курск., б. м.); *гылка* — игра типа лапты (Укр.) [СРНГ, 6: 172], (Екатериносл.) [Покровский 1895: 264]; *гылля* — игра в мяч и палка, которой подают мяч в этой игре (Курск.) [СРНГ, 7: 252], *гылщик* — тот, кто водит в игре, подает мяч, чертит (южн.) [Даль, 1: 863; СРНГ, 6: 172]. В играх типа чижа *гилы* — начерченные на земле черточки (букв. ‘палки’?), означающие количество заработанных командой очков или очков, «нагнанных» на противников. Отсюда название игры — *гилки* (Харьк.) [Всеволодский-Гернгросс 1933: 494]; *гилы* — то же (Дон.) [СРНГ, 6: 171]. Ср. также: *кила* — 1. Большой кожаный мяч, набитый шерстью и употребляемый для игры зимою (Новг.); 2. Игра в клюшки (Арх.). *Килу нагнать* — выиграть игру в клюшки (Твер., 1860); 3. Проигрыш при игре в чуги (Самар.) [СРНГ, 13: 206]; *в килку* — игра в камушки: двое катят свои камушки навстречу друг другу (Смол.) [Покровский 1895: 346]; *килки* — крестьянская игра (Костром.) [какая?] [Даль, 2: 269], коми *киллик* ‘водящий (в догонялках)’ [Рассыхаев 2014а: 102]. Судя по всему, русск. *кила*, *килка* — это в основном командные игры, в которых палками гоняют шар. Аналогична им самарская игра *гила* [Покровский 1895: 278]. В последней игре *гила* — локативный термин: название черты и название половин игрового поля по обе стороны от нее. То же — *гела* (Кубан.) [Там же].

Нельзя уверенно утверждать, что лексемы с основой *гил-* и *гыл-* являются производными от рассмотренных выше русских лексем с основой *гал-* (хотя типы игр и денотаты соответствующих игровых терминов во многом совпадают). Южнорусские игровые термины с основой *гил-* сопоставимы с укр. *гылка* ‘ветка, палка’, которое в лингвистической литературе связывается с праславянской основой *golъ ‘голый, нагой’ [ЭССЯ, 7: 16—17; ЕСУМ, 1: 313—514]. Тогда все гнездо игровых лексем с основой *гил-* в играх с палками следует считать производными от этого названия палки, в том числе глагол *гилить*. С другой стороны, ареал русских лексем с основой *кил-* (Новг., Арх., Твер., Коми) не позволяет считать их украинизмами и непосредственно связывать с укр. *гылка* ‘ветка, палка’; неясно также, имеют ли эти термины отношение к *кила* ‘грыжа’. Вместе с тем следует учитывать, что переход *а ~ и* в определенной степени характерен для северных говоров (ср. *шешка ~ шашка*, *плишка ~ плашка*). Таким образом, вопрос об этимологии игровых лексем с основой *гил-* и *кил-*, соотношении их друг с другом и с основами *гал-* (*гол-*) и *гул-* (*кул-*) требует отдельного подробного рассматривания, что выходит за рамки задачи данной статьи. Возможно, исследования в данном направлении с широким привлечением лексики игры в славянских языках скорректируют некоторые этимологии русских диалектных игровых терминов, предложенные в нашей статье.

³⁴ Иначе у А. С. Львова, который видит параллелизм основ *гул-* и *гыл-* [Львов 1963: 114]. Там же игровой термин *гылка* (*гылка*) Львов, как и позднее Гордеев (см. выше), возводит к и.-е. *geu-l (ср. др.-инд. *gola* ‘шар, ком’).

* * *

Подводя итог исследования и возвращаясь к марийской лексике, сделаем следующий вывод: мар. *митули* (*микули*, *акули*) и морд. *макули* происходят от русской голосянки, означающей направление бега — *на кули* ‘на город’, где *кули* (< *кула*) — булгаризм, локативный игровой термин, соотносимый с чуваш. *хула* ‘город’ (в тюркских из арабского). В статье также показана финно-угорская, тюркская и русская диалектная лексика игр с палками, с вызовом, с поиском, производная от «бродячего» *кала* (*гала*) и *хула* (*кула*) ‘город’, и прочая смежная лексика.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Языки

абаз. — абазинский, араб. — арабский, башк. — башкирский, др.-инд. — древнеиндийский, диал. — диалектное, и.-е. — индоевропейский, ингуш. — ингушский, мар. В — восточно-марийские диалекты, мар. Г — горномарийский, мар. Л — луговой марийский, мар. СЗ — северо-западный диалект марийского языка, монг. — монгольский, морд. — мордовские, огуз. — огузский, осет. — осетинский, осет. Д — дигорский диалект осетинского, осет. И — иронский диалект осетинского, русск. — русский, татар. — татарский, тюрк. — тюркские, удм. — удмуртский, укр. — украинский, ф.-п. — финно-пермские, ф.-у. — финно-угорские, чечен. — чеченский, чуваш. — чувашский

Географические наименования

Акм. Казах. — с. Акмол, Казахстан, Целиноградский р-н; Арх. — Архангельская губерния (область); Астрах. — Астраханская губерния (область); б. м. — без указания места; Брян. — Брянская губерния (область); Буйск. Костром. — Буйский уезд Костромской губернии; Верхоян. Якут. — Верхоянский округ Якутской области; Витеб. — Витебская губерния (область); Вешен. Дон. — Вешенское на Дону; Вешен. Рост. — Вешенский р-н Ростовской области; Влад. — Владимирская губерния (область); Волог. — Вологодская губерния (область); Ворон. — Воронежская губерния (область); Вост.-Казах. — Восточный Казахстан; Воткин. Вят. — Воткинское Вятской губернии; Вят. — Вятская губерния; Дон. — территории по р. Дон; Екатериносл. — Екатеринославская губерния; Енис. — Енисейская губерния; Зап. — Западное; Зап. Брян. — запад Брянской области; Иван. — Ивановская губерния (область); Иркут. — Иркутская губерния (область); Кадн. Волог. — Кадниковский уезд Вологодской губернии; Калинин. — Калининская область (ныне — Тверская область); Калуж. — Калужская губерния (область); КАССР — Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика; Кирил. Новг. — Кирилловский уезд Новгородской губернии; Княгин. Нижегород. — Княгининский уезд Нижегородской губернии; Корсун. Симб. — Корсунский уезд Симбирской губернии; Костром. — Костромская губерния (область); Кубан. — Кубанская область; Курган. — Курганский уезд Тобольской губернии (Курганская область); Курск. — Курская губерния (область); Лаиш. Казан. — Лаишевский уезд Казанской губернии; Ленингр. — Ленинградская область; Макар. Костром. — Макарьевский уезд Нижегородской губернии; Медвежьегор. КАССР — Медвежьегорский р-н Карельской АССР; Могил. — Могилевская губерния (область); Мосал. Калуж. — Мосальский уезд Калужской губернии; Моск. — Московская губерния (область); Мурман. — Мурманская губерния (область); Нижегород. — Нижегородская губерния (область); Нижнелом. Пенз. — Нижнеломовский уезд Пензенской губернии; Новг. — Новгородская губерния (область); Новосиб. — Новосибирская губерния (область); Обоян. Курск. — Обоянский уезд Курской губернии; Олон. — Олонецкая губерния; Омск. — Омская губерния (область); Онеж. КАССР — Онежский р-н Карельской АССР; Орл. — Орловская губерния (область); Пенз. — Пензенская губерния (область); Перм. — Пермская губерния (область); Петерб. — Санкт-Петербургская губерния; Пинеж. Арх. — Пинежский район Архангельской области; Покр. Влад. — Покровский уезд Владимирской губернии; Пск. — Псковская губерния (область); Ряз. — Рязанская губерния (область); Самар. — Самарская губерния (область); Саратов. — Саратовская губерния (область); Свердл. — Свердловская область; Сиб. — Сибирь; Симб. — Симбирская губерния; Смол. — Смоленская губерния (область); Сольвычег. Волог. — Сольвычегодский уезд Вологодской губернии; Соль-Илецк. — Соль-Илецкий уезд (р-н) Оренбургской (Чкаловской) губернии (области); СПб. — Санкт-Петербург; Ср. Урал — Средний Урал; Ставроп. — Ставропольский край;

Сузд. Влад. — Суздальский уезд (р-н) Владимирской губернии (области); Тамб. — Тамбовская губерния (область); Твер. — Тверская губерния (область); Терск. — Терская область; Тобол. — Тобольская губерния (область); Том. — Томская губерния (область); Тул. — Тульская губерния (область); Тюмен. — Тюменская губерния (область); Укр. — Украина; Ульян. — Ульяновская область; Уржум. Вят. — Уржумский уезд Вятской губернии; Харьк. — Харьковская губерния (область); Херсон. — Херсонская губерния (область); Холмогор. Арх. — Холмогорский уезд Архангельской губернии; Чебокс. — Чебоксарский уезд Казанской губернии; Челяб. — Челябинская губерния (область); Черниг. — Черниговская губерния; Чистоп. Казан. — Чистопольский уезд Казанской губернии; Южн.-Сиб. — Южная Сибирь; южн. — южные регионы Европейской части России; Яросл. — Ярославская губерния (область)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абаев 1965 — Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. [Abaev V. I. *Skifo-evropeiskie izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada* [Scythian-European isoglosses. Interface between East and West]. Moscow: Nauka, 1965.]
- Ахметьянов 1988 — Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1988. [Akhmet'yanov R. G. *Obshchaya leksika material'noi kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [Common material culture lexicon of the Middle Volga nations]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Ашмарин 1928—1950 — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1—17. Казань; Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1928—1950. [Ashmarin N. I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [A dictionary of the Chuvash language]. Vol. 1—17. Kazan; Cheboksary: Chuvash. Gos. Izd-vo, 1928—1950.]
- Брыжинский 2009 — Брыжинский В. С. Мордовские народные игры. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2009. [Bryzhinskii V. S. *Mordovskie narodnye igry* [Mordovian folk games]. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 2009.]
- Бутанаев, Верник 1995 — Бутанаев В. Я., Верник А. А. Детские игры и спортивные состязания народов Хакасии. Абакан: Хакасия, 1995. [Butanaev V. Ya., Vernik A. A. *Detskie igry i sportivnye sostyazaniya narodov Khakasii* [Children's games and sporting events of the nations of Khakasiya]. Abakan: Khakasiya, 1995.]
- Виноградов 1994 — Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. [Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow: Tolk, 1994.]
- Виноградов 1998 — Виноградов Г. С. Детские игровые прелюдии // Страна детей. СПб.: Анатолия, 1998. С. 141—390. [Vinogradov G. S. Children's game preludes. *Strana detei*. St. Petersburg: Anatoliya, 1998. Pp. 141—390.]
- Всеволодский-Гернгросс 1933 — Всеволодский-Гернгросс В. Н. и др. (сост.). Игры народов СССР. М.; Л.: Academia, 1933. [Vsevolodskii-Gerngross V. N. et al. (comp.). *Igry narodov SSSR* [Games of the nations of the USSR]. Moscow; Leningrad: Academia, 1933.]
- Весславин 1863 — Весславин В. Детские игры в Костромской губернии // Учитель. 1863. № 18. С. 929—931. [Vseslavin V. Children's games in Kostroma province. *Uchitel'*. 1863. No. 18. Pp. 929—931.]
- Галкин 1988 — Галкин И. С. К вопросу о расселении древних мари // Этногенез и этническая история мариЙцев. (Археология и этнография мариЙского края. Вып. 14.). Йошкар-Ола, 1988. С. 44—55. [Galkin I. S. On the question of Ancient Mari resettlement. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya mariitsev. (Arkheologiya i etnografiya mariiskogo kraia)*. No. 14.). Ioshkar-Ola, 1988. Pp. 44—55.]
- ГД — Лингвофорум «Городские диалекты» / Использованные словарные статьи разработаны Г. И. Романом // <http://forum.lingvo.ru/actualsearch.aspx> [Lingvoforum «Town dialects». Lexical entries created by G. I. Romanii. Available at: <http://forum.lingvo.ru/actualsearch.aspx>.]
- Гордеев 1970 — Гордеев Ф. И. О поздних сарматских заимствованиях в восточнофинских языках // Вопросы финноугроведения. Вып. V: лингвистика, фольклористика, этнография, археология. Йошкар-Ола, 1970. С. 8—14. [Gordeev F. I. About late Sarmatian borrowings in East Finnish languages. *Voprosy finnougrovedeniya*. No. V: lingvistika, fol'kloristika, etnografiya, arkheologiya. Ioshkar-Ola, 1970. Pp. 8—14.]
- Гордеев 1982 — Гордеев Ф. И. Слова детской речи как предмет историко-этимологических исследований // Вопросы мариЙского языка. (Труды МариЙского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 53.) Йошкар-Ола, 1982. С. 81—96. [Gordeev F. I. Words of child speech as a subject of historico-etymological research. *Voprosy mariiskogo yazyka. (Trudy Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii)*. No. 53.). Ioshkar-Ola, 1982. Pp. 81—96.]

- Гордеев 1985 — Гордеев Ф. И. Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1985. [Gordeev F. I. *Istoricheskoe razvitie leksiki mariiskogo yazyka* [Historical development of the Mari lexicon]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1985.]
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. СПб.; М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1903—1909. [Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the live great Russian language]. Vol. 1—4. St. Petersburg; Moscow: Izdanie Tovarishchestva M. O. Vol'f, 1903—1909.]
- Девицын 1991 — Девицын В. А. Проявления финно-угорского субстрата в лексике и фонетике русских говоров Нижегородской области // *Lingvistica Uralica*. Т. XXVII. 1991. № 4. С. 272—275. [Devitsyn V. A. Manifestations of Finno-Ugrian substrate in lexicon and phonetics of the Russian dialects of the Nizhny Novgorod region. *Lingvistica Uralica*. Vol. XXVII. 1991. No. 4. Pp. 272—275.]
- Добродомов 2008 — Добродомов И. Г. Типы поселений ранних тюрков. Историческая эволюция // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М.: Восточная литература, 2008. С. 195—218. [Dobrodomov I. G. Types of settlements of the Early Turkomans. Historical evolution. *Prirodnoe okruzhenie i material'naya kul'tura pratyurkskikh narodov*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. Pp. 195—218.]
- Долганова, Морозов 2002 — Долганова Л. Н., Морозов И. А. Игры и развлечения удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2002. [Dolganova L. N., Morozov I. A. *Igry i razvlecheniya udmurtov* [Games and entertainments of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2002.]
- Дыбо 1993 — Дыбо А. В. Некоторые заимствования в русских названиях игральные костей // Принципы составления этимологических и исторических словарей языков различных семей. М.: Наука, 1993. С. 9—15. [Dybo A. V. Some borrowings in the Russian names of dice. *Printsipy sostavleniya etimologicheskikh i istoricheskikh slovarей yazykov razlichnykh semei*. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 9—15.]
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. У семи томах. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1982. [*Etymologichnyi slovnyk ukraїns'koї movy. U semy tomah* [An etymological dictionary of the Ukrainian language. In 7 volumes]. Vol. 1. Kyiv: Naukova Dumka, 1982.]
- Зобнин 1896 — Зобнин Ф. Игры в слободе Усть-Ницынской Тюменского округа // Живая старина. 1896. Вып. 3—4. С. 538—542. [Zobnin F. Games in Ust'-Nitsynskaya sloboda, Tyumen' okrug. *Zhivaya starina*. 1896. No. 3—4. Pp. 538—542.]
- Иванов 1889 — Иванов П. Игры крестьянских детей в Купянском уезде. Харьков: Тип. К. Счасни, 1889. [Ivanov P. *Igry krest'yanskikh detei v Kupyanskom uезде* [Games of peasant children in Kupyansk district]. Khar'kov: Tip. K. Schasni, 1889.]
- Иванов, Тужаров 1971 — Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Вып. II. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1971. [Ivanov I. G., Tuzharov G. M. *Slovar' severo-zapadnogo narechiya mariiskogo yazyka* [A dictionary of the North-West dialect of Mari]. No. II. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1971.]
- Иваницкий 1890 — Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Харузин Н. (ред.). Вып. 2. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. С. 1—234. [Ivanitskii N. A. Materials on Vologda province ethnography. *Sbornik svedenii dlya izucheniya byta krest'yanskogo naseleniya Rossii*. Kharuzin N. (ed.). No. 2. Moscow: T-vo Skoropech. A. A. Levenson, 1890. Pp. 1—234.]
- Исаевич 1887 — Исаевич С. Н. Малорусские народные игры окрестностей Переяславля // Киевская старина. Т. 18. Июнь — июль. Киев, 1887. С. 451—486. [Isaevich S. N. Little Russian folk games of Pereyaslavl' suburbs. *Kievskaya starina*. Vol. 18. June-July. Kiev, 1887. Pp. 451—486.]
- Исанбаев 1994 — Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Йошкар-Ола, 1994. [Isanbaev N. I. *Mariisko-tyurkskie yazykovye kontakty* [Mari-Turkic language contacts]. Ioshkar-Ola, 1994.]
- Казанцев 1980 — Казанцев Д. Е. К вопросу о месте и времени проникновения иранских слов в древнемарийский язык // Вопросы марийского языка. Вопросы грамматики и лексикологии. (Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 43.) Йошкар-Ола, 1980. С. 90—119. [Kazantsev D. E. On the question of place and time of Iranian words penetration into the Old Mari language. *Voprosy mariiskogo yazyka. Voprosy grammatiki i leksikologii*. (Trudy Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii. No. 43.) Ioshkar-Ola, 1980. Pp. 90—119.]
- Казанцев 1986 — Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка (в связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. [Kazantsev D. E.

- Formirovanie dialektov mariiskogo yazyka (v svyazi s proiskhozhdeniem mariitsev)* [Forming of the dialects of Mari (in connection with the Mari people origin). Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1986.]
- Кенеман, Осокина 1988 — Кенеман А. В., Осокина Т. И. Детские подвижные игры народов СССР. М.: Просвещение, 1988. [Keneman A. V., Osokina T. I. *Detskie podvizhnye igry narodov SSSR* [Children's active games of the nations of the USSR]. Moscow: Prosveshchenie, 1988.]
- Китиков 1993 — Китиков А. Е. Модыш — уш погыш: Марийские народные игры. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1993 (на марийском языке). [Kitikov A. E. *Modysh — ush pogysh: Mariiskie narodnye igry* [Mari folk games]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1993 (in Mari).]
- Ключева 2012 — Ключева М. А. О происхождении русских игровых терминов: сало, салки, масло // Урало-алтайские исследования. 2012. № 2 (7). С. 39—51. [Klyucheva M. A. About the origin of Russian game terms: salo, salki, maslo. *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2012. No. 2 (7). Pp. 39—51.]
- Ключева 2013 — Ключева М. А. К сравнительному изучению русской, финно-угорской и тюркской игровой терминологии (о некоторых чураниях в прятках) // Финно-угорская музыкальная культура и современный мир: Материалы международной научной конференции (Казань, 7—9 ноября 2012 г.). Казань: Казанская государственная консерватория, 2013. С. 146—153. [Klyucheva M. A. Towards comparative study of the Russian, Finno-Ugric and Turkic game terminology (on some «steer clear» in hide-and-seek. *Finno-ugorskaya muzykal'naya kul'tura i sovremennyyi mir: Materialy mezh-dunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Kazan, November 7—9, 2012). Kazan: Kazan State Conservatory, 2013. Pp. 146—153.]
- Ключева 2014 — Ключева М. А. Народные подвижные детские игры: Современный фольклорный сборник. М.: Форум; Неолит, 2014. [Klyucheva M. A. *Narodnye podvizhnye detskie igry: Sovremennyyi fol'klornyj sbornik* [Folk active children's games: Modern folklore collection book. Moscow: Forum; Neolit, 2014.]
- Кудрявцев 1871 — Кудрявцев В. Ф. Детские игры и песенки Нижегородской губернии // Нижегородский сборник. Т. 4. Нижний Новгород: Нижегородский губернский статистический комитет, 1871. С. 169—238. [Kudryavtsev V. F. Children's games and songs of Nizny Novgorod province. *Nizhegorodskii sbornik*. Vol. 4. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Province Statistical Committee, 1871. Pp. 169—238.]
- Лаврентьева, Яковлева 2012 — Лаврентьева С. Г., Яковлева И. Ф. (авт.-сост.) Ача-пăча сасси: чăваш ача-пăча юриссем. Голос детворы: чувашские народные песни для детей (на чувашском и русском языке). Чебоксары: ГУП «ИПК «Чувашия»», 2012. [Lavrent'eva S. G., Yakovleva I. F. *Acha-păcha sassi: chăvash acha-păcha yurrisem. Golos detvory: chuvashskie narodnye pesni dlya detei* [Children's voice: Chuvash folk songs for children] (in Chuvash and Russian). Cheboksary: GUP «IPK «Chuvashiya»», 2012.]
- Львов 1963 — Львов А. С. К истории и этимологии слова гулять // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам / Трубачев О. Н. (отв. ред.). М.: Академия наук СССР, 1963. С. 110—115. [L'vov A. S. Towards history and etymology of the word gulyat'. *Etimologiya: Issledovaniya po russkomu i drugim yazykam*. Trubachev O. N. (ed.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1963. Pp. 110—115.]
- Лыткин, Гуляев 1999 — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. [Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A short etymological dictionary of Komi]. Syktyvkar: Komi Knizhnoe Izdatel'stvo, 1999.]
- МРС — Марийско-русский словарь / Галкин И. С. (гл. ред.). Т. 1—10. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990—2005. [Mariisko-russkii slovar' [Mari-Russian dictionary]. Galkin I. S. (ed.). Vol. 1—10. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1990—2005.]
- Никифоровский 1897 — Никифоровский Н. Я. Очерки Витебской Белоруссии. Т. VI. Игры и игроки // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. С. 21—66. [Nikiforovskii N. Ya. Essayes of Vitebsk Belorussia. Vol. VI. Games and players. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1897. No. 3. Pp. 21—66.]
- Петров, Репников 1890 — Петров К. М., Репников Т. Е. Детские игры // Живая старина. 1890. Вып. 1. Отдел 4. С. 1—10. [Petrov K. M., Repnikov T. E. Children's games. *Zhivaya starina*. 1890. No. 1. Section 4. Pp. 1—10.]
- Петухов 1863 — Петухов Д. А. Горный город Дедюхин // Записки Императорского Русского географического общества. Т. 11. Кн. 3—4 (21—22). СПб., 1863. С. 14—34. [Petukhov D. A. The mountain town of Dedyukhin. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vol. 11. Book 3—4 (21—22). St. Petersburg, 1863. Pp. 14—34.]

- Покровский 1895 — Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, педагогикой, гигиеной). М.: Типо-литография В. Ф. Рихтер, 1895. (Репринт: СПб.: Историческое наследие, 1994). [Pokrovskii E. A. *Detskie igry, preimushchestvenno russkie (v svyazi s istoriei, pedagogikoi, gigienoi)* [Children's games, predominantly Russian (in connection with history, education, hygiene)]. Moscow: Tipo-litografiya V. F. Rikhter, 1895. (Reprint: St. Petersburg, 1994).]
- Пономарев 1991 — Пономарев В. Народные игры, забавы, ристания на Вятке. Киров: Вятское литературно-художественное издательство Кировского отделения СФК, 1991. [Ponomarev V. *Narodnye igry, zabavy, ristaniya na Vyatke* [Folk games, entertainments, competitions in Vyatka]. Kirov: Vyatskoe Literaturno-Khudozhestvennoe Izdatel'stvo Kirovskogo Otdeleniya SFK, 1991.]
- Рассыхаев 2007 — Рассыхаев А. Н. (сост.). Коми ворсѳм да гаж: тѳрыд да талун. Коми игры и веселье: вчера и сегодня (на коми и русском языке). Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2007. [Rassykhaev A. N. (comp.) *Komi vorsѳm da gash: tѳryd da talun. Komi igry i vesel'e: vchera i segodnya* [Komi games and fun: yesterday and today. (in Komi and Russian)]. Syktyvkar: ООО «Izdatel'stvo “Kola”», 2007.]
- Рассыхаев 2014а — Рассыхаев А. Н. Игровая терминология и коми-русские фольклорные контакты // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 98—105. [Rassykhaev A. N. Game terminology and Komi-Russian folklore contacts. *Traditsionnaya kul'tura*. 2014. No. 3. Pp. 98—105.]
- Рассыхаев 2014б — Рассыхаев А. Н. Детский игровой фольклор коми: жанровый аспект. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2014. [Rassykhaev A. N. *Detskii igrovoi fol'klor komi: zhanrovyy aspekt* [Komi children's game folklore: genre aspect]. Syktyvkar: The Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2014.]
- Романий 2009 — Романий Г. И. Региональная городская терминология детских игр: опыт выявления регионализмов, их ареализации и составления словарных статей по результатам поиска в Интернете // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы международной конференции «Диалог 2009» // <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/Romanii.htm> [Romanii G. I. Regional town terminology of children's games: an attempt of finding regionalisms, their arealization and compilation of lexical entries based on the results of Internet search. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Materialy mezhdunarodnoi konferencii «Dialog 2009»*. Available at: <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/Romanii.htm>]
- Романов 1912 — Романов Е. Р. Игры и забавы белорусских детей // Белорусский сборник. Вып. 8—9. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1912. С. 553—587. [Romanov E. R. Games and entertainments of the Belorussian children. *Belorusskii sbornik*. No. 8—9. Vil'na: Tipografiya A. G. Syrkina, 1912. Pp. 553—587.]
- РТС — Русско-татарский словарь. Т. 1. Казань: Татарское книжное издательство, 1955. [*Russko-tatarskii slovar'* [Russian-Tatar dictionary]. Vol. 1. Kazan: Tatarskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1955.]
- РУС — Русско-удмуртский словарь онлайн // <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar/> [*Russko-udmurtskii slovar' online* [Russian-Udmurt dictionary online]. Electronic resource. Available at: <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar/>]
- Сахаров 2000 — Сахаров И. П. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Тула: Приокское книжное издательство, 2000. (1-е изд.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. 2. Сказания о русских народных играх. СПб.: Гуттенбергова тип., 1837.) [Sakharov I. P. *Skazaniya russkogo naroda. T. 2. Skazaniya o russkikh narodnykh igrakh* [Legends of the Russian people. Vol. 2. Legends about the Russian folk games]. St. Petersburg: Guttenbergova Tip., 1837. Reedition: Sakharov I. P. *Skazaniya russkogo naroda, sobrannye I. P. Sakharovym* [Legends of the Russian people collected by I. P. Sakharov]. Tula: Priokskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 2000.]
- Семакова 1999 — Семакова И. Б. (сост.). «Олемба»: Традиционные игры финно-угорских и самодийских народов. Петрозаводск: Карельский центр народного творчества, 1999. [Semakova I. B. (comp.). *«Olemba»: Traditsionnye igry finno-ugorskikh i samodiiskikh narodov* [«Olemba»: traditional games of the Finno-Ugric and Samoyed nations] Petrozavodsk: Karelian Centre of Folk Art, 1999.]
- Семенов 1887 — Семенов Т. К. вопросу о родстве и связи мери с черемисами // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. Т. 2. М., 1887. С. 228—258. [Semenov T. About relationship and connection of Merya with Cheremis people. *Trudy 7-go arkheologicheskogo s'ezda v Yaroslavle*. Vol. 2. Moscow, 1887. Pp. 228—258.]
- Сѳмин 2012 — Сѳмин В. А. Детский фольклор с. Дубровичи Рязанской области // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго всероссийского конгресса фольклористов: сборник докладов. Т. 4. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012. С. 291—298. [Semin V. A.

- Children's folklore, village of Dubrovichi, Ryazan' region. *Ot kongressa k kongressu. Materialy Vtorogo vserossiiskogo kongressa fol'kloristov: sbornik dokladov*. Vol. 4. Moscow: State National Centre of the Russian Folklore, 2012. Pp. 291—298.]
- СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3 / Толстой Н. И. (ред.). М.: Международные отношения, 2004. [*Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Vol. 3. N. I. Tolstoi (ed.). M.: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2004.]
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1—3. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001—2005. [*Slovar' govorov Russkogo Severa* [A dictionary of the Russian North dialects]. Vol. 1—3. Ekaterinburg: Ural Univ., 2001—2005.]
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—45. Л./СПб.: Наука, 1965—2012—. [*Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of the Russian folk dialects]. No. 1—45. Leningrad / St. Petersburg: Nauka, 1965—2012—.]
- Таракина 1978 — Таракина Э. Н. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 8. Детский фольклор / Аникин В. П., Кавтаськин Л. С. (общ. ред.). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1978. [Tarakina E. N. *Ustno-poeticheskoe tvorčestvo mordovskogo naroda. T. 8. Detskii fol'klor* [Oral poetic arts of the Mordovian people. Vol. 8. Children's folklore]. Anikin V. P., Kavtas'kin L. S. (eds). Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1978.]
- Терещенко 1848 — Терещенко А. Игры // Терещенко А. Быт русского народа. Т. 4: Забавы. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1848. С. 3—130. [Tereshchenko A. *Byt russkogo naroda. T. 4: Zabavy* [Everyday life of the Russian people. Vol. 4: Entertainments]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1848. Pp. 3—130.]
- Тихонов 1889 — Тихонов Вас. Описание детских игрушек и игр в с. Мазунине Сарапульского уезда Вятской губернии // Труды этнографического отделения имп. ОЛЕАНЭ. Кн. IX. Том LXI. Вып. 1: Сборник для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. С. 1—9. [Tikhonov Vas. The description of children's toys and games in the village of Mazunino, Sarapul district, Vyatka province. *Trudy etnograficheskogo otdeleniya imp. Obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii. Book IX. Vol. LXI. No. 1: Sbornik dlya izucheniya byta krest'yanskogo naseleniya Rossii*. Moscow, 1889. Pp. 1—9.]
- Цейтлин 1911 — Цейтлин Г. Народные игры в Поморье // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1911. № 13. С. 7—20. [Tseitlin G. Folk games in Pomor'e. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. Arkhangel'sk, 1911. No 13. Pp. 7—20.]
- ЧРС — Чеченско-русский словарь // <http://e-chechnya.ru/dictionary/> [*Chechensko-russkii slovar'* [Chechen-Russian dictionary. Available at: <http://e-chechnya.ru/dictionary/>]
- Чубинский 1877 — Чубинский П. П. Юго-западное Отделение. М-лы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. Т. 4 // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом. СПб., 1877. (Детские игры. С. 38—51) [Chubinskii P. P. South-western branch. Materials and studies collected by full member P. P. Chubinskii. Vol. 4. *Trudy etnograficheskoi statisticheskoi ekspeditsii v zapadno-russkii krai, snaryazhennoi IRGO*. St. Petersburg, 1877. (Children's games. Pp. 38—51)]
- Шагапова 2008 — Шагапова Г. Р. Башкирские народные игры. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. [Shagapova G. R. *Bashkirskie narodnye igrы* [Bashkir folk games]. Ufa: Printing and Publications Centre of Bashkir Univ., 2008.]
- Федотов 1996 — Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. [Fedotov M. R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [An etymological dictionary of the Chuvash language]. Vol. 1—2. Cheboksary: Chuvash State Institute of the Humanities, 1996.]
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Вып. 1—34. М.: Наука, 1974—2008—. [*Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov (Praslavyanskii leksicheskii fond)* [An etymological dictionary of the Slavic languages (Common Slavic lexical fund)]. No. 1—34. Moscow: Nauka, 1974—2008—.]
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Т. 1—10. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981—1991. [*Yaroslavskii oblastnoi slovar'* [Yaroslavl' regional dictionary]. Vol. 1—10. Yaroslavl': K. D. Ushinskii Yaroslavl State Pedagogical Inst., 1981—1991.]
- Ягафаров 2002 — Ягафаров Р. Ф. (сост.). Народные жемчужины. Татарские народные игры: учебное издание. Казань: Магариф, 2002 (на татарском языке). [Yagafarov R. F. (comp.). *Narodnye zhemchuzhiny. Tatarskie narodnye igrы: uchebnoe izdanie* [Folk pearls. Tatar folk games: educational edition]. Kazan: Magarif, 2002 (in Tatar).]

- LJ 2002 — Блог-платформа «Живой журнал», сообщение об игре от пользователя losiki // <http://bozi.livejournal.com/155231.html?thread=3937375> [*Blog-platform «Zhivoi zhurnal», soobshchenie ob igre ot pol'zovatelya losiki*] [Blog-platform LiveJournal, game report from user losiki]. Available at: <http://bozi.livejournal.com/155231.html?thread=3937375>
- HMG 2013 — Hill mari games (Кырык мары тетя мадышвлä / Горномарийские детские игры) // http://hillmarygames.blogspot.ru/2013/02/blog-post_5.html (на горномарийском языке). [*Hill mari games (Kyryk mary tetya madyshvli. Gornomariiskie detskie igry)*]. Available at: http://hillmarygames.blogspot.ru/2013/02/blog-post_5.html (in Hill Mari).]
- Svetozarevo 2011 — Сайт школы д. Светозарево Слободского района Кировской области // <http://svetozarevo.ru/ethno> [Website of the school in the village of Svetozarevo, Slobodskoi district, Kirov region. Available at: <http://svetozarevo.ru/ethno>]

Статья поступила в редакцию 13.11.2014.

ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ МИРОВИДЕНИИ

© 2015 г. Сергей Юрьевич Бородай

Институт востоковедения РАН, Москва, 107031, Россия
sergey_boroday@inbox.ru

В основе индоевропейского мировидения лежит световая метафора. Рождение мыслится как появление на свет, жизнь — как способность видеть солнце; мир понимается как «то, что под солнцем», а мерой его существования выступает движение солнца. Божественное мыслится как светлое, дневное и небесное, боги в коллективном смысле располагаются на небе. Поэтическое творчество и культ пронизаны семантикой света и видения. С метафорой света тесно связан центральный нерв индоевропейской пред-онтологии — понятие истины (**h₁s-ont-/*h₁s-nt-*). Индоевропейцы мыслят истину как особое, «истинное» состояние сущего, характеризующееся ладностью, устойчивостью и благостью в ее многообразных вариациях; истина в то же время это и поэтическое слово, которое должно раскрыть подлинное бытие космоса. Поэтическая практика истины является центральным событием ритуала и восхваления. Специфику «истины» следует понимать из специфики индоевропейского глагола бытия (**h₁es-*), характеризующегося имперфективностью, презентностью, копулятивностью и аксиологически окрашенной экзистенциальностью. Семантический комплекс *истина-бытие-открытость-слово-слава-свет* является ядром индоевропейского мировидения, принципиально отличающим его от других языковых картин мира, в частности от языков австралийских аборигенов, где доминирует акустическая метафора.

Ключевые слова: индоевропеистика, индоевропейская поэтика, языковая картина мира, семантическая типология, мифопоэтическое мышление, лингвистическая относительность

ON THE INDO-EUROPEAN WORLDVIEW

Sergey Ju. Boroday

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 107031, Russia
sergey_boroday@inbox.ru

The core of Indo-European worldview is the metaphor of light. Birth is conceptualized as «coming into the light», life — as «an ability to see the sun». The world is viewed as «everything under the sun», and the sun is imagined as measure of its being. Divine is conceptualized as light, diurnal and celestial; the gods are situated on the sky. Poetry and cult are associated with the ideas of light and mystic vision. The central part of Indo-European proto-ontology is constituted by the notion of «truth» (**h₁s-ont-/*h₁s-nt-*). Indo-European peoples understand truth as specific «genuine» state of being that has such qualities as order, firmness, goodness, embodied in different forms; truth also designates poetic word that should uncover genuine being of cosmos. Poetic practice of truth is a central event of rite and praising. It is necessary to understand the specificity of truth on the basis of specificity of Indo-European verb of being (**h₁es-*) that is used in imperfective aspect / present tense, as copula and existential verb with positive connotation. Semantic complex *truth-being-openness-word-glory-light* is the core of Indo-European worldview that makes it specific and different from other language worldviews (e. g. Australian languages, where the acoustic metaphor is widespread).

Keywords: Indo-European studies, Indo-European poetry, language worldview, semantic typology, mythological thinking, linguistic relativity

σὺν ἀλαθείᾳ δὲ πᾶν λάμπει χρέος
Только в истине все выходит на свет
Вакхилид, *Od. VIII. 19—20*

Понятие «мировидения» — если мы откажемся от его трансцендентальных коннотаций и начнем рассматривать его с точки зрения формы слова — как нельзя лучше подходит для характеристики пред-онтологии индоевропейских народов. Мотив «зрения», «света», «сияния» настолько доминирует в индоевропейском мышлении, что можно даже пренебречь отсутствием надежной индоевропейской реконструкции для слова со значением «мир». Эта доминанта проявляется как в отдельных лексико-грамматических явлениях, так и в общей интенции индоевропейского поэтического наследия. Из отдельных лексико-грамматических явлений можно упомянуть тот факт, что чрезвычайно частотный и архаичный глагол **uēid-* имеет основное значение ‘увидеть’, в форме назального презенса он обозначает ‘находить’, а в хорошо сохранившейся основе перфекта — ‘знать’¹. Наряду с корнем **ǵneh₃-*, форма которого с трудом поддается истолкованию², это единственный глагол со значением ‘знать’ в индоевропейском языке. Его мотивировка как «увидения, нахождения в состоянии видения» (перфект здесь передает стативное значение, которое еще фиксируется у Гомера и в Ведах) показательна не только в контексте хорошо засвидетельствованного развития *видеть* ⇒ *понимать*, *знать* (ср. русск. *вижу* в смысле ‘понимаю’, англ. *I see*, нем. *Ich sehe* и др.), но и в контексте специфического функционирования этого глагола в поэтических текстах, где его дериваты наряду с дериватами и.е. **men-/mneh₂-* играют ключевую роль в передаче представлений о сакральном знании, видении, прозрении, внутреннем созерцании-припоминании священных формул. Здесь можно добавить, что **mneh₂-* (**mn-eh₂-*), указывающее на такое «мышление-припоминание», возможно, также исконно было связано с «видением», о чем говорит лув. *manāti* ‘видеть, ощущать’; имела место семантическая эволюция *внутренне видеть* ⇒ *представлять* ⇒ *вспоминать* [LIV 2001: 447]. Иначе говоря, на лексико-грамматическом уровне есть все основания предполагать устойчивую индоевропейскую ассоциацию знания в его разнообразных проявлениях и видения.

Другим лексико-грамматическим примером существования «зрительной», «световой» доминанты является глагол **h₁erk^u-*, для которого восстанавливается значение ‘петь’, но также ‘сиять’; к нему восходят хет. *arku-* ‘восхвалять, петь’, тохар. А *yärk-* ‘читать’, хотан. *āljs-* ‘петь’ и др.-инд. *arc-* ‘сиять; петь’ (ср. также арм. *erg* ‘песня’, др.-ирл. *erc* ‘небо’); делались попытки выделить два омонимичных глагола со значением ‘сиять’ и ‘петь’, но убедительных результатов они не принесли. По-видимому, уже для индоевропейского периода нужно предполагать связь «сияния» и «пения» (возможно, образовавшуюся в результате контаминации). Эта связь удержалась только в древнеиндийском языке, она даже обыгрывается в Ригведе (I.92.2—3): «Зори создали (свои) знаки, как прежде, / Алые они направили сверкающий свет. // Поют (~ сияют, *arcanti*) они, / (Прибыв) издалека, (проехав) на той же самой упряжке». Как будет показано далее, ассоциация «пения», «слова», «славы» и «сияния» чрезвычайно популярна в отдельных индоевропейских традициях.

Тезис о преобладании «световых», «зрительных» мотивов может быть рассмотрен и в более широком мировоззренческом контексте. Хорошо известно, что индоевропейское обозначение «бога», **deī_u-*, связано с корнем **dei-* ‘сиять’; оно произведено либо непосредственно от глагола **dei-*, либо в результате неправильной вриддхи-деривации от основы

¹ Впрочем, как показывает семантика дериватов этого глагола, он обладал значением ‘знать’ не только в перфекте, ср. [NIL 2008: 717—722].

² Попытки некоторых авторов связать этот корень с и.е. **ǵenh₁-* ‘рождать’ с фонетической точки зрения выглядят неудачными, несмотря на то, что в истории индоиранских языков была тенденция к контаминации этих корней, а в древнеиндийской традиции на поэтическом уровне обыгрывается созвучие *jan-* ‘рождать’ (< **ǵenh₁-*) и *jñā-* ‘знать’ (< **ǵneh₃-*).

*dieu- ‘небо, день’, которая также восходит к *dei-³. Таким образом, божественное понимается индоевропейцами как нечто принципиально ясное, светлое, дневное, небесное. Хотя в разных индоевропейских традициях известны и земные, и подземные, и атмосферные боги, все же когда о богах говорится в коллективном смысле, то их местоположение неизменно связывается с небом. Индра находится «на первом небе, среди сидения богов» (*prathamé viyomani devānām sādane*, RV VIII.13.2); это великое сидение вдали от людей, оно в небесах (RV IX.83.5; X.96.2; III.54.5 и др.). У греческих поэтов встречаются идиомы θεῶν ἔδος ‘сидение богов’ и ἀθανάτων ἔδος ‘сидение бессмертных’; при этом греч. ἔδος и др.-инд. *sādas*- восходят к *sed-os-, от этого корня в продленной ступени также происходит древнеирландское *síd* ‘сидение’, с помощью которого в ирландской традиции обозначались холмы и курганы, где, как считалось, обитают языческие боги. Божественное противопоставляется в индоевропейском мышлении человеческому как небесное — земному⁴. Основа со значением ‘человек’ (умбр. *homu*, литов. *žmiū*, др.-англ. *guta*, гот. *guta*, др.-норв. *gumi*, др.-ирл. *duine* и др.) произведена от слова «земля», **d^héǵ^hom-*, что отчетливо видно в случае с лат. *homo* ‘человек’ и *humus* ‘земля’; даже в греческом языке, где исконное слово было заменено на не имеющее хорошей этимологии ἄνθρωπος, сохранилось поэтическое обозначение людей ἔλ-χθῆναι «те, кто на земле». Противопоставление «расы земных» и «расы небесных», как показано М. Уэстом, может быть обнаружено в индийской, фригийской, итальянской, кельтской и германской традициях [West 2007: 125—126].

У индоевропейцев мы также находим многочисленные экзистенциальные мотивы, связанные с солнцем. Быть живым, быть на земле, существовать тождественно способности *видеть солнце*. «Здесь пусть будет этот человек со (своей) жизненной силой — / В доле у солнца, в мире бессмертия!» — гласит ведийское заклинание (AB VIII.1.1). «Пусть не выдашь ты нас смерти (*mṛtyave*) никогда, о Сома! / Пусть увидим мы (*paśyema*) еще, как восходит солнце!» — восклицает поэт (RV X.59.4). В Ригведе оборот «видеть солнце», имеющий значение «быть живым», иногда сокращается просто до одного глагола «видеть»: «Да буду я господином этого (богатства) с прекрасными коровами, прекрасными сыновьями, / А также видящим (*paśyan*) и исполнившим долгий срок жизни (*dīrgham āyuh*)» (RV I.116.25). Мотив жизни как способности видеть солнце присутствует также в «Гатах» («Ясна» 43.16; 32.10 и др.). Достаточно часто эта идея встречается и у греческих поэтов. Диомед молит Афину: «Дай мне того изойти и копейным ударом постигнуть, / Кто, удививши, меня уязвил и надмен предвещает, — / В жизни недолго мне видеть (ὄψεσθαι) свет лучезарного солнца!» (Ил V.118—120). Ахиллес вспоминает предсказание Фемиды о смерти Менелая: «В Трое, прежде меня, мирмидонянин, в брани храбрейший, / Должен под дланью троянской расстаться с солнечным светом (λεῖψειν φάος ἡελίοιο)» (Ил XVIII.10—11). Похожий оборот встречается у греческих трагиков (Soph. Phyl. 1348; Eur. Alc. 393 и т. д.)⁵. Если жизнь — это способность видеть солнце, то рождение понимается индоевропейцами как *появление на свет* (ср. аналогичную русскую идиому). Илифия должна произвести на свет Геракла (φῶς...ἐκφανεῖ, Ил XIX.103—104). Показателен фрагмент из «Илиады», в котором сочетаются мотивы рождения как появления на свет и жизни как способности видеть солнце: «[Илифия] сына на свет извела, и узрел он сияние солнца (ἐξάγαγε πρὸ φῶς δὲ καὶ ἡελίου ἶδεν αὐτός)» (Ил XVI.188)⁶. В космологическом аспекте солнце является *мерой жизни всего мира*. Оборот «пока все существует» выражается фразой «до тех пор, пока солнце

³ Обсуждение проблемы см. [NIL 2008: 69—81].

⁴ Другая оппозиция: божественное как бессмертное и человеческое как смертное.

⁵ Греч. δέρκομαι ‘смотреть, замечать’ иногда используется в ранних источниках в значении ‘быть живым’, то есть ‘видеть дневной свет’ (Ил I.88; Од XVI.439; Aesch. Eu. 322). Этот глагол восходит к и.-е. **derk-* ‘замечать, видеть’; интересно, что ведийское *dṛś-* ‘видеть’ (< **derk-*), как и составляющее с ним супплетивную парадигму *paś-*, также в некоторых контекстах имеет значение ‘быть живым’.

⁶ Определенный интерес представляет омонимия между греч. φῶς ‘свет’ и φῶς ‘мужчина, человек’, часто обыгрывающаяся у трагиков; не исключено, что ее следует объяснять общим происхождением данных слов от и.-е. **b^heh₂-* ‘сиять’, как предполагал уже К. Бругман.

взирает вокруг (*yāvát sūryo vipáśyati*)» (AB X.10.34), «так долго, как солнце будет в небесах (*yāvát sūryo ásad divi*)» (AB VI.75.3), или подобным образом, что засвидетельствовано на индийском, греческом и кельтском материале. Интересно, что балтийское слово «мир» (литов. *pasaulis*, лтш. *pasaule*) по внутренней форме обозначает «под солнцем». У Гомера находим: «Кони сии превосходнее всех под зарею и солнцем (*ὑπ' ἥω τ' ἡέλιόν τε*)» (Ил V.266—267). Мир понимается как «то, что под солнцем» также в ирландской и германской литературе [West 2007: 85—86].

Утверждение о том, что в индоевропейском мышлении доминирует мотив света и зрения может встретить возражение, согласно которому слово и слух не менее важны для индоевропейцев. Хотя нам не кажется, что с опорой на существующие материалы можно с достаточной полнотой восстановить отношения между слухом и зрением, как они были даны в индоевропейской ментальности, все же мы отметим один важный нюанс, который позволит составить общее представление об этом соотношении. Действительно, слово и слух важны для индоевропейцев. Многочисленные дериваты от корня **kleu-* ‘слышать’ широко распространены в отдельных индоевропейских языках и играют важную роль в поэзии. Можно даже сказать, что основной мотив индоевропейской поэзии — это мотив славы, **kleues-*. Но что обозначает «слава», что значит «быть славным», «прославленным»? Обозначает ли это популярность в плане известности как можно большему числу людей? Безусловно, **kleues-* в каком-то смысле связано с известностью. Но что значит «быть известным» для архаической эпохи? Какими неперенными семантическими атрибутами обладает известность в архаическую эпоху? Пожалуй, основная специфика в том, что известность не является известностью ради известности, то есть ситуация не ограничена чисто антропологической перспективой, перспективой популярности; напротив, известность — это некое высшее состояние бытия, твердо ассоциируемое со светом и сакральностью. Быть известным — это быть явным, быть очевидным для как можно большего числа людей и вообще быть открытым для всего сущего; слава — это удержание сакрального имени наяву, это незабвенность имени, это бессмертие; быть славным — значит стоять в свете. Не случайно, что слава ассоциируется, в первую очередь, с божественным. Именно боги являются славными (что лучше всего представлено в индоиранской традиции), именно с ними связано гимнотворчество, именно их сакральное имя должно быть упомянуто в первую очередь, а человек или герой может стать причастен этому в той степени, в какой он сам сподобился божественной участи. Боги бессмертны, постоянны, непреходящи (но не вечны!), и в этом они подобны солнцу, которое является мерой переменчивой земной жизни, поэтому такой эпитет славы как «неувядающая», **h²-d^hg^hi-to-*, указывает на ее божественный и небесный источник; как и небо, слава должна быть великой, **meg^h-h₂-*, своими размерами она достигает небес (греч. κλέος οὐρανόμηκες; Од VIII.74; IX.20; РВ I.126.2; IV.31.15 и др.); при этом, разумеется, сфера ее действия распространяется и на землю: слава обозначается как «широкая», *uerH²-*, то есть тем же эпитетом, что и земля. Задача поэта в том, чтобы установить, сделать, вытесать, выявить славу, обнаружить с помощью этой славы то эмпирическое событие, о котором идет речь, и придать ему статус неувядающего бытия, удержав в памяти потомков (в том числе и обеспечив возможность его последующего активного упоминания видения по модели **men-/mneh₂-*). Таким образом, слава двояко связана с вы-явлением: с одной стороны, она сама делается, вы-является видящим поэтом⁸, с другой стороны, она выступает непрерывным условием вы-явления героического события, — вероятно, составляет единый семантический сгусток с этим выявлением, так что о слове-славе следует также говорить как о свете⁹. Благодаря подобной двоякости, можно утверждать, что слава

⁷ Обширный материал по рассмотренным световым мотивам см. в [Durante 1976].

⁸ Ср. особенно идиому **kleues & d^heh₁-*.

⁹ Эта идея хорошо выражена в древнеиндийской и греческой поэзии. Ведийские поэты восхваляют Брихаспати, «неся в устах свет» (*bibharo jyotir āsā*, РВ X.67.10); Брихаспати собирается вложить в уста поэта «блистательную речь» (*dyumatīm vācam*) (РВ X.98.2—3); Агни должна быть дарована

и по своему происхождению, и по своей функции как бы обусловлена светом; она находится в подчиненном положении по отношению к тому ключевому вы-явлению, которое происходит в событии сакральной рецитации. Центральной оказывается именно эта явственность, эта возможность быть открытым и увиденным.

Данная точка зрения подтверждается тем фактом, что поэтическое творчество у индоевропейцев понимается как визионерство. Существует целый ряд прямых и косвенных материалов, по которым можно судить об этом. Одно из вероятных обозначений праиндоевропейского поэта, реконструируемое на базе западных языков, **uōt-* ‘поэт, провидец’ восходит к перцептивному глаголу **uet-* ‘быть осведомленным; видеть’: др.-ирл. *fethid* ‘видит, смотрит, замечает’, др.-инд. *āpi vataṭi* ‘знаком, осведомлен’, парфянск. *frwd-* ‘быть осведомленным, знать, понимать’ и др.¹⁰ Как показывает Уоткинс, семантика видения обнаруживается в таких формах как др.-ирл. *fáith* ‘предсказатель, провидец’, валл. *gwawd* ‘поэзия’, лат. *vātēs* ‘провидец’; к этому корню также относятся др.-англ. *wōþ* ‘песня, поэзия’, др.-норв. *ōðr* ‘поэзия’. От существительного **uōt-* было произведено притяжательное прилагательное **uōt-ó-* ‘обладающий прозрением’, которое мы находим в др.-англ. *wōd*, др.-норв. *ōðr* ‘неистовый’, др.-в.-нем. *wuot* ‘безумный’; мы имеем также основу **uōt-e/onó-* ‘тот, кто воплощает собой прозрение’, откуда др.-норв. *Odinn*, др.-англ. *Wōden*, др.-в.-нем. *Wuotan* ‘бог Один’ [Watkins 1995: 118]. Два других обозначения «поэта», претендующие с той или иной долей вероятности на праиндоевропейский статус, **kāru-* ‘певец, поэт’ и **gʷh₂-dʰh₁-o-* ‘поэт’ («делающий молитву»), не содержат указания на видение. Однако такое указание может быть найдено в обозначениях поэта и жреца в отдельных традициях. Кельтское название жреца др.-ирл. *druí*, валл. *derwydd*, галльск. *druids* (pl.) восходит к композиту **dru-uid-*, первая часть которого обозначает «дуб» (в переносном смысле «силу»), а вторая является формой глагола **ueid-* ‘видеть, знать’; иначе говоря, **dru-uid-* — это ‘обладающий силой прозрения’ (возможны также варианты ‘хорошо видящий’, ‘предсказывающий по дубу’, ‘видящий по дубу’ и т. д.). Другое кельтское слово др.-ирл. *fili* ‘поэт, провидец’ восходит к глаголу **uel-* ‘видеть’¹¹; семантика «видения» здесь еще сохраняется на синхронном уровне (ср. валл. *gwelet* ‘видеть’). Кельтское название поэзии др.-ирл. *aui*, *ai*, валл. *awen* восходит

древняя речь как «устроителю, несущему факелы вдохновенных слов» (*vipām jyotīmsi bibhrate na vedhase*, PB III.10.5); именно гимн имеется в виду, когда у Брихаспати выпрашивают то, что «ярко сверкает (*vibhāti*) среди людей, наделенное силой духа», «мощно светит (*didayac chavasa*)», является «ярким сокровищем» (PB II.23.15); Сомы должен выровнять путь для гимна, то есть «воссветить свет» (*rocayā rucāḥ*; PB IX.9.8); Канвы наполняются потоком истины, когда «сами по себе начинают пылать поэтические мысли (*dhitayāḥ*), пребывавшие в тайне» (PB VIII.6.8); поэты разглядывают птицу Патангу сердцем и мыслью, ища «след лучей»; в мысли Патанга несет речь: «Это сверкающее небесное познание (*dyotamānām svaryam manīṣām*) / Мудрецы хранят в обители истины» (PB X.177.2); в других гимнах говорится о «светлоокрашенной поэтической мысли (*śukravarnām dhiyam*)» (PB I.143.7), о «светлой молитве (*śvetayā dhiyā*)» (PB VIII.26.19), о «яркой песне (*citram arnam*)» (PB VI.66.9), о «светлом произведении (*śukra manīṣā*)» (PB VII.34.1) и т. д. Интересно, что греческий глагол ἀγλαίζω обозначает ‘делать блестящим, украшать’, но и ‘славить’ (ср. αἴγλη ‘блеск, сияние, слава’). Мы находим его у Вакхилида: «Богу, богу да воздаст наш блеск — нет на свете вернейшего блага! (θεόν, θεῶν τις ἀγλαίξειθω γάρ ἄριστος [δῶ]λβων)» (Od. III.21—22); также этот глагол встречается у Пиндара: царь Гиерон «блещет мусической красотой [т. е. поэзией] (ἀγλαίξειται δὲ καὶ μουσικᾷς ἐν ᾧτω)» (Ol. I.14—15). Согласно Пиндару, «без песни и великая сила пребывает во мраке» (Nem. VII.14); Аркесилая Киренского «осияли (φλέγοντι) прекраснокудрые Хариты», то есть он «обрел памятник славящих слов (λόγων φερτάτων)» (Nem. V.45—50); слава царя Гиерона сияет (λάμπει... κλέος, Ol. I.23), прославленные подвиги горят в веках, достигая эфира (λάμπει... ἔργα, Pyth. IV. 227). При этом у Пиндара о песне часто говорится как о «красе», κόσμος (Ol. VIII.109; Ol. XI.11—14; Isthm. VI.69; Nem. III.31), ср. особенно Pyth. II.10, где упоминается, что Артемиды и Гермес увенчали Гиерона «сияющей красотой» (αἰγλάεντα... κόσμον).

¹⁰ См. [IEW: 346; LIV 2001: 694; Werba 1997: 232; EWA II: 494; Cheung 2007: 427—428].

¹¹ К этому корню также относится лат. *vultus* ‘выражение лица, взгляд’, гот. *wulþus* ‘величие’ (< *ul-tu-); см. [LIV 2001: 675; IEW: 1136—1137].

к и.-е. корню **h₂eu-* ‘видеть’, откуда также хет. *au-* ‘видеть’, др.-инд. *āviś* ‘очевидно’, литов. *ovuje* ‘наяву’, греч. *αἶω* ‘воспринимать’, ст.-слав. *javiti*, русск. *явить*; интересно, что уже в хеттском языке от этого глагола было произведено существительное *uuatalla-* ‘провидец’¹². Древнеиндийское обозначение поэта *kavi-*, вероятно, родственно греч. *κοῖω* ‘замечать’, лат. *saveo* ‘быть бдительным, предусмотрительным’, ст.-слав. *čujō* и восходит к и.-е. **(s)keuh₁-* ‘замечать, смотреть’¹³. Древнерусское обозначение жреца *vědunъ*, фиксируемое в летописях с XIII в., связано с глаголом *vědati*, восходящим к старому перфекту от и.-е. **ueid-* ‘видеть’; при этом славянские когнаты *vědati* в ранних памятниках имеют значение не только «знать», но и «видеть»¹⁴, то есть можно утверждать, что в *vědunъ* еще на синхронном уровне присутствуют оттенки «видения» (ср. также др.-русс. *viděti*). Это лишь некоторые примеры, показывающие часто встречающуюся мотивировку в обозначении «поэта» как «видящего»¹⁵.

Важно отметить, что божественное и поэтическое видение не является только взглядом в прошлое или предсказанием будущего; оно распространяется на все срезы времени, что отражено в специальном поэтическом обороте; см. [Schmitt 1967: 252—254; West 2007: 103—104]. Греческий провидец Калхас знает «то, что есть, то, что будет и что было (*τά τ' ἔοντα τά τ' ἑσόμενα πρό τ' ἔοντα*)» (Ил I.70). Гесиод рассказывает, что Музы вдохнули в него дар божественных песен, чтоб воспевал он «что будет и что было (*τά τ' ἑσόμενα πρό τ' ἔοντα*)» (Theog. 32); сами же Музы всегда излагают «то, что есть, то, что будет и что было (*τά τ' ἔοντα τά τ' ἑσόμενα πρό τ' ἔοντα*)» (Theog. 38). В одном плохо сохранившемся фрагменте Пиндара упоминается, что Афина и Мнемосина инспирировали глас о прошлом, настоящем и будущем (*ἐνέθηκε... φῶνά τε τ' ἔοντα τε καὶ... πρόσθεν γεγενυμένα*; фрагмент 52i, 83). Индийский мудрец Маркандей знает прошлое, настоящее и будущее (МБх III.186.85; IX.62.38; XII.47.65). Царица Видура является «созерцателем будущего и прошедшего» (*bhaviṣyād-bhūta-darśinī*, МБх V.134.12). Варуна расположился в водах и оттуда «все сокрытое наблюдает внимательный, сотворенное и что только будет сотворено (*viśvāni adbhutā cikivān abhi paśyati kṛtāni yā ca kartvā*)» (РВ I.25.11). Подобная формулировка может быть найдена также у нартов, а в славянском язычестве она фиксируется вплоть до середины XIX в. [West 2007: 104]. Оборот «то, что было, что есть и что будет» используется также для обозначения целокупности сущего; данный смысл он имеет в индоиранской традиции («Ясна» 33.10; РВ X.90.2; АВ X.7.22; X.8.1) и у философствующих поэтов-досократиков. Гераклит говорит, что космос «всегда был, есть и будет постоянно живой огонь мерно вспыхивающий и мерно угасающий (*ἦν αἰεὶ καὶ ἔστιν καὶ ἔσται πῦρ αἰεὶ ζῶον, ἀλτόμενον μέτρα καὶ ἀλοεβνόμενον μέτρα*)» (фрагмент В 30). Его использует Эмпедокл, когда говорит о происхождении космоса из элементов под воздействием любви: *πάνθ' ὅσα τ' ἦν ὅσα τ' ἔσται καὶ ἔσται* «все, что было, что есть и что будет» (фрагмент В 21.13). Фразеологизм «то, что было, что есть и что будет», указывающий на целокупность сущего и на область поэтического прозрения, формулируется с использованием различных лингвистических средств в разных языках и даже в рамках одного языка. Среди них презентное причастие

¹² Авторы LIV реконструируют для хеттского глагола праформу **h₂eu-* ‘видеть’, мотивируя это тем, что в начале хеттского слова отсутствует *h-*, являющееся регулярным рефлексом второго ларингала [LIV 2001: 243]. Но подобное отсутствие можно объяснить, как предложил Клухорст, смещением **h₁-* и **h₂-* перед **o* в прахеттский период и выравниванием парадигмы глагола по **h₁-*, которое перешло в */z-/* и затем выпало. В пользу начального **h₂-* в праиндоевропейском ясно говорит греч. *αἶω* < **af₁ō* < **h₂euis-*, а также лат. *audiō* < **h₂euis-d^hh₁-je/o-*, см. [Kloekhorst 2008: 227—229]. Эти сложные объяснения могут быть несколько упрощены предположением о том, что фонема **a-* существовала в праиндоевропейском языке и могла появляться в начале слова.

¹³ см. [LIV 2001: 561; IEW: 577—578].

¹⁴ Например, с помощью ст.-слав. *věděti* переводятся не только греческие абстрактные глаголы *γινώσκω*, *ἀναλογίζομαι*, *ἐπίσταμαι*, *συνεῖδέναι*, *μαθάνω*, но и глаголы с семантикой перцепции *εἰδέναι*, *οἶάω* ‘видеть’ и даже *ἀκούω* ‘слышать’ [Цейтлин и др. 1994: 164].

¹⁵ Возможно, именно с метафорой «видения (внутренним взором)» связано то, что в ряде индоевропейских традиций поэты изображаются слепыми.

от греч. εἰμί, сочетание презентного причастия с греч. наречием πρό или πρόσθεν, причастие будущего времени от εἰμί, перфектное причастие от ὑγύωμα, причастие от др.-инд. *bhū-*, *kṛ-* и т. д. Устойчивость семантики в разных традициях говорит в пользу того, что данный оборот имеет общиндоевропейское происхождение, но мы не знаем, какова была его исконная формулировка (отсутствие будущего времени в праиндоевропейском могло компенсироваться разными способами: от использования превербов до модальных форм).

В связи с проблемой поэтического видения большой интерес представляет и.-е. корень **men-*. Данный корень может претендовать на раскрытие дополнительных смысловых оттенков техники индоевропейского поэтического видения, поэтому мы остановимся на нем подробнее. Согласно индоевропейским воззрениям, сакральное событие и сакральное слово должны быть представлены в памяти, они должны быть увидены внутренним взором и только затем произнесены; такое визуальное мышление-припоминание кодируется корнем **men-/*mneh₂-*¹⁶. В. Н. Топоров удачно определил и.-е. **men-* как «ментальную деятельность, специфический вид тонкого возбуждения, некоего состояния вибрирования, позволяющего открыться и реализоваться особым творческим способностям — дару слова, памяти о прошлом, предвидению будущего, прорыву к сути, к ноуменальному и т. п.» [Топоров 2006: 137]. Идею памяти-видения можно проиллюстрировать следующими примерами. В конце многих гомеровских гимнов мы встречаем формулу, состоящую из глагола μνῆσκα ‘помнить’ и имени бога. Например, в «Гимне к Афродите»: «Сейчас же, тебя вспомнив, я припомню и другую песню (αὐτὰρ ἐγὼ καὶ σεῖο καὶ ἄλλης μνήσοι’ αἰοδῆς)». Музы, чье имя, возможно, также связано с этим корнем, рассматриваются у греков как те, кто вдохновляют с помощью припоминания, устанавливают в память; имя матери муз μνημοσύνη обозначает «память». В латинском языке данная идея выражается с помощью глагола *monere* ‘напоминать, вдохновлять, внушать’, и не случайно Ливий Андроник переводит μοῦσα как *Moneta*. Вельва по указанию Одина должна рассказать о прошлом всех сущих, о древнем, что она помнит (*um man*); и далее она говорит: «Великанов я помню (*man*)... / Помню (*man*) девять миров...» и т. д. («Волюспа» 1—2). Сам Один в качестве спутников имеет воронов с именами *Huginn* ‘мысль’ и *Muninn* ‘память’. Похожие мотивы могут быть найдены в древнеанглийском и славянском фольклоре [West 2007: 33—35].

Наиболее показательна в плане усвоения поэтического *men*-комплекса древнеиндийская традиция. Глагол *man-* ‘думать’ (< **men-*) широко распространен в Ригведе; но еще более частотны его многочисленные дериваты, относящиеся к поэтическому творчеству: *mānman-* ‘разум, мысль’, *matī-*, *sumatī-*, *mānas-* ‘разум, мысль, дух’, *manīṣā-*, *māntṛa-*, *manótar-*, *māna-*, *manūi-*. Вместе со своими дериватами др.-инд. *man-* имеет большое значение для ведийского поэтического дискурса, в котором «мысль», «мышление», «разум» кодируют элемент, играющий важную роль в процессе выстраивания отношений с божественным: мысль божества, дух божества требуется развязать, склонить к дарению, которое является гарантией устойчивости мира, — для этого нужна жертвенная молитва, порожденная мыслью жертвователя в результате ее «соприкосновения» с мыслью божества; по сути, область *man-* в жертвенной процедуре указывает на «ментальный резонанс» между мыслью жертвователя и божества, который обеспечивает прорыв божественного в сферу мирского, сопровождающийся обновлением космоса¹⁷. Не случайно целый ряд гимнов начинается с обращения

¹⁶ Корни **men-* ‘думать’ и **mneh₂-* ‘помнить’ составляют в поэтическом нарративе единый семантический комплекс «мышления-помнения»; о данном комплексе см [West 2007: 33—35; Watkins 1995: 73]. Исторически **mn-eh₂-*, скорее всего, является расширенным вариантом **men-* [LIV 2001: 477].

¹⁷ Попытка вписать эту концепцию в «магические» рамки, где жертвователь собирается с мыслями и творит молитву для того, чтобы умилизовать божество, значительно искажает ситуацию, так как ведийский контекст гораздо более многозначен. Архаическая поэзия не является прихотью индивидуального субъекта; напротив, она всегда творится с верой в божественную инспирацию. При этом в источниках часто подчеркивается жертвенная мысль самого божества, а многие гимны приписываются таким «поэтам», как Агни, Индра, Сوما, Праджапати и др. Жертвенная мысль или молитва не является только средством приобретения благ, «магией» или чем-то подобным. Скорее,

к богу: *bhadraṃ no api vātaya manaḥ* «Вдохни же в нас счастливую мысль» (РВ X.20.1; X.25.1). Приведем другие показательные примеры:

Два вдохновенных, два поэта на жертвоприношениях у людей, — / Я думаю (*mānye*) о вас, о двух Джатаведасах, чтоб почитать (*yājadhyaī*) (РВ VII.2.7);

Я воспеваю, надеясь на милость / Помогающего вблизи, благодатного, / Щедрого, кто овладел мыслью (*manaḥ*) каждого (РВ I.138.1);

Словно крутящееся колесо (*cakraṃ na vṛttaṃ*), о многопризываемый (*puruhūta*), дрожит дух (*manaḥ*) мой от страха перед нехваткой мыслей, о повелитель давящих камней (РВ V.36.3);

Прочный свет установлен, чтобы видели, — мысль — быстреее из того, что летает (РВ VI. 9.5);

Восхваляй дарителя благ, чей дар не ранит! / Благодатны дары Индры. / Он не отвергает желания своего почитателя, / Побуждая дух (*manaḥ*) к дарению (РВ VIII.99.4);

Не отвлекается моя мысль (*manaḥ*), направленная на тебя; только к тебе устремлено мое желание (*kamaṃ*), о многопризываемый (РВ X.43.2);

Это ему я вручаю как освежение, / Я приношу похвалу, чтобы обезоружить (его) удачными речами. / Индре — сердцем (*hṛdā*), духом (*manasā*), мыслью (*manīṣā*), / (Как) древнему мужу, они начищают молитвы (РВ I.61.2);

На ристалище, о Индра, умом (*manasā*) восхваляемый нами, нам, преданным тебе, о щедрый, даруй защиту! (РВ I.102.3);

Эта почтительная хвала (*stomaḥ*), о Маруты, выточенная сердцем и мыслью (*hrdā taṣṭaḥ manasā*), сложена для вас, о боги. Приблизьтесь, наслаждаясь умом (*manasā*): ведь вы те, кто усиливает поклонение (РВ I.171.2);

Словно мысль (*manaḥ*), в один день проходя пути, Солнце (*sūro*) целиком владеет добром (РВ I.71.9);

Пожертвуй богам самой жертвенной мыслью (*yajīṣṭhena manasā*), / Безошибочным размышлением (*asredhata manmanā*), как вдохновенный, о Агни! (РВ III.14.5);

Какой подход, о Агни, будет желанен духу (*manase*) твоему? ... С каким духом (*manasā*) нам почитать тебя? (РВ I.76.1);

Ты, Сома, проявись через мысль (*manīṣā*)! ... Божественным разумом (*devena manasā*), о бог Сома, завоюй нам долю в богатстве, о обладатель силы! (РВ I.91.1—23).

Примеры подобного рода можно значительно приумножить.

Наибольший интерес для нашей темы представляют случаи эксплицитной связи между др.-инд. *man-* и видением, зрением, светом. Хорошую иллюстрацию этой связи мы находим в девятом гимне VI мандалы «Ригведы», посвященном Агни-Вайшванаре. Приведем несколько строф из него:

Черный день и светлый день — / Вращаются два пространства по (своему) разумению (*vedyābhiḥ*). / Агни-Вайшванара, рождаясь, / Как царь, преодолел мрак... // Вот первый хотар — взгляните (*paśyata*) на него! / Это свет бессмертный среди смертных (*jyotiḥ amṛtam martyeṣu*). / Это

она выполняет медиативную функцию, выступая пространством ментального опыта, в котором встречаются божественное и человеческое (ср. также космогонический аспект мысли). Т. Елизаренкова верно замечает: «Риши облакает свое видение в слова, которые превращают его в гимн, молитву, литургический текст. Составляя часть ритуала почитания богов, гимн вновь устремляется к богам, давшим риши вдохновение. Тем самым круг замыкается: обмен между божеством и адептом осуществляется и в области поэтического творчества. Божество дает риши доступ к сокровенному и поэтическое вдохновение, а риши сочиняет гимн-молитву для поддержки и восхваления божества» [Елизаренкова 1993: 21]. Ср. здесь же осмысление дара, исходящего от божества, как чего-то светлого, сияющего, постоянные просьбы «посветить» (~ подарить) что-либо и т. д.

он родился, прочно уселся, / Бессмертный, растущий телом. // Прочный свет установлен, чтобы (его) видели, — / Мысль (*dhruvam jyotiḥ nihitam dṛśaye kam manaḥ*) — быстрее из того, что летает / Все боги, единомышленные (*sa-manasaḥ*), с единой волей, / С разных сторон правильно сходятся на одном представлении. // Взлетают мои уши, вз(летает) взгляд (*cakṣuḥ*), / Вз(летает) этот свет, что заложен в сердце (*vi idam jyotiḥ hṛdaye āhitam*). / Воспаряет моя мысль (*manaḥ*), проникающая далеко. / Что же скажу я? Что же придумую (*maniṣye*)? (РВ VI.9.1—6).

В этом гимне эксплицированы многие индоевропейские «световые» темы. Лейтмотив гимна — мистерия преодоления мрака, которая захватывает поэта и возвышает его. Агни определяется как первый хотар, покровитель поэзии, который знает, как правильно (*rtuthā* ‘своевременно’) произносить речь; Агни — это бессмертный свет, на который сходятся в едином стремлении (*sa-manasaḥ*) боги и вокруг которого конституируются все события ритуала; этот священный свет отождествляется также с мыслью¹⁸ и с тем светом, который заложен в сердце поэта, этот свет должен быть увиден, к чему и призывает гимн. Таким образом, здесь вполне эксплицитна присутствующая во многих ведийских гимнах связка *свет-огонь-мысль-слово-видение*.

Аналогичная ассоциация обнаруживается в другом гимне к Агни:

Созерцающая мыслью (*manasā...nicāyu*) Вайшванару Агни, / Мы с жертвенными возлияниями (его,) следующего истине (*anuṣatyam*), нашедшего солнце, / Щедрого бога, колесничего, веселого, / (Мы,) люди племени Кушики, призываем песнями (РВ III.26.1).

Другой пример связи мысли и видения находим в I мандале. Поэт обращается к Митре и Варуне:

С тех самых пор, о Митра-Варуна, когда за пределы Закона (*ṛtāt*) / Вы поместили Беззаконие (*anṛtam*) — своим рвением (*manyunā*), / (Рвением) силы действия, своим рвением (*manyunā*), / Там, на ваших местах сиденья, / Мы увидели (*apaśyama*) золотой (трон) — / Пусть силами прозрения мыслью, своими глазами (*dhībhiḥ cana manasā svebhiḥ akṣabhiḥ*), / Своими глазами, (глазами) сомы! (РВ I.139.2).

Помимо возможности видения с помощью мысли, стоит также отметить, что именно рвением, ментальным усилием (*manyú-*) Митра и Варуна отделили порядок от хаоса.

Существует еще довольно много мест, где видение осмысливается в связи с ментальной деятельностью, производной от *man-* (РВ III.38.6; I.163.12; III.26.8; X.177.2; VII.34.1 и др.), но мы сейчас не будем на них подробно останавливаться. Перейдем лучше к упомянутой в предшествующем гимне лексеме *dhī-*, которую можно перевести как ‘восприятие, прозрение, сила прозрения, поэтическая сила’. Первичный глагол др.-инд. *dhī-* (*dhay-*) имеет достаточно широкий диапазон значений: ‘видеть’, ‘созерцать’, ‘замечать’, ‘наблюдать’, ‘воспринимать’, ‘мыслить’; данный корень восходит к и.-е. **dʰeiH-* ‘замечать’, при этом интересно, что только в древнеиндийской традиции из первичного значения ‘замечать, видеть, созерцать’ развилось значение ‘мыслить, прозревать’ (ср. также алб. *di* ‘знать’). Проблеме др.-инд. *dhī-*, а также целому ряду других проблем, связанных с ведийским поэтическим видением, посвящена монография Я. Гонды [Gonda 1963]. Гонда исследовал многочисленные контексты, в которых употребляются глагол *dhī-* и его дериваты (*dhītá-*, *dhīti-*, *dhīra-*, *dīdhiti-*), и пришел к выводу, что в ведийский период существовала особая идеология «поэтического визионерства», которая заключалась в представлении о том, что всеведущие боги связаны со светом, и познание чего-либо возможно только путем мысленной причастности этому свету; такая причастность кодировалась лексемой *dhī-*, ее дериватами, а также целым рядом глаголов, которые включены в смысловой контекст видения, знания и мышления (*ikṣ-*, *cakṣ-*, *ci-*, *cit-*, *paś-/dṛś-*). Гонда считает, что под «видением» следует понимать «при-сущую “видящим” исключительную и сверхнормальную способность “видеть” в уме вещи, причины связи таковыми, какими они являются в реальности; способность к усвоению

¹⁸ Определение «мысли», *manaḥ*, как быстрой, находит параллели в других традициях [West 2007: 96].

внезапного знания истины, функций и влияний божественных сил, отношений человека к ним и т. д. Именно этому “видению” они [риши] стараются придать форму, именно его они стараются выразить в словах, развить в понятную речь, “перевести” в форму станц и “гимнов” с литургическим смыслом» [Gonda 1963: 68—69]¹⁹. Мы в целом согласны с такой трактовкой, но ее требуется уточнить. Безусловно, с внешней исследовательской точки зрения можно утверждать, что риши соотнобразовывает свое видение с реалиями языка традиции, «переводит» свое видение в каноническую форму; но сами ведийские визионеры, скорее, склонны считать, что в своем видении они имеют дело с уже сформированным гимном, при этом даже стихотворные размеры существуют в качестве небесных архетипов (см. особенно РВ X.130).

Таким образом, для ведийской эпохи можно предполагать, во-первых, тесную связь мышления и видения, а во-вторых, доминирование видения в качестве основного перцептивного механизма²⁰. Елизаренкова резюмирует древнеиндийскую ситуацию следующим образом: «Риши был визионером, высшие истины открывались как озарение перед его внутренним взором, постигнуть значило увидеть... Размышление представлялось, видимо, также в значительной степени как процесс, осуществляемый с помощью внутреннего видения» [Елизаренкова 1993: 69]. Все это имеет место на фоне сильной сакрализации слова, но последнее, хотя оно и предвечно, находится в подчиненном положении по отношению к видению, являясь предметом рефлексии именно в связи с видением и проявлением. К тому же, как отмечалось в литературе, видение ассоциируется с человеческим качеством, в то время как слух в большей степени свойственен божеству²¹. Древнеиндийская ситуация, как нам кажется, выступает наиболее правдоподобным отражением праиндоевропейской ситуации. То, что мы находим в качестве разбросанных свидетельств разных традиций, обладает в Ведах концептуальным единством: знание как видение, поэтическое мышление как прозрение, связь сердца и прозрения, видение как основной перцептивный механизм, гимн как свет, слава как свет, творение словом как проявление, метафорические интерпретации огня и т. д. У нас нет оснований всецело проецировать ведийскую ситуацию на праиндоевропейскую эпоху, но в случае с ведийской традицией мы обладаем хорошим примером того, как все базовые элементы способны функционировать в едином семиотическом поле. Можно только выразить сожаление по поводу того, что реконструкция праиндоевропейской традиции, способная дать столь подробное и разностороннее понимание, неосуществима²².

¹⁹ Гонда обнаруживает преемственность между ведийскими представлениями и более поздними индийскими учениями (в том числе буддизмом и джайнизмом).

²⁰ Ср. типичный пример из Шатапатха-брахманы: «Поистине, глаз — это истина (*satyamṛ vai cakṣuḥ*). Глаз же и в самом деле истина. Поэтому, если бы сейчас подошли двое спорящих, (один из которых говорил бы): “Я видел!” (*ahamadārśam*), (а другой): “Я слышал” (*ahamaśrauṣam*), — мы поверили бы именно тому, кто сказал бы: “Я видел!”» (ШБр I.3.1.27).

²¹ В. С. Семенов замечает: «Обращаясь к тексту РВ, мы обнаруживаем, что боги вообще ничего не говорят людям; даже если не говорить о гимнах, в которых отношения между богами (а иногда и между богами и людьми) изображаются в форме диалога, можно утверждать, что они вообще молчат. Субъектом глагола “слышать” (шру) в РВ оказывается божество, а не человек... Просьбы об “услышании” очень часто обращаются к самым разным божествам — Агни, Индре, Пушану и т. д. Ритуальный контекст всего сборника обуславливает частое употребление таких оборотов, как “услышь жертвенный призыв” (хава), “услышь слова молитвы” (вачанси, брахмани), “услышь хвалу” (шлока), “услышь стих” (стома) и т. д.» [Семенов 1981]. Отметим, что обращение к богу с призывом «услышать» является общиндоевропейским мотивом.

²² Мы рассмотрели лишь малую долю «световых» представлений индоевропейских народов. За более подробным описанием читатель может обратиться к работам по отдельным индоевропейским традициям (см. особенно праиндоевропейские мотивы: небо как всевидящий и всезнающий бог, солнце как «глаз бога», огонь как земное проявление солнца; суммировано в [West 2007], там же список литературы). Определенный интерес представляет чрезвычайно развитая лексическая система «видения», многочисленные корни для белого цвета, света, сияния и т. д. [Mallory, Adams 2006: 328—334].

Итак, попытаемся резюмировать те немногочисленные материалы, которые нам удалось привести в связи с мотивом «света», «сияния», «видения» в индоевропейском мышлении. На чисто лингвистическом уровне можно отметить часто встречающийся переход *видеть* $\Rightarrow$ *знать, понимать*, обширную систему оптической лексики. Сравнение поэтических оборотов показывает, что индоевропейцы представляли себе жизнь как способность видеть солнце, а рождение — как появление на свет; при этом мир описывается как то, что под солнцем, а мерой его существования является движение солнца. Само солнце определяется как «глаз бога» и важной его характеристикой выступает способность видеть все, а значит — знать все; эта же характеристика присуща богу-отцу, отождествляемому с небом; земным солнцем является огонь, культ которого широко распространен в отдельных традициях. Божественное мыслится индоевропейцами как светлое, дневное и небесное; боги в коллективном смысле располагаются на небе, в то время как люди являются принципиально земными существами. Поэтическое творчество и культ тесно связаны с божественной инспирацией, а значит, пронизаны семантикой света и видения; поэт является «провидцем, видящим», что подтверждается не только праиндоевропейской реконструкцией, но и независимой семантической эволюцией в рамках отдельных традиций. Поэтическое видение оказывается припоминанием, мысленным представлением, которое ориентировано не только на некие сакральные события из прошлого, но вообще на все, что было, что есть и что будет (скорее, события из прошлого являются в той степени сакральными, в какой они соответствуют образцу, и на этом основании они уже перестают быть событиями *только* из прошлого²³); созерцаемая поэтом истина охватывает все срезы времени, при этом формулировка данной истины, утверждение истины, открывается как прорыв небесного в сферу земного — прорыв, который должен быть удержан наяву и за удержание которого ответственные поэты.

Перечисленные сейчас «световые» характеристики, вероятно, не встречаются нигде именно в таком виде и в таком соотношении, какое мы находим у индоевропейцев, но по отдельности все же они широко распространены по всему миру, что легко объясняется общими природными явлениями (солнце, небо, свет и т. д.) и физиологическим доминированием зрения среди других органов чувств; при этом метафора «видения» в смысле поэтического прозрения или религиозного прозрения также широко распространена²⁴. Подлинной спецификой обладает тот лингвистический, мировоззренческий и поэтический контекст, в котором осуществляется индоевропейское видение. И в этом контексте определяющее значение имеет главный нерв индоевропейской пред-онтологии — понятие «истины».

Одним из первых, кто обратил внимание на существование у индоевропейцев особой концепции «поэтической истины», был М. Дилон, который в 1947 г. сравнил в своей небольшой статье древнеиндийские представления о поэтическом слове с похожими кельтскими представлениями [Dillon 1947]. Подробную дескрипцию концепции «поэтической истины» на древнеиндийских источниках проделал Г. Людерс в своей фундаментальной работе о Варуне [Lüders 1959]. Греческий материал, который менее однозначен в данном отношении, проработан в книге М. Детьенна [Detienne 1973]. Наконец, кельтский материал достаточно хорошо представлен у К. Уоткинса [Watkins 1979; 1995]. Уоткинсу также принадлежит определение феномена «поэтической истины» для индоевропейской поэзии; другое такое определение принадлежит Ж. Одри, который вообще считал индоевропейскую религию «религией истины» [Naudry 1985]. Согласно К. Уоткинсу, индоевропейцы понимали истину как «активную интеллектуальную силу, словесно выраженную, которая обеспечивает процветание общества, избыток еды, плодородие и защиту всего этого от несчастья, разрушения и нападения врагов». При этом «сила изреченного слова как формулы и сила поэта

²³ Эта идея «вневременного» и «внемодального» характера событий, как показывают ведийские материалы, могла выражаться инфьюнктивом (что является дополнением к основной функции инфьюнктива в качестве немаркированного члена в системе «конъюнктивной редукции» [Kiparsky 1968]).

²⁴ См., например, [Элиаде 2000].

как хранителя слова и формулы выводятся из их *истинности*» [Watkins 1995: 85]. Как показывает Уоткинс, в данном случае мы имеем «не только культурную практику, общую для индоиранцев, греков и кельтов, мистическую силу истины властителя, но общую индоевропейскую синтаксическую конструкцию, которая обеспечивает лингвистическое выражение этой культурной практики в каждой традиции» [Ibid.: 261]. Судя по сохранившимся материалам, индоевропейская концепция «поэтической истины» содержательно практически ничем не отличалась от древнеиндийских представлений о *ṛtá-* и *satyá-*; как и во многих других отношениях, древнеиндийская традиция оказалась здесь наиболее консервативной. Индоевропейцы понимали истину как особое, «истинное» состояние сущего, характеризующееся ладностью, устойчивостью и благостью в ее многообразных вариациях; истина в то же время это и поэтическое слово, которое должно раскрыть истинное бытие космоса, то есть его сакральное измерение: плодородие, изобилие, избыточность, возрастание, процветание, божественность, силу и т. д. Истину-состояние и истину-слово невозможно отделить друг от друга, потому что бытие вообще связано с творческими, выявляющими потенциями речи. Рецитация истинного поэтического слова раскрывает истинное существо мира, но и само слово генетически связано с этим существом; таким образом, и конкретное слово поэта, и бытие космоса укоренены в общем источнике — в истине, которая в широком смысле обозначает вообще все, что есть (и.-е. **h₁s-ont-/*h₁s-nt- < *h₁es-* ‘быть’). Подлинному состоянию сущего противостоит хаос, разлад, олицетворяемый ложным словом или профанической речью. Как афористично замечает ведийский поэт: «Сущее и не-сущее слово всегда спорят друг с другом (*sác cāśac ca vācāṣ pasprdhāte*)» (PB VII.104.12).

В древнеиндийском языке засвидетельствована парадигматическая синтаксическая конструкция «изречения истины», которую К. Уоткинс схематически представил следующим образом: *s*[TRUTH_{instr.} [*s* NP + NP/VP]*s*]*s* или сокращено TRUTH [*S*], где *s* (sentence) — это обозначение предложения, NP (noun phrase) — обозначение именной группы, VP (verb phrase) — обозначение глагольной группы, TRUTH — обозначение истины, которое часто стоит в инструменталисе. Предложение подобной структуры начинается в древнеиндийском со слов *ṛtá-* или *satyá-* в творительном падеже (*ṛténa, satyéna*):

ṛténa mitrāvaruṇāu / ṛtāvṛdhāv ṛtasprśā / krátum bṛhántam āsathé «Истиной, о Митра-Варуна, умножающие истину, лелеющие истину, вы достигли высокой силы духа» (PB I.2.8);

ṛtenādityā máhi vo mahitvām / tát aryaman varuṇa mitra cāru «Истиной велико ваше величие, о Адитьи, оно дорого, о Арьяман, Варуна, Митра» (PB II.27.8);

satyénottabhitā bhūmih / sūryenottabhitā dyauh / ṛtenādityās tiṣṭhanti / divi somo adhi sritah «Истиной держится земля. Солнцем держится небо. Истиной-законом существуют Адитьи (и) Сомы устроен на небе» (PB X.85.1);

tena satyena jāgṛtam adhi pracetune pade «Силой этой истины наблюдайте за приметным следом» (PB I.21.6) и т. д.

Интересно, что в гимне из четвертой мандалы, посвященном Агни (PB IV.3.9-12), рассматриваемая конструкция встречается аж четыре раза.

Несмотря на то, что мы способны реконструировать даже синтаксис поэтической фразы, мы не знаем, каким словом обозначалась сама поэтическая «истина» в праиндоевропейском. В греческой традиции это *ḗkē* и *ἀλήθεια*, в древнеиндийской традиции — *satyá-*, *ṛtá-*, в иранской традиции — *haiθiia-*, *aša-*, в древнеирландской — *fir*. У этих слов разная этимология: греч. *ḗkē* восходит к и.-е. корню **deik-* ‘показывать’, греч. *ἀλήθεια* (< *λήθη*) — к и.-е. **leh₂-* ‘прятаться, скрываться’; ирландское *fir* происходит от основы **ueh₁-ro-* ‘верный’; индоиранские термины восходят к **h₁es-* ‘быть’ и **h₂er-* ‘прилаживать’ соответственно. В случае с греческими словами мы имеем дело с явной инновацией. На праиндоевропейский статус вряд ли может претендовать и **ueh₁-ro-*, являющееся региональным обозначением истины (др.-ирл. *fir*, лат. *vērūs*, др.-в.-нем. *wār*). Более вероятным претендентом выглядит и.-е. **h₂er-*. Этот корень, по-видимому, обозначал в индоевропейское время ‘соединять, прилаживать’,

что мы видим на примере греч. ἀραρίσκω ‘сплачивать’, лат. *ars* ‘ремесло’, арм. *arñem* ‘я делаю’, а также на примере окказиональных индоиранских глагольных форм со значением ‘сплачивать’²⁵. Как уже говорилось, от **h₂er-* происходят др.-инд. *ṛtá-* и авест. *aša-* ‘закон, истина’ (< **h₂r-to-* буквально ‘ладное, соединенное, гармонически сложенное’); «истина» в смысле «выговариваемой истины» не является доминирующим значением др.-инд. *ṛtá-* и авест. *aša-*, в семантическом плане явно преобладает характеристика бытия вселенной как *ṛtá-* и *aša-*, то есть сущее понимается как «ладное, гармоничное» (греч. ἀρμονία происходит от того же корня) и потому «подлинное, истинное». Слово о сущем с необходимостью обладает такими же характеристиками (отсюда и засвидетельствованные употребления *ṛtá-* и *aša-* при глаголах говорения); можно сказать, что *ṛtá-* и *aša-* ассоциируются, прежде всего, с некоей нормативностью — нормативностью сущего и, следовательно, нормативностью слова. Не случайно в анатолийских языках мы находим такие рефлексy и.-е. **h₂er-*, как хет. *āra* ‘правильно, должным образом’ и, вероятно, лик. *ara-* ‘ритуал’ (ср. лат. *rītus* ‘ритуал’ < **h₂r-i-*)²⁶. Учитывая имеющиеся факты, можно утверждать, что и.-е. **h₂er-* значило ‘соединять, прилаживать’ и использовалось в техническом смысле; дериваты **h₂er-* указывали на нормативность и могли играть важную роль в религиозно-поэтической и социальной сфере. Не исключено, что производное имя также имело большое значение для концепции «поэтической истины», будучи одним из возможных обозначений этой «истины» (либо в соответствующей поэтической рецитации таким значением обладало наречие **h₂oro-*; ср. русск. *воистину*, греч. ὄντως, ἀληθῶς).

Однако наиболее вероятным кандидатом на главенствующую роль в формулировке «поэтической истины» является единственное надежно реконструируемое для праиндоевропейской эпохи слово со значением ‘истина’, и.-е. **h₁s-ont-/*h₁s-nt-*. Как уже отмечалось, др.-инд. *satyá-* и авест. *haiθiia-* восходят к **h₁s-nt-io-*, выступающему диалектным индоиранским развитием **h₁s-nt-*. От и.-е. **h₁s-ont-/*h₁s-nt-* образованы хеттские, греческие, индоиранские, германские, балтийские, славянские слова со значением «существующее, подлинное, истинное». Сама индоевропейская форма **h₁s-ont-/*h₁s-nt-* является причастием настоящего времени от глагола **h₁es-* ‘быть, существовать’; дословно мы могли бы передать **h₁s-ont-/*h₁s-nt-* как ‘существующее, имеющее место’ ⇒ ‘истинное, истина’. Широкая распространенность, а также специфическое поэтическое использование др.-инд. *satyá-* и авест. *haiθiia-* в индоиранской традиции, хорошо согласуются с возможным функционированием «истины» в поэтическом дискурсе и с общей окрашенностью индоевропейского мировидения. В индоевропейское время **h₁s-ont-/*h₁s-nt-* обозначало как ‘истину’ в смысле

²⁵ См. [LIV 2001: 269—270].

²⁶ Область функционирования хеттского *āra* и его привативного варианта *natta āra* была подробно рассмотрена в монографии Й. Козна [Cohen 2002]. Проанализировав все доступные на данный момент фрагменты, в которых используются эти формы, Козн пришел к выводу о том, что хет. *āra* указывает на норму и баланс в широком смысле. В религиозной сфере это проявляется в правильно налаженной связи между божеством и человеком, в совокупности предписаний и табу; от знания того, что следует делать (*āra*) и чего не следует делать (*natta āra*), зависит успех хеттского царя в военной кампании, поэтому он с помощью оракула вопрошает об этом богов. В социальной сфере концепция *āra* проявлена многообразно: от справедливого суда и следования закону до совокупности табу, касающихся сексуальной жизни. Специфика хеттского *āra* в том, что оно предполагает формирование устойчивого и гармоничного состояния внутри какой-либо области путем демаркации этой области от иного, то есть *āra* всегда отсылает к *natta āra*: например, в ритуале это различие сакрально санкционированных действий и профанических действий; в рамках сообщества людей это четкое разделение на «своих» и «чужих», иногда в широком смысле — на хеттов и не-хеттов (не по этническому, а по культурно-политическому признаку; ср. греч. θεῖς у Гомера), с хет. *āra* ‘правильно’ связано хет. *arā-* ‘принадлежащий к общине своих, свободный, друг’. Отмечена также персонификация *āra* в виде божества ^d*Aras*, но его функция не до конца ясна. Очевидно, в хеттском понимании *āra* и *natta āra* смешались индоевропейские воззрения и некоторые ближневосточные концепции (в частности, доказано, что использование *natta āra* в целом ряде текстов мотивировано такими понятиями как шумерское *ŃG.GIG* или аккадское *ikkibu, ul parṣu*).

«вербальной истины», так и ‘истинность’ в смысле «подлинности чего-либо», в смысле «истинного существования». Говорить истину в поэтическом смысле, очевидно, значило нечто большее, чем говорить истину о каком-либо факте; возможно, «вербальная истина» как повседневная или этическая категория отсутствовала в индоевропейском мышлении, «повседневная истина» могла рассматриваться как максимально десакрализованное проявление поэтической и ритуальной «истины»²⁷. Основная специфика поэтической истины — а поэтическая истина является наиболее интенсивным вариантом поэтического слова — в том, что она характеризует некий императив, некое «да будет», которое относится к желаемому состоянию космоса. Поэтическая истина, по замечанию Уоткинса, является активной интеллектуальной силой, при этом, конечно, она не является интеллектуальной силой эмпирического человека или человека, мыслящего в категориях «магизма»; поэтическая истина, как и любое сакральное слово, и любая традиция, имеет своим источником инспирацию, а значит, за ней стоит сила божества. Являясь по происхождению сакральной и будучи ориентирована на прорыв сакрального, рецитируемая истина, по сути, олицетворяет собой процесс раскрытия мира в его нормативном измерении — в том, каким он должен быть и какой он есть *п о и с т и н е*; это процесс раскрытия подлинного состояния бытия. Основа **h₁s-ont-/*h₁s-nt-* как нельзя лучше подходит для такой формулировки, потому что говорить «истину» здесь обозначает буквально «говорить существующее», «высказываться о том, каково действительное положение дел»²⁸; если в повседневном «говорении истины» должно быть раскрыто положение дел в связи с тем или иным вопросом, то в поэтическом «говорении истины» раскрывается положение дел *в о о б щ е*, то есть нормативное состояние космоса и все то, что характеризует это нормативное состояние (устойчивая структура общества, избыток еды, плодородие, изобилие, потомство, порядок, регулярность и т. д.).

Характер поэтической истины можно понять, проанализировав специфику индоевропейского глагола **h₁es-* ‘быть’. Важной чертой праиндоевропейского языка является тесная связь бытия и истины. Э. Бенвенист справедливо отметил, что глагол **h₁es-* обозначает «иметь существование, принадлежать действительности, и это “существование”, эта “действительность” определяются как нечто достоверное, непротиворечивое, истинное» [Бенвенист 1974а: 204]. Такими чертами обладает, прежде всего, партиципальная форма **h₁es-*, под влиянием которой вся семантика **h₁es-* обростаёт «истинностными» коннотациями. Сосуществование в причастии **h₁s-ont-/*h₁s-nt-* значения «бытия» и «истинности» является *н а с т о я щ е й з а г а д к о й* индоевропейского мышления. И по сей день, говоря о том, что нечто *с у щ е с т в у е т*, мы в то же самое время мыслим существование этого нечто как *и с т и н н о е*, *п о д л и н н о е*²⁹. Эта двойственная семантика засвидетельствована уже в хеттском *asant-* (< **h₁s-ont-*) ‘существующий, подлинный, истинный’: *asanza memias* ‘слово истинно’, *asanza LUGAL-us* ‘подлинный царь’, *INIM-an asantan iyaun* ‘я высказал правдивую речь’, *asān-at iyanun-at* ‘так и есть, я сделал это’, *asanda LÚ-natarHI.A* ‘[ero] подлинный мужественные подвиги’ и т. д. Древнеиндийское *sát-* (< **h₁s-nt-*) обозначает ‘сущий, настоящий, хороший’, но и ‘истинный’. На это же указывает авест. *hañt-* (**h₁s-ont-*) ‘существующий, истинный’; греч. ἔων, ὄν (< **h₁s-ont-*) употребляется как в значении ‘сущий’, так и в значении ‘истинный’, о втором значении свидетельствует его использование при глаголах говорения (τὰ ὄντα ἀπαγγέλλωσιν, Thuc. Hist. VII.8.2; τὸν ἔοντα λόγον, Her. Hist. I.116.19). Аналогичная семантика в германских языках: др.-норв. *sannr*, *sadr*, др.-англ. *sōð*, *sōðe*, др.-сакс. *sōth* ‘истинный’. Интересно, что в некоторых языках основа **h₁s-ont-/*h₁s-nt-* дала

²⁷ Подобным образом обстояло дело, например, в древнеиндийской традиции, что убедительно показано в исследовании В. Н. Романова [Романов 2009].

²⁸ Ср. у Витгенштейна: «Высказывание *показывает*, как обстоит дело, *если* оно истинно. И оно *говорит*, что дело обстоит так» [Витгенштейн 2005: 105].

²⁹ Ср. у Аристотеля: «“Бытие” и “есть” означают, что нечто истинно (τὸ εἶναι σημαίνει καὶ τὸ ἔστιν ὅτι ἀληθές)» (Met. V.7.1017a, 31). Например, в китайском языке совсем иная ситуация: как показывает А. Грэхэм, там вообще отсутствует соответствие индоевропейской «истине» [Graham 1989].

значение «вины», «греха»: лат. *sōns* ‘виновный’, др.-в.-нем. *suntea*, др.-сакс. *sundea*, др.-фриз. *sende* ‘грех’. Следует предполагать семантическую эволюцию «действительно совершивший преступление» ⇒ «виновный, грешный», проходившую в отдельных языках. Сам по себе семантический комплекс «бытие-истина-экзистенция», выраженный в **h₁es-* / **h₁s-ont-*, несет положительные смысловые оттенки. С **h₁es-* ассоциируется не столько абстрактное «exists», сколько жизнь и существование в тех их характеристиках, которые им присущи с точки зрения индоевропейского мифопоэтического мышления. Данный глагол указывает на бытие и жизнь как на нечто подлинное, хорошее и благое. Среди слов, производных от **h₁es-*, можно отметить и-основу со значением ‘жизнь’: др.-инд. *ásu-* ‘жизнь, существование’, авест. *ahu-* ‘жизнь, бытие, период жизни’, *parāhu-* ‘высочайшая жизнь’ (< **h₁es-u-*), авест. *ahuiiā-* ‘жизнь’ (< **h₁es-u-ah₂-*); гот. *sunja* ‘истина, благочестие’ (< **h₁s-nt-ih₂-*); сюда также относится прилагательное **h₁es-u-*, засвидетельствованное в греч. εὖ ‘хороший’, др.-инд. *su-* ‘хороший, благой’, авест. *hu-* ‘хороший’, др.-ирл. *su-*, *so-* ‘хороший’, хет. *āssu-* ‘хороший’, *assu* ‘благо’ и др.³⁰

Глагол **h₁es-* специфичен и в грамматическом отношении. Во многих индоевропейских языках он играет роль связки в предложении. Как известно из типологии, связка не обязательно должна выражаться глаголом бытия или глаголом с витально-локативной семантикой

³⁰ См. [NIL 2008: 235—243]. Когда утверждается, что первичным значением **h₁es-* было ‘существовать’, то нужно иметь в виду редкость (или, возможно, полное отсутствие) абсолютных синтаксических конструкций, где этот глагол использовался бы в данном значении («X exists», «X существует», «X есть» без именных или локативных предикатов). Из всех индоевропейских языков подробный анализ материала проделан только для греческого, см. монографию [Kahn 2003]. Ч. Кан показал, что в греческих источниках εἶμι чаще всего употребляется как копула, реже — в утвердительном значении (ἐστὶ ταῦτα, ἐστὶ οὕτω ‘так и есть’) и в значении экзистенции. При этом экзистенциальную группу можно условно разделить на шесть типов. Тип 1 характеризуется тем, что εἶμι используется как простой глагол и имеет значение ‘быть живым, жить, присутствовать’: ἦ γάρ ἐστ’ εἰσὶ καὶ ἀφνειοὶ καλέονταί [твои родители] живы и слынут богачами» (Од XV.433). Тип 2 характеризуется копулятивным использованием εἶμι с риторически акцентированной семантикой локативности: ἐστὶ πόλις Ἐφύρη μυχοῖ Ἀργεός «Есть в конеславном Аргоне град знаменитый Эфир» (Ил VI.152). Тип 3 является множественным вариантом Типа 2: πολλοὶ γάρ ἀνὰ στρατὸν εἰσὶ κέλευθοι «Здесь есть много дорог по широкому лагерю» (Ил X.66). Для Типа 4 характерно использование εἶμι в качестве экзистенциального квантификатора («Есть такой X, что X есть F»): νῦν δ’ οὐκ ἔσθ’ ὅς τις θάνατον φύγῃ... καὶ πάντων Τρώων, πέρι δ’ αὖ Πριάμοιο γέ παῖδων «Ныне нет никого, кто смог бы избежать смерти... включая троянцев и особенно детей Приама» (Ил XXI.103). В Типе 5 εἶμι функционирует как глагол с семантикой констатации происходящего события или его отрицания (при этом субъект выражен абстрактным именем): αἰψὶ δὲ μιν κλαγγὴ νεκρῶν ἦν οἰωνὸν ὥς «Шум мертвых был над ним подобен птичьему шуму» (Од XI.605). Наконец, Тип 6 характеризуется «абсолютной» семантикой экзистенции вне локативных или именных дополнений: οὐδ’ ἔστι Ζεὺς «Зевс не существует» (Aristoph. Nub. 366); περὶ μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰδέναι, οὔθ’ ὥς εἰσὶν οὔθ’ ὥς οὐκ εἰσὶν οὔθ’ ὅλοιοί τινες ἰδέαν «Что касается богов, я не могу знать, существуют ли они или не существуют и как они выглядят» (Prot. фрагмент 4). Синтаксис показывает, что как обычный глагол с самостоятельным значением εἶμι функционирует только в Типе 1 и Типе 6; при этом Тип 6 появляется лишь в текстах конца V в. до н. э., и его появление, согласно Ч. Кану, связано с философским переосмыслением Типа 4 [Kahn 2003; 2009]. Таким образом, на основании греческих данных можно предположить, что значение «существования» (в абсолютном смысле) не было основным для **h₁es-*. Обычным значением глагола **h₁es-*, по-видимому, было неоднократно отмечавшееся в литературе витально-локативное «жить, обитать», а развитие экзистенциального значения связано с использованием этого глагола в качестве копулы. В пользу этого предположения говорит, во-первых, сохранность витально-локативного значения во многих дериватах и в качестве основного значения **h₁es-* в ранних памятниках; во-вторых, тот факт, что грамматикализация глагола со значением «жить, обитать, находиться» в качестве копулы является распространенным явлением [Heine, Kuteva 2002: 198, 282], пример этого есть даже в индоевропейских языках (и.-е. **h₂ues-* ‘обитать, оставаться’ как связка в германских языках); в-третьих, ностратическая реконструкция, согласно которой **h₁es-* восходит к корню **?esA* со значением ‘быть на месте, осесть на месте’.

(часто встречаются также глаголы со значением «стоять», «сидеть», «становиться», указательное местоимение и пр.). Другая важная грамматическая особенность корня **h₁es-* заключается в том, что он составляет супплетивную парадигму с глаголом **b^heh₂u-* ‘расти, становиться’, при этом выступая только в форме презенса-имперфектива (лишь в отдельных языках от него образовались вторичные аспектуальные основы, ср. др.-инд. перфект *āsa*). При более поздней перестройке глагольной морфологии в отдельных языках мы часто имеем ситуацию, когда формы настоящего времени образуются преимущественно от **h₁es-*, а формы прошедшего и будущего — от **b^heh₂u-* (ср. в русском языке *был, буду*, но *есть*); в целом **h₁es-* является стабильным глаголом, который имеет крайне устойчивую корневую основу презенса (даже несмотря на частое выпадение связки). Эта особенность в совокупности с «истинностной» и «экзистенциальной» характеристикой **h₁es-* сыграла большую роль в становлении западной и восточной метафизики. Когда древнеиндийские философы говорят о Брахмане, что он *sāt-* ‘сущий’, или что его главной чертой является *satyá-* ‘подлинность, истинность’ (ср. распространенный в ранневедийской литературе оборот *satyasya satyam*, относящийся к богам и сфере сакрального: РВ II.15,1; VIII.57.2; БрУп II.3.6, МУп VI.32 и т. д.), то они имеют в виду примерно то же, что и Платон, замечаящий в «Тимее», что вечной сущности (οὐσία) «подобает одно только “есть” (το ἔστιν μόνον), между тем как “было” и “будет” (τὸ δὲ ἦν το τ’ ἔσται) приложимы лишь к возникновению (τὴν γένεσιν), становящемуся во времени» (Tim. 37e—38a); иначе говоря, метафизика формировалась через гипостазирование настоящего времени **h₁es-* как чего-то единственно подлинного, истинного, существующего; «вечность» метафизики оказывается «вечным сущим», «вечным настоящим». Метафизика использует всю семантическую и экспрессивную силу глагола **h₁es-* и его дериватов. Этот процесс чувствуется уже в раннегреческом οὐδὲ ποτ’ ἦν οὐδ’ ἔσται ἐπεὶ, νῦν ἔστιν ὁμοῦ πάν, ἔν, συνεχές и в χρῇ τὸ λέγειν τε νοεῖν ἐὼν ἐμμεναί³¹, а также в таких ключевых элементах философской терминологии как др.-инд. *sāt, satyá-*, греч. ἐόν, ὄν, ὄντα, ἐστώ, οὐσία, лат. *esse, essentia*. Но особенно ярким отражением этого процесса является контакт греков с древнееврейским мышлением: др.-евр. *ehyeh asher ehyeh*, в котором употребляется 1 sing. imperf. глагола *hayah* ‘быть’ и имеется в виду, вероятно, ‘тот, кто есть’, ‘тот, кто известен вам’, ‘тот, кто будет с вами таким же, каким был раньше’³², становится в «Септуагинте» (Исх III.13—14) и у Филона Александрийского ἐγὼ εἰμί ο ὢν ‘Я есмь Сущий’; Яхве наделяется презентными чертами греческих ὄν и οὐσία времен классической метафизики.

Без имперфективности, презентности, копулятивности и аксиологически окрашенной экзистенциальности (сущее = хорошее) глагола **h₁es-* метафизика не могла бы состояться³³.

³¹ «Оно [сущее] не “было” некогда и не “будет”, так как оно “есть” сейчас — все вместе, одно, непрерывное» (фрагмент В 8.5—6); «Необходимо говорить и мыслить, что сущее есть» (фрагмент В 6.8) — высказывания Парменида об ἐόν.

³² Этим подчеркиваются специфические отношения между Яхве и еврейским народом, о чем ясно говорит 15 стих: «Ответь сынам Израилевым, что тебя послал Господь, Бог их отцов — Авраама, Исаака, Иакова. Это — имя Мое навеки: пусть призывают Меня так из поколения в поколение» (Исх III.15). В данном фрагменте имеет место также поэтико-этимологическое обыгрывание имени Яхве, вне зависимости от того, восходит ли оно к тому же корню, что и др.-евр. *ehyeh*; возможные трактовки см. [Исход 2000: 20; Тантлевский 2000: 43—45].

³³ На это указывал еще Э. Бенвенист [Бенвенист 19746]. Его тезисы развил и несколько модифицировал Ч. Кан в монографии [Kahn 2003]. Он убедительно показал, что важным условием (но не причиной!) метафизики явилась специфика греческого глагола «бытия», εἰμί, который сочетает в себе семантику экзистенции, жизненности, истинности, а также стативность-дуративность-локативность, противопоставленную динамике таких глаголов как γίγνομαι, πέλω, τελέθω; грамматическим и функциональным ядром греч. εἰμί является его копулятивная функция в предложении, при этом в копулятивности всегда содержится экзистенциальный и истинностный момент, то есть указание на реальное существование утверждаемой в предложении связи. Данная специфика, наследуемая греческим глаголом от и.-е. **h₁es-*, активно используется греческими философами, которые почти не делают различия между присутствующими в εἰμί смысловыми

Но нам не следует механически проецировать метафизические формулировки на праиндоевропейское время. Нельзя сказать, что поэтическая истина, и. -е. **h₁s-ont-/*h₁s-nt-*, понимается как «вечно сущее», «сущность», «трансцендентное», «потустороннее» и т. д. Этого нет и не могло быть в праиндоевропейском мышлении. Индоевропейцы не мыслили метафизически: у них отсутствовало противопоставление вечного и временного; вечность они не понимали как присутствие, а временность не мыслили как гомогенный и линейный ряд *nunc stans* (ср. аристотелевское *το νῦν*). В действительности, так не мыслили даже ранние греки, что хорошо видно на примере раннегреческого понимания αἰών: «жизнь», «жизненная сила», «век», «время», но не «вечность». Гомер говорит о Симоисии: «Краток во цвете был его век (αἰών)» (Ил IV.478); ср. то же самое о сыне Теламона: «Краток век (αἰών) его был на земле» (Ил XVII.302). Сарпедон просит Гектора разрешить ему прибыть в Трою: «Пусть уже в вашем признанном граде жизнь (αἰών) оставит меня» (Ил IV.685). Увидев слезы Одиссея, Калипсо согласилась его отпустить: «Не сокращай себе жизни (μηδέ τοι αἰών φθινέτω). Охотно тебя отпускаю» (Од V.160). Афина навела на Пенелопу чудесный сон, Пенелопа, проснувшись, восклицает: «О, если б такая же смерть была Артемидою чистой тотчас же послана мне, чтобы я в постоянной печали века себя не губила (κατά θυμόν αἰώνα φθινύθω), тоскуя о милом супруге» (Од XVIII.202—204). По словам Пиндара, «нескользкой жизни (αἰών)» не было дано ни Пелею, ни Кадму (Pyth. III, 86—88). Гера возбудила в полубогах тоску по Арго, «чтоб никто при матери не имел бестревожную жизнь (αἰώνα)» (Pyth. IV, 186). Человек — ничто, однодневка (ἐπάμερος), сон тени (σκιᾶς ὄναρ), но когда от Зевса исходит свет (αἴγλα), то светится человек изнутри и бытие его подобно меду (μεῖλιχος αἰών; Pyth. VIII, 97). Вестник в «Агамемноне» Эсхила замечает: «Не боги мы: те легки провозждают век (αἰώνος χρόνον)» (Agam. 554). Эсхил хочет восславить знаменье, предвещившее победу в походе, поскольку ему ниспослана мощь песен, преодолевшая «совозросшие годы (σύμφυτος αἰών)», то есть старость (Agam. 106—107). Хор в «Филокете» Софокла восклицает: «О, людской злополучный род; о, безмерная доля! (μή μέτριος αἰών)» (Phyl. 178—179). Филоктет восклицает: «О, мрачная жизнь (ὁ στυγνός αἰών)! Зачем меня неволишь ты видеть дня сиянье на земле?» (Phyl. 1348). Интересно отметить, что еще у Аристотеля αἰών обладает чертами жизненности. Аристотель говорит об αἰών:

Воистину, древние изрекли это имя по божественному наитию. Ибо предел (τέλος), объемлющий время жизни каждого отдельного существа (τῆς ἐκάστου ζωῆς χρόνον), предел, вне которого [нельзя найти] ни одну из его естественных [частей], они называли «веком» каждого (αἰών ἐκάστου). По аналогии с этим и полный предел существования всего неба, и предел, объемлющий целокупное время и бесконечность (καί τό τοῦ παντός οὐρανοῦ τέλος καί τό τὸν πάντα χρόνον καί τὴν ἄλειριαν), есть 'век' (αἰών), получивший наименование вследствие того, что он 'постоянно есть' (αἰεὶ εἶναι) — бессмертный и божественный (ἀθάνατος καὶ θεῖος) (De caelo 279a, 22—30).

оттенками. «Мы можем сказать, что Парменид создал метафизическую концепцию Бытия, соединив все аспекты и оттенки греческого глагола в единую концепцию неизменной Фактичности или Сущности: *το ὄν*, “то, что есть”» [Kahn 2003: 136]. Полностью контрастирует с генезисом греческой метафизики, например, развитие китайской мысли, для которой в целом не характерно учение о «субстрате» и о «вечном настоящем». В. А. Торчинов пишет: «Исключительно важным аспектом китайского представления о жизни и смерти стало отсутствие в этой культуре концепции бытия как вечного и неизменного *есть*, что, возможно, определялось особенностями древнекитайского языка, в частности, отсутствием в нем глагола *быть*... Китайская культура склонна была отождествлять бытие, наличное бытие и становление, рассматривая последнее как поток непрерывных изменений и трансформаций перемен (*и*). При этом именно переменны выступали в качестве первичной сути, тогда как сущее могло рассматриваться как своего рода манифестация этого процесса перемен» [Торчинов 2007: 99—100]. Ср. Сицы чжуань: «То инь, то ян, это и есть Дао». В зньяне к глаголу «быть» близки только *ю* и *ши*: первое слово имеет значение «наличествовать, иметься, обладать», а второе — «утверждать, правда, это» (*ши* в местоименном значении используется как связка в современном китайском языке). О философских следствиях такой ситуации см. [Карапетянц 1974; Кобзев 2006; Graham 1989].

Строго отведенное каждому время есть *télos* каждого, есть его *αἰών*. Но и, по аналогии с этим, *télos* неба является отведенным ему пределом, объемлющим все время и даже бес-предельность. С одной стороны, здесь у Аристотеля подмечено архаическое понимание небесного как живого, бессмертного и божественного, а временности — как предельности и конечности. С другой стороны, *αἰών* неба связывается (с намеком на поэтическую этимологию) с тем, что небо «постоянно есть» (*αἰεὶ εἶναι*), в чем следует видеть влияние элеатской и платоновской метафизики. Эта двусмысленность имеет место уже в платоновском «Тимее» (37d—38c), который является прекрасным образцом синтеза архаики и зарождающегося метафизического дискурса.

Даже при беглом анализе видно, что современные представления о гомогенном времени и о вечности как о бесконечной длительности, сформированные под влиянием метафизики и новоевропейской науки, не являются универсальными. Эти вещи были неочевидны в период их философской разработки в греческой метафизике, они нерелевантны для раннегреческого мышления, но еще более чужды они индоевропейской пред-онтологии. С высокой долей вероятности по отношению к индоевропейцам можно говорить только о дихотомии смертное/бессмертное, неустойчивое/постоянное (или регулярное), ненормальное/нормативное. При этом жизнь и время понимаются в тесной связи с сакральной «силой», пронизывающей собой все сущее: спекуляции досократических мыслителей на тему греч. *αἰών* и *χρόνος* могут служить одним из примеров подобного архаического понимания³⁴. Само греческое *αἰών* является хорошим примером индоевропейского толкования жизни, для него обнаруживается целый ряд параллелей в других традициях: др.-инд. *āyu-* ‘жизненная сила, жизненность’, *āyú-* ‘живой, подвижный’; авест. *āyū* ‘продолжительность, срок жизни’, *yavaēitāt-* ‘продолжительность’; гот. *aīws* ‘время, век, мир’, прагерм. **aiwi-* ‘век, жизнь’; тохар. А *āyt-* ‘дух, жизнь’. На основе этого реконструируется индоевропейская праформа **h₂ei-u-* ‘жизнь, время жизни’. Вопреки Э. Бенвенисту [Benveniste 1937], это слово не значило у индоевропейцев «вечность», о чем ясно говорит его семантика в ранних памятниках. Скорее, как отчасти верно подметили Т. Гамкрелидзе и Вяч. Иванов, **h₂ei-u-* выражало понятие «некоторой циклической жизненной силы, которая переходила от одной жизни к другой» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 802]³⁵. Мы еще находим это старое значение у греков и в Ригведе. От основы **h₂ei-u-* образовалось прилагательное **h₂i-u-h₃on-/*h₂i-eu-h₃n-o-* со значением ‘обладающий **h₂ei-u-*, молодой, юный’: др.-инд. *yúvan-* ‘молодой’, лат. *iuvēnis* ‘молодой, юный’, литов. *jaunas* ‘молодой’, ст.-слав. *jъnъ*; иначе говоря, молодость, юность понималась индоевропейцами как период наиболее интенсивного проявления **h₂ei-u-*, как расцвет сил (это также один из эпитетов Агни!). Главная сложность в интерпретации корня **h₂ei-u-* кроется в семантике, которая включает в себя «жизненные» и «временные» смысловые пласты; это можно объяснить как исконной полисемией слова, так и существованием специфических воззрений, касающихся связи жизненности и временности.

Индоевропейская основа **h₂ei-u-* ‘жизнь, время жизни’ подчеркивает те же мифопоэтические черты, что и **h₁es-u-* ‘бытие, жизнь’. Жизнь не является чисто антропологической категорией; она пронизывает собой все и выступает синонимом бытия; жизнь ассоциируется со светом, она есть благо. Мы также выяснили, что важной особенностью индоевропейского мировидения является специфическое понимание глагола **h₁es-*, для которого может быть реконструировано значение «быть на самом деле; быть живым». Этот глагол используется в форме презенса, также он выполняет копулятивную функцию в предложении. Многочисленные дериваты **h₁es-* указывают на «жизнь», «бытие», «благо»; от этого глагола также происходит основное индоевропейское обозначение «истинного,

³⁴ Подробнее об этом см. [Onians 2000: 250—251].

³⁵ Понятие «силы» нам не кажется удачным, и мы обращаемся к нему лишь для того, чтобы подчеркнуть онтологический характер «жизни» в противоположность привычному антропологическому пониманию.

подлинного», которое выражается презентным причастием от **h₁es-*. Данное причастие обозначает как «верное слово», так и «подлинное существование»; оно широко используется в поэтическом нарративе и, возможно, является основным обозначением поэтической истины (либо выполняет эту роль наряду с дериватом от **h₂er-*). Поэтическая рецитация истины является раскрытием мира в его нормативном измерении. Источником этой рецитации выступает видение поэта³⁶.

Итак, требуется суммировать представленные материалы, чтобы нам явился целостный образ индоевропейского мировидения. Мы освобождены от необходимости противопоставления «высших», религиозных, поэтических, и «низших», повседневных, обыденных, аспектов мировидения. Каждый рано фиксируемый индоевропейский народ — будь то хетты, ведийцы, иранцы, греки или кто-то еще — представляет собой нормальное общество архаического типа с крайне ритуализированной социальной сферой. Нет сомнений в том, что так обстояло дело и в праиндоевропейское время. Для любого архаического общества характерна онтологизация сферы сакрального и де-онтологизация того, что находится на периферии этой сферы; архаическое мировидение обладает целостностью и единством, которые фундированы в области сакрального. Как удачно выразился М. Элиаде, для человека архаической эпохи «занятия людей, равно как и предметы окружающего их мира *не имеют собственной реальной значимости*. Предмет или действие приобретают *значимость*, и, следовательно, становятся *реальными*, потому что они тем или иным образом причастны к реальности трансцендентной» [Элиаде 2000: 25—26]. Мы сейчас не будем рассматривать дискуссионный вопрос о том, в какой степени эта реальность является «трансцендентной» и насколько данный метафизический термин вообще применим к архаическому мировидению; мы бы предложили заменить термин «трансцендентное» на «сакральное», что вполне уместно в рамках феноменологии М. Элиаде. Для архаической пред-онтологии действительно характерна ассоциация бытия и сакральности, и поэтому «низшие» и повседневные аспекты мировидения рассматриваются в рамках самого этого мировидения как некий не-достаток, некая нехватка сакральности. Впрочем, как это особенно хорошо видно по индоиранским источникам, всегда имеется тенденция к минимизации профанической сферы. Причастность к традиции, ритуалам, мифам и социальной памяти, вероятно, давала возможность стать полноправным членом индоевропейского общества (**h₂er-jo-*?), такая причастность обеспечивала целостность мировидения на всех жизненных отрезках и во всех жизненных ситуациях.

Главной чертой индоевропейского мировидения является ориентация на явственность и открытость. Сущее есть в той степени, в какой оно находится на свету. Человек жив, пока он видит свет; само его рождение есть появление на свет. Боги сияют и светятся, чем обеспечивают бытие земных людей; мир — это то, что под солнцем, и его жизнь измеряется движением солнца. Знать и понимать — значит видеть. Центральным локусом встречи божественного и человеческого, «просветом», является событие поэтической и ритуальной рецитации. Рецитация связана с проявлением двояким образом: само слово, прежде чем быть сказанным, должно быть явлено в памяти индоевропейского поэта, а его произнесение выводит на свет архетипическое мифологическое (или героическое) событие, как бы актуализируя прорыв сакрального в мирскую сферу. Слово не ограничивается физическим или акустическим аспектом; оно понимается в тесной связи с тем, о чем идет речь, с самим мифологическим событием, славным событием. Поэтому слово легко отождествляется со славой и наделяется световыми свойствами. Слово не является просто словом, но является светом. Индоевропейский поэт ориентирован на созерцание мифологических событий; сила его прозрения охватывает все срезы времени: то, что было, что есть и что будет; и эта исходящая от божества сила выкристаллизовывается

³⁶ Ум поэта также характеризуется как «истинный»; см. Ol. II.92; PB VII.90.5; X.67.8. Можно реконструировать идиому и.-е. **h₁s-nt-* & **men-*.

в утверждаемой им поэтической истине. По индоевропейским воззрениям, поэтическая истина — это настоящее чудо, конституитивное ядро мировидения и источник его исторической дееспособности. Истина сочетает в себе как черты человеческого слова, так и характеристику бытия, но и само бытие обладает истинностными чертами. В индоевропейской истине как бы осуществляется соитие, соединение человека и сущего. Истина должна раскрывать то, каково положение дел, в ней самой запечатлено это положение дел; нормативное положение дел в космосе запечатлено в истинном бытии этого космоса, отождествляемом с истиной. Поэтическая истина является событием раскрытия подлинных характеристик космоса, в каком-то смысле она является событием раскрытия, выявления самого космоса и всего того, чем характеризуются жизнь и бытие. А поскольку основной характеристикой индоевропейской жизни является ее «световой» характер, то, как и следовало ожидать, истина оказывается тесно связана со светом. Она дарует сияние и сама является светом; в такой же степени она является славой и словом. «Чистый, прекрасный лик истины (*rtasya*) ярко сверкает на небе» — говорит ведийский поэт (RV VI.51.1). «Только в истине все выходит на свет (*σὺν ἀλαθείᾳ δὲ πᾶν λάμπει χρέος*)» — очень точно замечает Вакхилид (Od. VIII.21). Таким образом, мы имеем дело с целостным смысловым комплексом *истина-бытие-открытость-слово-слава-свет*.

Данный смысловой комплекс не так просто схватить и понятийно выразить в рамках современного дискурса; его полным и адекватным выражением является только архаическая поэзия в ее единстве слова, ритма, образа и повествования. Мы используем понятие «свет» для того, что, как нам кажется, составляет ось данного семантического комплекса. Но что это за свет? Есть ли это физический свет? Рискнем поспекулировать над тем, как этот «свет» мог представляться в индоевропейском мышлении.

Вне всяких сомнений, у архаических народов отсутствует физикалистское понимание света, как и, пожалуй, понятие о метафизическом свете (например, в смысле фаворского, суфийского или буддийского света). Индоевропейский «свет» и индоевропейское «видение» не являются ни физическими, ни метафизическими, они вообще вне этих концептуальных рамок. Безусловно, индоевропейский «свет» связан с едиными для всего человечества перцептивными механизмами, но в самом индоевропейском мышлении «свет» не является результатом перцепции; скорее, он представляет собой некую феноменальность, некую возможность раскрытия и смысловое пространство этого раскрытия. Так понятый «свет» тесно связан с «бытием» и «истиной» — и возможно для индоевропейского мышления между этими понятиями не существовало принципиальной разницы. Индоевропейский «свет» не является «субстанцией», «сущностью», «субстратом» или чем-то подобным, он не пронизывает собой мир. Мир сам по себе немислим вне него и не отличен от него; мир как таковой является светом, что, похоже, лучше всего понимали славянские народы (ср. праслав. **svetъ* в значении 'мир'). Можно предположить, что наиболее подходящее определение для индоевропейского «света» — это *я в л е н и е*; при этом явление должно мыслиться динамически, «глагольно», что не концептуализируется в индоевропейских языках, но что, несомненно, было присуще индоевропейскому пониманию. На ведийском материале хорошо видно, что это явление *я в л я е т с я* как событие раскрытия и обнаружения чего-либо; точнее говоря, что-либо всегда обнаруживается именно как таковое с о б ы т и е. Данное событие не ограничено религиозным или ритуальным действием. Оно, безусловно, интенсифицируется в области религиозного, но само оно может и должно осуществляться в каждый новый момент вообще, в каждое здесь-и-сейчас (и.-е. **nu(H)-*); оно вспыхивает как молния при каждом раскрытии истинного положения дел. Это событие явленности захватывает человека и выводит его за границы хтонической природы, делает его причастным мистерии появления и исчезновения; оно приводит к восторгу, но также внезапно наводит священный ужас и безумие (что, согласно индоевропейской трактовке, вообще выступает важной характеристикой сакрального). Парадокс этого момента в том, что он каждый раз явлен как нечто новое, но в то же время и как нечто единое, бессмертное, неувядающее, как специфическая устойчивость, гомогенность настоящего, что напрямую

связано с оригинальной семантикой и.-е. **h₁es*-³⁷. В явлении всегда присутствует этот мотив «никогда не сокрытия», «устойчивости», это гераклитовское τὸ μὴ διόνον ποτε «никогда не заходящее» — солнечный лик истины.

Именно в смысле возможности восприятия данного момента, возможности быть отданным данному моменту, мы и говорим об индоевропейской пред-онтологии как о м и р о-в и д е н и и. Сам термин «мировидение», или «мировоззрение», должно быть, не совсем удачный, поскольку он искусственно создан во времена немецкого трансцендентализма: нем. *die Weltanschauung*, калькой которого он является, впервые засвидетельствовано лишь в XVIII в. у Канта в его «Критике способности суждения» и далее конкретизировано Шеллингом во «Введении к наброску системы натурфилософии»; ничего подобного трансцендентализму нет в архаических индоевропейских языках. Индоевропейцы не смотрели на мир со стороны и не взирали на него свысока как это делает новоевропейский субъект. Они были вовлечены в этот мир и в имманентную ему борьбу открытия и утаивания. Мы уверены, что смысловая связка *истина-бытие-открытость-слово-слава-свет*, локализованная в событии я в л е н и я, характеризует только индоевропейское мышление и никакое иное. Этот семантический комплекс выступает законченной концептуальной схемой, и здесь невозможно рассматривать какой-то отдельный смысловой аспект в отрыве от других. Легко предположить, что в отдельности каждая характеристика (за исключением функциональной и дистрибуционной специфичности **h₁es*-) может быть найдена в других лингвистических и культурных моделях, и типологические данные это доказывают. Но подлинный смысл, свою ф у н к ц и ю, та или иная характеристика обретает только в контексте всей системы. Если мы хотим оценить силу индоевропейского (или любого иного) мышления, то нам следует рассматривать его систематически, то есть изнутри, в той степени, в какой позволяют материалы. Именно такая попытка и была представлена. Ее результаты могут быть суммированы в следующей формулировке: согласно индоевропейским воззрениям, ядро человеческой экзистенции составляет причастность молниеносному событию раскрытия и обнаружения сущего, воля к удержанию этого события и настаивание на нем во что бы то ни стало.

* * *

В качестве дополнения к представленным рассуждениям мы бы хотели дать краткий типологический анализ одного важного атрибута, характеризующего индоевропейское мышление. Речь идет об уже отмечавшемся факте семантического развития: глаголы со значением «видеть» независимо получают во многих индоевропейских языках значение «знать», «познавать», «рассматривать», «понимать», «представляться» и т. д.³⁸. Это развитие представляется естественным в связи с доминированием зрения в перцепции человека, но, как будет показано ниже, в данном плане существует значительное разнообразие между языками разных семей, что говорит о необходимости учета социолингвистического контекста. В индоевропейских языках глаголы со значением «видеть» часто проникают в когнитивную сферу и в сферу ментальной деятельности. Индоевропейская ситуация особенно интересна в сравнении с материалами австралийских языков, для которых таковое проникновение в целом не характерно. Специфичность индоевропейских языков в данном отношении может говорить в пользу того, что мы имеем дело не только с распространенным семантическим развитием, но и с прямым влиянием традиции и идеологии на язык.

³⁷ Эта дуративность будет подчеркнута в учении западной метафизики о бытии начиная с Парменида. В связи с приведенными рассуждениями ср. также характеристику западного мышления как «фоноцентризма» у Ж. Деррида и «метафизики присутствия» у М. Хайдеггера.

³⁸ Под «семантическим развитием» или «семантической деривацией» мы понимаем как диахроническую эволюцию значения слова, так и внутриязыковые процессы; о критериях см. [Zalizniak 2008].

Из глаголов, для которых следует предполагать переход от перцептивного значения «видеть» к обозначению ментальной деятельности уже в праиндоевропейском языке, можно отметить, прежде всего, и.-е. **ueid-*, имеющее в презенсе значение «видеть», в перфекте — «знать»; как хорошо известно, основа перфекта от данного глагола, **uoid-*, является наиболее устойчивой формой перфекта в индоевропейских языках: греч. οἶδα, др.-инд. *vēda*, авест. *vaēdā*, др.-ирл. *ro-fetar*, ст.-слав. *vědě* и др. Глагол **mneh₂-* «помнить», вероятно, имел в индохеттский период значение, связанное с визуальным восприятием, о чем свидетельствует лувийское *manāti* «видеть, ощущать». Несколько сложнее обстоит дело с другими глаголами зрительного восприятия, поскольку у их дериватов часто присутствует перцептивное и когнитивное значение и не всегда можно понять, имеем мы дело с существовавшей уже в индоевропейском языке полисемией, или это независимое развитие, произошедшее в отдельных языках; в таких случаях обычно реконструируется только визуальная семантика.

К таким двусмысленным глаголам относятся и.-е. **derk-* «смотреть, замечать», **(s)pek-* «смотреть, наблюдать», **ser-* «наблюдать, присматривать», **k^uek-* «смотреть, видеть» [LIV 2001: 122, 383, 534, 575]. От и.-е. **derk-* происходят др.-инд. *ḍṛś-* и греч. δέρκομαι, которые наряду со значением «смотреть, видеть» уже в ранних источниках иногда имеют значение «воспринимать, понимать, знать». То же относится и к дериватам от и.-е. **(s)pek-*: греч. σκέπτομαι и др.-инд. *raś-*. Греческое ὁράω, восходящее к и.-е. **ser-*, уже у трагиков обозначает «воспринимать, понимать». Древнеиндийские и хотаносакские дериваты от и.-е. **k^uek-* также имеют значение «понимать, знать». Стоит отметить, что ментальная семантика отражена и в производных формах от данных индоевропейских корней: например, древнеиндийское причастие *ḍṛśtā-* имеет значение «очевидный, явный, понятный», греч. ὁράα обозначает как «вид», так и «воззрение, точку зрения» и т. д. Вне зависимости от того, обладали ли рассмотренные индоевропейские корни наряду с перцептивным значением также ментальной семантикой, само по себе развитие такой семантики показательно. Уже при кратком анализе видно, что степень ее проникновения чрезвычайно высока в отдельных индоевропейских языках; она распространяется не только на глаголы, но и на многочисленные производные формы (самый известный пример — «понятное» как «явное», «видное»: от греч. δῆλος до русск. *ясный*). Еще требуется подробное исследование соответствующего семантического перехода для отдельных индоевропейских языков, которое бы учитывало всю совокупность социолингвистических факторов³⁹. Пока можно лишь констатировать, что развитие от перцептивной семантики «видеть» к познавательному значению «понимать», «знать», «представляться» и пр. играет принципиальную роль для концептуализации опыта в индоевропейских языках; пользуясь теорией Дж. Лакоффа, можно сказать, что это фундаментальная когнитивная метафора, к которой прибегают индоевропейские языки.

Легко увидеть, как эта метафорическая модель функционирует, например, в русском языке. Уже сама формулировка призыва к такому *с м о т р е н и ю* есть нечто в высшей степени *показательное*, поскольку она *указывает* нам на ту языковую и метафорическую *перспективу*, которая не всегда для нас *очевидна* и в которую мы всегда уже *априори* вброшены. В этой перспективе «быть» — значит *являться, проявляться, являть собой*; «говорить» и «давать понять» — значит *изъяснять, разъяснять, объяснять, казать*; наивысшей эстетической характеристикой обладает *пре-красное*; «понятное» мыслится как *явное, очевидное*; мышление может быть *ясным*, ум — *светлым*, пример — *наглядным*, намек — *прозрачным*, догадка — *блестящей*; осторожность мыслится как *предусмотрительность, дальновидность, дальнзоркость*; проницательность — как *прозорливость, зоркость*; образованность — как *просвещенность*. Понятия с негативными коннотациями обладают противоположной характеристикой: невежественность — это *темность*;

³⁹ В частности, особый интерес представляет вопрос о том, в какой степени распространенность этого перехода в западных языках связана со спецификой западной интеллектуальной традиции, и чем мотивирована аналогичная распространенность в языках, относящихся к другим цивилизационным областям.

посредственность — *серость*; непонятность — *мутность, туманность*; настроение может быть *мрачным*; грусть — *беспросветной* и т. д. Мы даже не замечаем, насколько глубоко наш дискурс пронизан визуальными мотивами!

На материале английского языка метафору «видения» рассматривает Э. Свитсер в важной работе, посвященной прагматике семантических изменений [Sweetser 1990: 32—34]. Она подчеркивает связь между семантикой видения и ментальной активностью с помощью следующих примеров: англ. *look up* ‘уважать’, *overlook* ‘надзирать, игнорировать’, *oversee* ‘следить, надзирать’, *see to* ‘заботиться, принимать во внимание, брать на себя’, *hindsight* ‘оценивать прошедшие события’, *foresee* ‘предвидеть, предсказывать’. Эта ассоциация также заметна в случае с английскими словами, восходящими к индоевропейским корням **(s)pek-* ‘воспринимать, видеть’ и **ueid-* ‘видеть’. Часть из них сохраняет связь с перцепцией: *inspect* ‘осматривать’, *spectator* ‘наблюдатель, зритель’, *vista* ‘перспектива’, *view* ‘вид’, *survey* ‘обзор’; другая часть больше связана с ментальной активностью: *suspect* ‘подозревать, думать’, *respect* ‘уважать’, *expect* ‘ожидать, полагать’, *evident* ‘понятный’, *supervise* ‘надзирать’, *prudent* ‘благоразумный’, *envy* ‘завидовать’, *advise* ‘советовать’. Свитсер пишет:

Метафора видения / мышления сегодня полностью жива и глубоко структурирована; в современном английском языке большая часть детального лексикона нашей визуальной области может быть использована для организации описания наших интеллектуальных процессов. Так, подобно физическому объекту, способному быть непрозрачным (*opaque*) или проницаемым (*transparent*) и тем самым, соответственно, препятствующим или не препятствующим видению, аргумент или довод способен быть «(кристально-)чистым» (*crystal-clear*), «прозрачным» (*transparent*), «темным» (*opaque, muddy, murky*) для нашего умственного взора. Мы можем «пролить свет» (*shed some light*) на проблему, которая была загадочной до этого момента; и разумная идея или ум разумного человека являются «ясными» (*bright*), или даже «блестящими» (*brilliant*), вероятно из-за способности к «изъяснению» (*illuminate*) подобным образом (людям, которые были до этого «темными»). Если кто-то сосредотачивается на одном специфическом вопросе, игнорируя смежные (возможно, более важные) вопросы, то о нем говорят, что он имеет «узкий взгляд» (*tunnel vision*); интеллектуальная «широта» (*breadth*) взгляда может считаться противоположностью. *Прозорливый* (*clearsighted*), *зоркий* (*sharp-eyed*) и *слепой* (*blind*) — все это характеризует как умственные способности человека, его внимательность, так и физическое восприятие [Sweetser 1990: 40]⁴⁰.

Главный вопрос заключается в том, какова причина устойчивой ассоциации видения и мышления и насколько эта ассоциация универсальна. Свитсер считает, что причина данной ассоциации кроется в следующих обстоятельствах: 1) зрение подобно мышлению в том, что оно способно фокусироваться, то есть выделять один объект из многих, различать; 2) зрение является главным источником наших знаний о мире; 3) зрение, как и интеллект, работает с объектами, которые находятся на дистанции; 4) зрение одинаково для разных людей. Иначе говоря, согласно Свитсер, главную роль в ассоциации видения и мышления играют объективные психофизиологические факторы. Она предполагает, что эта ассоциация должна носить универсальный характер [Ibid.: 45]. За пределами индоевропейской группы языков эта проблема почти не исследована. Подробный анализ тибето-бирманских языков принадлежит Дж. Матиссоффу, который рассматривает ассоциацию между телесной и абстрактной лексикой; автор приходит к выводу о том, что глаза являются «нашим высочайшим, наиболее интеллектуальным органом восприятия» [Matisoff 1978: 161]. Однако, как показывают исследования австралийских языков и нескольких языков из эскимосской, австронезийской, нило-сахарской, нигер-конго, сино-тибетской семей, а также креольских языков, связь видения и мышления не является ни универсальной семантической ассоциацией, ни даже наиболее частотной.

Подробный анализ данной проблемы на материале австралийских языков был проделан Н. Эвансом и Д. Уилкинсом [Evans, Wilkins 2000]. Как верно подмечено авторами, «до сих

⁴⁰ Показательно, что при переводе данного пассажа почти во всех случаях для английских слов с визуальной / ментальной семантикой достаточно легко подбираются русские эквиваленты.

пор существовало мало попыток проверить предложенные универсалии семантического развития через детальные исследования неевропейских языков» [Ibid.: 547]. Имеет место разительный контраст между индоевропейской и австралийской ситуацией: как уже отмечалось, и.е. **uēid-* ‘видеть, знать’ и другие глаголы визуального восприятия легко эволюционируют в индоевропейских языках по направлению к когнитивному значению; совсем иначе обстоит дело с протоавстралийским **na-* ‘видеть’, получившим значение ‘знать’ только в языке каурна (*nakkondi* ‘видеть, смотреть; знать’); в языке гуугу йимитхирр этот глагол развился до значения ‘думать’, но через ступень ‘слышать’ (*nhaamaa* ‘видеть, смотреть, слышать, думать’); в остальных языках удается обнаружить только окказиональные связи между праавстрал. **na-* ‘видеть’ и глаголами ментальной деятельности. Другая особенность австралийских языков заключается в устойчивой ассоциации между глаголами слухового восприятия и интеллектуальной деятельностью: чрезвычайно распространено развитие *слышать* ⇒ *понимать*, также встречается развитие *слышать* ⇒ *думать*; значительное число языков содержат полисемантические глаголы с семантикой слуха, понимания, мышления [Ibid.: 569].

Контраст между «видением» и «слышанием» особенно хорошо заметен на примере языка каярдилад: сравнение дериватов от *miburlda* ‘глаз’ и *marralda* ‘ухо’ позволяет понять, насколько устойчива ассоциация слуха и мышления и сколь специфично развитие слов с визуальной семантикой [Evans, Wilkins 2000: 566].

miburlda (mibur-) «глаз»	marralda (marral-) «ухо»
dunbuwa miburlda («лишенный глаз»)	dunbuwa marralda («лишенный уха»)
«слепой»	«глухой, глупый»
	marralwarri «глупый, невнимательный»
<i>визуальное восприятие</i>	<i>память</i>
muthaa mibutlda ngada	dunbuwatha marralda
(«много глаз я») «я увидел много»	(«уха становится лишенным»)
<i>острота зрения</i>	«забывать»
miburjungarra	marraldunbuwatha, marraldurldiija
(«большой глаз») «хороший охотник»	«забывать»
<i>надзор, наблюдение</i>	<i>понимание</i>
mibur-ij-i karngiija	maralmirra
(«держат глаз») «наблюдать,	(«хорошее ухо») «умный»
осматриваться»	
<i>внимание и сексуальное желание</i>	<i>мысль</i>
miburmuthanda	marral-marutha
(«чрезмерный глаз») «распутник»	(«ухо положить») «думать, скучать»
mibur-thaatha	
(«глаз выбирать») «смотреть	<i>воображение / сон</i>
с вождением»	marralngulatha
	«видеть сон, грезить»
<i>агрессия</i>	
ngarrkuwa miburlda	
(«сильный глаз») «суровый, наглый»	

К этому можно добавить следующее замечание Эванса и Уилкинса: «Английский и другие индоевропейские языки легко пренебрегают требованием реальности, позволяя использовать глагол “видеть” для обозначения “умственного взора” в таких предложениях, как “Я все еще могу видеть морщинистое лицо моей бабушки, которое смотрело на меня за день до ее смерти”. В австралийских языках не засвидетельствована возможность пренебрежения этим требованием для глагола “видеть”, но это актуально для глагола “слышать”» [Ibid.: 566].

В индоевропейских языках в диахроническом плане не зафиксировано прямое развитие *слышать* ⇒ *знать*; Э. Свитсер предположила, что «было бы странным для глагола

со значением “слышать” получать значение “знать”, а не “понимать”, поскольку такая семантика характерна, скорее, для глаголов со значением “видеть”» [Sweetser 1990: 43]. Однако некоторые австралийские языки демонстрируют развитие *слышать* $\Rightarrow$ *знать* либо напрямую, либо через посредство значения «понимать»: вакайя *larr-* ‘слышать, понимать, знать’, нгарлума *wanyaparri(-ku)* ‘слышать, знать, распознавать’, явуру *langka-* ‘слышать, знать, понимать’, питянтятяра *kuli-* ‘слышать, знать’, варлпири *purda-nyanyi* ‘слышать, понимать, знать, помнить’, вемба-вемба *nyernda* ‘знать, понимать’ < *nyerna* ‘слышать’. Интересно, что в австронезийских языках олрат и лакон также зафиксирована подобная эволюция [Vanhove 2008: 350—351].

В результате детального исследования Эвансу и Уилкинсу удалось показать, что семантическая деривация *видеть* $\Rightarrow$ *знать* не является универсальной, а связь зрения и мышления имеет разную интенсивность в различных языковых системах; в случае с австралийскими языками мы имеем дело с полным доминированием глаголов с акустическим значением при маркировании ментальной деятельности и лишь окказиональными формами визуальных глаголов с когнитивным значением. Это значит, что столь сильная ассоциация видения и мышления, которая обнаруживается в индоевропейских языках, не основывается только на психофизиологии (что в целом опровергает гипотезу Э. Свитсера), следовательно — для нее должны быть дополнительные предпосылки. Существует еще целый ряд других важных выводов из работы Эванса и Уилкинса, касающихся семантического развития глаголов перцепции, но мы сейчас не будем на них останавливаться.

Одна из последних работ, в которой исследуется семантическое развитие глаголов перцепции, принадлежит М. Ванхов [Vanhove 2008]. Ванхов сравнила 25 языков, принадлежащих к семи семьям: индоевропейской, афразийской, нигер-конго, нило-сахарской, австронезийской, эскимосской, сино-тибетской, а также креольские языки. Несмотря на относительно небольшое число языков, важно то, что были рассмотрены примеры из разных семей, локализованных на различных континентах. Связь «зрения» и «понимания», помимо индоевропейской группы, удалось обнаружить в языках суахили и волоф семьи нигер-конго: суахили *kuona* ‘видеть, понимать’, волоф *gis* ‘видеть, замечать, понимать’, а также в креольском языке паленкверо, афразийском языке беджа и нило-сахарском языке сара. Ассоциация «зрения» и «знания» зафиксирована в арабском *raʔā* ‘видеть, знать, распознавать, находить, верить, думать’ и нило-сахарском языке йулу, где глагол «видеть» представлен в композите *ēedā.gāayū* (‘знать как видеть’) ‘знать’. Наконец, связь «зрения», «понимания» и «знания» за пределами индоевропейской группы засвидетельствована только в языке касем семьи нигер-конго: касем *nā* ‘видеть, различать, знать’; в этом же языке мы имеем стативный глагол *uē* ‘знать’, который, вероятно, является дериватом от *uī* ‘глаз’. Таким образом, связь «видения» и интеллектуальных процессов в данном случае далека от того, чтобы быть универсальной: она обнаруживается только в 15 из 25 исследованных языков; при этом пять языков относятся к индоевропейской группе — следовательно, нужно говорить о десяти «чистых» случаях. Как следует из работы Ванхов, гораздо больше распространена связь между акустическими глаголами и ментальной способностью — она зафиксирована во всех рассмотренных языках. Ванхов делает следующее предположение: «Все (многие?) языки мира имеют лексическую семантическую ассоциацию между чувством слуха и ментальной способностью либо на синхронном уровне, либо диахронически; она может являться результатом полисемии, гетеросемии или семантических изменений» [Ibid.: 368]. Этот вывод согласуется с данными по африканским языкам [Heine, Zelealem 2007], а также имеющимися америндскими и папуасскими материалами [Howes 1991]. Но для масштабной проверки этого вывода требуются дальнейшие исследования.

Итак, на основе существующих работ по типологии, в которых рассматривается семантическая ассоциация зрения и интеллектуальной деятельности, можно сделать следующие выводы: 1) данная ассоциация не является универсальной, больше распространена связь слуха и мышления; 2) развитие *видеть* $\Rightarrow$ *понимать* достаточно частотно, и оно, безусловно, имеет психофизиологические предпосылки, связанные с доминированием зрения;

3) в разных языковых семьях связь зрения и когнитивных способностей, а также связь слуха и когнитивных способностей проявлена по-разному — подробнее всего исследованные в данном отношении индоевропейская и австралийская семьи предоставляют прямо противоположные свидетельства: если в индоевропейских языках глаголы зрительного восприятия имеют тенденцию получать ментальную семантику, то в австралийских языках эта тенденция практически отсутствует; напротив, в австралийских языках ярко выражена тенденция к развитию глаголов с акустическим значением в сторону ментальной семантики, что имеет место также в индоевропейских языках, но в гораздо меньшей степени⁴¹. Единственным возможным объяснением данной ситуации, по нашему мнению, является тезис о том, что на процесс семантической деривации большое влияние оказывает социокультурный и исторический контекст.

В современных работах механизм семантических переходов справедливо связывается как с общими психофизиологическими факторами, так и с уникальными социокультурными условиями; при этом последним уделяется гораздо больше внимания, чем в ранних работах по семантике, ориентированных на психофизиологические предпосылки и универсализм (фактически — на возведение фактов индоевропейских языков в статус «общечеловеческих»). Эванс и Уилкинс, сравнивая индоевропейскую и австралийскую ситуации, выявляют главную причину устойчивой связи ментальной семантики с акустическими глаголами в австралийских языках: общеавстралийские воззрения на ухо как на орган, сочетающий в себе слуховые и интеллектуальные функции.

Австралийские социокультурные реалии предоставляют целую группу пограничных контекстов, в которых глаголы со значением «слышать» могут развивать значение «понимать», «распознавать», «знать», «помнить» и др. Главным способом получения информации о стране, дорогах, маршрутах, ландшафте, мифологии, традиции и вообще об окружающем мире является усвоение устных историй и песен. Эванс и Уилкинс приводят следующее высказывание одного из аборигенов пмере: «Мы не подобны белым людям, которые могут взять фотографию и рассказать по ней о красоте изображенной страны; у нас есть песня, чтобы пропеть об этой стране... Страна обладает священными местами, камень, гора обладают сновидением. Мы поем об этом, мы обладаем песней» [Evans, Wilkins 2000: 583]. Подобные воззрения порождают многочисленные переходные контексты, в которых знание и память описываются в акустических терминах: «слышать места / имена мест», «слышать пути / имена путей» и т. д. Знание страны считается одной из высочайших интеллектуальных способностей, но для аборигенов нет географии без истории; территория обладает описанием до того, как она будет увидена непосредственно. Описание сосредоточено в сакральных именах, рассказах, песнях и других формах традиционного знания. При этом, как известно, главной характеристикой традиционного знания у австралийских аборигенов является его «сновидческий» характер: мифологическое правремя понимается австралийцами как «время сновидений». Причастность к этому времени возможна в индивидуальном сновидческом опыте, поэтому любая новая форма традиционного знания — в том числе новое «описание» — легко интегрируется в общую модель. Интересно, что «время сновидения» мыслится аборигенами в целом не «визуально», а «акустически»; как замечают Эванс и Уилкинс, «сны не рассматриваются главным образом как визуальный опыт, но имеют интенсивный слуховой компонент, и иногда о них говорится только в акустических понятиях» [Ibid.: 584].

Другое условие семантической ассоциации слуха и интеллектуальной деятельности кроется в особой роли акустических навыков для социализации. Полноправный член автотонного австралийского общества отличается от ребенка «знанием» и «разумностью», которые мыслятся в тесной связи с возрастанием духа и активным использованием основного интеллектуального органа — уха. Авторы приводят следующее высказывание аборигенов

⁴¹ Насколько нам известно, в индоевропейских языках не засвидетельствовано развитие *слышать* ⇒ *думать*; дериваты от слова *ухо* со значением 'думать', 'вспоминать' также маловероятны.

кукаты по этому поводу: «Дух становится разумным, дух понимает с помощью уха, которое в людях» [Ibid.: 585]. Таким образом, в случае с австралийскими аборигенами мы имеем дело с хорошим примером того, как социокультурные факторы влияют на семантическую деривацию; австралийские языки радикализируют общую тенденцию развития акустических глаголов в направлении ментальной семантики, а также дополняют ее целым рядом нетривиальных развитий (например, *ухо* ⇒ *мысль*, *ухо* ⇒ *думать*, *ухо* ⇒ *видеть сон* и др.)⁴². Можно выделить целостный семантический комплекс, основанный на мифологических представлениях о «времени сновидений»: сформированные *in illo tempore* имена и виды вещей усваиваются через разнообразные формы устного знания, что является условием социализации; слух предшествует непосредственному видению, и это дополняется индивидуальным «сновидческим» опытом, кодируемым преимущественно в акустических терминах.

Социокультурным контекстом может отчасти объясняться и специфическое развитие визуальных глаголов в австралийских языках. Как уже говорилось, только в языке каурна обнаруживается прямая эволюция *видеть* ⇒ *знать*. В целом для австралийских языков связь визуальных глаголов с когнитивными способностями отмечается редко. Визуальные глаголы получают в основном следующие значения: «желать», «вожделеть», «надзирать», «проявлять агрессию». Для сообществ аборигенов характерен ограниченный визуальный контакт при коммуникации; длительный визуальный контакт может быть расценен как знак недоверия, а в случае с противоположным полом он имеет сексуальный подтекст; этим объясняется засвидетельствованное во многих языках развитие *видеть* ⇒ *вожделеть*. Развитие *видеть* ⇒ *проявлять агрессию*, *завидовать* имеет место в тех случаях, когда глагол «видеть» используется в качестве вспомогательного глагола или в композитах. Развитие *видеть* ⇒ *надзирать* часто осуществляется в австралийских языках путем редупликации глагола «видеть» или иными способами. Наконец, имеет место развитие *видеть* ⇒ *встречать (кого-либо)*. Все представленные типы семантической деривации характерны и для индоевропейских языков (ср. в русск. *строить глазки*, *завидовать*, *ненавидеть*, *презирать*, *сглазить*, *надзирать*, *надсматривать*, *увидеться с кем-то* и т. д.). Австралийские языки характеризует большее акцентирование данных значений и их глубокое проникновение в социальный контекст, которое в основном потеряно в современных индоевропейских языках. Интересно, что язык жестов аборигенов подтверждает ассоциацию зрения именно с представленными значениями [Evans, Wilkins 2000: 579—580].

Поскольку ассоциация визуальных глаголов и интеллектуальной деятельности не является универсальной, то ее широкая распространенность в индоевропейских языках требует объяснения. Следуя подходу Эванса и Уилкинса, показавшему свою эффективность в применении к австралийской ситуации, а также общим тенденциям современных исследований по семантике, для данного феномена естественно предполагать социальные и исторические предпосылки. Разумеется, для разных индоевропейских языков, локализованных в разных цивилизационных областях, требуются конкретные исследования, в которых бы показывались вероятные переходные контексты от «видения» к «мышлению», «знанию», «пониманию» и пр. Нас здесь интересует только наиболее архаичная ситуация, которая может отражать праиндоевропейское состояние. С такой ситуацией, похоже, мы сталкиваемся в случае с древнеиндийским обществом, для которого Я. Гонда справедливо предполагал идеологию «поэтического видения». Древнеиндийские глаголы *dhī-*, *ikṣ-*, *caḥṣ-*, *cī-*, *cīt-*, *paś-*/*dr̥ṣ-* имеют основное значение «видеть», но в разнообразных мифопоэтических контекстах легко приобретают значения «знать», «понимать», «думать» и др., что связано с нормативом высшего знания и понимания как поэтического созерцания сакральных событий

⁴² Предположение Эванса и Уилкинса о том, что столь сильная ассоциация слуха и интеллекта может быть общей характеристикой бесписьменных культур, не кажется убедительным в свете материалов других языков [Vanhove 2008: 360—361]. Нам представляется, что для более полного понимания австралийской ситуации требуется глубокий лингвистический анализ религиозной терминологии и религиозных воззрений автохтонного австралийского населения.

(*dhī-*: PB X.181.3; III.4.7; III.38.1; *ikṣ-*: PB VIII.79.9; *caḥs-*: PB VII.104.25; I.24.12; *ci-*: PB V.66.4; IV.2.11; I.152.2; *cit-*: PB I.164.48; X.4.4; I.35.6; *paś-/dṛś-*: PB X.177.1; X.158.4; I.164.44; более подробно см. [Елизаренкова 1993: 69—72]). Такими переходными контекстами полна поэзия и других индоевропейских народов. Помимо древнеиндийской социокультурной ситуации, существуют также неиндоевропейские свидетельства того, что контекст религиозного визионерства может стимулировать семантическое развитие *видеть* $\Rightarrow$ *знать*, *мыслить*. Так, согласно Ванхов, в языке касем семьи нигер-конго глагол *nā* имеет значение ‘видеть, различать, быть осведомленным, понимать’, но также ‘видеть сон, спать’; все эти смыслы глубоко вплетены в социальные реалии, где «видение» представляется как способность делать верные предсказания, воспринимать послания от предков во время сна и знать скрытую сторону вещей [Vanhove 2008: 358—359]. Такая специфическая встроенность глагола в культурный контекст напоминает древнеиндийскую ситуацию и может являться прототипом индоевропейской ситуации, но об этом у нас имеются только остаточные свидетельства (например, уже упоминавшийся перфект **uoid-* ‘знать’ от **ueid-* ‘видеть’, который широко употребляется в ранних источниках для обозначения поэтического знания). Дополнительным аргументом в пользу того, что подобное развитие произошло еще в праиндоевропейское время, являются приведенные выше материалы, касающиеся поэтического видения в индоевропейских традициях.

Проблема генезиса и широкого распространения метафоры «видения» в индоевропейских языках еще требует подробного лингвистического и исторического исследования. Вероятно, исконный локус данной метафоры — это архаическая идеология поэтического визионерства. Далее, легко показать, как данная метафора отразилась, например, в разнообразных областях греческой традиции, благодаря чему греки получили эпитет «людей глаза»; наибольшее значение имеет для нас интеллектуальное и философское наследие греков. Как известно, визионерский опыт лежит в основе метафизики Парменида; для Платона зрение — это высочайший дар богов земному роду, в чем можно также видеть влияние элеатской и пифагорейской доктрины; платоновская философия вся пронизана визуальными мотивами и метафорами (ср. хотя бы такие важные термины как *idéa* и *εἶδος*). От Платона и Аристотеля эту особенность наследуют школы эллинизма, она проникает в Новый Завет и раннехристианскую теологию (ср., напротив, исконную ориентацию иудейской традиции на слух). В качестве переходного этапа, как показали историки школы «Анналов», может рассматриваться Средневековье, для которого в большей степени характерно преобладание слуха над зрением. Однако с наступлением Нового Времени и развитием науки, визуальные мотивы, унаследованные от античности, вновь начинают доминировать, следствием чего является распространенность «визуальной» лексики в трансцендентальной философии и современном научном дискурсе.

История западной «визуальной» метафоры — это странное переплетение многообразных трансформаций, тенденций и путей развития; решающее значение здесь имеет взаимодействие лингвистических и социокультурных факторов, еще требующее релевантной дескрипции. Такая дескрипция необходима, прежде всего, для понимания нашей историчности, нашего современного социокультурного состояния, не являющегося чем-то «само собой разумеющимся» и «общечеловеческим». В данном рефлексивном процессе большую роль должны играть также факты неиндоевропейских лингвистических и цивилизационных областей, ведь только в размежевании с иным мы приходим к самим себе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Атхарваведа
- БрУп — Брихадараньяка-упанишада
- Ил — Илиада
- Исх — Книга Исход (Ветхий Завет)
- МБх — Махабхарата

МУп — Майтри-упанишада
 Од — Одиссея
 РВ — Ригведа
 ШБр — Шатапатха-брахмана
 Aesch. Eu. — «Эвмениды» (Эсхил)
 Agam. — «Агамемнон» (Эсхил)
 Aristoph. Nub. — «Облака» (Аристофан)
 De caelo — «О небе» (Аристотель)
 Eur. Alc. — «Алкеста» (Еврипид)
 Her. Hist. — «История» (Геродот)
 Isthm. — Истмийские оды (Пиндар)
 Met. — «Метафизика» (Аристотель)
 Nem. — Немейские оды (Пиндар)
 Od. — Оды (Вакхилид)
 Ol. — Олимпийские оды (Пиндар)
 Phyl. — «Филоктет» (Софокл)
 Prot. — Протагор
 Pyth. — Пифийские оды (Пиндар)
 Soph. Phyl. — «Филоктет» (Софокл)
 Tim. — «Тимей» (Платон)
 Theog. — «Теогония» (Гесиод)
 Thuc. Hist. — «История» (Фукидид)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бенвенист 1974а — Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 203—224. [Benveniste E. The verbs *to be* and *to have* and their functions in language. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika*. Moscow: Progress, 1974. Pp. 203—224.]
- Бенвенист 1974б — Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 104—114 [Benveniste E. Categories of thought and categories of language. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika*. Moscow: Progress, 1974. Pp. 104—114.]
- Витгенштейн 2005 — Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. [Wittgenstein L. *Izbrannye raboty* [Selected writings]. Moscow: Territoriya Budushchego, 2005.]
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. [Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoevropskii yazyk i indoevropsytsy: Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokul'tury* [The Indo-European language and Indo-Europeans: Reconstruction and historico-typological analysis of the protolanguage and protoculture]. Tbilisi: Tbilisi University, 1984.]
- Елизаренкова 1993 — Елизаренкова Т. Я. Язык и стиль ведийских риши. М.: Восточная литература, 1993. [Elizarenkova T. Ya. *Yazyk i stil' vediiskikh rishi* [Language and style of the Vedic rishis]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1993.]
- Исход 2000 — Селезнев М. Г., Тищенко С. В. (ред.). Ветхий Завет: перевод с древнееврейского. Книга Исхода. М.: РГГУ, 2000. [Veikhii Zavet: perevod s drevneevreiskogo. Kniga Iskhoda [The Old Testament: translated from Hebrew. The Exodus]. Seleznev M. G., Tishchenko S. V. (eds). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2000.]
- Карапетьянц 1974 — Карапетьянц А. М. Древнекитайская философия и древнекитайский язык // Историко-философские исследования. М.: Наука, 1974. [Karapet'yants A. M. Ancient Chinese philosophy and the Old Chinese language. *Istoriko-filosofskie issledovaniya*. Moscow: Nauka, 1974.]
- Кобзев 2006 — Кобзев А. И. Общемировоззренческие следствия отсутствия связки «быть» («есть») и понятия «бытие» // Титаренко М. Л., Кобзев А. И., Лукьянов А. Е. (ред.). Духовная культура Китая. Философия. М.: Восточная литература, 2006. С. 120—126. [Kobzev A. I. General worldview consequences of the absence of the copula «to be» and of the concept «existence». *Dukhovnaya kul'tura Kitaya. Filosofiya*. Titarenko M. L., Kobzev A. I., Luk'yanov A. E. (eds). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. Pp. 120—126.]

- Романов 2009 — Романов В. Н. К жанровой эволюции брахманической прозы // Шатапатха-брахмана. Кн. I, X (фрагмент) / Пер. Романова В. Н. М.: Восточная литература, 2009. [Romanov V. N. Towards genre evolution of the Brahmanic prose. *Shatapatha-brahmana*. Book I, X (fragment). Translated by Romanov V. N.]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009.]
- Семенцов 1981 — Семенцов В. С. Проблемы интерпретации брахманической прозы. М.: Наука, 1981. [Sementsov V. S. *Problemy interpretatsii brakhmanicheskoi prozy* [Problems of interpretation of the Brahmanic prose]. Moscow: Nauka, 1981.]
- Тантлевский 2000 — Тантлевский И. Р. Введение в Пятикнижие. М.: РГГУ, 2000. [Tantlevskii I. R. *Vvedenie v Pyatknizhie* [Introduction to the Pentateuch]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2000.]
- Торчинов 2007 — Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: Познание запредельного. СПб.: Азбука-классика, 2007. [Torchinov E. A. *Puti filosofii Vostoka i Zapada: Poznanie zapredel'nogo* [Paths of philosophy of the East and West: knowledge of the transcendent reality]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2007.]
- Топоров 2006 — Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии IV (1) // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 123—153. [Toporov V. N. From the Indo-European etymology IV (1). Toporov V. N. *Issledovaniya po etimologii i semantike*. Vol. 2: *Indoeuropeiskie yazyki i indoeuropeistika*. Book. 1. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2006. Pp. 123—153.]
- Цейтлин и др. 1994 — Цейтлин Р. М., Вечерка Р., Благова Э. (ред.). Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.). М.: Наука, 1994. [Tseitlin R. M., Veчерka R., Blagova E. (eds). *Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X—XI vv.)* [The Old Slavonic dictionary (based on manuscripts of the X—XI centuries)]. Moscow: Nauka, 1994.]
- Элиаде 2000 — Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М.: Ладомир, 2000. [Eliade M. *Mif o vechnom vozvrashchenii* [The myth of eternal return]. Moscow: Ladomir, 2000.]
- Benveniste 1937 — Benveniste E. Expression indo-europeenne de l'éternité. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 1937. Vol. 38. Pp. 103—112.
- Cheung 2007 — Cheung J. *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden: Brill, 2007.
- Cohen 2002 — Cohen Y. *Taboos and prohibitions in Hittite society: A study of the Hittite expression natta āra ('not permitted')*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 2002.
- Detienne 1973 — Detienne M. *Les maîtres de vérité dans la Grèce archaïque*. 2nd ed. Paris: Maspero, 1973.
- Dillon 1947 — Dillon M. The Hindu act of truth in Celtic tradition. *Modern philology*. 1947. Vol. 44. Pp. 137—140.
- Durante 1976 — Durante M. *Studi sulla preistoria della tradizione poetica greca*. Parte II. Incunabula Graeca 64. Roma: Ateneo, 1976.
- Evans, Wilkins 2000 — Evans N., Wilkins D. In the mind's ear: The semantic extensions of perception verbs in Australian languages. *Language*. 2000. Vol. 76 (3). Pp. 546—592.
- EWA II — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd II. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1996.
- Gonda 1963 — Gonda J. *The vision of the Vedic poets*. The Hague: Walter de Gruyter, 1963.
- Graham 1989 — Graham A. C. *Disputers of the Tao: Philosophical argument in ancient China*. Chicago: Open Court, 1989.
- Haudry 1985 — Haudry J. *Les Indo-Europeens*. 2nd ed. Paris: Presses Universitaires de France, 1985.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Heine, Zelealem 2007 — Heine B., Zelealem L. Is Africa a linguistic area? *A linguistics geography of Africa*. Heine B., Nurse D. (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 15—35.
- Howes 1991 — Howes D. (ed.). *The varieties of sensory experience: A source book in the anthropology of the sense*. Toronto: University of Toronto Press, 1991.
- IEW — Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. Bern: Franke, 1959.
- Kahn 2003 — Kahn Ch. *The verb 'Be' in Ancient Greek*. London: Hackett Publishing Company, 2003.
- Kahn 2009 — Kahn Ch. *Essays on Being*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Kiparsky 1968 — Kiparsky P. Tense and mood in Indo-European syntax. *Foundations of Language*. 1968. Vol. 4 (1). Pp. 30—57.
- Kloekhorst 2008 — Kloekhorst A. *Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon*. Leiden: Brill, 2008.
- LIV 2001 — *Lexikon der Indogermanischen Verben*. Rix H. et al. (eds). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichelt Verlag, 2001.

- Lüders 1959 — Lüders H. *Varuna*. Bd 2: Varuna und Das Rta. Göttingen: Hogrefe Publishing, 1959.
- Mallory, Adams 2006 — Mallory J. P., Adams D. Q. *The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European world*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Matisoff 1978 — Matisoff J. *Variational semantics in Tibeto-Burman*. Philadelphia: ISHI, 1978.
- NIL 2008 — Wodtko D. et al. (eds). *Nomina im Indogermanischen Lexikon*. Heidelberg: Winter, 2008.
- Onians 2000 — Onians R. B. *The origins of European thought about the body, the mind, the soul, the world, time, and fate*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Schmitt 1967 — Schmitt R. *Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit*. Wiesbaden: Harrasowitz, 1967.
- Sweetser 1990 — Sweetser E. *From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Vanhove 2008 — Vanhove M. Semantic associations between sensory modalities, prehension and mental perceptions: A crosslinguistic perspective. *From polysemy to semantic change*. Vanhove M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 341—370.
- Watkins 1979 — Watkins C. Is tre fir flathemon: Marginalia to Audacht Morainn. *Eriu*. 1979. Vol. 30. Pp. 181—198.
- Watkins 1995 — Watkins C. *How to kill a dragon: Aspects of Indo-European poetics*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Werba 1997 — Werba Ch. *Verba Indoarica. Die primären und sekundären Wurzeln der Sanskrit-Sprache*. Wien: Verl. der Osterr, 1997.
- West 2007 — West M. L. *Indo-European poetry and myth*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Zalizniak 2008 — Zalizniak A. A catalogue of semantic shifts: Towards a typology of semantic derivation. *From polysemy to semantic change*. Vanhove M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 217—232.

Статья поступила в редакцию 24.10.2013.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS**ОБЗОРЫ / OVERVIEW****ГРАММАТИКА
ТУНДРОВОГО НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА И. А. НИКОЛАЕВОЙ
И ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ***

© 2015 г. Иван Андреевич Стенин

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия
ystein88@gmail.com

В работе рассматриваются основные особенности грамматики тундрового ненецкого языка, многие из которых весьма примечательны с типологической точки зрения. В центре внимания находится монография И. А. Николаевой «Грамматика тундрового ненецкого языка» (De Gruyter Mouton, 2014), затрагивающая многие практически не изученные до сих пор вопросы синтаксиса этого языка. Подробно обсуждаются сильные и слабые стороны данного описания, его значимость в общем контексте исследований по самодийским языкам.

Ключевые слова: самодийские языки, тундровый ненецкий язык, типология, (морфо)синтаксис, грамматическая семантика, фонология

**I. A. NIKOLAEVA'S TUNDRA NENETS GRAMMAR
AND SOME ISSUES IN SAMOYEDIC DESCRIPTIVE STUDIES**

Ivan A. Stenin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia
ystein88@gmail.com

The paper discusses the main features of Tundra Nenets grammar, which is in many respects quite peculiar from a cross-linguistic perspective. Special attention is paid to the new book by Irina Nikolaeva «A Grammar of Tundra Nenets» (De Gruyter Mouton, 2014) uncovering a great deal of hitherto virtually unexamined aspects of Tundra Nenets syntax. Careful consideration is given to the weak and strong points of the description as well as its important role in the context of Samoyedic studies.

Keywords: Samoyedic languages, Tundra Nenets, typology, (morpho)syntax, grammatical semantics, phonology

Введение

С момента выхода фундаментального обзора [Helimski 2001], обозначившего актуальное положение дел в самодистике, прошло менее 15 лет. Нельзя сказать, что за это

---

* Исследование частично поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884. Я благодарен В. А. Плунгяну, В. Ю. Гусеву и А. А. Козлову, прочитавшим работу в рукописи и высказавшим ряд ценных замечаний. Разумеется, все ошибки и неточности остаются исключительно на моей совести.

время произошли кардинальные изменения, однако исследовательский ландшафт в данной области постепенно преобразуется, и она понемногу превращается из абсолютно традиционной в современную. Несомненно, диахронические и этимологические штудии по-прежнему занимают здесь важное место; см. прежде всего работы А. Айкио (Л. С. С. Анте) [Aikio 2002; 2006; Ante 2012], В. Ю. Гусева [Гусев 2002; 2007; 2008; 2012a], Т. Салминена [Salminen 2012], а также [Mikola 2004]. В настоящее время ведется активная работа по оцифровке архивов Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых, Н. М. Терещенко, А. П. Пырерки, А. П. Дульзона, М. А. Кастрена, Е. А. Хелимского и других видных исследователей самодийских языков, так что архивная деятельность тоже представляется многообещающей. Среди исследований контактов выделяются статьи, посвященные особенностям говорки на Таймыре [Гусев 2012б; 2013; Урманчиева 2010]. Внимание привлекает также продолжающийся проект по созданию диалектологического атласа языков ЯНАО, проводимый совместно новосибирскими учеными во главе с Н. Б. Кошкарёвой и московскими коллегами под руководством Е. В. Кашкина. Отдельного упоминания заслуживает книга [Аникин, Хелимский 2007], посвященная самодийско-тунгусо-маньчжурским лексическим связям и находящаяся, таким образом, на стыке компаративистики и ареальной лингвистики. Продолжают выходить словари [Казакевич и др. 2002; Alatalo 2004; Быконя и др. 2005; Хелимский 2007; Казакевич, Будянская 2010; Буркова и др. 2010], хрестоматии [Wagner-Nagy (szerk.) 2002] и сборники текстов [Кошкарёва и др. (сост.) 2007; Турутина 2003], а также монографические описания отдельных фрагментов грамматики [Wagner-Nagy 2001; Кошкарёва 2005]. Это лишь некоторые публикации, их реальное число существенно больше.

Однако необходимо отметить, что исследовательская активность растет не только в таких традиционных для самодистики областях, которые перечислены выше. В последнее время появляется значительное число работ, свидетельствующих о том, что ученые, занимающиеся самодийскими языками, стремятся вписать имеющиеся у них данные в более широкий контекст и осмыслить их с учетом новейших достижений типологии, общей морфологии, синтаксиса и других лингвистических дисциплин. Сравните хотя бы книгу [Wagner-Nagy 2011] о типологическом своеобразии отрицательных конструкций в обско-угорских и самодийских языках, а также серии статей С. И. Бурковой, В. Ю. Гусева, А. Ю. Урманчиевой, А. Б. Шлуинского, О. В. Ханиной и др. (некоторые из них будут названы ниже), большая часть которых посвящена в первую очередь грамматической семантике и представляет ненецкие, нганасанские, энецкие (и в меньшей степени селькупские) данные в типологической перспективе. Примечательно, что в большинстве своем эти исследования основаны на новых материалах, полученных авторами в ходе полевой работы. С другой стороны, важно также, что интригующие факты самодийских языков начинают попадать в поле зрения не только типологов, но и теоретиков; сравните выполненные в рамках теории оптимальности описания нганасанского ударения и чередования ступеней согласных в диссертации [Vaaysman 2009] и дебуккализации и апокопы в малоземельском ненцеком в [Kavitskaya, Staroverov 2010], а также анализ глагольного согласования в нганасанском и тундровом ненцеком в терминах дистрибутивной морфологии в [Kröhnert 2010].

Наконец, впервые за долгое время начинают появляться новые грамматики самодийских языков: это энецкие грамматики [Сорокина 2010; Siegl 2011¹], а также совсем недавно вышедшая в свет грамматика тундрового ненцекого [Nikolaeva 2014]. В дальнейшем я хотел бы сосредоточить внимание на подробном разборе именно последней книги, поскольку ее выход ознаменовал собой своеобразную важную веху: до этого, пожалуй, наиболее изученный из самодийских языков не имел всестороннего описания. Указанная монография представляет собой первое относительно полное описание грамматики тундрового ненцекого языка. При этом оно выполнено на современном научном уровне, написано по-английски и выпущено в популярной серии одного из самых известных лингвистических издательств — таким

¹ Перепечатано в [Siegl 2013].

образом, доступно максимально широкой аудитории и рассчитано в первую очередь на типологов, а не только на специалистов по самодийским и уральским языкам.

Тундровый ненецкий вместе с лесным ненецким, лесным и тундровым энецким, нганасанским, северно-, южно- и центрально-селькупским составляют самодийскую группу языков², которая наряду с финно-угорской входит в уральскую языковую семью. Язык тундровых ненцев и язык лесных ненцев считаются в данной работе двумя близкородственными языками, вслед за работами Т. Салминена [Salminen 1997; 1998a; 1993—2012] и других зарубежных самоедологов. В отечественной традиции обычно говорят о диалектах или наречиях одного ненецкого языка, однако различия в фонетике и морфологии между двумя ненецкими языками настолько велики, что указанные идиомы ни в коей мере не являются взаимопонимаемыми, а глубина расхождения между ними не менее, чем между мохшанским и эрзянским. Более того, даже между диалектами внутри тундрового ненецкого существуют серьезные различия, особенно если сравнить крайнезападные и восточные говоры. Тундровый ненецкий³ — самый крупный из малых языков России, с числом носителей более 20 000 человек, в то время как самих ненцев, согласно последней переписи 2010 г., 44 640 человек (в это число входят и лесные ненцы); распространен на огромной территории от Таймыра на востоке до Канинского полуострова на западе, от границы лесов на юге до побережья Северного Ледовитого океана на севере.

Ненецкий нельзя назвать слабо изученным. Среди основных публикаций монографического объема, помимо названных выше, следует упомянуть [Janhunen 1986; Буркова 2010; Терещенко 1947; 1956; 1965]. Различным аспектам ненецкого языка посвящена большая литература; наиболее обстоятельная (хотя и неполная) библиография приведена в [Буркова 2010: 199—221]. Однако большая часть работ игнорирует синтаксис. Во многом именно этот пробел призвана восполнить грамматика И. А. Николаевой. Значительная часть феноменов, описываемых в работе, иллюстрируется примерами, собранными автором в ходе полевой работы. При этом собственно «в поле» автор была один раз, в 2003 г., в поселке Нельмин Нос (Ненецкий автономный округ). Основная часть данных, по-видимому, получена в результате работы с носителями ненецкого языка в Финляндии в период с 2001 по 2013 г. Кроме того, в грамматике активно используется корпус примеров из словаря [Терещенко 1965], затранскрибированный и отгlossированный Т. Салминеном [Salminen 2014]. Эти и другие сведения общего характера приводятся в главе 1 («Introduction», с. 1—16). Кроме введения и текстов, составляющих последнюю главу, грамматика содержит 17 основных глав, половина из которых посвящена синтаксису, а также список сокращений, список литературы и указатель.

Настоящий обзор по сути является расширенной рецензией на грамматику, написанной с учетом моего собственного (в том числе полевого) опыта работы с ненецким языком. В российской лингвистической практике этот жанр совсем не популярен. Из недавно вышедших публикаций подобного рода можно назвать, пожалуй, только обзорную рецензию [Муслимов 2014], посвященную грамматике [Маркус, Рожанский 2011a; 2011b] (статья [Аркадьев в печати] все-таки существенно выходит за рамки рецензии, хотя и выросла из разбора монографии [Round 2013]). В то же время, на мой взгляд, именно в приложении к грамматическому описанию языка подробная рецензия оказывается наиболее уместной. Современные грамматики, издаваемые в популярных и общепризнанных сериях

² К самодийским языкам относились также маторск(о-тайгийско-карагасск)ий и камасинский (одним из диалектов которого обычно считается койбальский; последний не следует путать с одним из диалектов современного хакасского), исчезнувшие, соответственно, в первой половине XIX в. и в 1989 г. Кроме того, «[в] прошлом существовал еще один ненецкий диалект, значительно отличавшийся как от тундрового, так и от лесного, но имевший черты, сближавшие его с энецким языком» [Хелимский 2000: 50—55]. Е. А. Хелимский именует его старовосточным диалектом ненецкого языка, чаще он фигурирует под названием юрацкого диалекта или языка.

³ Далее для краткости я позволю себе говорить просто «ненецкий», имея в виду тундровый ненецкий, и использовать прилагательное только во избежание путаницы.

вроде «Mouton Grammar Library» (как и рассматриваемая в данной работе), ориентированы не только на специалистов по конкретному языку или определенной языковой семье — они находят своих читателей среди лингвистов любого профиля, от типологов до теоретиков. Таким образом, по-прежнему, как и полвека, и век назад, основными требованиями, предъявляемыми к грамматическому описанию, остаются эмпирическая и дескриптивная адекватность: грамматика должна максимально точно и максимально полно описывать факты языка, руководствуясь современными теоретическими представлениями о тех или иных явлениях и по возможности учитывая их типологическую специфику. Понятно, что идеал в этом деле, как и всегда, недостижим, но к нему стоит стремиться.

С учетом вышесказанного я вижу основной своей целью в данной работе описать максимально широкий класс случаев, в которых грамматика Николаевой содержит потенциальные или реальные неточности, и таким образом облегчить читателю пользование этой книгой. Статья организована следующим образом. В § 1 обсуждается основное содержание грамматики, с особым вниманием к вопросам фонетики, фонологии и морфонологии как одним из самых проблемных для всех исследователей ненецкого — и к синтаксису как наименее изученной области до появления рассматриваемой монографии. В следующих трех разделах будут последовательно рассмотрены мои критические замечания, касающиеся следующих аспектов описания: а) презентации материала (§ 2); б) интерпретации тех или иных явлений (§ 3); в) полноты охвата данных (§ 4). В заключении дается общая оценка монографии, а также обсуждается ряд общеметодологических вопросов, возникающих в процессе ее чтения.

1. Анализ грамматики тундрового ненецкого языка в книге И. А. Николаевой

Глава 2 («Phonology», с. 17—28), с которой начинается анализ собственно языковой системы, представляет собой описание фонологии, во многом являющееся дайджестом идей, наблюдений и обобщений, сформулированных в [Salminen 1997; 1998b; 1993—2012]. Системы вокализма и консонантизма полностью совпадают с выделявшимися в названных работах Т. Салминена, различия касаются лишь некоторых особенностей транскрипции. Так, И. Николаева постулирует долгие гласные $\bar{i}$, $\bar{u}$ и $\bar{æ}$, которые в работах Т. Салминена называются stretched и обозначаются как $\acute{i}$, $\acute{u}$ и $\acute{æ}$. Такое, на первый взгляд косметическое изменение вынуждает И. Николаеву называть $\acute{i}$, $\acute{u}$, $\acute{e}$, $\acute{o}$, $\acute{a}$ краткими, $\bar{a}$ — сверхкраткой («over-short» = «short» в [Salminen 1993—2012], «reduced» в [Salminen 1997; 1998b]), где она обозначалась как $\emptyset$, а $^{\circ}$ — редуцированной гласной («schwa» в [Salminen 1993—2012]). К сожалению, все суждения относительно долготы — краткости не подкреплены никакими экспериментальными данными. В грамматике абсолютно отсутствуют спектрограммы и другие привычные виды фонетического анализа. К сожалению, ничего не говорится об актуальном произнесении последовательностей гласных, которые возможны в ненецком, только если по крайней мере одним из сегментов является $\bar{a}$ или $^{\circ}$. Они трактуются как двусложные для целей приписывания ударения, однако неизвестно, демонстрируют ли они признаки, характерные для последовательностей гласных. В недавних работах [Амелина 2011; 2012], строго эксплуатирующих методы экспериментальной фонетики, такие слова практически исключены из рассмотрения и ничего не говорится относительно возможности существования зияния в этом языке.

Во избежание недоразумений⁴, на протяжении данной рецензии $\bar{a}$ будет называться краткой гласной, а $^{\circ}$ — редуцированной. Поскольку в отечественной самодистике транскрипция

⁴ В работе последовательно используется транскрипция, принятая в рассматриваемой монографии, за исключением специально оговоренных случаев. Если строка цитируемого текста содержит ошибку в транскрипции, она приводится в измененном виде, а место замены показано с помощью квадратных скобок. Ссылки на примеры из рецензируемой монографии даются в круглых скобках.

Т. Салминена практически не используется, кратко поясню, в чем ее основные особенности⁵. Главная инновация Салминена — как раз введение в фонологический инвентарь редуцированной гласной (°)⁶, которая произносится либо сверхкратко, либо не произносится вообще на поверхностном уровне, но всегда так или иначе присутствует: она может добавлять мору предшествующему гласному или увеличивать длительность предыдущего слога (в частности, в случае конечных последовательностей с гортанными смычными $C^{\circ}q$ и $C^{\circ}h$). Ее наличие во многом объясняет также «гармонию гласных» после x и q (неназализ(ир)ованного гортанного смычного), а отсутствие — добавление автоматического гортанного смычного после согласных b , l , m , r . В большей части случаев редуцированная гласная является результатом автоматической фонологической редукции $a \rightarrow ^{\circ}$ в безударной позиции; ср. классический пример xar° ‘нож’ vs. $xara-r^{\circ}$ ‘нож-POSS.2SG’ vs. $xar^{\circ}-da-r^{\circ}$ ‘нож-DEST-POSS.2SG’. Введение редуцированной гласной также делает объяснение места ударения в концепции Т. Салминена практически автоматическим.

На мой взгляд, транскрипция Салминена, несмотря на все ее очевидные недостатки — разительные отличия от записей предшественников, несводимость к традиционной финно-угорской транскрипции или IPA, сложность для восприятия без специальной подготовки, ориентация на морфонологию, а не на фонетическую субстанцию (см. критические замечания в обзоре [Helinski ms.]⁷), — имеет и серьезные преимущества перед всеми остальными. Во-первых, для языка со столь сложной морфонологией, каким является ненецкий, ориентация на глубинно-фонологический, а не поверхностный уровень представления скорее является плюсом: в частности, она позволяет более эксплицитно и с меньшим числом промежуточных шагов формулировать правила синтеза словформ. Во-вторых, когда речь не идет о тонких диалектных особенностях в области фонетики, данная транскрипция удобна для сравнения материала разнородных ненецких идиомов между собой (в каждом из которых на самом деле может быть немного другая фонология), а также для сопоставления ненецких

Глоссы оригинала даются прописными, как и в оригинале, мои глоссы — капителью. В последнем случае они могут существенно отличаться от оригинала. В глоссах опускаются нулевые показатели номинатива, единственного числа, индикатива, настоящего времени (о семантике последнего см. ниже). В посессивных показателях опускается указание на единственное число обладаемого. Нулевой показатель третьего лица единственного числа субъектного спряжения в глаголе глоссируется через точку. Показатели субъектно-объектного спряжения в индикативе по умолчанию свидетельствуют о единственном числе прямого дополнения (в прохибитиве отрицательный глагол также присоединяет согласовательные показатели индикатива, а не особые императивные). На множественное число прямого дополнения указывает специальная финитная основа (использующаяся также при рефлексивном спряжении), на двойственное — особый показатель $-x\dot{a}u-$. Таким образом, несмотря на то, что сами показатели объектного согласования с прямым дополнением любого числа материально совпадают при третьем лице подлежащего, глагольные формы в целом всегда однозначно маркируют единственное, двойственное или множественное число прямого дополнения.

⁵ Непонимание того, что за ней стоит, порой приводит и теоретиков и/или типологов к ложным выводам. Ср. заявление Дж. Блевинс [Blevins 2006] о том, что в тундровом ненецком существует синхронное финальное озвончение (coda voicing), которое она делает в первую очередь на основании дистрибуции /p/ и /b/, и критический разбор ее работы в ответной статье [Kiparsky 2006].

⁶ До Т. Салминена на возможность присутствия такого сегмента указывал Ю. Янхунен (ср. [Janhunen 1986], где он называется сегментом-ограничителем). На выделении подобной единицы по крайней мере на одном из уровней абстракции основан также принцип глубинного изосиллабизма ненецкого стиха, подробно проанализированный Е. А. Хелимским, согласно которому «традиционная ненецкая поэзия строится на основе регулярных моделей силлабического стихосложения», а «базисный текст состоит из изосиллабических — обычно шести- или восьмисложных — строк» (в оригинале — разрядка) [Хелимский 2000: 125—126].

⁷ Ср. также характерное замечание в упомянутой работе: «However, the “Nenets phonology after Salminen” — just as Nenets phonologies after Janhunen, Hajdú, Viitso, Ristinen, Décsy, Wickman, or Tereshchenko — failed to persuade me that this language really has phonology and phonemes, rather than a continuum between underlying-level morphonemes and surface-level sounds».

данных с данными других самодийских языков. В-третьих, она несомненно имеет под собой диахронические основания, поскольку редуцированная гласная — это результат редукционных процессов, которые затронули ненецкий язык в гораздо большей степени, чем нганасанский и энецкий. О двух славянско-самодийских аналогиях — падении редуцированных и корреляции по палатализации — см. [Хелимский 1984].

Корреляция по палатализации является яркой отличительной чертой ненецкого консонантизма: она распространяется на все согласные, кроме велярных *k*, *x*, *ŋ*, глайдов *w*, *y* (= IPA /j/) и гортанного смычного. Что касается последних, то их в ненецком традиционно выделяется два: так называемый неназализ(ир)ованный («глухой») *q* и так называемый назализ(ир)ованный («звонкий») *h*, произносящиеся одинаково в изолированной позиции (или, например, в позиции конца слова), но имеющие различные фонотактические ограничения и участвующие в различных (мор)фонологических чередованиях: ср. *n'eh xən*⁸ = *n'eh_kən* 'нарта женщины'⁸ vs. *n'eq xən*⁹ = *n'e_kən* 'нарта женщин', *toh war*⁹ = *to_war* 'берег озера' vs. *toq war*⁹ = *toq_war*⁹ 'берега озер' [Salminen 1993—2012]. Описание автоматических фонетических процессов и морфонологических процессов, среди которых многочисленные ассимиляции, чередования согласных и гласных, усечение основы, палатализация и депалатализация, дегеминация и др., представлено в грамматике кратко и не очень наглядно, в связи с чем лучше напрямую обращаться к уже не раз упомянутым работам [Salminen 1997; 1998b; 1993—2012].

По не совсем понятным причинам параграф, посвященный образованию различных основ имени и глагола, оказался в главе о фонологии. На мой взгляд, данную информацию естественно считать морфологической и помещать ее она должна в разделах об именном и глагольном словоизменении соответственно. Не свободен этот параграф и от неточностей. В пункте 3.2.1 главы 2, посвященном образованию основы аккузатива множественного числа имен, перечисляются самые частотные типы (*xər*⁹ 'нож' > *xəro* (PL.ACC), *yes'a* 'металл, железо, деньги' > *yes'* (PL.ACC) и др.), и среди них почему-то оказывается *xal'a* 'рыба' > *xale* (PL.ACC), хотя, согласно морфологическому словарю [Salminen 1998b], такой способ образования характерен лишь еще для одного слова, *yal'a* 'день, свет' > *yale* (PL.ACC).

В целом эта часть написана еще более схематично, чем морфонологическое описание, здесь намечены лишь самые основные тенденции, и практически из любого утверждения, которое выглядит как правило, есть исключения. Так, И. Николаева пишет, что при образовании общей финитной основы от глаголов на согласный всегда присоединяется показатель *-ŋa-* (а не *-ə-*), в то время как хорошо известно, что основы на гортанный смычный в разных диалектах используют *-ŋa-* или *-ə-*, а в ряде идиомов могут сосуществовать оба варианта. Впрочем, и сама автор во Введении отмечает, что она не стремится к полноте описания фонологии и формальной морфологии, поскольку существуют такие источники, как [Salminen 1997; 1998b; 1993—2012]⁹. По этой причине читателям, не знакомым с устройством ненецкого языка и начинающим свое знакомство с ним с грамматики Николаевой, я бы рекомендовал сначала прочесть по крайней мере грамматический очерк [Salminen 1993—2012] и вводный очерк к словарю [Salminen 1998b]. Кратко охарактеризую содержание остальных глав, а затем перейду к критическим замечаниям.

В главе 3 («Grammatical classes», с. 29—56) приводятся основные сведения о частях речи в ненецком языке, среди которых названы существительное, прилагательное, глагол, местоимение, наречие, послелог, союз, частица и междометие. Дан обзор основных морфосинтаксических особенностей и словоизменительных категорий имен и глаголов, а также рассмотрены их деривационные возможности. Особое внимание уделяется классам слов,

⁸ Нижнее подчеркивание в примере условно обозначает, что *сандхи* происходит на границе слов.

⁹ Е. А. Хелимский в рецензии на эти работы (точнее, на [Salminen 1997; 1998a; 1998b]) высказался следующим образом — весьма патетически, но, как кажется, справедливо: «<...> insofar as the morphophonology and inflectional morphology are concerned, Tundra Nenets can be considered today one of the most systematically and thoroughly described non-European languages» [Helinski ms.].

которые сохраняют многие свойства существительного, но демонстрируют синтаксическую дистрибуцию других частей речи: прилагательных, глаголов и наречий. Николаева называет такие случаи смешанными категориями (*mixed categories*) и последовательно рассматривает проприетивные дериваты¹⁰ с суффиксом *-sawey°* (*nod'a-sawey° xid'a* 'ягодарпорр чашка' = 'чашка с ягодами'), обозначающие временное обладание; дериваты с симилиативным суффиксом *-raxa-* 'подобно X-у'; отыменные глаголы с показателем *-na- ~ -ta-* 'быть с X-ом'; каритивные глаголы с суффиксом *-s'a-* 'быть без X-а'; каритивные наречные формы на *-s'iq-* (*xar°-s'iq* 'без ножа'); эквативные формы на *-d'r'em-* (*sarm'ika-d'r'em* 'как волк') и эссив на *-ne°*.

Эссивные дериваты в этом списке имеют первостепенную важность, поскольку в ряде употреблений они могут функционировать в качестве вторичных предикатов. В предшествующей литературе эссив часто назывался «кандидатом» в падежи, однако, в отличие от всех падежей, он не допускает выражения числа и посессивности, также ни при каких обстоятельствах показатель эссива не появляется на прилагательном, т. е. он не участвует в согласовании. Наиболее примечательной особенностью проприетивных и каритивных дериватов является то, что они в некоторой степени допускают модификацию именной основы по крайней мере прилагательными (а часть — и указательными местоимениями). Тем не менее в грамматике не делается никаких заявлений ни о границе составляющих в такого рода примерах, ни о каких-либо других следствиях наблюдаемой дистрибуции, так что данная область ненецкой грамматической системы непременно нуждается в дальнейшем изучении. См. работу [Nikolaeva 2008], где на материале тунгусо-маньчжурских языков разбираются возможные подходы к анализу подобных случаев, а также [Spencer 2013a; 2013b: 380—409], где рассматриваются селькупские отыменные прилагательные, часть которых может описываться как словоизменительная форма существительного (ср. термин «адъективная репрезентация» в грамматике [Кузнецова и др. 1980]).

Особо следует остановиться на том, что Николаева называет прилагательными. Они выделяются в ненецком языке на основании в первую очередь деривационных и синтаксических критериев, поскольку их словоизменительные возможности идентичны таковым у существительных. Употребляясь в качестве модификаторов, прилагательные, в отличие от существительных, демонстрируют факультативное согласование по падежу и посессивности с вершиной. Также в ненецком существует атрибутивное отрицание *n'in'a*, доступное только для прилагательных и причастий в атрибутивной позиции. Кроме того, прилагательные зачастую имеют собственную деривационную морфологию и образуют наречия образа действия. Несмотря на то что класс лексем, выделяемый на этих основаниях, имеет типичные для признаков слов значения (размер, форма, цвет и т. д.), далеко не все при знаковые слова в ненецком являются прилагательными. Иногда признаки выражаются глаголами (последние при этом чаще всего употребляются в форме причастий), и граница между двумя названными типами в общем случае носит произвольный характер. Особенно это заметно из сравнения терминов базовых цветов. Так, если смысл 'белый' выражается именем *ser*, то смысл 'черный' — глаголом *par'id'e-*.

Глава 4 («Nominal inflection», с. 57—77) содержит основные сведения об именных грамматических категориях (число, падеж, посессивность, (пре)дестинатив). Упомянется ассоциативное употребление дуалиса (маркирование тесной ассоциативной связи между двумя элементами множества; ср. типичное начало ненецкой сказки: *wæ̌sako-x°h puxac'a-x°h yil'e-we-x°h* 'старик-DU старуха-DU жить-NARR-3DU' = 'Жили-были старик со старухой...'). Приводится самая общая информация о непосессивных употреблениях грамем категории посессивности. Среди них называются идентифицируемость, основанная на дейксисе и ситуативном контексте (характерно в первую очередь для показателя POSS.3SG), анафорическая функция (характерна для POSS.2SG), партитивная функция

¹⁰ О типологии проприетивных форм в сибирском ареале см. специальный выпуск «Томского журнала лингвистических и антропологических исследований». 2014. № 1 (3).

(ср. *s'id'a-waq* 'два-poss.1PL' = 'двое из нас', с. 69), пресуппозиция существования ассоциативной связи между двумя участниками дискурса (граммемы, маркирующие посессора 3-го лица) или между участником дискурса и локуторами (соответственно граммемы, маркирующие посессора 1-го и 2-го лица). Использование посессивных показателей для маркирования лица и числа субъекта нефинитных клауз обсуждается в главе 13.

Относительно категории (пре)дестинатива (ср. пример 1) в книге не делается выбора в пользу какого-то конкретного анализа. Николаева пишет буквально, что «дестинатив выражает ТАМ-подобную категорию; в зависимости от анализа, это либо будущее время, либо некоторый вид ирреальной модальности, в сфере действия которой находится посессивное отношение»¹¹. В литературе, помимо анализа северносамодийского дестинатива (структура которого в общих чертах во всех этих языках схожа, хотя есть, конечно, и различия в употреблении; кроме того, в нганасанском есть специальный показатель «ирреального дестинатива») как проспективной посессивности [Daniel 2009] и именного времени/модальности [Лейсиё 2014; Leisiö 2012; Nikolaeva 2009], встречается также анализ его как бенефактивной/аппликативной конструкции [Siegl 2011; Khanina, Shluinsky 2014].

- (1a) *yid^o-h warə-n'h ηəno-də-m'i to^o*
 вода-GEN берег-ДАТ лодка-ДЕСТ-ПОСС.1SG прийти-GFS.3SG.S
 'Для меня пришла лодка к берегу' (с. 73).

- (1b) *xasawa n'ū-də-m'i soya[-]*
 мужчина ребенок-ДЕСТ-ПОСС.1SG родиться-GFS.3SG.S
 'У меня родился сын' (там же).

Глава 5 («Verbal inflection», с. 78—115) содержит описание основных глагольных грамматических категорий, а именно времени и наклонения. Грамматической категорией называет Николаева и согласование глагола с его аргументами (подлежащим и прямым дополнением), возможно, отчасти потому, что в ряде случаев его можно анализировать не как согласование, а как инкорпорацию личных местоимений (этот вопрос обсуждается в главах 9 и 17, см. ниже). В традиционной литературе различные серии согласовательных показателей обычно называются спряжениями, которых выделяется три: субъектное, (субъектно-) объектное и рефлексивное (= субъектно-безобъектное = медиальное). Николаева вслед за Салминеном выделяет в ненецком четыре класса глаголов с точки зрения их спряжения: непереходные с субъектным спряжением, непереходные с возвратным спряжением, переходные с субъектным и объектным спряжениями, «лабильные» с объектным и возвратным спряжениями. По другим данным, число глагольных классов в ненецком может быть больше; см. [Татевосов рук.] — исключительно подробный и понятный текст о том, как так называемое спряжение в ненецком влияет на актантную структуру и акциональные характеристики предиката (здесь, правда, стоит оговориться, что работа С. Г. Татевосова основана на материале одного малоземельского говора, который в этой сфере, как и в некоторых других, может демонстрировать серьезные отличия от восточных диалектов, на которых говорит большинство тундровых ненцев).

В «суперкатегорию» наклонения Николаева в соответствии с традицией парадигматически объединяет формы как с модальной, так и с эвиденциальной семантикой, которых за вычетом индикатива насчитывается 15. Ненецким наклонениям и эвиденциальным формам посвящена уже немалая литература, однако ясности в этой области нет до сих пор. В описании категории времени Николаева как раз отходит от традиции, выделяя в ненецком пять времен (настоящее, прошедшее, будущее, хабиуталис, будущее-в-прошедшем), а не три и не два, как предшественники. На мой взгляд, такое решение выглядит недостаточно аргументированным. Что касается аспектуальной системы ненецкого языка, то она, как и системы других самодийских языков, очень напоминает славянскую. Вид является

¹¹ «Predestinatives express a TAM-like category; depending on the analysis, it is either a future tense or some kind of irrealis modality that takes scope over the possessive relation» (с. 72).

словоклассифицирующей, а не словоизменительной категорией, т. е. вся глагольная лексика распадается на перфективные и имперфективные лексемы. Кроме того, противопоставление перфектива vs. имперфектива совпадает в этом языке с противопоставлением предельности vs. неопределенности. У производных основ вид определяется последним из словообразовательных показателей. В ненецком насчитывается значительное число перфективирующих и имперфективирующих дериваций; большая часть последних связана с семантикой предикатной множественности (подробнее о типологии последней и о ситуации в малоземельском ненецком см. в первую очередь [Шлуинский 2005]).

Глава 6 («Clitics and multi-based affixes», с. 116—140) является одной из первых попыток описания ненецких единиц, занимающих на линейно-синтагматическом континууме одно из промежуточных положений. Клитиками в описании называются единицы, занимающие в словоформе финальную позицию после всех словоизменительных показателей (хотя клитика $=(\eta o)w^\circ/eu^\circ$ «разрывает» все двухконсонантные лично-числовые показатели, встраиваясь внутрь и приводя порой к идиосинкратическим изменениям; схожим образом ведет себя экскламатив на $-əU-$ в нганасанском, согласно [Гусев 2005: 23—24]). Они возможны в норме только на финитном глаголе и выражают значения, связанные с восклицанием, эмфазой и пр. Другая группа единиц в той или иной степени демонстрирует транскатегориальность, присоединяясь к именным, местоименным, наречным, послеложным, глагольным основам, однако по своему значению, позиции в словоформе и прочим признакам эта группа неоднородна и распадается на несколько. Часть транскатегориальных показателей располагается максимально близко к корню и выражает различные виды оценки (аугментатив, диминутив, пейоратив, аттенуатив). Наиболее любопытный случай представляют единицы, занимающие позицию после всех словообразовательных и перед всеми словоизменительными показателями, традиционно называемые «интраклитиками». Их семантика имеет отношение к информационной структуре высказывания, т. е. они являются чувствительными к фокусу элементами (focus-sensitive items); специально о двух таких «интраклитиках», $-xərtə-$ и $-c'euə-$, см. [Козлов, Стенин 2014].

В главе 7 («Noun phrases», с. 141—173) значительное внимание уделяется структуре посессивной именной группы (далее — ИГ) и свойствам посессора, контролирующего посессивное согласование на вершине. В ненецком, если посессор выражен существительным (а не личным местоимением), посессивный показатель на вершине необязателен. Что интересно, посессоры, контролирующие согласование и не контролирующие его, различаются как своей позицией в структуре ИГ (ср. 2a—b), так и своими семантико-прагматическими свойствами (3a—b); примеры (2—3) адаптированы из [Nikolaeva 2014].

- (2a) $t'uku^\circ$ $Wera-h$ ti / $*te-da$
 этот Вэра-GEN олень / олень-POSS.3SG
 'этот олень Вэры' (с. 143)
- (2b) $Wera-h$ $t'uku^\circ$ $te-da$ / $*ti$
 Вэра-GEN этот олень-POSS.3SG / олень
 'этот олень Вэры' (там же)
- (3a) $t'uku^\circ$ $n'e$ $\eta a c'eki[^\circ]-h$ $bantə-mta$
 этот женщина ребенок-GEN бант-ACC.POSS.3SG
 $məneq-\eta a-wə-s^\circ$ / $*məneq-\eta a-dəm-c^\circ$
 увидеть-GFS-1SG.O-PST / увидеть-GFS-1SG.S-PST
 {ЛК: 'Ты видел эту девочку?'}
 'Я видел бант этой девочки' (с. 145).
- (3b) $t'uku^\circ$ $n'e$ $\eta a c'eki[^\circ]-h$ $bantə-m$
 этот женщина ребенок-GEN бант-ACC
 $məneq-\eta a-dəm-c^\circ$ / $*məneq-\eta a-wə-s^\circ$
 увидеть-GFS-1SG.S-PST / увидеть-GFS-1SG.O-PST
 {ЛК: 'Что ты видел?/Чей бант ты видел?'}
 'Я видел бант этой девочки' (там же).

Как можно заметить, посессор, не контролирующий согласование, располагается после указательных местоимений (2а), тогда как посессор, контролирующий согласование на вершине, напротив, выносится на левую периферию ИГ и не может следовать ни за какими другими зависимыми (2б). В то же время, как специально отмечает Николаева, конструкция типа (2б) в большинстве случаев не является конструкцией с внешним посессором и между посессором и вершиной не могут быть вставлены никакие составляющие уровня клаузы.

Что касается свойств посессора, контролирующего согласование, то он, в терминах Николаевой, играет в информационной структуре роль вторичного топика. Вторичный топик при этом понимается как топикальный элемент, прагматически менее выделенный (salient), чем основной топик, но такой, что высказывание строится об отношении между референтами основного и вторичного топика (подробнее об этом информационно-структурном отношении см. [Nikolaeva 2001]). Из примеров (3а—б) видно, что топикальный посессор контролирует посессивное согласование на вершине ИГ, которая, в свою очередь, контролирует объектное согласование на предикате, из чего можно сделать вывод, что в случае топикального посессора статус топика распространяется на всю ИГ. Схожим образом в ненецком на вершину и на всю составляющую от любого из ее зависимых «просачиваются» фокусные признаки и фокусный статус, о чем см. прежде всего [Matić, Nikolaeva 2014].

Кроме того, эта глава включает описание атрибутивного согласования (concord), которое в ненецком абсолютно факультативно, однако, если имеет место, определяется достаточно сложными закономерностями. В частности, реже всего атрибутивные модификаторы согласуются с вершиной по падежу. Это регулируется правилом, согласно которому, если контролер маркирован лишь по одному из признаков согласования, то модификатор может получать согласование по числу или по лицу и числу посессора, но не по падежу. Интерес представляют ограничения, связанные с согласованием по посессивности на атрибутивном модификаторе. По наблюдениям Николаевой, они связаны с отношениями неотторжимой принадлежности, т. е. если обладаемое — это часть тела, термин родства или внутреннее (intrinsic) свойство обладателя, то согласование всегда возможно. К этой группе примыкают также такие концепты, как ‘олень’, ‘лодка’ или ‘нарта’. Напротив, ‘собака’, ‘хлеб’ или ‘машина’ не допускают посессивного согласования на модификаторе даже в специальном регистре (языке фольклора), где это вообще чаще всего возможно.

В отдельную группу Николаева выделяет квантификативные прилагательные типа *s'an*° ‘сколько, несколько’, *t'an'o* ‘немного’, *xə'n'ani*° ‘который’, *xurka* ‘какой’, *xisuwey*° ‘каждый, всякий’ и их дериваты, которые не допускают атрибутивного согласования и всегда предшествуют вершине. Универсальные кванторы типа *mal'h* ‘все (со счетными именами); весь, целый (как правило, с несчетными именами)’ в определенных случаях требуют признак множественного числа на вершинном имени и могут быть вынесены за пределы ИГ, и такого рода примеры очень частотны. Также кратко рассматриваются псевдопартитивные конструкции «контейнер — содержимое» и ИГ с непосессивными именными зависимыми в номинативе и генитиве. Общая структура ИГ в ненецком выглядит следующим образом:

Периферийный посессор — Детерминант — Обычный посессор — Адъективная форма имени — Квантификатор — Адъективный модификатор — Именной модификатор — Вершина.

В главе 8 («Adjectival, adverbial and postpositional phrases», с. 174—193) рассматриваются устройство аналитических компаративной и суперлативной конструкций, двухместные прилагательные, структура послеложной группы, согласующиеся и предикативные наречия. Последние две группы заслуживают отдельного упоминания. Согласующиеся наречия согласуются по лицу и числу (формально они получают посессивные показатели косвенной серии) с одним из аргументов клаузы. Николаева выделяет следующие типы согласующихся наречий: а) агентивно-ориентированные наречия (4); б) свободно согласующиеся наречия (5а—б); в) находящиеся внутри ИГ наречия (6); г) интенсификаторы.

Наречия первого типа согласуются либо с подлежащим, либо с исходным подлежащим при пассивной диатезе, т. е. с самым агентивным участником:

- (4) *m'in°xə-nt° xan'e-xad°-ŋe° wun'i-n° xanət°-q*
 быстро-2SG охотиться-ADJ-ESS NEG.EMPH-2SG.S пойти.FUT-CN
 'Не сразу станешь ты хорошим охотником' [Терещенко 1965: 737].

Наречия второго типа не имеют таких ограничений и могут согласовываться как с подлежащим, так и с прямым дополнением, однако при разном контролере их интерпретация в клаузе различается. При первом прочтении (5a), когда существует только один *x*, который любит адресата, и этот *x* — говорящий, референциальное слово *yaqlə-* 'один; одинокий' может отсылать только к говорящему и, следовательно, должно содержать показатель первого лица единственного числа. Напротив, при втором прочтении (5b), когда существует только один *x*, которого любит говорящий, и этот *x* — адресат, *yaqlə-* нужно употребить с показателем второго лица единственного числа.

- (5a) *yaql°-n'i / *yaql°-nt° s'it° xamc[°]-ə-d°m*
 один-1SG / один-2SG PRON.ACC.POSS.2SG любить-GFS-1SG.S
 'Я один люблю тебя' (с. 181).
 (5b) *yaql°-nt° s'it° xamc[°]-ə-d°m*
 один-2SG PRON.ACC.POSS.2SG любить-GFS-1SG.S
 'Я люблю тебя одного' (там же).

Наречия третьего типа либо допускают, либо требуют при себе поверхностно выраженный поссessor, т. е. в целом ведут себя как вершина ИГ, однако не допускают атрибутивных модификаторов:

- (6) *mən° mən°tə-n° yader-kər-c'u-d°m*
 я лично-1SG гулять-PREC-NEG-1SG.S
 'Придется мне самому лично пойти' [Терещенко 1965: 226].

В качестве интенсификатора выступает в первую очередь рефлексивная основа *xər-*, которая почти везде в грамматике фигурирует в виде *xər°q-*. Предикативно могут употребляться, по наблюдениям Николаевой, всего два наречия: *təmna*, которое на уровне клаузы имеет обычно значение '(все) еще', и *t'i* 'вот, так'. Ср. употребление первого в предикативной позиции:

- (7) *ŋət'e-n°q, təmna-waq*
 ждать-IMP.2SG.O.PL все.еще-1PL.S
 'Подожди, мы еще не готовы' [Там же: 623].

Глава 9 («Syntax of simple clauses», с. 194—223) посвящена синтаксису простого предложения. Обсуждаются тесты на подлежащность, среди которых, в частности, ограничения на прономинализацию, рефлексивизацию и нулевую анафору в зависимой клаузе, конструкции субъектного контроля. Однако ключевым сюжетом, релевантным для многих частей ненецкой грамматической системы, оказывается в данной главе дифференцированное маркирование прямого дополнения и возможность употребления объектного спряжения. Переходные глаголы могут согласовываться не только с подлежащим, но и с прямым дополнением (специальной серией показателей, кумулятивно выражающих лицо и число подлежащего и число прямого дополнения). Объектное согласование контролирует только число прямого дополнения, поскольку лицо всегда фиксированное — третье. Объектное согласование в ненецком языке возможно в одних случаях, невозможно — в других, и обязательно — в третьих. Местоимения первого и второго лиц не могут контролировать объектное согласование, в большинстве идиолектов таким же образом ведут себя местоимения третьего лица. Таким образом, референциальный статус ИГ оказывается в некотором смысле наиболее важным в иерархии параметров, определяющих объектное маркирование.

Для лексических ИГ в позиции прямого дополнения возможность контролировать объектное согласование зависит в первую очередь от информационной структуры высказывания. Объектное согласование невозможно, если прямое дополнение находится в сфере действия узкого фокуса и/или включает в свой состав вопросительные слова (в том числе в качестве атрибутивных модификаторов и посессоров вершины ИГ) или чувствительные к фокусу «интраклитики». Если прямое дополнение находится в сфере действия широкого фокуса, определенную роль может играть референциальный статус (*specificity*) ИГ — в случае специфичного прямого дополнения объектное согласование возможно. Объектное согласование обязательно, если предшествующий контекст создает для прямого дополнения роль (вторичного) топика, в частности в том случае, если прямое дополнение вообще поверхностно не выражается в клаузе. Прямые дополнения, контролирующие согласование и не контролируемые его, не обнаруживают каких-либо различий в своих синтаксических свойствах (в отличие, например, от западно-хантыйского, о котором см. [Dalrymple, Nikolaeva 2011]).

В главе 10 («Valence patterns and alternations», с. 224—249) в общих чертах рассматриваются классы глаголов с точки зрения их моделей управления и актантно-значимые преобразования. Среди последних основное внимание уделяется причастному пассиву как самой продуктивной актантной деривации.

В главе 11 («Non-verbal predicates», с. 250—264) кратко описываются основные типы неглагольных предикатов (существительные, местоимения, прилагательные, наречия, нефинитные формы глагола) и конструкций, в которых они употребляются (экзистенциальная, локативная и эквативная). При некоторых неглагольных предикатах обязательно присутствие вспомогательного глагола *те-* или *ηæ-* во всех временах и наклонениях (например, при именах в косвенных падежах), другие же могут самостоятельно выступать в качестве вершины независимого предложения. При этом среди последних есть такие, которые обязательно присоединяют финитные показатели лица и числа субъекта в настоящем и прошедшем временах (например, существительные в именительном падеже в эквативных предложениях), только в прошедшем (например, личные и указательные местоимения в эквативных предложениях) или не могут присоединять финитных показателей, но и не требуют связки (например, существительные, оформленные показателями посессивности). Ненецкий представляет несомненный интерес для типологии неглагольной предикации. Среди уральских языков неглагольные предикаты без связки употребляются шире только в мордовских языках (см. [Kholodilova forthc.] о ситуации в мокшанском).

Глава 12 («Non-declarative clause types and negation», с. 265—282) содержит информацию обо всех недекативных типах предложения, т. е. вопросительных, повелительных и восклицательных, а также об отрицательных конструкциях. Среди вопросительных слов в ненецком стоит упомянуть два вопросительных глагола — *хəqman-* ‘1) что сказать?; 2) зачем сказать?’ и гораздо более редкий *хəqmal'e-* ‘что же сказать?’, которые регулярно изменяются и могут формировать полное высказывание. Как и в большинстве уральских языков, конструкция стандартного отрицания в ненецком включает отрицательный глагол, несущий словоизменительные признаки, и нефинитную форму глагола (так называемый коннегатив). При неглагольном отрицании в форме коннегатива выступает вспомогательный глагол *ηæ-*. Отрицание — это единственный тип предложения, в котором, при наличии нулевого глагола со всеми признаками финитности, конечную позицию в клаузе занимает нефинитная форма глагола. Данный порядок слов жесткий и не может быть нарушен. При этом по крайней мере для ряда носителей отрицательный глагол и коннегатив могут разрываться другими составляющими. В этой главе рассматриваются и другие отрицательные конструкции, в частности такие, которые позволяют отличить отрицание составляющей от клаузного отрицания, а также те, в которых употребляются эмфатические глаголы *wun'a-* ‘ведь не Р’, *xan'a-* ‘как не Р’ и *xəc'a-* ‘почти Р’, также использующие модель с коннегативом. Специально о вопросительных словах в ненецком и других северносамодийских см. [Mus 2009; 2013], об отрицании — [Mus 2008; 2015].

Глава 13 («Overview of dependent clauses», с. 283—314) содержит обзор типов зависимых клауз. В последующих трех главах последовательно разбираются относительные предложения (**глава 14** «Relative clauses», с. 315—340), конструкции с сентенциальными актантами (КСА) (**глава 15** «Complement clauses», с. 341—366) и обстоятельственные предложения (**глава 16** «Adverbial clauses», с. 367—385). В большинстве сложных предложений вершиной зависимой клаузы является нефинитная форма. Есть лишь несколько глаголов (*xon'ra* ‘спрашивать; сообщать’, *xan-* ‘звать’ и т. п.), требующих в качестве комплемента зависимую клаузу с вершиной в форме одного из директивных наклонений. Кроме того, финитную стратегию образования сложного предложения эксплуатирует глагол *mah-* ‘говорить, думать’. Остальные случаи использования финитной стратегии, в частности, в относительных и обстоятельственных предложениях, достаточно маргинальны и развиваются под влиянием русского языка. Значительная часть главы 13 посвящена косвенным вопросам и вопросительному выносу из зависимой клаузы. В ненецком вопросительный вынос возможен не только из актантных предложений, но также из относительных и обстоятельственных, что нарушает обычные островные ограничения. Однако в относительных предложениях вопрос не может относиться к подлежащему.

В ненецком существует три основных стратегии релятивизации: 1) причастная стратегия гэппинга; 2) стратегия гэппинга, эксплуатирующая имена действия и конвербы; 3) стратегия, основанная на резюмptивном местоимении. Причастная стратегия является основной, когда релятивизируются позиции подлежащего и прямого дополнения, т. е. левый конец иерархии Кинэна — Комри [Keenan, Comrie 1977; Comrie, Keenan 1979]: $SU > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP$. Поскольку послеложные группы и имена во всех косвенных падежах (кроме приименного номинатива и генитива) в ненецком в норме невозможны в качестве комплемента ИГ, в этом случае также используется причастная стратегия, как в следующем примере, где причастие образовано от вспомогательного глагола *ηæ-* ‘быть’:

- (8) *wen'ako-h n'a-mna *(ηæ-da) kn[ʔ]iga-m temta-ə-d'm*
 собака-GEN около-PROL быть-PT.IPFV книга-ACC купить-GFS-1SG.S
 ‘Я купила книгу о собаке’ (с. 318).

В качестве вспомогательного также употребляется глагол *meq-* ‘использовать’. Это происходит тогда, когда необходимо релятивизовать ИГ, находящуюся на иерархии в позиции более низкой, чем подлежащее и прямое дополнение. С помощью причастной стратегии это может быть достигнуто, только если ИГ сначала будет продвинута в позицию прямого дополнения. Ср. следующий пример, где ИГ *xarəd'* ‘дом’ сначала продвигается из косвенной позиции (OBL; *Я живу в доме*) в позицию прямого дополнения (DO; *~ Я использую дом, чтобы жить*) и только после этого может быть релятивизована:

- (9) *yil'e° me-ta xar°də-m'i*
 жить-CVB использовать-PT.IPFV дом-POSS.1SG
 ‘дом, где я живу’ (с. 320)

Для релятивизации синтаксических позиций более низких, чем подлежащее и прямое дополнение, используется в обычном случае вторая стратегия, в которой задействованы имперфективное и перфективное имена действия и деепричастие. Данная стратегия позволяет в общем случае подвергнуть релятивизации непрямым и различные виды косвенных дополнений, а также объект большинства частотных послелогов, но не объект сравнения.

Третья стратегия основана на другом способе восстановимости (recoverability) — употреблении резюмptивов. В качестве резюмptивного показателя в ненецком используется посессивный аффикс. Резюмptивная стратегия позволяет релятивизовать посессор и объект некоторых послелогов. Релятивизация через границу клаузы возможна в ненецком только в конструкциях субъектного и объектного контроля и невозможна из всех остальных вложенных клауз.

Помимо названных трех стратегий, в ненецком есть также конструкции, представляющие собой редуцированные относительные предложения, в которых глагольная связка

отсутствует в настоящем времени, но обязательна в других формах. Подобным образом, в частности, устроены проприетивные конструкции, использующиеся для релятивизации посессора, в которых прилагательное не может быть опущено и обязательно следует за обладаемым (имя, обозначающее обладаемое, может при этом содержать факультативный резумптивный показатель). Как отмечает Николаева, в норме такие конструкции используются для выражения неотчуждаемой принадлежности. Более того, посессивное отношение должно быть постоянным, а не временным. Ср. следующую пару примеров, где в первом случае нос человека всегда красный, а во втором — временно (например, от мороза):

(10a) *piya(-da)*   *n'ar°yana*   *n'enec°h*
нос(-POSS.3SG)   красный   человек
'человек с красным носом' (с. 337)

(10b) *n'ar°yana*   *piya-sawey°-h*   *n'enec°h*
красный   нос-PROPR-GEN   человек
'человек с красным носом' (там же)

Более подробно структура и типологическое своеобразие ненецких относительных предложений описаны в книге [Ackerman, Nikolaeva 2013].

Что касается актантных предложений, то особенный интерес представляют конструкции субъектного и объектного контроля, которые могут демонстрировать дистантное («прозрачное») согласование с прямым дополнением вложенной клаузы, что, вероятно, предполагает возможность анализа в терминах союза клауз. В частности, таким образом ведут себя конструкции субъектного контроля с деепричастием или супином в качестве зависимого предиката:

(11a) *mən°*   *xal'a-m*   *ηəm-c°*   *yaqm°-ə-d°m*   /   *yaqm°-ə-w°*
я   рыба-ACC   съест-СВВ   не.мочь-GFS-1SG.S   /   не.мочь-GFS-1SG.O
'Я не могу съест рыбу' (с. 351).

(11b) *mən°*   *s'it°*   *ηəm-c°*   *yaqm°-ə-d°m*   /   **yaqm°-ə-w°*
я   PRON.ACC.2SG   съест-СВВ   не.мочь-GFS-1SG.S   /   не.мочь-GFS-1SG.O
'Я не могу съест тебя' (там же).

(12) *lador-pə°*   *p'a°-°*(da)*
ударить.FREQ-DUR-CVB   начать-GFS-(3SG.O)
'Он начал бить его' (там же).

(13) *Wera*   *te-x°h*   *xada°*   *p'ir°q-ηa-x°yu-da*
Вэра   олень-ACC.DU   убить¹²-CVB   мочь-GFS-OBJ.DU-3SG.O
'Вэра может убить двух оленей' (там же).

Как показывают эти примеры, если прямое дополнение зависимой клаузы выражено именем (11a), объектное согласование на матричном предикате может присутствовать или нет, — в зависимости от роли прямого дополнения в информационной структуре (согласование возможно, только если прямое дополнение топикально). В том случае, когда прямое дополнение вложенной клаузы выражено личным местоимением (11b), объектное маркирование на вершинном предикате невозможно. Если прямое дополнение соответствует референциальному нулю (12), объектное маркирование обязательно. Наконец, матричный предикат демонстрирует согласование в числе с прямым дополнением вложенной клаузы (13).

Среди имен, принимающих в качестве компонента клаузы, интерес представляют такие «легкие» существительные (light nouns), как *p'ir°* 'возможность', *s'er* 'дело' и др., которые используются преимущественно в предикативной позиции для выражения различных значений, прежде всего связанных с модальностью. Как показывают последние полевые данные, множество таких конструкций достаточно велико, степень их грамматикализации в разных случаях, по-видимому, разная, и они, несомненно, нуждаются в дополнительном изучении.

¹² В данном примере неважно то, что *xada-* можно подвергнуть дальнейшему морфемному членению.

Глава 16, посвященная обстоятельственным предложениям, не столь инновативна, как две предыдущие, описывающие относительные и актантные предложения, поскольку как раз по обстоятельственным предложениям в ненецком языке существует немалая литература ([Буркова 2002; 2003; 2004; Кошкарёва, Кулешова 2007; 2008; Стенин 2010] и другие, не считая неопубликованных работ). Однако в этой главе, как и во многих других, нет ни одной ссылки.

Глава 17 («Anaphoric relations», с. 386—413) обобщает данные по средствам поддержания референции в дискурсе: анафорическому сокращению, прономинализации, рефлексивизации, реципрокализации. Как отмечает Николаева, суждения информантов в этой области варьируют весьма значительно, поэтому в грамматике описываются только самые общие тенденции. Тундровый ненецкий является языком, где функционирует *pro-drog*. Показатели объектного спряжения в глаголе, как говорилось выше, лишь в ряде случаев являются согласовательными, а в остальных могут рассматриваться как инкорпорация личного местоимения. Поверхностно выраженные личные местоимения в позиции подлежащего и прямого дополнения либо свидетельствуют о фокусном выделении (или эмпазе, или контрасте), либо необходимы для указания на некорреферентность подлежащего одной клаузы подлежащему предыдущей в сочинительных конструкциях, как в следующих двух примерах:

- (14a) *n'is'a-mt°*   *n'o-r°*   *yayebta-mp'u-q*,
отец-ACC.POSS.2SG   NEG.IMP-2SG.O   потревожить-DUR-CN
pida tet°nə°
он   быть.занятым-GFS.3SG.S
'Не мешай своему отцу, он занят' (с. 387).

- (14b) *n'eb'a-da*   *s'ita*   *yemp°-p'i*,
мать-POSS.3SG   PRON.ACC.POSS.3SG   одеть-DUR.GFS.3SG.S
pida n'ema-xə-nta   *xərwa°*   *n'is°ltə°*
он   сои-DAT.POSS-OBL.POSS.3SG   хотеть-CVB   капризничать-GFS.3SG.S
'Мать_i его_i одевает, а он_{i/*j} капризничает оттого, что [он_{i/*j}] хочет спать' (там же).

В пределах клаузы антецедентом личного местоимения не может быть подлежащее, т. е. личные и рефлексивные местоимения находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, что типологически ожидаемо. Особым образом описывается поведение посесивных прономиналов.

Глава 18 («Coordination», с. 414—431), в которой рассматривается сочинение ИГ и других фразовых категорий, замыкает синтаксическую часть грамматики. Одной из основных сочинительных стратегий является обычное соположение ИГ. Сочинительные союзы не распространены; среди имеющихся наиболее частотен союз *n'ab'i* (омонимичный прилагательному 'другой'), который может использоваться только для сочинения двух ИГ. Николаева также упоминает союз *təd'ekəxət°*, возможно, это недавняя инновация, поскольку в текстах, записанных ранее, эта единица пишется в два слова — *təd° t'ikəxəd°* — и имеет значение 'после' (в [Salminen ms.] присутствует также сложное слово *tə-d'ikəxəd°* с тем же значением). Кроме того, как говорилось выше, тесная ассоциативная связь между двумя объектами маркируется с помощью дуалиса на каждой из сочиненных ИГ. Во всех этих случаях, по словам Николаевой, сочиненные ИГ в позиции подлежащего или прямого дополнения контролируют согласование глагола по двойственному числу, однако среди ее же примеров можно встретить следующие, где эта тенденция нарушается:

- (15a) *Wera-x°h*   *Maša-x°h*   *məneq-ŋa-dəm-c°*
Вэра-ACC.DU   Маша-ACC.DU   увидеть-GFS-1SG.S-PST
'Я увидел Вэру и Машу' (с. 418).
- (15b) *Wera-m*   *n'ab'i*   *Maša-m*   *məneq-ŋa-dəm-c°*
Вэра-ACC   и   Маша-ACC   увидеть-GFS-1SG.S-PST
'Я увидел Вэру и Машу' (там же).

Кроме названных существует также стратегия с послелогом *n'ah* 'с' и деепричастная стратегия, эксплуатирующая либо деепричастие *n'ac* 'быть с' и смысловой глагол в финитной форме, либо смысловой глагол в форме деепричастия и финитную форму *n'aq*- того же глагола 'быть с'.

Заключительная глава 19 (с. 432—495) содержит два текста, впервые опубликованных в сборнике [Лабанаускас 1995] и отражающих таймырский говор: «Сидя Вай» («Двое Ваев») [Там же: 96—106], записанный от Василия Дмитриевича Яра, и «Таб Ед Хэвко» [Там же: 112—123], записанный от Очавки Юйновича Яптуне. Тексты представлены в формате четырех строк: нижняя — строка перевода, выше — строка глосс, а вот сам текст дается на двух строках — сначала в том виде, в каком он был в оригинале (т. е. в практической кириллической орфографии, не отражающей некоторых фонологических различий, но отражающей некоторые фонетические особенности таймырского говора), а затем в фонологической транскрипции, принятой в грамматике, с поправками, внесенными в ряде мест носителем ямальского и приуральского говоров Галиной Коренёвой, с которой эти тексты выверялись. Поощряя в целом практику повторной записи собранных другими исследователями старых текстов, для которых, например, отсутствует аудиозапись и/или которые могут содержать неточности, я не могу не выразить мое сожаление по поводу того, что И. Николаева поместила в грамматику только чужие тексты и не привела ни одного, который она записала сама (хотя такие, несомненно, есть и некоторые из них размещены на сайте <http://larkpie.net/recordings/tundra-nenets> вместе с аудиозаписью). После текстов следует сравнительно небольшой список цитируемой литературы (с. 496—498) и тематический указатель (с. 499—511).

2. Презентация материала

Мои критические замечания, представленные в этом и следующих двух пунктах, по сути аналогичны тем претензиям, которые были предъявлены самой И. Николаевой к юкагирской грамматике [Maslova 2003] в ее фундаментальной рецензии [Nikolaeva 2005], а именно касаются точности транскрипции, глоссирования, перевода и других особенностей презентации материала; ясности формулировок и аргументированности предлагаемых интерпретаций; полноты охвата релевантных грамматических данных (возможно, несколько в другом процентном соотношении). Таким образом, немного забега вперёд, можно сказать, что грамматика Николаевой, будучи хорошей, качественной грамматикой и столь долгожданной для специалистов по этому языку, к сожалению, все же отстывает от высочайшего уровня точности, отмеченного в качестве цели в работе того же автора [Nikolaeva 2005]. Описание содержит большое количество неточностей, прежде всего в самих языковых данных. Редкая страница, изобилующая примерами, не содержит ошибки. Порой небольшая неточность в транскрипции может привести к весьма серьезной ошибке в атрибуции той или иной грамматической формы: ср. пример (22d) на с. 373, где форма *towənta* глоссируется как 'come-FUT.PART', однако, по-видимому, в соответствии с [Salminen 2014], здесь употреблено не причастие будущего времени, а имперфективная номинализация (имя действия) в генитиве *to-wa-nta* 'прийти-NMLZ.IPFV-GEN.POSS.3SG' (в противном случае в оригинале [Терещенко 1965: 251] ожидалось бы *товнда*, а не *тованда*).

Наибольшее число ошибок и опечаток содержится в примерах, элицированных самой Николаевой, и связано с непоследовательным отражением краткой (ə) и редуцированной (°) гласных фонем, при этом чаще всего перепутаны либо *a* и *ə*, либо *ə* и *°* между собой. Так, например, показатель дуратива на протяжении всей книги в большинстве случаев представлен в ошибочном виде *-(m)pa/-ba-* и только несколько раз в правильном *-(m)pə/-bə-*. При обсуждении ассертивной клитики *=ma/=wa* на с. 120 Николаева приводит частичную парадигму глагола *xada-* 'убить' в сочетании с этой клитикой, например, *xada-ə-r°=wa* 'убить-GFS-2SG.S=ASS'. Правильная фонемизация этого примера, специально оговоренная в [Salminen 1993—2012], представляет собой все же *xada°rəwa* (вместо **xadaə°r°wa*),

поскольку это одно из условий, в которых безударная редуцированная гласная может появляться в нечетном слоге.

Другие примеры, касающиеся этих же гласных: *ɲas'eki°* вместо правильного *ɲas'eki°* (неоднократно, например, 31b, с. 328), *ɲas'ekeda* вместо *ɲas'ekeda* (31c, с. 328), *n'an'i* вместо *n'a°n'i* (неоднократно, в частности, 46b, с. 332; 54a, с. 217), *ɲawar°-m* вместо *ɲawar°-m* (50a, с. 334), *t'en'ewa-* вместо *t'en'ewa-* (25a, с. 349), *tara°* плясать.3SG' вместо *tara°* (17c, 371), *maɣa°* вместо *məɣa°* (38b, с. 379), *mada-s°* вместо *mada-a-s°* (65b, с. 410), *l'ekarə-da-nt°* вместо *l'ekarə-da-nt°* (28a, с. 262), *s'axah* вместо *s'ax°h* (11, с. 268), **wəwə-xah* вместо **wəwə-x°h* (с. 275), *tūt°* вместо *tūtə°* (37a, с. 278), *ɣana-mpo-ko-w°na* вместо *ɣana-mpo-ko-w°na* (с. 444), *york°-xəna* вместо *yorka-xəna* (с. 443), *Xumpra°nc'iq* вместо *Xumpra°nc'iq* (с. 447, сложное слово), *ɲəɖara-dəm-c°* вместо *ɲəɖara-dəm-c°* (с. 447), *n'enesant°* вместо *n'enesant°* (с. 449), *paŋk°-m'i* 'племя-poss.1sg' вместо *paŋk°-m'i* (с. 449, есть другое слово *paŋk°* 'колода <для рубки мяса, дров>; наковальня и пр.'), *ɣil'e-d°m* вместо *ɣil'e-a-d°m* (с. 450), *waruwəna* вместо *waruw°na* (с. 458), *mada-da* вместо *mada-a-da* (с. 62), *ɣilə-d°m* вместо *ɣil'a-d°m* (31b, с. 71), *padə-d°m* вместо *pad-a-d°m* (36b, с. 74), *sawa* вместо *səwa* (40a, с. 75), *ɲawen* вместо *ɲawen°h* (65a, с. 105), *manc°ra-* вместо *manc°ra-* (16c—d, с. 148), *pardon-da-waq* вместо *pə°don°-da-waq* (23, с. 151), *serako-x°tat°* вместо *serako-x°tat°*, *te-xətat°* вместо *te-x°tat°* (27d, с. 153), *xardə-r°* вместо *xar°də-r°* (61, с. 168; 64, с. 170), *xarad-m* вместо *xarəd°-m* (31a—b, с. 207), *pəni* вместо *pəni°* (56, с. 166), *sarmikə-raxa* вместо *sarmikə-r°xa* (73, с. 173), *n'aqm°-wunc°* вместо *n'aqm°-wənc°* (18b, с. 201; в такого рода примерах Николаева отражает факультативную лабиализацию гласного), *n'uku-c°* вместо *n'u°ku-c°* (48a, с. 214), *xəli°-wem'i* вместо *xəl'ta-wem'i* (55a—b, с. 217) и еще не один десяток ошибок подобного рода.

Помимо *a*, *ə* и *°* путаться могут: 1) *ə* и *e*; ср. *ɲe-da* вместо *ɲə-da* (7a, с. 318), *sew°-da* вместо *səw°-da* (46b, с. 403), *sedora-b°q* вместо *sədora-b°q* (66b, с. 410), *tewi-w°q* вместо *təwi-w°q* (31b, с. 71), *xəwxəna* вместо *xəw°xəna* (32a, с. 71); 2) *a* и *e* после *y* и палатализованных, где фонетически *a* действительно сильно смещается в сторону среднего подъема и переднего ряда, но контраст с *e* все же сохраняется; ср. *xəye-waq* вместо *xəya-waq* (39c, с. 379), *S'iyek°-m'i* вместо *S'iyak°-m'i* (с. 457), *n'ib'e-rəxa* вместо *n'ib'a-rəxa* (73, с. 173); 3) *i* и *ɪ*; ср. *xib'a* вместо *xib°a* (25a, с. 261), *xib'axərt°* вместо *xib'axərt°* (35a, с. 278); 4) *i* и *e*; ср. *p'ir'ebt'a-m* вместо *p'ir'ibt'a-m* (13a, с. 390), *tab'ida-nə-s°* вместо *tab'eda-nə-s°* (19a—b, с. 182), *p'is'ed'e* (в разных формах) вместо *p'is'id'e* (с. 353); 5) *o* и *u*; ср. *xuni* 'спать.GFS.3SG.s' вместо *xoni* (18b, с. 64), *ɲamt'uwī°* вместо *ɲamt'owī°* (40b, с. 95). В редких случаях вместо *y* для обозначения /j/ используется *j*: например, *s'aj°* (с. 172; 8, с. 176).

Отсутствие гортанного смычного (*q* и *h*) — также одна из наиболее распространенных ошибок в грамматике. При этом в восточных говорах «неназализованный» гортанный смычный (*q*) действительно достаточно регулярно выпадает в инлауте между гласными (*t'uqəd°* > *t'uəd°* 'сверху.авл'), а в крайневосточных — также и перед согласным (*waqw°* > *waw°* 'постель'), однако, во-первых, грамматика не содержит никаких сведений об этом (хотя они есть в различных работах Н. М. Терещенко и Т. Салминена), во-вторых, большинство таких форм встречается в грамматике и с гортанным смычным, хотя во введении эксплицитно сказано, что примеры даются в фонологической транскрипции и никакие индивидуальные особенности произнесения не отражаются. Приведу несколько примеров: *yolc°* вместо *yolc°h* (с. 365), *tola-b°-n'i* вместо *tola-b°q-n'i* (с. 368), *to-b°-n'i/to-b°na-n'i* вместо *to-b°q-n'i/to-b°qna-n'i* (10b, с. 268; 19—20, с. 271), *yūd°* вместо *yūd°h* (с. 435, не получает глоссирования), **pon* вместо **pon°h* (62, с. 219), *n'enes°* вместо *n'enes°h* (неоднократно, например, 51, с. 245), *p'iwasi* вместо *p'iwasiq* (55b, с. 247), *wad'eŋa-s°* вместо *wad'eŋa-s°* (19b—с, с. 291; 62a, с. 309), *wad'eŋa* вместо *wad'eŋa* (21, с. 292), *ɲamt'orc°* вместо *ɲamt'orc°h* (68b, с. 311), *ɣil'e-m'a* вместо *ɣil'e-qm'a* (16b, с. 322), *n'ayu* вместо *n'ayu°h* (55b, с. 361), *xino-ma-nta* вместо *xinoq-ma-nta* (17c, с. 371), *xinoŋa-waq* вместо *xinoqŋa-waq* (34a, с. 427) и т. д. В основе же рефлексивного местоимения гортанный смычный, как правило, присутствует (*xəq°*), хотя в [Salminen 1993—2012] отмечается, что в большинстве диалектов для нее скорее верна фонемизация *xər°*.

Кластер *ŋk* в ряде случаев получает непоследовательное отражение: *tolaŋo-* вместо *tolaŋko-* (с. 326), *tolaŋgo-wa* вместо *tolaŋko-wa* (38a—b, с. 330), *xaŋgkurta* вместо *xaŋkurta* (47b, с. 382), *ŋæŋu* вместо *ŋæŋku* (с. 25), *ŋæ-ŋu-d°m* вместо *ŋæ-ŋku-d°m* и *mænc°ra-ŋu-d°m* вместо *mænc°ra-ŋku-d°m* (1b, d, с. 30). Имеются единичные примеры отсутствия дегеминации (*n°um-m°i* вместо *n°um°i*, 30b, с. 327; если это диалектная форма, хотелось бы иметь информацию об этом в разделе, посвященном морфонологии) и отражения факкультативного (хотя и последовательного в европейских диалектах) озвончения шумных после носовых (*tu-d°mdaq* вместо *tu-d°mtaq*, с. 453; *m°a-k°nanda* вместо *m°a-k°nanta*, 52b, с. 246). Несколько чаще встречается отсутствие некоторых консонантных сандхи; ср. в первую очередь *mænc°ra-w°ntar°xa-dæm-s°* вместо *mænc°ra-w°ntar°xa-dæm-c°* (63a, с. 104), *xayo-da-dæm-s°* вместо *xayo-da-dæm-c°* (26d—e, с. 374), *ladorŋa-dæm-s°* вместо *ladorŋa-dæm-c°* (71a, с. 222) и т. д.

Отдельную проблему составляют кластеры *bt* и *bk*; ср. *xūpta-ŋe°* вместо *xūbta-ŋe°* (39с, с. 379), *mæneq-lapta°* вместо *mæneq-læbta°* (6a, с. 388; 16b, с. 391; 27a, с. 395), *yad°pta°-da-s°* вместо *yad°bta°-da-s°* (38с, с. 400; 40a—b, с. 401); *yad°pta°-wæ-s°* вместо *yad°bta°-wæ-s°* (45b, с. 402), *lapka-xæi°* вместо *labka-xæi°* (45b—с, с. 161), *lapka-n°h* вместо *labka-n°h* (25a, с. 184; для большеземельских и западных говоров высоко вероятна фонемизация *law°ka*, что отражено в [Salminen 1998b: 181]) и др. Здесь необходимо отметить две вещи. Во-первых, контраст между /p/ и /b/, /t/ и /d/ в ненецком различными исследователями независимо трактовался как противопоставление по напряженности/ненапряженности, а не по глухости/звонкости (см. [Hajdú 1988; Janhunen 1986; Salminen 1997], в частности).

Как показывают наблюдения [Kiparsky 2006: 228], в словаре [Lehtisalo 1956], эксплуатирующем очень аккуратную и тонкую фонетическую транскрипцию в духе того времени, напряженные отражаются в виде *-ḫp-*, *-ḫt-*, *-ḫk-* и они никогда не подвергаются озвончению или спонантизации, в то время как ненапряженные в целом короче и имеют более вариативную реализацию, подвергаясь различным видам лениции. Во-вторых, согласно данным по фонотактике, приводимым в [Salminen 1993—2012], /b/ — единственный ртовый взрывной согласный, возможный в позиции конца слога. Нельзя забывать, что транскрипция Салминена ориентирована на очень абстрактный уровень (морфо)фонологической репрезентации, и то, что обозначается как /b/ в его системе, может реализовываться весьма различными способами: 1) глухой ненапряженный взрывной [b]¹³ или 2) глухой губно-губной спонант [ɸ] в позиции конца слога (coda) и в ауслауте (в последнем случае за ним следует автоматически добавляемый гортанный смычный); 3) подвергшийся частичному или полному озвончению [b] или 4) слабо артикулируемый [b] в позиции начала слога (onset). Во всех этих случаях ни одно из возможных произнесений /b/, как кажется, не совпадает ни с одним из возможных произнесений /p/. Однако если между гласными (в том числе на конце слова, когда за ними следует только редуцированный °) /b/ и /p/ контрастируют, то перед напряженными взрывными и аффрикатами возможен только /b/, кластерам **pt*, **pk*, **pc* и прочим нет места в фонологии Салминена. Несомненно одно — ненецкий еще только ждет своего фонетиста и фонолога.

Вызывает вопросы транскрипция заимствованных слов, где палатализация отражается непоследовательно, а редуцированная гласная в корне в принципе не отражается): *pis°mo/pis°mo-m* (21a—b, с. 202) vs. *santimetruw°na* (3, с. 175); о классификации русских заимствований в ненецком и стратегиях их освоения см. [Salminen 1992]¹⁴.

В ряде случаев неточности не являются собственно ошибками, но свидетельствуют о том, что процесс приведения транскрипции примеров из разных источников (и/или собранных в разное время) к единообразному виду не был доведен до успешной кульминации. Зачастую вместо принятого в грамматике способа обозначения палатализации через

¹³ Обозначение весьма импрессионистическое и следует нотации в [Kiparsky 2006].

¹⁴ Исправленную версию этой статьи можно найти на личном сайте Т. Салминена: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/JSFOu_84_201.pdf.

апостроф¹⁵ используется символ *y* (например, *yalya* вместо *yal'a* (6a, с. 81)), иногда вместо *ə* используется *ø* (*møle°* вместо *mäl'e°* (34d, с. 93)). Данные символы в этих функциях использовались в работах Салминена, однако *ø* последние несколько лет не использует даже он сам. Но в ряде случаев автоматический переход от транскрипции, которая непосредственно следовала работам [Salminen 1997; 1998b], без ручной проверки, приводит к нонсенсу; ср. такие примеры, как *ɲump°a-m'i* вместо *ɲump°ya-m'i* (9b, с. 82), *mænc°a-m* вместо *mænc°ya-m* (12a, с. 84), где знак палатализации оказывается между двух гласных. С другой стороны, ср. *n'ub-ye* вместо *n'ub'e* 'имя.АСС.PL' (с. 25).

Такие ошибки связаны с двойственной природой символа *y* в транскрипции Салминена. Во-первых, он используется для обозначения палатализации согласного; во-вторых, он передает фонему /j/ (в тех же случаях, когда за согласным следует палатальный глайд, для его передачи используется символ *ÿ*). Таким образом, ошибочные примеры типа *tara-l'æc°* (30a, с. 376) и *m'ernor'ə-d°q* (37c—d, с. 399) должны были бы получить следующий вид: в грамматике Николаевой — *tara-lyæc°* и *m'ernoryə-d°q*; в последнем варианте транскрипции Салминена — *tara-lÿæcy°* и *myernoryə-d°q* соответственно. Кроме того, знак палатализации иногда бывает просто пропущен, например: *sī-sawey°* вместо *s'ī-sawey°* (80, с. 112), *wæwa(-nīh)* вместо *wæwa(-n'ih)* (28b, с. 275), *yil'e-s°-ɲe°* вместо *yil'e-s'-ɲe°* (13g, с. 321), *tiki°* вместо *t'iki°* (38b, с. 279), *s'eneɲ°* вместо *s'en'ey°* (с. 456, два раза), *t'ore-* вместо *t'or'e-* (19, с. 231), *t'en'ewə-dih* вместо *t'en'ewə-d'ih* (74a, с. 413) и прочие. Отдельные примеры просто пестрят неточностями и опечатками; ср. **Wera-xad s'anako-m ɲamge mænɲa-r°?* вместо **Wera-xəd s'anako-m ɲamke mænɲa-r°?* (36d, с. 239), где на четыре слова приходится пять ошибок.

Одну из наибольших трудностей при фонемизации представляет различие полных (не краткой *ə* и не редуцированной °) гласных после *x*, поскольку в этом контексте в ненецком действует так называемая «гармония гласных»: после *x* и (в ряде известных случаев) *q* качество *ə*, ° и зачастую *a* соответствует качеству предшествующей гласной (при сохранении количественных различий). Так, например, записанные в стандартной орфографии слова *нохо* 'песец' и *ныхы* 'сила' получают у Салминена запись *noxa* и *nix°* соответственно. В то же время отмечаются, хотя и редко, случаи, когда следующая за *x* полная гласная действительно совпадает с предшествующей (не *a*); ср. *toxo-* 'выучиться', *tuxu* 'выучиться.3SG'. Возможность такого рода решений и вообще признания фонологического различия полных гласных после *x*, по-видимому, следует из того факта, что «гармония гласных» применяется хотя и систематически, но тем не менее факультативно, и произнесение [noxa] в принципе реально, и его можно порой услышать в речи ненцев, в то время как *[toxa] — невозможно. Однако в ряде случаев существуют трудности: например, корень *риха-* 'старый' и все производные от него даны в том числе в [Salminen 1998b] с нижним подчеркиванием *a*, что как раз и следует читать так, что наиболее вероятна фонемизация *a*, но возможна *u* (аналогично в дополненном, улучшенном и самом современном электронном варианте [Salminen ms.]). В таких случаях особенно бросается в глаза разноречивость в записи подобных слов в грамматике. Так, слово 'старуха; жена' и диминутив от него встретились девять раз как *rixas'a(-ko)* (8a, с. 62; 20a, с. 65; 22с, с. 66; 27, с. 69 (дважды); 72, с. 108; 5a, с. 142; 5b, с. 143; 51b, с. 384) и шесть раз как *rixis'a(-ko)* (34d, с. 93; с. 438; с. 448; с. 449; с. 451; с. 455). Пожалуй, большинству читателей хотелось бы видеть более единообразное оформление, раз уж для записи примеров используется транскрипция, претендующая на фонологичность.

Вызывает вопросы морфемное членение посессивных показателей. Ср. характерную цитату: «The marker of the non-possessive locative is *-xən()**a*. In the 1st person possessive forms the dative is also indicated by *-xən()**a-* and in the 2nd and 3rd person possessive forms by *-xən()**ah-*. Examples are *ɲəno-xəna* (DAT), *ɲəno-xəna-n°* (DAT-1SG), *ɲəno-xənan-t°* (DAT-2SG), *ɲəno-xənan-ta* (DAT-3SG)» (с. 63).

¹⁵ Точнее, в компьютерном наборе книги используется символ штриха (Prime).

Кажется, логично *h/n* относить к показателю посессивности и выделять две серии посессивных показателей — для прямых и косвенных падежей — как это делается в большинстве традиционных описаний (ср., например, грамматический очерк в [Терещенко 1965]). Во-первых, это избавляет от необходимости увеличивать число алломорфов для большинства косвенных падежей без веских на то оснований. Во-вторых, тот немаловажный факт, что для посессивных показателей в ненецком не все равно, оформляют они ИГ в номинативе/аккузативе или косвенном падеже, должен, на мой взгляд, отражаться в глоссировании именно посессивных показателей. В-третьих, таким образом удастся развести случаи сандхи на границе падежного и посессивного показателей и выбор между двумя действительно различными падежными показателями в зависимости от непосессивного vs. посессивного склонений, который имеет место только в DAT.SG (ср. показатели соответственно *-n°h/-t°h* vs. *-xə-*).

Косвенно в пользу такого решения говорит и тот факт, что в формах POSS.1SG различные показатели получают в системе Николаевой одинаковое глоссирование (ср., например, *xada-xəna-n°i* ‘grandmother-LOC-1SG’ (11b, с. 63) vs. *n°abako-m°i* ‘elder.sister-1SG’ (40a, с. 75)), что, конечно, существенно упрощает строку глосс, но и одновременно подталкивает читателя к неверному представлению об устройстве этих форм. Очевидных путей решения проблемы здесь, по-видимому, два. С одной стороны, можно последовательно глоссировать падежный и посессивный показатели в таких случаях «через точку» (и примеры типа *to-xənan°i* ‘lake-LOC.1SG’ (32b, с. 72) периодически встречаются в тексте книги), что представляется странным, поскольку никаких формальных препятствий для членения здесь как раз не возникает. С другой стороны, можно сознательно пойти на увеличение строки глосс, но попытаться отразить выше описанные факты. При этом один и тот же показатель, например *-n°i-*, будет получать два разных глоссирования — GEN.(SG.)POSS.1SG и OBL.(SG.)POSS.1SG — в зависимости от того, оформляет он ИГ в генитиве, присоединяясь непосредственно к основе, или же ИГ в периферийных падежах, присоединяясь после падежного показателя. Именно последнее решение принято в настоящей работе.

Даже в соседних примерах глоссирование одних и тех же показателей в одних и тех же словах может выглядеть по-разному. Ср. *xada°-wac°* ‘kill-1PL.PAST’ (8a, с. 82) и *xada°-wa-c°* ‘kill-1PL.PAST’ (9a, с. 82). С другой стороны, непонятно, почему для формы *ɲan°ih*, которая соответствует трем разным единицам (прилагательное ‘другой, иной’ в форме генитива, наречие ‘опять, снова’ и противительный союз ‘а, но’), используется единая глосса ‘more’. Я не против подобной унификации в глоссах, но выбранная автором, как кажется, не отражает ни одной из перечисленных функций. Нет сомнений, что все эти употребления связаны между собой, но свойства трех единиц разительно отличаются (за союзом *ɲan°ih* вообще закреплена позиция после первой составляющей в клаузе), и в словаре для них, конечно, будет три словарных входа (ср. [Терещенко 1965: 383]). Кроме того, в одном из примеров (42с, с. 54), призванных иллюстрировать различные употребления *ɲan°ih*, это слово вообще отсутствует.

Неудобство возникает также тогда, когда Николаева приводит показатели в пределах основного текста не в фонологической, а в глубинно-морфонологической транскрипции (такой, в которой Салминен использовал бы заглавные буквы), но с точки зрения оформления это совсем не очевидно; ср., например, *-pɕ°(°)aqxiə* вместо *-bcaki°*. Встречаются, конечно, и классические ошибки в оформлении языковых примеров, например несовпадение количества дефисов в строке транскрипции и глосс; ср. *xan°təə-d°m* ‘go-FUT-1SG’ (с. 370), *tedə-mt°* ‘reindeer-PRED-ACC.2SG’ (с. 371), *mama-h* ‘say-IMPF.AN-GEN’ (с. 375) и пр. *Xəd°r°ih* один раз получает глоссирование ‘of.course.LIM’ (с. 453), на следующей странице уже почему-то ‘of.course.LIM-DAT’ (с. 454) — в последнем случае количество дефисов заведомо не совпадает в строке текста и глосс. Астериск не в том месте уже имеет гораздо больше последствий для возможности неверной интерпретации примера читателем; ср. *to-b°-ta°(=°w°h)* вместо *to-b°-ta°=*(w°h)* (77a, с. 111), где, согласно пояснениям к примеру, иллюстрируется как раз невозможность опущения дубитативной клитики в рассматриваемом случае.

Ошибки в глоссах и/или в записи примеров могут быть и более существенными. В примере (28d) на с. 275 форма *xanta(-d'm)* отгlossирована как 'IMPF.PART(-1SG)'. Имперфективное причастие от глагола 'уйти' должно выглядеть как *xæn(')a*. Процитированная форма в лучшем случае напоминает будущее время от *xæ-*, которое в стандартном варианте фонемизируется как *xan'tə-ə-d'm* 'уйти.FUT-GFS-1SG.S' (или *xa'ntə-ə-d'm* в ямальских говорах). Однако финитная форма невозможна в приводимом контексте, и пример как раз призван иллюстрировать отрицание с неглагольными предикатами. В нескольких случаях идущие подряд примеры, демонстрирующие контраст по какому-либо параметру, по ошибке оказываются одинаковыми, при этом они могут получать разную маркировку их грамматической приемлемости. Так, на с. 257 пример (16c) дан без помет, а совпадающий с ним (16d) снабжен знаком вопроса. Примеры (51c) и (51d) на с. 215 также идентичны, хотя в последнем, очевидно, должна иллюстрироваться возможность объектного согласования. Суждения о грамматической правильности примеров (53c) и (53d) на с. 306 частично противоречат друг другу.

Словоформа *xar'də-x'nan* в примере (20a) на с. 393 отгlossирована как 'house-LOC.1PL' вместо 'house-LOC.1SG', *m'at'mt'ih* — как 'tent.ACC.3DU' (43, с. 161) вместо 'tent.DEST.ACC.3DU', *pad'r-kət* — как 'paper-PL.ABL' (34a, с. 238) вместо 'paper-DAT.POSS.PL.2SG' (хотя *-kət* действительно является одним из алломорфов показателя PL.ABL, глагол *yew'l'e* употребляется не с аблативом, как это указано на той же странице, а с дативом). В примере (66a) на с. 105 глагольная форма *wad'eq-məna-m°=h* проанализирована как содержащая дубитативную клитику 'tell-REPUT-1SG-DUB', вместо *wad'eq-məna-m°h* 'tell-REPUT-1SG.S'. Это пример из западного говора, где как раз лично-числовой показатель 1SG субъектной серии может иметь вид *-m°h* вместо стандартного *-d'm*, о чем, в частности, свидетельствует форма прошедшего времени 1SG.S на *-mənc°* в следующей клаузе оригинала (см. [Терещенко 1965: 83]). Кроме того, в этом примере есть еще одна вольная правка (*ηəmke-m* вместо *əmke-m* в оригинале) и устаревшая фонемизация основы рефлексивного местоимения (*xər°q-* вместо *xər-*). Словоформа *p'ay°-da* на с. 456 получает глоссу 'start-3SG>SG.OBJ'¹⁶, хотя глагол в данном случае согласуется по множественному числу объекта, что видно из употребления показателя специальной финитной основы *-уə-*, использующегося как раз в объектной серии при не-единственном числе прямого дополнения и в рефлексивной серии, однако Николаева свободно опускает такие «мелочи» в глоссах, о чем подробнее см. ниже. В примерах (16c—d) на с. 148 *p'a-wə-s°* глоссируется как 'start-REFL.1SG-PAST', хотя спряжение в данном случае не рефлексивное, а субъектно-объектное. В примере (43b) на с. 430 глаголы в условной форме должны быть с показателем 2SG, а не 3SG, как они реально даны, что следует и из глосс, и из необходимости согласования с подлежащим *pidər°* 'ты'. В случае *xənoda* 'sledge.PL.ACC.PL.3SG' на с. 437 дублирование информации о том, что это форма множественного числа, сильно затрудняет чтение глоссы.

В целом глоссы дают очень упрощенное представление о внутреннем устройстве той или иной словоформы. В особенности схематично отражаются словообразовательные аффиксы. Так, *ηæwad'ar-c°-da* (с. 270) получает глоссу 'rest-V-IMPF.PART', тогда как более информативной и логичной была бы, например, 'rest-V.CAR-IMPF.PART' (или 'покой-VBLZ.CAR-PT.IPFV'; *ηæwad'ar*, в свою очередь, также производная основа), поскольку аффикс *-s'ə-*, алломорфом которого является *-c°-*, выражает каритивное значение 'быть без X-а' (где X — то, что обозначено именной основой) и является одним из наименее вероятных кандидатов в семантически пустые вербализаторы. Примечательно, что показатель, образующий проприетивные глаголы со значением 'быть с X-ом' от имен, получает идентичное глоссирование *-V-*, — точно так же, как специальные показатели «одоративных» ('пахнуть X-ом'), «каптитивных» ('охотиться на X-ов, собирать/поглощать X-ы') или любых других отыменных глаголов. Как при этом складывать итоговое значение глагольной

¹⁶ И. Николаева использует знак > для глоссирования показателей, кумулятивно выражающих лицо-число подлежащего и число прямого дополнения.

основы, не совсем ясно. В некоторых случаях словообразовательный показатель вообще не выделяется, хотя он определенно модифицирует семантику основы (ср. *wəyarəy^obt'e-b^oq* 'finish-COND' (с. 83), где не выделен аттенуативный показатель *-y^obt'e-*), либо словоформа предстает как нечленимая, хотя на самом деле это не так (ср. *tən'akumna* 'there' (3a, с. 342) вместо *tən'a-ku-mna* 'там-DIM-PROL' или даже *tə+n'a-ku-mna* 'тот + около-DIM-PROL', *xancos'i* 'unsatisfying' (9b, с. 343) вместо *xanco-s'i* 'обладание.в.полной.мере-VBLZ.CAR.GFS.3SG.s').

Николаева периодически не членит даже такие сочетания показателей, которые не представляют никаких трудностей для морфемного членения, например, *-mta-*, являющийся комбинацией *-m-* (глагольного словообразовательного показателя, большая часть употреблений которого маркирует вхождение в новое состояние) и каузатива на *-ta-*; ср. также *хауоуа-q* 'remain.JUS-3PL' (с. 434), где отчетливо выделяется аффикс юссива *-ya-*, *sulor-p'iwə-s^o* 'fix-DUR.1SG>SG.OBJ-PAST' и *sulor-p'idəm-c^o* 'fix-DUR.1SG-PAST' (10a—b, с. 145), где *-p'i-* — один из алломорфов показателя дуратива, и никакие сандхи не препятствуют его выделению.

Еще более досадно, что к глоссированию словоизменительных показателей Николаева также подходит весьма творчески. Так, она не отмечает не только такие общепринятые нули, как номинатив, индикатив, но и третье лицо единственного числа. С учетом того, что не обозначаются также ненулевые общая и специальная финитные основы, многие глагольные формы получают только лексическую глоссу; ср. *ηət'e^o* 'wait', хотя чистая словарная основа этого глагола выглядит как *ηət'e-*, без редуцированного гласного. В случае, когда общая или специальная финитная основа образуются от производного глагола, у читателя может возникнуть иллюзия, что тот или иной деривационный показатель имеет алломорфы, которых у него на самом деле нет; ср. каузативный аффикс *-bta-*, среди ложных алломорфов которого в грамматике встречаются, в частности, *-btaə-* и *-btey-*. На с. 16 такое техническое решение объясняется тем, что в ряде случаев показатели общей и специальной финитной основ не являются сегментными, а выражаются чередованием конечной гласной словарной основы, как, например, у альтернирующих глаголов (alteration verbs в терминах [Salminen 1998b]). Однако, как кажется, ничто не мешает глоссировать в такой ситуации через точку. Напротив, объем потерянной таким образом грамматически релевантной информации и неудобства читателя, пытающегося восстановить ее, трудно переоценить. Николаева не пишет *POSS* в посессивных показателях, в результате чего глоссы посессивного склонения и предикативного согласования совпадают. Не самым удобным образом организованы глоссы объектной серии, например, 'FUT-1SG > SG.OBJ-PAST', с проблемами по обе стороны от знака > (в других местах в настоящей работе пробелы не отражаются).

Форма *n'anantoh* глоссируется как 'LOC.3PL' (3b, с. 342), в то время как *n'anan^o* на той же самой странице получает две различных глоссы, 'I.LOC' (4a) и более последовательную, 'LOC.1SG' (4b). Однако даже последний вариант отражает лишь часть релевантной информации об этих формах. На мой взгляд, важным является тот факт, что основа послелога *n'a-* 'у, около' представляет явственный случай аналитизма в сфере именной морфологии (специально о перифразах в ненецком языке см. [Nikolaeva 2012]). Именно эта основа эксплуатируется для выражения отсутствующих косвенных падежных форм (кроме номинатива и аккузатива) личных местоимений и имен в дуалисе. В этой связи я не вижу серьезных причин, по которым названные выше формы не стоило бы глоссировать, например, следующим образом: *n'a-na-ntoh* 'около-LOC-OBL.POSS.3PL' и *n'a-na-n^o* 'около-LOC-OBL.POSS.1SG'.

Не обошлось и без неправильных и невозможных форм: *yimpit^ot* 'dress.PL' (32c, с. 427) вместо *yimpitəd^oq*, *mər'kə-x^ona* 'city-LOC' (38, с. 429) вместо *mər^o-kəna* (< *mər^oq* + *-xəna-*). Парадигма императива (14, с. 86) содержит ошибочные формы IMP.2PL.O.PL *xadaə-y^o-d'ih* и *xadaə-y^o-daq* от глагола 'убить' вместо правильных *xadey^od'ih* и *xadey^odaq*, совпадающих с соответствующими формами индикатива (при не-единственном числе подлежащего). Иллюстративные формы юссива (5.3.3, с. 87) также ошибочны: 3SG *xadaə-ya* 'пусть его убьют', 3DU *xadaə-ya-x^oh* 'пусть их (DU) убьют' и 3PL *xadaə-ya-q* 'пусть их (PL) убьют' вместо *xada^o-ya*, *xada^o-ya-x^oh* и *xada^o-ya-q*. На с. 59 в падежной парадигме имени во множественном числе приведена неправильная форма непосессивного генитива *ηəno-q*, совпадающая

с номинативом, вместо правильной *ηənu-q* (GEN.PL образуется с помощью гортанного смычного *q* от основы ACC.PL). В параграфе 4.2.6 о способах образования и значениях аблатива неоднократно повторяется ошибка: наряду с показателем *-xəd°* называются также *-xətə-* и *-xətəh-* (с. 64). О том, относить *h* к падежному или посессивному показателю, см. выше. Независимо от данного решения *-xətə-* встречается только в парадигме множественного числа. К сожалению, подобного рода проблемы встречаются и в тех случаях, когда *-n-* (*h* в глубинно-морфонологической записи) не имеет никакого отношения к предшествующему аффиксу. Так, например, показатель эмфатической условной формы цитируется не только в виде *-b°qna-*, но и в виде *-b°qnan-*, причем последний вариант встречается чаще.

Презентация пролатива в параграфе 4.2.7 также содержит ошибки. В качестве первых примеров (не абзацных) читателю предлагаются формы *ηəno-wəna* (PROL), *ηəno-wəna-n°* (PROL-1SG), *ηəno-wənanit°* (PROL.2SG), *ηəno-wənanita* (PROL.3SG) (с. 65, та же самая ошибка неоднократно повторяется в парадигме на с. 67). С точки зрения общих правил редукции в ненецком языке они выглядят закономерно, тем не менее они не встречаются. Дело в том, что присоединение показателя с начальным глайдом (*y*, *w*) к основе, оканчивающейся на гласный, как правило, вызывает появление безударной редуцированной гласной (°) в нечетном слоге (несколько подробнее см. [Salminen 1993—2012]). Таким образом, правильными формами являются *ηəno-w°na*, *ηəno-w°na-n°*, *ηəno-w°nanit°* и *ηəno-w°nanita* соответственно. Это же подтверждают и примеры 22—23, взятые из [Терещенко 1965]. В корпусе примеров из данного словаря [Salminen 2014] последовательность *-wəna-* в пролативе выступает, только если в предшествующем слоге редуцированный гласный, во всех остальных случаях, в независимости от четности слога, — *-w°na-*. При этом редукция в базовом алломорфе пролатива *-məna-/m°na-*, выступающем после согласных (и, следовательно, во множественном числе — всегда) определяется стандартными правилами и не знает исключений.

Отдельно стоит упомянуть об ошибках, представленных в текстах. Число опечаток, бывшее в оригинальной публикации [Лабанаускас 1995] и так на уровне выше среднего, стало в презентации Николаевой очень большим: *вева* вместо правильного в оригинале *вэва* (с. 437), *Яла'* и *яла* вместо правильных в оригинале *Яля'* (с. 437) и *яля* (с. 457), *Нгамгеда хадкей'?* вместо правильного *Нгамгэда хадкэй'?* (с. 438), *харкавакы* вместо *харвавакы* (с. 441), *Лобеку* вместо *Лобэку* (с. 450 и 458), *нгусуна* вместо *нгысына* (с. 450), *нгэмгэ'* *эльченггана* вместо *нгамгэ'* *эльчанггана* (с. 452), *ядёхана* вместо *ядёхона* (с. 454), *хане-детыхи'* вместо *ханесетыхи'* (с. 460) и т. д. В ряде случаев неточности оригинала и/или отражение индивидуальных особенностей произношения «перекодеваются» и в строку фонологической транскрипции. Ср. *yad'er-mex°h* (с. 441) вместо *yader-me-x°h* и *yad'er-mi°* (с. 442) вместо *yader-mi°* (и в оригинале аналогично *ядермэхэ'* и *ядермы*, тогда как палатализованный в этой основе не фиксировался в других источниках), *so-wono-nta* (с. 445) вместо *so-wano-nta* (и в оригинале *совононта*, тогда как показатель аудитива фиксируется только в виде *-m(an)oh-* ~ *-w(an)oh-*) и др. Ряд опечаток оригинального текста исправлен, однако во многих таких случаях транскрипция исправленного слова содержит какие-то другие неточности.

«Страдает» и перевод отдельных слов и целых предложений. В примере (10b) на с. 369 словоформа *lidabtareuəw°-q* и в строке глосс, и в строке перевода переводится как 'start' вместо правильного 'спрятаться' (кроме того, она неверно поделена на морфемы — показателем 1SG.R является *-w°q*, а не *-q*). Другие случаи неверного перевода: '20 men and the woman came' (29, с. 426) вместо '20 women and the man came'; 'the day when he started to kill the reindeer' вместо 'the day when he decided to kill the reindeer' (42b, с. 331). В примере (64c) на с. 104 представлен глагол *ηə-wi°* 'be-INFR', но судя по переводу и в согласии с оригиналом [Терещенко 1965: 559] должна быть словоформа *nə-wi°* 'открыть-NARR.3SG.s'.

Имеются, конечно, и более тонкие случаи: некоторые реалии и факты так или иначе требуют хотя бы небольшого культурологического/этнографического комментария, который, к сожалению, нигде не приводится. Так, в текстах встретились слова *сябу* и *яминя*. Первое переведено как 'cargo.sledge', второе — как 'female.spirit'. И в том и в другом случае

перевод Николаевой основан на переводе в оригинальном издании текстов, однако и в том и в другом случае этого, как кажется, недостаточно. У ненцев нет просто грузовых нарт: нарта для перевозки шестов и нюков (покрышек на чум), нарта для перевозки постели и домашней одежды и прочие виды нарт имеют свои собственные названия. *Сябу* — особая нарта, связанная с сакральными представлениями ненцев. Ср. следующее подробное толкование и комментарий в [Терещенко 1965: 594]: ‘длинная нарта без настила с тремя копыльями на каждой стороне (<употребляется для перевозки досок, служащих в чуме полом, настила под постелью, листа из-под очага и мешков из-под женской обуви — так называемая «поганая» нарта>)’. *Яминя* — так в ненецкой мифологии зовут жену верховного божества Нума, родившую ему, по преданию, семь сыновей. Этот персонаж (а также его двойники Янебя, Я-мюня и др.) в ненецком фольклоре связан с образом хозяйки земли, прародительницы, покровительницы рожениц, хранительницы брака и домашнего очага, лона, которое все рождает и все забирает.

Следующее утверждение противоречит как предшествующей литературе [Salminen 1993—2012; 1998b], так и моим собственным наблюдениям над восточными говорами (сс. Антипаюта, Гыда, пос. Белоярск, Тамбейская тундра): «The 1st person singular variant *-m’i* is typical of the Eastern dialects and is reflected in most examples in this book. In the Western dialects it is typically represented as *-w°* or *-m’ih*» (с. 67).

Если показатель *-w°* действительно редко используется восточнее Урала, то показатель *POSS.1DU -m’ih* вытесняет показатель *POSS.1SG -m’i* именно на территории Сибири. На опечатку данная ошибка не похожа. Более того, в соответствии с процитированным выше утверждением и замечанием о том, что большинство примеров в грамматике репрезентируют восточные разновидности ненецкого, данным во Введении, посессивный показатель первого лица единственного числа, используемый в номинативе и аккузативе, во всех случаях в грамматике представлен в виде *-m’i* (если не *-w°*), но не *-m’ih*, т. е. указанная линия проводится системно.

Встает вопрос, на каком же диалекте говорит Галина Коренёва, от которой записано большинство элицированных примеров, представленных в грамматике. Во Введении сказано, что она носитель приуральского и ямальского говоров (что опять же непонятно, как интерпретировать), но большинство показателей *POSS.1SG* даются в западных вариантах (тех, про которые Николаева пишет, что они характеризуют восточные разновидности ненецкого). Однако две редкие формы именных предикатов, где после посессивного показателя следует показатель прошедшего времени, занимающий финальную позицию в структуре ненецкого глагола, которые встретились в грамматике, дают основания полагать, что показатель *POSS.1SG* там все-таки *-m’ih*, а не *-m’i*, иначе деривировались бы формы, заканчивающиеся на *-m’is°*, а не на *-m’inc°*: **(pida) *(mən°) xasawa-m’inc°* ‘он я мужчина-*POSS.1SG.S.PST*’ = ‘Он был мой муж’ (13b, с. 256), *t’uku° tol° mən° nile-m’inc°* ‘этот стол я под.*ADJ-POSS.1SG.S.PST*’ = ‘Этот стол был подо мной’ (7b, с. 253). Последний пример следует в грамматике за примером, отличающимся лишь на одну деталь: время ассерции в предложении (7a, с. 253) включает момент речи, соответственно, употреблена немаркированная временная форма (традиционно именуемая аористом) и атрибутивная форма послелога ‘под’ с показателем *POSS.1SG* дана в виде *nile-m’i*.

Результатом чего является описанная выше системная ошибка — сознательной правки или неаккуратной транскрипции, — я судить не берусь, но в корпусе текстов, записанных от Галины Коренёвой и приведенных на сайте <http://larkpie.net/recordings/tundra-nenets>, «звонкий» (или «назализ(ир)ованный») гортанный смычный в показателях *POSS.1SG*, там, где он не должен выпасть в соответствии с правилами сандхи на границе слов, дает о себе знать, хотя там он тоже не отражен в транскрипции. Из всего этого сюжета можно сделать два небольших вывода: 1) если мы регулярно слышим что-то, что не укладывается в нашу стройную картину, это необходимо отражать и в строке транскрипции, и в строке глосс — для обсуждаемого показателя *-m’ih* в восточных диалектах, таким образом, можно предложить глоссу ‘*POSS.1NPL*’; 2) если грамматика описывает не одну территориальную разновидность

языка и включает примеры, иллюстрирующие разные диалекты, то непременно найдется непустое множество читателей, которым очень хотелось бы знать, из какого идиома тот или иной пример — для этого обычно бывает достаточно одной буквы рядом с ним.

Странно выглядит презентация некоторых фактов. Так, в частности, в пункте 1.2 главы 5 сообщается, что «объектное согласование маркирует число объекта (прямого дополнения), но не его лицо» (с. 79). Наверное, из этого высказывания можно сделать правильный вывод о том, что в ненецком глаголе может индексироваться только прямое дополнение третьего лица, но во всяком случае путь от одного утверждения до другого не прямой. При обсуждении конструкций субъектного контроля с именами действия Николаева отмечает, что «все эти глаголы переходны» (с. 346). Однако в приводимом ею списке есть глагол *ye^ona-* ‘надеяться’, который является двухместным непереходным и требует дативный аргумент, как это следует из примера (18b) на той же странице.

Наконец, встречаются явные опечатки: *n'anma* вместо *n'amna* (с. 362), *toxolko-da-m^od* вместо *toxolko-da-d^om* (11b, с. 255), *ηæ-x^oqn* ‘eg-PL.LOC’ вместо *ηæ-x^oqna* ‘leg-PL.LOC’ (39d, с. 160), *minqa* вместо *m'iqna* (46a, с. 213), *m'inqa-da* вместо *m'iqna-da* (46b, с. 214), *n'i-naq* ‘NEG-REFL.’ вместо ‘NEG-1PL.R’ (26c, с. 274) и т. п. Имеются в грамматике и «слепые» внутренние ссылки: основной текст с. 247 отсылает к примеру (56) вместо (57), текст с. 250 — к примеру (2b) вместо (2c) (последний находится уже на с. 251), текст с. 254 — к примеру (9c) вместо (9f); на с. 419 перед примерами (14a—b) два утверждения отсылают к одному и тому же примеру (14a), хотя последнее должно отсылать к (14b). Имеются неточности и в библиографии, где, например, разные статьи [Амелина 2011] и [Амелина 2012] названы абсолютно одинаково, а название журнала «Урало-алтайские исследования» в разных местах представлено то как *Uralo-Altajskie Isseldovanija*, то как *Ural-Altaische Forschungen*.

3. Интерпретации

Формулировки и интерпретации, как правило, предельно неформальны, что в принципе нормально и типично для описательной грамматики, но порой Николаева опускает даже необходимую аргументацию и сразу приступает к выводам. Так, выглядит недостаточно доказанной, на мой взгляд, позиция, в соответствии с которой Николаева считает форму, сочетающую показатели будущего и прошедшего, отдельным временем, а не наклонением, например. В грамматике Николаевой выделяется пять времен, и здесь она идет вразрез с предшествующей литературой. В отечественной традиции принято говорить о трех временах (настоящее, или «аорист», прошедшее и будущее). Салминен в своих описаниях [Salminen 1997: 54—55; 1998b: 34—35; 1993—2012] считает показатели будущего словообразовательными, а не словоизменительными — в первую очередь на основании того, что они сочетаются с показателями условного деепричастия (*uehara-a-d^om s'erta-ηko-b^ota=w^oh* ‘не.знать-GFS-1SG.S сделать-FUT-COND.POSS.3SG=DUB’ = ‘{ЛК: Он уверяет,} не знаю, сделает ли’ [Терещенко 1965: 95]) и прошедшего времени (такие формы чаще всего используются в условных контрфактических предложениях, в связи с чем они признаются конъюнктивом и рассматриваются среди наклонений в очерке [Буркова 2010], однако они могут выражать также нереализованную ситуацию в прошлом или желание) в пределах одной словоформы. В описании Николаевой и формы будущего, и формы будущего-в-прошедшем трактуются как временные. Кроме того, она причисляет к временам и хабитуалис. Согласно Салминену, такие формы (называемые им «хабитивными»), так же как и формы будущего, являются словообразовательными дериватами с дефектной парадигмой, которые, однако, в ряде говоров могут находиться на пути грамматикализации в наклонение.

В некоторых местах грамматики обобщения, формулируемые Николаевой, выглядят нарочито туманными. Например, на с. 368 она отмечает, что имена действия в дативе выражают либо одновременность, либо предшествование во времени ситуации в зависимой клаузе относительно ситуации в главной клаузе. При этом не хватает хотя бы элементарной

информации о том, в каких случаях данная конструкция выражает то или иное таксисное значение. Насколько позволяют судить три приведенных примера, контекстное значение конструкции в этом случае, так же как и в обстоятельственных предложениях времени с (простым) деепричастием (*modal converb*), зависит от акциональности предиката в зависимой клаузе: если он перфективен, то мы наблюдаем значение предшествования; если он имперфективен, то конструкция будет прочитываться как выражающая (полную или частичную) одновременность. Примечательно, что в разделе 16.2.3 семантика обстоятельственных предложений с простым деепричастием описана не просто еще более туманно, но и неточно. В целом семантике этой конструкции посвящено одно предложение и три примера, а остальные четыре страницы занимает описание ее синтаксических особенностей. На с. 377 сообщается, что «модальные конвербы (= (простые) деепричастия, согласно терминологии, принятой в данной работе. — *И. С.*) обозначают различные типы предложений образа действия (*manner clause*), одновременных с главной клаузой, и могут иметь добавочные временные, условные или причинные значения».

С этой формулировкой нельзя в полной мере согласиться. Ненецкое деепричастие является контекстным в терминах [Недялков 1990; Nedjalkov 1995], т. е. имеет более двух обстоятельственных значений, проявляющихся в определенном контексте. Если прагматически более естественно прочтение конструкции не во временном смысле, то на первый план выступает одно из значений обусловленности (цель, причина и пр.) или образа действия (какое именно, полностью зависит от контекста). Однако собственно таксисная интерпретация конструкции всецело определяется названной выше закономерностью, т. е. напрямую зависит от перфективности vs. имперфективности глагола, от которого образовано деепричастие. И обстоятельственные предложения с простым деепричастием могут, конечно, выражать не только одновременность, но и (контактное) предшествование во времени ситуации в главной клаузе.

Распределение непереходных глаголов на два парадигматических типа (изменяющиеся по субъектному vs. рефлексивному спряжению) признается в грамматике абсолютно немотивированным. Действительно, объяснить, почему глагол ‘уйти’ принимает личностно-числовые показатели субъектной серии, а глагол ‘выйти’ — рефлексивной серии, вряд ли представляется возможным. В то же время рефлексивное спряжение, общей спецификой которого является запрет на прямое дополнение, а также перфективность, предельность и референция только к ситуации изменения состояния, но не к результирующему состоянию, участвует в ненецком в образовании каузативно-декаузативных пар (в неудачной терминологии влиятельной статьи [Haspelmath 1993] «*inchoative/causative*»), а также маркирует пассивные глаголы на *-ra-*, инхоативные с показателем *-l(a)* и некоторые другие дериваты. Глагольные формы с показателем рефлексивной серии относительно редко обозначают собственно рефлексивные (обычно лишь с глаголами *grooming/body motion*) и, кажется, никогда — естественно взаимные (*naturally reciprocal* в терминах [Kemmer 1993]) ситуации.

Среди других случаев употребления данной согласовательной серии отчетливо выделяется инхоативное (в терминах [Plungian 1999]) значение; ср. *t'i-* (субъектная серия) ‘сидеть’ vs. *t'i-* (рефлексивная серия) ‘сесть’. Подобные примеры засвидетельствованы и в других северносамодийских языках [Терещенко 1979; Siegl 2011]. В статье [Burkova 2013], посвященной средствам выражения инхоативного значения в тундровом ненецком, данная возможность специально не рассматривалась, но упоминалась. Случаи, когда одна и та же глагольная морфология отвечает за образование декаузативных дериватов от предельных переходных глаголов и инхоативных дериватов от непредельных непереходных глаголов, пусть и немногочисленны, но известны в типологической литературе, ср., например, литовский [Arkadiev 2013] и грузинский (см. ссылки там же).

Отдельная проблема состоит в том, считать ли рефлексивное спряжение деривацией или нет. Отчасти этот вопрос затрагивался в [Khanina 2008], но полноценного решения не получил. В указанной статье приводится по большому счету лишь один аргумент против того, что это деривация (и за то, что «рефлексивный» глагол и соотносимый с ним глагол другого

типа спряжения являются как бы одной лексемой), — наличие сразу двух интерпретаций в нефинитных формах. Однако нефинитные формы представляют собой предикации с неполной структурой, которые в ряде отношений могут вести себя иначе, чем полные предикации (см., в частности, [Татевосов 2006; 2014]). В качестве других параметров могут выступать критерии морфологической маркированности и продуктивности (ср. обсуждение в [Körtvély 2005] и аргументацию, предложенную для греческого в [Haspelmath 1993], согласно которой медиальное спряжение должно быть признано в греческом антикаузативной деривацией). О том, как еще можно описывать рефлексивное спряжение и в целом актантно-акциональные классы ненецкого глагола см. [Татевосов рук.].

На с. 281 содержатся спекуляции относительно происхождения эмфатического отрицательного глагола *wun'ə-* (который почему-то приводится в виде *wun'i-*, хотя такой основы у него нет, так выглядит только финитная форма 3SG), который, согласно Николаевой, исторически представляет комбинацию регулярного отрицательного глагола *n'i-* и некоторой эмфатической единицы *wu-*. Мое замечание здесь касается, однако, не этого утверждения, а информации о словоизменении этого глагола. В грамматике отмечается, что он не имеет регулярной формы прошедшего времени (и при референции к прошлому должен стоять в интеррогативе), а в остальном его словоизменение идентично словоизменению стандартного отрицательного глагола *n'i-*. Это не соответствует действительности, поскольку *n'i-* в финитных формах индикатива получает удлинение гласного до *n'i-*, чего не происходит с *wun'ə-*.

Глагол *p'i-na-* 'вариться' образован не от *p'ir'e-* 'сварить', как это следует из (8) на с. 227, а от основы *p'i-* 'свариться', так же как и каузатив *p'ir'e-*. Отношения между *s'ator-* 'искусать' и *s'ato-ra-* 'кусаться' также сложнее, чем то предполагает (8). Если бы *s'ato-ra-* был образован от *s'ator-* с помощью суффикса *-ra-*, как следует из описания Николаевой, это дало бы *s'atola-* по общим правилам ненецкой морфонологии. На самом деле *s'atorə-* образован либо от связанной основы **s'ato-* с помощью *-ra-*, либо от *s'ator-* с помощью непродуктивного аффикса *-ə-*, как указывает нотация в [Salminen 1998b: 132].

Форма *temta-ra-bta*°, отгlossированная как 'buy-PAS-CAUS' (25b, 235), не имеет отношения к пассиву. Сочетание пассивного и каузативного показателя в таком порядке во всех случаях, где оно фиксируется в ненецком, дает пермиссивную каузативную семантику, чего не наблюдается здесь. Скорее всего, здесь на самом деле к исходной основе 'купить' последовательно присоединены два каузативных показателя (менее вероятно, но не исключено, что это один показатель *-rəbta-*). В пользу этой точки зрения косвенно свидетельствует форма *temta-ra*°, отгlossированная как пассивная 'buy-PAS' (50c, 405), но очевидным образом являющаяся активной. Пассивная форма требовала бы специальной финитной основы, согласовательного показателя рефлексивной серии и — в большинстве идиолектов — чередования конечной гласной основы *a > e*, что дало бы *temta-re-y°-q* 'купить-PASS-SFS-3SG.R'. Кроме того, помимо подлежащего, с которым согласуется глагол, в клаузе есть и прямое дополнение, выраженное ИГ в аккумулятиве. Таким образом, ближний к основе *temta-* каузативный показатель делает предикат конверсивным (то есть по сути он обозначает ту же ситуацию, но в которой произошло коммуникативное перераспределение ролей, и главным участником становится исходный контрагент, что нормально для такого рода предикатов не только в ненецком, но и во многих других языках), а второй, более «внешний» показатель каузатива, по-видимому, обозначает более высокую степень манипулятивного усилия, с чем согласуется и перевод примера (25b) на с. 235. Специально о некаузативных эффектах каузативной морфологии в ненецком в сопоставлении с другими северносамодийскими языками см. [Стенин в печати].

На с. 87 Николаева утверждает, что зависимый гортатив обозначает ситуацию свободного выбора и приводит следующий пример:

- (16) *xə-n'a-r'i-na*   *yil'e-xə-d'm*,   *s'ita*   *t'en'e-ə-d'm*
Q-ОКОЛО-RESTR-LOC   жить-NORT-1SG.S   PRON.ACC.POSS.3SG   помнить-GFS-1SG.S
'Где бы я ни жил, я помню его' (с. 87).

Однако свободный выбор обозначает любое сочетание «интраклитики» *-r'i-* с местоименными основами (*хэп'а-* представляет собой сочетание (compound) вопросительной основы *хэ-* и послеложной основы *п'а-*). Другой вопрос, какие глагольные формы возможны в таком контексте. По крайней мере юссив там тоже возможен, судя по примерам (20a—b) на с. 88.

На с. 120 *n'i=ɲow°* анализируется как сочетание отрицательного глагола и «фокусной» клитики в отсутствие коннегativa, что делает этот случай исключительным, поскольку ни в каком другом случае клитика *=(ɲo)w°/eɲ°* не сочетается с отрицательным глаголом. Однако *n'i=ɲow°* может быть обычным (хотя и лексикализированным) сочетанием *n'i ɲa-q* 'NEG.3SG.S быть-СН' и *=(ɲo)w°*, и тогда отпадает необходимость в постулировании исключений. На с. 123 Николаева сообщает о том, что обнаружила формы третьего лица объектного спряжения, в которых дубитативная клитика *=m'h* располагается между основой и согласовательным показателем и выражает мягкое побуждение; ср. *temtaɔ-m°-da* 'купить-DUB-3SG>SG.OBJ' = 'пусть он купит это', *temtaɔ-m°-doh* 'купить-DUB-3PL>SG.OBJ' = 'пусть они купят это'. Реальная фонемизация и глоссы представляются, однако, следующими: *temta-ɔ-mta* 'купить-GFS-ОПТ.3SG.О' и *temta-ɔ-mtoh* 'купить-GFS-ОПТ.3PL.О'. Таким образом, эти формы являются объектной серией опатива, что согласуется и с переводом, который приводится в примерах (аналогичные формы можно найти в соответствующем параграфе на с. 87; правда, Николаева называет их юссивными, в отличие от предшественников). Анализ Николаевой не работает по определению, так как начальный *m* дубитативной клитики, так же как начальный *m* любого другого маркера должен был бы перейти в *w* между гласными, что отмечает сама Николаева. Кроме того, для дубитативного показателя нехарактерна такая семантика — большинство его употреблений так или иначе связано с ассерцией, но не с иллюкутивной силой: он либо выражает сомнения говорящего относительно Р, употребляясь в альтернативных вопросах и прочих дизъюнкциях, либо, напротив, эмфатическое утверждение, будучи использован в специальных конструкциях с отрицательными глаголами. Наконец, не отмечено ни одного случая, когда показатель *=m'h* занимал бы неконечную позицию в словоформе, т. е. это действительно клитика, а не «интраклитика».

При описании имен действия с послелогом в качестве предикатов обстоятельственных предложений Николаева отмечает буквально следующее: «Послелог *s'er°h* может дополнительно означать 'чем более... тем более'»¹⁷ (с. 370). Это тот нередкий в традиционных грамматиках многих языков случай, когда постулируется значение, возникающее в определенном контексте, но при этом никак не являющееся частью толкования языковой единицы (аффикса, слова, конструкции). Однако Николаева, несомненно, весьма опытный семантист, чтобы не допускать подобных «вольностей» в описании. В тех двух примерах, которые она приводит в данной связи, шкала эксплицитно задана как в главной, так и в зависимой клаузах: модеративом (аттенуативным дериватом, указывающим на большую степень проявления признака по сравнению с эталоном) от корня *ɲoka-* 'много, многий', имперфективным производным от трансформативного глагола *ɲok°m-* 'увеличиться' (обозначающего переход в новое состояние и являющегося в свою очередь производным от того же корня), компаративом от диминутива от наречия 'далеко' и т. д.:

- (17a) *ɲar°ma-nta* *s'er°h* *ɲoka-mpo-w°na* *t'en'ewā°*
 вырасти.NMLZ.IPFV-GEN.POSS.3SG когда много-MODER-PROL знать-GFS.3SG.S
 'Чем больше он растет, тем больше он знает' (с. 370).

- (17b) *ɲa-ku-rka-x°q* *m'ima-naq* *s'er°h*
 далекий-DIM-COMP-DAT.PL идти.NMLZ.IPFV-GEN.POSS.1PL когда
tudako-q *ɲok°-m-tɔ-nɔ°-q*
 гриб-PL много-TRANS-IPFV-IPFV-GFS-3PL.S
 'Чем дальше мы идем, тем больше грибов становится' (там же).

¹⁷ В оригинале: «The postposition *s'er°h* can additionally mean 'the more... the more'».

Некоторые термины, использующиеся в работе, представляются спорными, и этот аспект можно было бы долго обсуждать, однако я позволю себе лишь два замечания. Во-первых, вызывает вопросы использование одних и тех же терминов для разных явлений. Так, дубитативом называется и одно из глагольных наклонений, и клитика $=m^h$, слово «focus» реферирует и к клитике $=(\eta o)w^o/eu^o$, и к «интраклитике» $-x\acute{a}rt\acute{a}$. Гораздо более тревожно, что и глоссы для них используются одинаковые, а ведь это все-таки не несколько аффиксов каузатива с непонятным распределением, а априори различные показатели. Во-вторых, в разделе про вторичные основы (пункт 3.2, глава 2) Николаева пишет о том, что для глаголов различаются общая финитная и рефлексивная основы (с. 25), и заявляет, что эта терминология восходит к работе [Salminen 1997]. Однако в указанной работе, как и во всех других известных мне работах Салминена, противопоставляются общая финитная и специальная финитная основы (в пункте 3.2.3 этот факт все-таки указан верно). Термин «рефлексивная основа», по-видимому, является нововведением Николаевой, и нововведением не очень удачным по той простой причине, что специальная финитная основа используется не только в рефлексивном спряжении, но и в объектном — в случае, если прямое дополнение множественного числа.

4. Полнота охвата данных

При обсуждении нерегулярных глагольных основ не упоминается аналогический вариант имперфективного причастия *to-na* от глагола *to-* ‘прийти’, фиксируемый наряду с *to-da* в западных говорах. Кроме того, не говорится о существовании особой формы второго коннегатива от глаголов $\eta\acute{a}$ - ‘быть’, $x\acute{a}$ - ‘уйти’ и *maḥ-* ‘сказать; подумать’. У этих трех частотных глаголов существует специальная форма так называемого второго коннегатива, отличная от обычного коннегатива и используемая в конструкции эмфатического утверждения, в которой за ним следует отрицательный глагол с обязательной клитикой $=m^h$, тогда как во всех остальных случаях стандартное отрицание предшествует коннегативу; ср. $\eta\acute{a}q$ vs. стандартный коннегатив ηaq , $x\acute{a}q$ vs. xan^oq , *maq* vs. *man^oq*. Глоссирование, принятое в книге, игнорирует этот факт, и две разных формы, используемые в различных конструкциях с противоположным значением, получают одинаковую глоссу.

В главе 3.7 Николаева упоминает в качестве одного из двух средств образования числительных второго десятка слово $u\eta k^o n^a$, однако в разных диалектах встречаются весьма различные способы. Ср., например, слово *wata*, встречающееся в том числе в примерах в грамматике (7а, с. 81). Для обозначения приблизительного количества помимо названных слов s^an^o и p^ir может также использоваться клитика $=m^an^o$.

Относительно некоторых эпистемических наклонений неясно, могут ли они употребляться во всех лицах. Так, примеры на дубитатив («суперпробабилитив» в работах Салминена) содержат только предикации с подлежащим 3-го лица. Про многие наклонения сообщается, что они могут иметь инферентивное значение, но никаких конкретных данных о дистрибуции этих форм не сообщается. Более того, не до конца понятно, насколько вообще все они сосуществуют в пределах одного идиома/идиолекта. Ничего не говорится о том, как семантика различных видо-временных форм в косвенных наклонениях (в частности, тех, которые исторически образовались на основе причастий) отличается от семантики соответствующих видо-временных форм в индикативе. В целом относительно большей части раздела 5.3 (и многих других разделов в книге) непонятно, какого объема материал привлекался для анализа, потому что в качестве иллюстраций приводятся зачастую немногочисленные примеры, найденные в [Терещенко 1965], и единичные элицитированные примеры.

На с. 230 перечисляются транзитивизирующие (transitivizing) и близкие к аппликативным (applicative-like) аффиксы $-ta-$, $-t\acute{a}$, $-ra-$, $-l(t)a-$, $-da-$, $-(la)pta(la)-$, а на с. 231 приводятся примеры на некоторые из них. Сразу нужно отметить, что не существует показателя $-t\acute{a}$ с такой функцией (правильной фонемизацией слова ‘испортить’ является *wom-ta-*), в принципе не существует показателя $-la-$ (это всегда $-ra-$ после согласного, в частности, инхоативного показателя $-l-$), $-lta-$, как правило, представляет собой комбинацию инхоативного $-l-$ и $-ta-$ (и в этом

случае нет нужды специально оговаривать, что каузативная деривация в ряде случаев сопровождается инхоативной семантикой, как это делает Николаева на с. 231), так же как *-labta-* — комбинацию *-la-* (т. е. *-ra-* после согласного) и *-bta-*, а *-btala-* во всех известных случаях — *-bta-*, *-l-* и *-ra-*. К оставшимся *-ra-*, *-ta-*, *-da*¹⁸ и *-bta-* необходимо добавить (исторически сложный, но синхронно не членимый) показатель *-rəbta-* (с алломорфом *-labta-*, выступающим после согласных), о котором Николаева даже не упоминает. Показатели с палатализованным согласным *-t'e-*, *-bt'e-* и *-r'e-* (*-l'e-*) диахронически несомненно являются (мор)фонологически обусловленными вариантами показателей *-ta-*, *-bta-* и *-ra-* (*-la-*), и для ряда глаголов в ряде идиомов используются варианты как с палатализованным, так и с непалатализованным согласным, без каких-либо различий в семантике, так что их для целей описания этого фрагмента ненецкого словообразования можно условно считать свободными вариантами.

В то же время необходимо отличать увеличивающие валентность предиката *-bt'e-* и *-bta-* от аттенуативного аффикса *-y'bt'e-*, выступающего также в виде *-i'bt'a-* (после основ на *ə*; изредка этот показатель также может иметь вид *-y'bt'a-*, *-bte-*), что часто не так уж просто, но не невозможно. Однако Николаева, по всей видимости, полностью игнорирует этот факт; ср. в этой связи ее замечание о том, что «каузативные дериваты от переходных глаголов могут иметь диминутивное значение» (с. 232). При этом по крайней мере один из приводимых в этом месте примеров (*lad°* — ‘ударить’ > *lad°pta-* — ‘слегка ударить’) является, скорее всего, аттенуативным дериватом, а не каузативным (в словаре [Терещенко 1965: 172] он имеет вид *ladi°bta-*); остальные отсутствуют в словарях, и их сложнее прокомментировать. Данный раздел содержит и некоторые другие неточности (так, глагол *m'in-* ‘идти’, про который эксплицитно сообщается, что он не образует каузатива, на самом деле имеет каузативный коррелят *m'in-r'e-* ‘вести; везти’, хотя последний и образован не абсолютно регулярно, со вставкой эпентетической редуцированной гласной), однако они не столь критичны.

Среди непродуктивных дериваций не упоминается специальный показатель другой повышающей деривации — декларатива ‘считать, что Р’, — не обнаруженный на настоящий момент в других самодийских языках (помимо тундрового и лесного ненецкого). В ряде работ такое значение условно считается одним из семантических типов каузатива (ср., например, обзор [Kulikov 2001]). Несмотря на то что может показаться, будто семантическая связь между каузативом и декларативом лежит на поверхности (декларатив при этом трактуют как разновидность вербальной / ментальной каузации со значением, которое неформально можно описать как ‘делать так, что Р, «на словах»’ [Плунгян 2011: 280]), эти деривации, несомненно, имеют смысл рассматривать отдельно, поскольку декларатив, конечно, не вводит подсобытия каузации. О том же, какова структура ситуации, описываемая декларативным предикатом, и сколько подсобытий он описывает, кажется, никто еще всерьез не думал. Наличие специализированного средства для выражения декларативного значения довольно редко фиксируется в языках мира, среди других известных случаев — турецкий (показатель *-(I)msA/-sA-* [Göksel, Kerslake 2005: 56]), лакота и тибето-бирманский язык гьялронг (Japhug Rgyalrong) (ср. [Jacques 2013], где он называется «тропативом»; в арабской традиции встречается также термин «эстиматив»).

¹⁸ Показатели *-ta-* и *-da-* несомненно разные и на синхронном, и на диахроническом уровне, однако там, где Салминен реконструирует гипотетический форматив с начальным гортанным смычным QTA (обычно на месте *-ta-* после основ на Сə), с точки зрения чисто синхронного описания данного фрагмента грамматической системы, возможно, удобнее считать, что там был показатель РТА (т. е. *-bta-*), первый согласный которого выпал. Это отчасти косвенно подтверждается примерами типа *təd°bta-* ~ *təd°ta-* ‘прилепить(ся), приклеить(ся)’, *waqn°bta-* ~ *waqn°ta-* ‘уложить (животное)’, *xun°bta-* ~ *xun°ta-* ‘похитить’, где разные варианты распределены по диалектам. В любом случае важно помнить, что «один и тот же» показатель на поверхностном уровне может иметь различную природу в разных словах (как в случае *n'esey°m-ta-* ‘изменить’ < *n'eseyəm-* ‘измениться’ и *nūl°ta-* ‘остановить’ < *nūl°-* ‘остановиться’ из числа приводимых Николаевой примеров) и, напротив, синхронно различные показатели могут быть сведены друг к другу на некотором более глубоком уровне абстракции (*n'esey°m-ta-* ‘изменить’ < *n'eseyəm-* ‘измениться’ и *xa-da-* ‘убить’ < *xa-* ‘умереть’).

Справедливости ради необходимо отметить, что подобное значение в ненецком могут иметь не только декларативные дериваты, но и каузативные и просто образованные с помощью вербализаторов от именных основ. Показатель декларатива присоединяется примерно к двум дюжинам основ, чаще всего — через посредство инхоативного аффикса, модифицирующего в данном случае скорее семантику всего глагола (т. е. декларатив оказывается в сфере действия инхоатива, если не признать инхоатив просто семантически пустым в этом случае). В качестве исходной основы может служить как признаковое слово (одно из базовых прилагательных), так и глагольная основа; ср. следующий пример, где исходной базой для декларативного деривата является прилагательное *səwa* ‘хороший’. Подчеркну, что *-kəbta-* на синхронном уровне нечленимый показатель, хотя, возможно, диахронически он и имеет отношение к одному из каузативных аффиксов *-bta-*.

- (18) *wiŋ-kɪ° mənɕ°ya-m səwu-l-kəbta-ə-w°*
 тундра-ADJ работа-ACC хороший-INCH-DECL-GFS-1SG.O
 ‘Работа в тундре мне понравилась’.

Примечательно, что среди продуктивных дериваций не рассматривается и даже не упоминается «статив-декаузатив», который затрагивает в первую очередь аргументную структуру предиката (при этом его акциональные свойства также могут изменяться). «Стативы» от непереходных глаголов, обозначающих вхождение в состояние, обозначают само это состояние, т. е. имеют результитивную семантику (*ŋamt'o-* ‘сидеть’ < *ŋamtə-* ‘сесть’). «Стативы» от переходных глаголов, в том случае если состояние Р не может наступить самопроизвольно, также имперфективны и обозначают результат некоторой деятельности (*ŋid'o-* ‘висеть’ < *ŋida-* ‘повесить’), при этом агент удаляется из толкования предиката. Если же состояние Р может наступить самопроизвольно, то «стативы» от переходных глаголов перфективны и имеют декаузативную семантику (*s'id'o-* ‘проснуться’ < *s'id'e-* ‘разбудить’). Подробнее о многочисленных формальных способах образования «статива-декаузатива» и его параллелях в других самодийских языках см. в первую очередь [Гусев 2010], а также [Люблинская 1994; Урманчиева 2013].

Раздел 10.3, посвященный трехместным предикатам, к сожалению, не включает информации об особенностях дитранзитивных конструкций с глаголом ‘дать’. Дело в том, что в ненецком, как и в других северносамодийских языках (см., например, [Wagner-Nagy, Szevevényi 2014] относительно нганасанского), их два — *m'iq-* (= *m'is-*) ‘1) дать, отдать; 2) продать’ и *ta-* ‘1) дать, подать; 2) принести, привезти, привести’, — и, помимо различий в семантике, они также имеют различия в дистрибуции в зависимости от лица реципиента. В значении ‘дать’ *m'is-* употребляется, насколько позволяет судить корпус, только с реципиентом третьего лица, тогда как *ta-* — с реципиентом первого или второго лица. Как кажется, такая ситуация уникальна с типологической точки зрения. Обычно, даже если в языке есть два глагола со значением ‘дать’, их дистрибуция определяется различиями в синтаксическом оформлении темы и реципиента (т. е. типом дитранзитивной конструкции, в соответствии с [Malchukov et al. 2010]), как, например, в мандаринском китайском [Haspelmath 2005], но не лицом реципиента.

В разделе 13.2.1 Николаева отмечает, что в сложном предложении поверхностно выраженное подлежащее зависимой клаузы, кореферентное (нулевому) подлежащему главной клаузы, оформляется номинативом. Один из двух примеров, иллюстрирующих этот тезис, недоказателен, так как в нем фигурирует условная форма глагола, в клаузах с которой подлежащее может получать как номинативное, так и генитивное маркирование независимо от отношений кореферентности с подлежащим главной клаузы, о чем сама Николаева пишет далее. Как кажется, следующий тезис автора также слишком сильный. Николаева утверждает, что в разнособъектных конструкциях ненулевое подлежащее зависимой клаузы, выраженное существительным, а не личным местоимением, оформляется генитивом, так же как лексический посессор в посессивных конструкциях. Однако даже в скромном корпусе [Salminen 2014] можно обнаружить контрпримеры. Ср. (19), где в главной клаузе

нулевое подлежащее (позицию нуля в этом случае может также факультативно заполнять эксплетивное подлежащее *num(-ta)* ‘Бог/небо/погода(-poss.3sg)’):

- (19) *s'iqw° yal'a-h xad° ηæ-qma-xad°-nta*
 семья день-GEN пурга быть-NMLZ.PFV-ABL-OBL.POSS.3SG
xayer-ηe° p'enare-y°-q
 солнце-ESS распрямиться-SFS-3SG.R
 ‘После семидневной пурги установилась ясная погода’ [Терещенко 1965: 457].

На с. 342 Николаева отмечает, что в имперсональных конструкциях деепричастие (modal converb), в отличие от условной формы, факультативно допускает подъем: прямое дополнение зависимой клаузы в таком случае может подниматься в главную клаузу, становиться ее подлежащим и контролировать субъектное согласование на глаголе, как *xən°-q* ‘нарта-PL’ в следующем примере:

- (20) *təmna ηoka-w°na xən°-q s'erta° tara°-q*
 еще много-PROL нарта-PL сделать-CVB быть.необходимым-GFS-3PL.S
 ‘Надо сделать еще много нарт’ [Терещенко 1965: 397].

Мое уточнение касается здесь не поведения деепричастия в имперсональном актантном предложении, а свойств условной формы в данной конструкции. По крайней мере в восточных диалектах (говоры сел Антипаюты и Гыды, п-ов Гыдан, ЯНАО) условная форма не просто допускает, а требует подъем прямого дополнения в этом случае. Ср. следующий пример, где аккумулятивная форма слова ‘книга’ невозможна:

- (21) *t'uku° kn'iga(*-m) tola-bə-b°q səwa*
 этот книга(*-ACC) прочитать-DUR-COND хороший.3SG
 ‘Эту книгу легко (букв.: хорошо) читать’.

В разделе 14.3 Николаева отмечает, что резумптивная стратегия релятивизации возможна не всегда, а только в том случае, если мишень релятивизации, к которой отсылает посессивный показатель, анализируемый как резумптивное местоимение, обозначает одушевленную сущность (человека или, реже, животное). По-видимому, это связано с тем, что посессивная морфология в ненецком может анализироваться как инкорпорация личного местоимения (Николаева более осторожно говорит о *pronominal force*, которую имеют посессивные показатели), а обычные личные местоимения также не могут реферировать к неодушевленным объектам. Тем не менее в литературе можно найти примеры (ср. ниже 23), аналогичные тому, который Николаева приводит под звездочкой (22). Таким образом, следует признать, что либо это все-таки возможно, хотя и маргинально, либо это зона, где существует диалектная вариативность, которая, например, обнаруживается в области каузативизации [так, дистантная каузативизация продуктивна и регулярна по крайней мере в некоторых западных диалектах, в частности, по свидетельству С. Г. Татевосова (личное сообщение), в говоре п. Нельмин Нос, но, как говорит мой собственный полевой опыт, совершенно непродуктивна в восточных диалектах]. Впрочем, возможно, существуют некоторые различия между возможностями резумптивной стратегии, использующей имена действия, и резумптивной стратегии, использующей деепричастие, о чем Николаева ничего не сообщает.

- (22) **n'a-mna-nta tola-η[k]o-wa mar°q-m'i*
 около-PROL-OBL.POSS.3SG прочитать-DETR-NMLZ.IPFV город-POSS.1SG
 Ожидаемое значение: ‘город, о котором я читаю’ (с. 330).

- (23) *n'i-mn'a-nta t'ir-c° xar°də-waq*
 на-PROL-OBL.POSS.3SG лететь-CVB поселок-POSS.1PL
labara-wi°-m n'ub'er-ηa
 отколотся-PT.PFV-ACC имя.VBLZ.FREQ-GFS.3SG

‘Поселок, над которым мы пролетаем, называется Лаборовая’ [Ерченко 2007: 76].

На с. 344 Николаева сообщает, что хотя неместоименное подлежащее условной формы обычно стоит в номинативе и контролирует лично-числовое согласование, генитивные подлежащие находятся в корпусе примеров из [Терещенко 1965]. В подтверждение своей мысли она приводит следующие примеры:

- (24a) *Wera* / *Wera-h   *t'uku°*   *ti-m*
 Вэра / Вэра-GEN   этот   олень-ACC
xada-b°-ta   *tara°*
 убить-COND-POSS.3SG   быть.нужным-GFS.3SG.S
 'Вэра должен убить этого оленя' (с. 344).
- (24b) *škola-xəna*   *d'isc'ipl'ina*   *səwa*   *ŋə-b°-ta*   *tara°*
 школа-LOC   дисциплина   хороший   быть-COND-POSS.3SG   быть.нужным-GFS.3SG.S
 'В школе должна быть хорошая дисциплина' [Терещенко 1965: 83].
- (25) *xabc'əŋota*   *n'enes°h*   *yed[']a-s'ə-da-h*   *n'ah*
 больной   человек   боль-VBLZ.CAR-PT.IPFV-GEN   с
me-b°-ta   *wəwa*
 находиться-COND-POSS.3SG   плохой.3SG.S
 'Больной человек не должен находиться вместе со здоровыми' [Там же: 711].

На самом деле *n'enes°h* в последнем примере (= (13) на с. 344) представляет собой форму не генитива, как пишет и глоссирует Николаева, а номинатива. Генитив от этого слова был бы *n'enes'ə-h* с эпентетической гласной перед падежным показателем. Однако генитивные подлежащие действительно есть в корпусе, и только такие ИГ, по-видимому, могут быть однозначно охарактеризованы как подлежащие зависимых клауз, возглавляемых условной формой. Для номинативных подлежащих, на мой взгляд, анализ в терминах подъема более предпочтителен.

На с. 361 Николаева сообщает, что в ненецком, «похоже», отсутствует слово с общим значением 'след', и буквальный перевод английской фразы 'the trace of where you were lying' невозможен, для этого необходимо использовать перфективное имя действия от глагола 'лежать': (*pidər°*) *yūs'eda-qma-r°* '(ты) лежать-NMLZ.PFV-POSS.2SG' = 'место, где ты лежал; след от твоего лежания'. Подобное использование глагольных имен в ненецком действительно распространено, но с исходной посылкой согласиться никак нельзя; слово 'след' в ненецком, конечно, есть — *ŋuq*. Более того, оно фигурирует в качестве второй части называемого в разделе 15.3 сложного слова *yū-ŋuq* 'мысль', одного из нескольких в ненецком языке, которые могут принимать в качестве компонента клаузу.

В разделе 16.2.1 (так же, как в разделе 5.4.3) говорится, что длинный показатель условной формы *-b°qna-*, называемый эмфатическим, выражает большую уверенность говорящего, нежели короткий, не эмфатический показатель *-b°q-*. Различия между этими формами с трудом поддаются изучению с помощью эликации. Такое положение вещей может быть связано с их дискурсивной природой. Однако, по словам А. А. Козлова (личное сообщение), наличие двух показателей с идентичной семантикой, различающихся по длине на один слог, может быть просто реликтом некоторого ритмического/просодического принципа, существовавшего раньше. Как известно, ритмическая организация играет важную роль в грамматике северносамодийских языков, особенно в нганасанском, где, в частности, параллельно существуют ритмическая и слоговая градация. В этой связи может показаться интересным наблюдение, как кажется, не отмечавшееся раньше, — что «длинный» показатель *-b°qna-* не встречается в позиции конца слова, т. е. когда за ним не следуют посесивные показатели. Таким образом, объяснение Николаевой в лучшем случае применимо не ко всем вхождениям данных форм.

Интерес представляют примеры с дублированием отдельных показателей. Так, дублирование показателя будущего в пробабилитивных формах значит, что будущее событие маловероятно («highly unlikely», по замечанию Николаевой, с. 100), тогда как формы с одним показателем будущего выражают скорее среднюю вероятность. Схожим образом

второе присоединение аффикса прекатива (который образует дериваты, употребляемые в директивных наклонениях, и в норме как раз призван смягчать их директивную силу), по словам Николаевой, выражает «более сильное значение» (с. 269; см. пример (15a—b) на с. 270). Если обычный прекатив используется в контекстах мягкой просьбы, то двойной прекатив выражает скорее приказ (если это действительно так, то понятно, почему такие формы редки, ведь двойной прекатив практически ничего не добавляет к семантике императива, например). Представляется, однако, что одиночным примерам не стоит доверять, и семантика таких форм нуждается в отдельном исследовании, поскольку подобные образцы двойной манифестации встречаются и для других показателей в ненецком, в частности, для «лексического» пассива на *-ra-*; ср. следующий пример из фольклорного текста, подтверждаемый информантами:

- (26) *ηoka nix°-xəna xa-da-ra-ra-ηku-n°!*
 многий сила-LOC умереть-CAUS-PASS-PASS-FUT-2SG.R

‘От большой силы ты погибнешь (т. е. многие враги тебя уничтожат)!’ [Терещенко 1990: 67].

Эффекты, вводимые двойным пассивом в ненецком, с трудом поддаются описанию. В тех редких случаях, когда семантика конечной формы более или менее композициональна, можно неформально говорить о некотором усилении ассерции, что в принципе согласуется с прочими примерами двойной манифестации. Так, для (26) информанты предлагают пояснение, что ситуация ‘убить’ произойдет непременно. Тем не менее можно с уверенностью говорить, что двойной пассив в ненецком, в отличие, например, от двойного пассива в карачаево-балкарском (см. [Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006; Lyutikova, Tatevosov 2015]), не может вводить каузативное подсобытие или обозначать повторное осуществление события и не является отдельной регулярной деривацией со своей собственной, независимой семантикой.

Заключение

Автор книги известна как специалист по уральским, тунгусо-маньчжурским и палеоазиатским языкам Сибири. Она активно занималась изучением и документацией западно-хантыйского (см. [Николаева 1995; Nikolaeva 1999a; 1999b]), удэгейского [Nikolaeva, Tolskaya 2001; Nikolaeva et al. 2002] и юкагирских [Nyikolajeva 2000; Nikolaeva 2006] языков. С другой стороны, ее теоретические и типологические работы всегда привлекают тонкостью и эксплицированностью анализа, проницательностью и убедительностью (ср. хотя бы уже упоминавшиеся книги и статьи [Nikolaeva 2001; 2008; Dalrymple, Nikolaeva 2011; Ackerman, Nikolaeva 2013; Matić, Nikolaeva 2014]). Выход новой грамматики представляется закономерным итогом ее исследований по тундровому ненецкому языку; ср. более ранние работы [Nikolaeva 2003; 2012], ненецкий материал в [Dalrymple, Nikolaeva 2011], огромный раздел, посвященный ненецким относительным конструкциям, в [Ackerman, Nikolaeva 2013].

Рассматриваемая грамматика написана простым и понятным языком, что делает ее в равной мере доступной как специалистам по ненецкому и уральским языкам, так и широкому кругу типологов и лингвистов-теоретиков. Несмотря на простоту и доступность изложения, описание выполнено на высоком научном уровне и учитывает достижения современной лингвистики. В особенности в синтаксических главах, составляющих больше половины книги, чувствуется глубокая теоретическая подготовка автора. Синтаксис, несомненно, одно из сильных мест Николаевой, и именно ясное и современное синтаксическое описание — это то, чего так остро не хватало ненецкому языкознанию. Остается надеяться, что и специалисты по другим самодийским и уральским языкам поддержат эту инициативу.

В грамматике Николаевой впервые или практически впервые описываются и обсуждаются структура посессивной ИГ, согласующиеся наречия, неглагольные предикаты, свойства подлежащего, относительные предложения, конструкции контроля и подъема, сочинение, средства поддержания референции в дискурсе. Вместе с тем такие традиционно

проблемные вопросы ненецкой описательной лингвистики, как фонологический статус редуцированной гласной, статус показателей прошедшего и будущего времен, граница между эпистемическими наклонениями и эвиденциальными формами, семантика ряда проспективных конструкций и пр., не получают в грамматике сколько-нибудь подробного обсуждения. Хотя описание Николаевой выгодно освещает многие яркие черты ненецкой грамматики, оно само по себе не является типологически ориентированным. Указания на типологическую частотность или уникальность того или иного явления единичны. И столь же единичны параллели с японским или тунгусо-маньчжурскими языками, высказанные мимоходом и не восполняющие этого пробела. На мой взгляд, это одна из немногих вещей, которых действительно не хватает данной грамматике. Другим таким аспектом является практически полное отсутствие ссылок на литературу по самодийским языкам (и вообще на какую-либо литературу) в основном тексте работы. Практически все ссылки, которых и так немного, даны во Введении, а далее возникает чувство, будто грамматика родилась в вакууме. Надеюсь, в этой статье мне удалось хотя бы частично показать, что описание Николаевой возникло не на пустом месте, хотя и практически не учитывает мнения предшественников, за исключением Т. Салминена.

Несмотря на спорность ряда формулировок и интерпретаций (см. § 3) и на многочисленные ошибки и неточности в транскрипции, морфемном членении, глоссировании и переводе, подробно рассмотренные в § 2 и существенно усложняющие жизнь читателю, грамматика И. А. Николаевой задает высокую планку для будущих исследований. Остается только поздравить автора с достижением этой цели и пожелать новых успехов ненецкому и уральскому языкознанию.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADJ — адъективизатор; AN (= NMLZ) — имя действия (= номинализация); ASS — ассертивная клитика; CAR — каритив; CAUS — каузатив; CN — коннегатив; COMP — компаратив; COND — условная форма; CVB — деепричастие; DAT — датив; DECL — декларатив; DEST (= PRED) — (пре)дестинатив; DETR — детранзитивизатор; DIM — диминутив; DO — прямое дополнение; DU — двойственное число; DUB — дубитативная клитика; DUR — дуратив; EMPH — эмфаза; ESS — эссив; FREQ — фреквентатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; GEN — приименное зависимое в генитиве (в иерархии Кинэна — Комри); GFS — общая финитная основа; GORT — горгатив; IMP — императив; IMPF (= IPFV) — имперфектив; INCH — инхоятив; INFR (= NARR) — инферентив (= нарратив); IO — непрямое дополнение; IPFV (= IMPF) — имперфектив; IUS — юссив; LIM (= RESTR) — лимитатив (= рестриктивная частица); LOC — локатив; MODER — модератив; NARR (= INFR) — нарратив (= инферентив); NEC — нецесситатив; NEG — отрицательный глагол; NMLZ (= AN) — номинализация (= имя действия); NPL — множественное число; O — (субъектно-)объектное спряжение; OBJ — объект; OVL — косвенная основа; OBL — именная группа в косвенном падеже (в иерархии Кинэна — Комри); OCOMP — основание для сравнения; OPT — оптатив; PART (= PT) — причастие; PAS (= PASS) — пассив; PAST (= PST) — прошедшее время; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PREC — прекатив; PRED (= DEST) — (пре)дестинатив; PROL — пролатив; PRON — основа личных местоимений; PROPR — проприетив; PST (= PAST) — прошедшее время; PT (= PART) — причастие; Q — вопросительная основа; R (= REFL) — рефлексивное спряжение; REPUT — репутатив; RESTR (= LIM) — рестриктивная частица (= лимитатив); S — субъектное спряжение; SFS — специальная финитная основа; SG — единственное число; SU — подлежащее; TRANSL — транслатив; VBLZ (=V) — вербализатор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Амелина 2011 — Амелина М. К. Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом на­речии ненецкого языка. Ч. I: Ямальский и канинский диалекты // Урало-алтайские исследования. 2011. № 2. С. 7—38. [Amelina M. K. Accent characteristics of non-derivative nouns in the Tundra idiom of the Nenets language. Pt I: The Yamal dialect and the Kanin dialect. *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2011. No. 2. Pp. 7—38.]

- Амелина 2012 — Амелина М. К. Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом наречии ненецкого языка. Ч. II: Гыданский диалект // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1. С. 7—54. [Amelina M. K. Accent characteristics of non-derivative nouns in the Tundra idiom of the Nenets language. Pt II: The Gyda dialect. *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2012. No. 1. Pp. 7—54.]
- Аникин, Хелимский 2007 — Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М.: Языки славянской культуры, 2007. [Anikin A. E., Helimski E. A. *Samodiiskotunguso-man'chzhurskie leksicheskie svyazi* [Samoyedic-Tungusic lexical connections]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2007.]
- Аркадьев в печати — Аркадьев П. М. Теория грамматики в свете фактов языка каядилт // Вопросы языкознания. 2015. В печати. [Arkadiev P. M. Grammatical theory in the light of the Kayardild data facts]. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. In print.]
- Буркова 2002 — Буркова С. И. Условные конструкции в ненецком языке // Черемисина М. И., Широкобокова Н. Н. (ред.). Языки коренных народов Сибири. Вып. 8. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2002. С. 85—105. [Burkova S. I. Conditional constructions in the Nenets language. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. No. 8. Cheremisina M. I., Shirokobokova N. N. (eds). Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 2002. Pp. 85—105.]
- Буркова 2003 — Буркова С. И. Сопоставительное описание функционально-семантических полей обусловленности в лесном и тундровом диалектах ненецкого языка. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003. [Burkova S. I. *Sopostavitel'noe opisaniye funktsional'no-semanticheskikh polei obuslovlennosti v lesnom i tundrovom dialektakh nenetskogo yazyka* [A comparative description of the functional semantic fields of conditionality in the Forest and Tundra dialects of the Nenets language]. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 2003.]
- Буркова 2004 — Буркова С. И. Условная форма глагола в ненецком языке // Кошкарёва Н. Б., Широкобокова Н. Н., Тазранова А. Р. (ред.). Языки коренных народов Сибири. Вып. 14. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2004. С. 143—170. [Burkova S. I. Conditional verb form in the Nenets language. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. No. 14. Koshkareva N. B., Shirokobokova N. N., Tazranova A. R. (eds). Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 2004. Pp. 143—170.]
- Буркова 2010 — Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого округа) // Буркова С. И., Кошкарёва Н. Б., Лаптандер Р. И., Янгасова Н. М. Дialectологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 179—349. [Burkova S. I. The Tundra dialect of the Nenets language: an outline of grammar (based on the materials of Yamalo-Nenets okrug dialects). *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka*. Burkova S. I., Koshkareva N. B., Laptander R. I., Yangasova N. M. Ekaterinburg: Basko, 2010. Pp. 179—349.]
- Буркова и др. 2010 — Буркова С. И., Кошкарёва Н. Б., Лаптандер Р. И., Янгасова Н. М. Дialectологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: Баско, 2010. [Burkova S. I., Koshkareva N. B., Laptander R. I., Yangasova N. M. *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka* [A dialectological dictionary of the Nenets language]. Ekaterinburg: Basko, 2010.]
- Быконя и др. 2005 — Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2005. [Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. *Sel'kupsko-russkii dialektnyi slovar'* [Selkup-Russian dialectal dictionary]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical Univ., 2005.]
- Гусев 2002 — Гусев В. Ю. Закон Майнхофа в селькупском // Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (сост.). Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2002. С. 476—482. [Gusev V. Yu. Meinhof's law in Selkup. *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika. Pamyati T. Zhdanovoi. Stat'i i vospominaniya*. Plungian V. A., Urmachieva A. Yu. (comp.). Moscow: Indrik, 2002. Pp. 476—482.]
- Гусев 2005 — Гусев В. Ю. Дополнения к нганасанскому словоизменению // Wagner-Nagy B. (ed.). Mikola-konferencia 2004. Szeged: SzTE Department of Finnougristics, 2005. Pp. 15—25. [Gusev V. Yu. Amendments to Nganasan inflection. *Mikola-konferencia 2004*. Wagner-Nagy B. (ed.). Szeged: SzTE Department of Finnougristics, 2005. Pp. 15—25.]
- Гусев 2007 — Гусев В. Ю. Второе прошедшее время в прасамодийском // Виноградов В. А., Агранат Т. Б., Гусев В. Ю. (ред.). Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской. Тезисы. М.: Институт языкознания РАН, 2007. С. 50—54. [Gusev V. Yu. Second past tense in Proto-Samoyedic. *Konferentsiya po ural'skim yazykam, posvyashchennaya 100-letiyu K. E. Maitinskoi. Tezisy*. Vinogradov V. A., Agranat T. B., Gusev V. Yu. (eds). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2007. Pp. 50—54.]

- Гусев 2008 — Гусев В. Ю. Ауслautное -w в самодийских языках: нганасанско-маторская изоглосса // Люблинская М. Д. (отв. ред.). Материалы 2-й международной конференции по самодистике (посвящается 100-летию со дня рождения Натальи Митрофановны Терещенко). 16—18 октября 2008 г. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 114—128. [Gusev V. Yu. Auslaut -w in Samoyedic languages: Nganasan-Mator isogloss. *Materialy 2-i mezhdunarodnoi konferentsii po samodistike (posvyashchaetsya 100-letiyu so dnya rozhdeniya Natal'i Mitrofanovny Tereshchenko)*. October 16—18, 2008. Lyublinskaya M. D. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. Pp. 114—128.]
- Гусев 2010 — Гусев В. Ю. Стативы и декаузативы на *-w в самодийских языках // Буркова С. И. (отв. ред.). Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26—28 октября 2010 г.). Новосибирск: Любава, 2010. С. 54—65. [Gusev V. Yu. Statives and decausatives with *-w in Samoyedic languages. *Materialy 3-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po samodistike* (Novosibirsk, October 26—28, 2010) Burkova S. I. (ed.). Novosibirsk: Lyubava, 2010. Pp. 54—65.]
- Гусев 2012a — Гусев В. Ю. О возможных источниках селькупского сочетания -lč-: PS *jw, *jk, *jm // Hyttiäinen T., Jalava L., Saarikivi J., Sandman E. (eds). *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue*. Festskrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. Pp. 77—81. [Gusev V. Yu. Possible sources of the Selkup combination -lč-: PS *jw, *jk, *jm. *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue*. Festskrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264.). Hyttiäinen T., Jalava L., Saarikivi J., Sandman E. (eds). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. Pp. 77—81.]
- Гусев 2012б — Гусев В. Ю. О происхождении некоторых элементов говорки (русского таймырского пиджина) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 1. С. 106—109. [Gusev V. Yu. About the origin of some elements of govorka (Russian Taimyr Pidgin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. No. 1. Pp. 106—109.]
- Гусев 2013 — Гусев В. Ю. История говорки (русского таймырского пиджина) по лингвистическим данным // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1. С. 135—157. [Gusev V. Yu. History of govorka (Russian Taimyr Pidgin) according to linguistic data. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. No. 1. Pp. 135—157.]
- Ерченко 2007 — Ерченко М. А. Полипредикативные определительные конструкции ненецкого языка: в сопоставительном аспекте. Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2007. [Erchenko M. A. *Polipredikativnye opredelitel'nye konstruksii nenetskogo yazyka: v sopostavitel'nom aspekte*. Kand. diss.]. Novosibirsk: Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2007.]
- Казакевич, Будянская 2010 — Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург: Баско, 2010. [Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. *Dialektologicheskii slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie)* [Dialectological dictionary of the Selkup language (The North idiom)]. Ekaterinburg: Basko, 2010.]
- Казакевич и др. 2002 — Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 3: Русско-селькупский словарь. Разнопрофильные селькупские словари. М.: Издательство Московского университета, 2002. [Kazakevich O. A., Kuznetsova A. I., Helimski E. A. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskii dialekt. T. 3: Russko-sel'kupskii slovar'*. *Raznoprofil'nye sel'kupskie slovori* [Essays on the Selkup language. Taz dialect. Vol. 3: Russian-Selkup dictionary. Selkup dictionaries of different profiles]. Moscow: Moscow State Univ., 2002.]
- Козлов, Стенин 2014 — Козлов А. А., Стенин И. А. Ненецкие фокусные маркеры: два сорта неожиданности // Кузнецова О. В. (отв. ред.). Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27—29 ноября 2014 г.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 86—89. [Kozlov A. A., Stenin I. A. Nenets focus markers: two kinds of unexpectedness. *Odinnadtsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov* (St. Petersburg, November 27—29, 2014). Kuznetsova O. V. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. Pp. 86—89.]
- Кошкарёва 2005 — Кошкарёва Н. Б. Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2005. [Koshkareva N. B. *Ocherki po sintaksisu lesnogo dialekta nenetskogo yazyka* [Essays on syntax of the Forest dialect of Nenets]. Novosibirsk: Institute of philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005.]

- Кошкарёва и др. (сост.) 2007 — Кошкарёва Н. Б., Буркова С. И., Шилова В. В. (сост.). Пящитаң неша" вача"мы": Рассказы варьеганских ненцев. На ненецком (лесной диалект) и русском языках. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. [Koshkareva N. B., Burkova S. I., Shilova V. V. (comp.). Pyashchitañ neshha" vacha"my": Rassказы var'eganskikh nentsev [Stories of Varyegan Nenets people]. In Nenets (Forest dialect) and Russian. Khanty-Mansiisk: Poligrafist, 2007.]
- Кошкарёва, Кулешова 2007 — Кошкарёва Н. Б., Кулешова Ж. А. Синтаксические функции неопределенно-деепричастной формы в составе полипредикативных конструкций в тундровом диалекте ненецкого языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2007. № 7. С. 20—41. [Koshkareva N. B., Kuleshova Zh. A. Syntactic functions of the indefinite adverbial participle form being a part of polypredicative constructions in the Tundra dialect of Nenets. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*. 2007. No. 7. Pp. 20—41.]
- Кошкарёва, Кулешова 2008 — Кошкарёва Н. Б., Кулешова Ж. А. Аналитические конструкции сказуемого с неопределенно-деепричастной формой глагола в тундровом диалекте ненецкого языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2008. № 6. С. 74—95. [Koshkareva N. B., Kuleshova Zh. A. Analytic constructions of the predicate with an indefinite adverbial participle form of the verb in the Tundra dialect of Nenets. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*. 2008. No. 6. Pp. 74—95.]
- Кузнецова и др. 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. М.: Издательство Московского университета, 1980. [Kuznetsova A. I., Helimski E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskii dialekt*. [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Vol. I. Moscow: Moscow State Univ., 1980.]
- Лабанаускас 1995 — Лабанаускас К. И. (сост.). Ненецкий фольклор. Мифы, сказки, исторические предания. (Серия «Фольклор народов Таймыра». Вып. 5.) Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1995. [Labanauskas K. I. (comp). *Nenetskii fol'klor. Mify, skazki, istoricheskie predaniya*. [The Nenets folklore. Myths, fairy tales, historical legends]. (Seriya «Fol'klor narodov Taimyra» [Series «Folklore of Taimyr peoples»], No. 5). Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1995.]
- Лейсиё 2014 — Лейсиё Л. Именные категории времени в нганасанском и других северносамодийских языках // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 39—59. [Leisiö L. Nominal TAM in Nganasan and other Northern Samoyedic languages. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 1. Pp. 39—59.]
- Люблинская 1994 — Люблинская М. Д. Формальный результатив в ненецком языке // *Linguistica Uralica*. 1994. Vol. XXX. № 4. С. 293—297. [Lyublinskaya M. D. Formal resultative in Nenets. *Linguistica Uralica*. 1994. Vol. XXX. No. 4. Pp. 293—297.]
- Маркус, Рожанский 2011а — Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк. Т. I: Водские тексты. СПб.: Нестор-История, 2011. [Markus E. B., Rozhanskii F. I. *Sovremennyi vodskii yazyk: Teksty i grammaticheskii ocherk. T. I: Vodskie teksty* [Modern Votic: Texts and a grammar outline. Vol. I: Votic texts]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.]
- Маркус, Рожанский 2011б — Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк. Т. II: Грамматический очерк и библиография. СПб.: Нестор-История, 2011. [Markus E. B., Rozhanskii F. I. *Sovremennyi vodskii yazyk: Teksty i grammaticheskii ocherk. T. II: Grammaticheskii ocherk i bibliografiya*. [Modern Votic: Texts and a grammar outline. Vol. II: A grammar outline and bibliography]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.]
- Муслимов 2014 — Муслимов М. З. Заметки на полях книги Е. Б. Маркус и Ф. И. Рожанского «Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк: монография в 2-х т.» // Мызников С. А. (отв. ред.). Вопросы уралоистики. Научный альманах. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 772—800. [Muslimov M. Z. Marginalia to the book by E. B. Markus and F. I. Rozhanskii «Modern Votic: Texts and a grammar outline: in 2 vol.». *Voprosy uralistiki. Nauchnyi al'manakh*. Myznikov S. A. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. Pp. 772—800.]
- Недялков 1990 — Недялков В. П. Основные типы деепричастий // Храковский В. С. (ред.). Типология и грамматика. М.: Наука, 1990. С. 36—59. [Nedyalkov V. P. The main types of adverbial participles. *Tipologiya i grammatika*. Khrakovskii V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1990. Pp. 36—59.]
- Николаева 1995 — Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. Heft 15.) М.; Гамбург, 1995. [Nikolaeva I. A. *Obdorskii dialekt khandyiskogo yazyka* [The Obdorsk dialect of the Khanty language]. (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. Heft 15.) Moscow; Gamburg, 1995.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of world languages]. Moscow: RGGU, 2011.]

- ticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction into grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Сорокина 2010 — Сорокина И. П. Энецкий язык. СПб.: Наука, 2010. [Sorokina I. P. *Enetskii yazyk* [The Enets language]. St. Petersburg: Nauka, 2010.]
- Стенин 2010 — Стенин И. А. Обстоятельные предложения времени со значением следования в ненецком языке // Буркова С. И. (отв. ред.). Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26—28 октября 2010 г.). Новосибирск: Любава, 2010. С. 202—213. [Stenin I. A. Adverbial clauses of time with the meaning of succession in Nenets]. *Materialy 3-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po samodistike* [Materials of the 3rd International scientific conference on Samoyedic linguistics] (Novosibirsk, October 26—28, 2010). Burkova S. I. (ed.). Novosibirsk: Lyubava, 2010.]
- Стенин в печати — Стенин И. А. Некаузативные эффекты каузативной морфологии в северно-самодийских языках // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. В печати. [Stenin I. A. Non-causative effects of causative morphology in Northern Samoyedic languages. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. In print.]
- Татевосов 2006 — Татевосов С. Г. Аспектуальная композиция в предикациях с неполной структурой // Храковский В. С., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Материалы. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 146—150. [Tatevosov S. G. Aspectual composition in predications with incomplete structure. *Problemy tipologii i obshchei lingvistiki. Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. A. Kholodovicha. Materialy*. Khrakovskii V. S., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006. Pp. 146—150.]
- Татевосов 2014 — Татевосов С. Г. От имени к глаголу и обратно: заметки типолога об акциональной композиции // Казанский Н. Н. (отв. ред.) *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.) Т. X. Ч. 3. *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata*. СПб.: Наука, 2014. С. 657—691. [Tatevosov S. G. From the noun to the verb and vice versa: a typologist's notes about actional composition. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Kazanskii N. N. (ed.) Vol. X. Pt 3. *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata*. Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 657—691.]
- Татевосов рук. — Татевосов С. Г. Структура и интерпретация ненецкого глагола. Актантно-акциональные классы и типы спряжения. МГУ им. М. В. Ломоносова. Рукопись // http://otipl.philol.msu.ru/staff/people/tatevosov/tundra_nenets_3.2.pdf [Tatevosov S. G. *Struktura i interpretatsiya nenetskogo glagola. Aktantno-aksional'nye klassy i tipy spryazheniya* [Structure and interpretation of the Nenets verb. Actant-actional classes and types of conjugation]. Lomonosov Moscow State Univ. Manuscript. Available at: http://otipl.philol.msu.ru/staff/people/tatevosov/tundra_nenets_3.2.pdf]
- Терещенко 1947 — Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. [Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [An outline of the Nenets (Yurak-Samoyed) grammar]. Leningrad: Uchpedgiz, 1947.]
- Терещенко 1956 — Терещенко Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. [Tereshchenko N. M. *Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev* [Materials and studies in the Nenets people's language]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1956.]
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. [Tereshchenko N. M. *Nenetsko-russkii slovar'* [Nenets-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965.]
- Терещенко 1979 — Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. [Tereshchenko N. M. *Ngasanskii yazyk* [The Nganasan language]. Leningrad: Nauka, 1979.]
- Терещенко 1990 — Терещенко Н. М. Ненецкий эпос: Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990. [Tereshchenko N. M. *Nenetskii epos: Materialy i issledovaniya po samodiiskim yazykam* [The Nenets epos: Materials and studies in Samoyedic languages]. Leningrad: Nauka, 1990.]
- Турутина 2003 — Турутина П. Г. Нешау ванлат шотпялс" (Легенды и сказки лесных ненцев). Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003. [Turutina P. G. *Neshau vanlat shotpyals"* (Legends and fairy-tales of the Forest Nenets people]. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 2003.]

- Урманчиева 2010 — Урманчиева А. Ю. Говорка: пример структурно смешанного языка // Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. (eds). *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. (Slavica Helsinkiensia. 40.) Helsinki, 2010. Pp. 179—198. [Urmancieva A. Yu. Govorka: an example of structurally mixed language. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. (eds). (Slavica Helsinkiensia. 40.) Helsinki, 2010. Pp. 179—198.]
- Урманчиева 2013 — Урманчиева А. Ю. Образование форм аориста в самодийских языках // Казанский Н. Н. (отв. ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Малышева И. А., Калиновская В. Н. (отв. ред.). Т. IX. Ч. 2. Русская историческая лексикология и лексикография XVII—XIX веков. К 100-летию Ю. С. Сорокина*. СПб.: Наука, 2013. С. 734—767. [Urmancieva A. Yu. Formation of aorist forms in Samoyedic languages. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanii RAN. Kazanskii N. N. (ed.). Vol. IX. Pt 2. Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya XVII—XIX vekov. K 100-letiyu Yu. S. Sorokina*. Malysheva I. A., Kalinovskaya V. N. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2013. Pp. 734—767.]
- Хелимский 1984 — Хелимский Е. А. Две заметки о славянско-самодийских аналогиях // Иванов В. В. (отв. ред.). *Балто-славянские исследования*. М.: Наука, 1984. С. 114—123. [Helimski E. A. Two notes on Slavic-Samoyedic analogies. *Balto-slavyanskije issledovaniya*. Ivanov V. V. (ed.). Moscow: Nauka, 1984. Pp. 114—123.]
- Хелимский 2000 — Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. [Helimski E. A. *Komparativistika, uralistika: Leksii i stat'i* [Comparative linguistics, Uralic linguistics: Lectures and articles]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Хелимский 2007 — Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского (HSFM = Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta. Bd 4.) / Обработка и издание Евгения Хелимского. Hamburg: Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg, 2007. [*Yuzhno-sel'kupskii slovar' N. P. Grigorovskogo* [N. P. Grigorovskii's South Selkup dictionary (HSFM = Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta. Bd 4). Adapted and published by Eugen Helimski. Hamburg: Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg, 2007.]
- Шлуинский 2005 — Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. [Shluinskii A. B. *Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual'nye znacheniya*. Kand. diss. [A typology of verbal plurality: quantitative aspectual meanings. Cand. diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2005.]
- Ackerman, Nikolaeva 2013 — Ackerman F., Nikolaeva I. *Descriptive typology and linguistic theory: A study in the morphosyntax of relative clauses*. (CSLI Lecture Notes. Vol. 212.) Stanford, CA: CSLI Publications, Center for the Study of Language and Information, 2013.
- Aikio 2002 — Aikio A. New and old Samoyed etymologies. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2002. Bd 57. Heft 1—3. Pp. 9—57.
- Aikio 2006 — Aikio A. New and old Samoyed etymologies (Pt 2). *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2006. Bd 59. Heft 1—3. Pp. 9—34.
- Alatalo 2004 — *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XXX.) Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 2004.
- Ánte 2012 — Ánte Luobbal Sámmol Sámmol (Ante Aikio). On Finnic long vowels, Samoyed vowel sequences, and Proto-Uralic *x. *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festskrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012*. Hyytiäinen T., Jalava L., Saarikivi J., Sandman E. (eds). (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 264.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. Pp. 227—250.
- Arkadiev 2013 — Arkadiev P. From transitivity to aspect: causative-inchoative alternation and its extensions in Lithuanian. *Baltic Linguistics*. 2013. No. 4. Pp. 39—77.
- Blevins 2006 — Blevins J. A theoretical synopsis of Evolutionary Phonology. *Theoretical Linguistics*. 2006. Vol. 32. No. 2. Pp. 117—166.
- Burkova 2013 — Burkova S. Markers of the inchoative meaning in Tundra Nenets. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd 37. Hasselblatt C., Wagner-Nagy B. (Hrsg.), unter redaktioneller Mitarbeit von Budzisch J. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2013. Pp. 13—29.
- Comrie, Keenan 1979 — Comrie B., Keenan E. Noun phrase accessibility revisited. *Language*. 1979. Vol. 55. No. 3. Pp. 649—664.

- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Daniel 2009 — Daniel M. The category of destinative in Nganasan, North-Samoyedic, and typology of prospective possession. *Materials for the report at the conference «Uralic Typology Days»*, Institute of the Estonian Language, Tallinn. November 26—27, 2009.
- Göksel, Kerslake 2005 — Göksel A., Kerslake C. *Turkish: A comprehensive grammar*. London: Routledge, 2005.
- Hajdú 1988 — Hajdú P. Die samojedischen Sprachen. *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. (Handbuch der Orientalistik. Achte Abteilung; Vol. I.) Sinor D. (ed.). Leiden: Brill, 1988. Pp. 3—40.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. More on the typology of inchoative/causative verb alternation. *Causatives and Transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 1993. Pp. 87—120.
- Haspelmath 2005 — Haspelmath M. Ditransitive constructions: the verb 'give'. *The World Atlas of Language Structures*. Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2005. Pp. 426—429.
- Helimski 2001 — Helimski E. Samoyedic studies: a state-of-the-art report. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2001. Bd 56. Heft 1—3. Pp. 175—216.
- Helimski ms. — Helimski E. *Tundra Nenets morphology: the high price of exhaustiveness* ([Review of:] Salminen T., Tundra Nenets inflection; Salminen T., A Morphological dictionary of Tundra Nenets; Salminen T., Nenets). University of Hamburg. Ms.
- Jacques 2013 — Jacques G. Applicative and troponic derivations in Japhug Rgyalrong. *Linguistics of the Tibeto-Burman Area*. 2013. Vol. 36. No. 2. Pp. 1—13.
- Janhunen 1986 — Janhunen J. *Glottal stop in Nenets*. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne Vol. 196.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1986.
- Kavitskaya, Staroverov 2010 — Kavitskaya D., Staroverov P. When an interaction is both opaque and transparent: the paradox of fed counterfeeding. *Phonology*. 2010. Vol. 27. No. 2. Pp. 255—288.
- Keenan, Comrie 1977 — Keenan E., Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar. *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8. No. 1. Pp. 63—99.
- Kemmer 1993 — Kemmer S. *The middle voice*. (Typological Studies in Language. Vol. 23.) Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Khanina 2008 — Khanina O. Intransitive split in Tundra Nenets, or how much semantics can hide behind syntactic alignment? *The Typology of Semantic Alignment Systems*. Donohue M., Wichmann S. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2008. Pp. 162—196.
- Khanina, Shluinsky 2014 — Khanina O., Shluinsky A. A rare type of benefactive construction: evidence from Enets. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. No. 6. Pp. 1391—1431.
- Kholodilova forthc. — Kholodilova M. Moksha non-verbal predication. *Mordvin Languages in the Field*. Forthcoming.
- Kiparsky 2006 — Kiparsky P. The amphichronic program vs. evolutionary phonology. *Theoretical Linguistics*. 2006. Vol. 32. No. 2. Pp. 217—236.
- Körtvély 2005 — Körtvély E. *Verb conjugation in Tundra Nenets*. (Studia uralo-altaica. Vol. 46.) Szeged: SZTE Finnugor Tanszék, 2005.
- Kröhnert 2010 — Kröhnert L. Nordsamojedische Verballflexion zwischen Phonologie und Syntax: Ein Ansatz im Rahmen der Distribuierten Morphologie. 2 in *Agreement*. (Linguistische Arbeits Berichte. Bd 88.) Bank S., Georgi D., Trommer J. (eds). Leipzig, 2010. Pp. 93—123.
- Kulikov 2001 — Kulikov L. Causatives. *Language typology and language universals: an international handbook*. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd 20.) Vol. 2. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. Pp. 886—898.
- Lehtisalo 1956 — Lehtisalo T. *Juraksamojedisches Wörterbuch*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XIII.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1956.
- Leisiö 2012 — Leisiö L. Tempuksen ja moduksen merkintä nganasaanin nomineissa. *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012*. Hyytiäinen T., Jalava L., Saarikivi J., Sandman E. (eds). (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 264.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. Pp. 209—218.
- Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006 — Lyutikova E., Bonch-Osmolovskaya A. A very active passive. Functional similarities between passive and causative in Balkar. *Case, Valency and Transitivity*. (Studies

- in Language Companion Series. Vol. 77.) Kulikov L., Malchukov A., de Swart P. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. 393—416.
- Lyutikova, Tatevosov 2015 — Lyutikova E., Tatevosov S. Recursive passivization: a causative coercion account. *Affix Ordering Across Languages and Frameworks*. Manova S. (ed.). New York: Oxford University Press, 2015. Pp. 17—52.
- Malchukov et al. 2010 — Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. Ditransitive constructions: a typological overview. *Studies in Ditransitive Constructions: A Comparative Handbook*. Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds). Berlin: De Gruyter Mouton, 2010. Pp. 1—64.
- Maslova 2003 — Maslova E. *A grammar of Kolyma Yukaghir*. (Mouton Grammar Library. Vol. 27.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Matić, Nikolaeva 2014 — Matić D., Nikolaeva I. Focus feature percolation: evidence from Tundra Nenets and Tundra Yukaghir. *Proceedings of the 21st International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar*, University at Buffalo. Müller S. (ed.). Stanford, CA: CSLI Publications, 2014. Pp. 299—317.
- Mikola 2004 — Mikola T. *Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen aus dem Nachlass herausgegeben von Beáta Wagner-Nagy*. (Studia uralo-altaica. Vol. 45.) Szeged: SzTE Finnisch-Ugrisches Institut, 2004.
- Mus 2008 — Mus N. Tagadás a tundrai nyenyec nyelvben. *Nyelvtudományi Közlemények*. 2008. 105. köt. Pp. 7—45.
- Mus 2009 — Mus N. The question-words in Tundra Nenets. Vol. I: The nominal question words. *Voprosy filologii. Seriya «Uralo-altaiskie issledovaniya»*. 2009. No. 1. Pp. 43—48. [Вопросы филологии. Серия «Урало-алтайские исследования». 2009. № 1. С. 43—48.]
- Mus 2013 — Mus N. The typology of Northern Samoyedic question words. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd 37. Hasselblatt C., Wagner-Nagy B. (Hrsg.), unter redaktioneller Mitarbeit von Budzisch J. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2013. Pp. 175—193.
- Mus 2015 — Mus N. Negation in Tundra Nenets. *Negation in Uralic Languages*. (Typological Studies in Language. Vol. 108.) Miestamo M., Tamm A., Wagner-Nagy B. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2015. Pp. 75—102.
- Nedjalkov 1995 — Nedjalkov V. P. Some typological parameters of converbs. *Converbs in cross-linguistic perspective. Structure and meaning of adverbial verb forms — adverbial participles, gerunds*. (Empirical Approaches to Language Typology. Vol. 13.) Haspelmath M., König E. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. Pp. 97—136.
- Nikolaeva 1999a — Nikolaeva I. *Ostyak*. (Languages of the World/Materials. Vol. 305.) München: LINCOM EUROPA, 1999.
- Nikolaeva 1999b — Nikolaeva I. *Ostyak texts in the Obdorsk dialect*. (Studia Uralica. Bd 9.) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. Vol. 39. No. 1. Pp. 1—49.
- Nikolaeva 2003 — Nikolaeva I. The structure of the Tundra Nenets noun phrase. *Ünnepi kötet Honti László tiszteletére*. Bakró-Nagy M., Rédei K. (szerk.). Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 2003. Pp. 315—327.
- Nikolaeva 2005 — Nikolaeva I. [A review article of:] A grammar of Kolyma Yukaghir. *Linguistic Typology*. 2005. Vol. 9. No 2. Pp. 299—325.
- Nikolaeva 2006 — Nikolaeva I. *A historical dictionary of Yukaghir*. (Trends in Linguistics Documentation. Vol. 25.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
- Nikolaeva 2008 — Nikolaeva I. Between nouns and adjectives: a constructional view. *Lingua*. 2008. Vol. 118. No. 7. Pp. 969—996.
- Nikolaeva 2009 — Nikolaeva I. Nominal tense in Tundra Nenets and Northern Samoyedic. *Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory* — 2. Austin P. K., Bond O., Charrette M., Nathan D., Sells P. (eds). London: SOAS, 2009. Pp. 241—250.
- Nikolaeva 2012 — Nikolaeva I. Periphrasis in Tundra Nenets. *Periphrasis: The Role of Syntax and Morphology in Paradigms*. (Proceedings of the British Academy. Vol. 180.) Chumakina M., Corbett G. (eds). London; Oxford: Oxford University Press, British Academy, 2012. Pp. 77—104.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. (Mouton Grammar Library. Vol. 65.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — Nikolaeva I., Tolskaya M. *A grammar of Udihe*. (Mouton Grammar Library. Vol. 22.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.

- Nikolaeva et al. 2002 — Nikolaeva I., Perekhval'skaya E., Tolskaya M. *Udeghe (Udihe) folk tales*. (Tunguso-Sibirica. Bd 10.) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002.
- Nyikolajeva 2000 — Nyikolajeva I. *Chrestomathia jucagirica*. (Urálisztikai tanulmányok. 10.) Budapest: ELTE, 2000.
- Plungian 1999 — Plungian V. A. A typology of phasal meanings. *Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of Vladimir Nedjalkov*. (Studies in Language Companion Series. Vol. 50.) Abraham W., Kulikov L. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 1999. Pp. 311—321.
- Round 2013 — Round E. *Kayardild morphology and syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Salminen 1992 — Salminen T. Russian vocabulary in Tundra Nenets. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1992. Vol. 84. Pp. 201—222.
- Salminen 1993—2012 — Salminen T. *Tundra Nenets*. University of Helsinki, 1993—2012. Available at: <http://www.helsinki.fi/~tasalmin/sketch.html>
- Salminen 1997 — Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 227.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Salminen 1998a — Salminen T. Nenets. *The Uralic Languages*. Abondolo D. (ed.). London: Routledge, 1998. Pp. 516—547.
- Salminen 1998b — *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Compiled by Tapani Salminen. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XXVI.) (Publications of the Databank for Endangered Finno-Ugrian Languages. Vol. 3.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
- Salminen 2012 — Salminen T. Traces of Proto-Samoyed vowel contrasts in Nenets. Hyytiäinen T., Jalava L., Saarikivi J., Sandman E. (eds). *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue*. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 264.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. Pp. 339—358.
- Salminen 2014 — Salminen T. *Tundra Nenets sample sentence corpus*. University of Helsinki, 2014. Available at: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/tn_corpus.html
- Salminen ms. — Salminen T. *Tundra Nenets lexis*. University of Helsinki. Ms. Available at: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/TN_lexis.xls
- Siegl 2011 — Siegl F. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of northern Siberia*. (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis. Vol. 9.) Tartu: Tartu University Press, 2011.
- Siegl 2013 — Siegl F. *Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia*. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 267.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013.
- Spencer 2013a — Spencer A. Selkup denominal adjectives: a generalized paradigm function analysis. *Morphology in Toulouse. Selected Proceedings of Décembrettes 7*. (Toulouse, 2—3 December 2010). (LINCOM Studies in Theoretical Linguistics. Vol. 51.) Hathout N., Montermini F., Tseng J. (eds). München: LINCOM EUROPA, 2013. Pp. 231—249.
- Spencer 2013b — Spencer A. *Lexical relatedness: a paradigm-based model*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Vaysman 2009 — O. Vaysman. *Segmental alternations and metrical theory*. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology, 2009.
- Wagner-Nagy (szerk.) 2002 — Wagner-Nagy B. (szerk.). *Chrestomathia nganasanica*. (Studia uralo-altaica: Supplementum. Vol. 10.) Szeged; Budapest: SzTE Finnugor Tanszék / MTA Nyelvtudományi Intézet, 2002.
- Wagner-Nagy 2001 — Wagner-Nagy B. B. *Die Wortbildung im Nganasanischen*. (Studia uralo-altaica. Vol. 43.) Szeged: SzTE Finnugor Tanszék, 2001.
- Wagner-Nagy 2011 — Wagner-Nagy B. *On the typology of negation in Ob-Ugric and Samoyedic languages*. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 262.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2011.
- Wagner-Nagy, Szeverényi 2014 — Wagner-Nagy B., Szeverényi S. On the argument structure of the 'give' verbs in Nganasan and in Selkup. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii*. 2014. No. 1. Pp. 27—37. [Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 1. С. 27—37.]

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 384 с. [D. V. Sitchinava. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskij plyuskvamperfekt* [Pluperfect typology. Pluperfect in the Slavic languages]. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2013. 384 p.] ISBN 978-5-462-01617-2.

Олег Сергеевич Волков

Oleg S. Volkov

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991,
Россия
kot_gitarist@mail.ru

Lomonosov Moscow state university, Moscow,
119991, Russia
kot_gitarist@mail.ru

При том что плюсквамперфект — грамматическая форма глагола, выделенная еще в античной традиции и широко известная не только лингвистам и филологам, но и, вообще говоря, любому человеку, изучавшему европейские языки, она, как ни странно, достаточно редко становилась предметом детального описания. Еще меньшим оказывается число работ, в которых с определенной степенью подробности раскрывается семантика плюсквамперфекта в типологической перспективе.

В большей части таких работ анализ плюсквамперфектной семантики не отличается разнообразием и сводится к выделению у данной формы одного базового компонента — способности выражать действие, предшествующее некоторой точке отсчета, расположенной на временной шкале до момента речи. Данное понимание, трактующее плюсквамперфект как таксисную форму прошедшего времени, в целом восходит к работе [Reichenbach 1947] (основанной на фактах английского языка) и нечасто подвергается пересмотру. Правда, в последнее время типологи отмечали, что форма плюсквамперфекта в языках мира обладает более богатой полисемией, чем принято думать; в этом отношении существуют работы [Плунгян 2001] и [Plungian, van der Auwera 2006], посвященные описанию особой семантической зоны «антирезультативности» и «прекращенного прошлого», в которых делается более радикальное утверждение, а именно: что таксисные употребления не являются для плюсквамперфекта во многих языках и центральными.

На этом фоне особенно важным представляется появление монографии Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект», в которой с высокой степенью подробности рассматривается большое количество вопросов, связанных с употреблением плюсквамперфекта в различных языках мира. Справедливости ради отметим, что книга Сичинавы не является первым подробным типологическим исследованием плюсквамперфекта — данной проблеме была посвящена также кандидатская диссертация [Шошитайшвили 1998], которая, впрочем, освещает не столь широкий круг вопросов и, не будучи опубликованной, практически недоступна современному читателю. С учетом этих фактов работа Сичинавы может считаться первой лингвистической монографией, посвященной исключительно плюсквамперфекту.

Характерной особенностью рецензируемой монографии является некоторая ее мозаичность: она состоит из двух примерно равных по объему частей («Плюсквамперфект: общая и ареальная типология» и «Славянский плюсквамперфект: история и современность»), каждая из которых в свою очередь подразделяется на несколько самостоятельных глав. В основе

исследования лежит более 10 ранее опубликованных, но в большей или меньшей степени переработанных статей автора о разных аспектах типологии и семантики плюсквамперфекта, а также одна глава его диссертации [Сичинава 2005]¹.

Первая часть монографии представляет собой типологическое исследование семантической зоны плюсквамперфекта, эта часть состоит из четырех глав. В первой главе производится описание формального устройства плюсквамперфектных показателей в языках мира, выделяются значения, характерные для плюсквамперфектных форм, а также предлагаются возможные пути диахронического развития плюсквамперфекта. Эта глава является основной для понимания общей специфики плюсквамперфектных форм, хотя объем ее невелик.

Д. В. Сичинава выделяет три морфологические техники, характерные для плюсквамперфектного показателя: комбинация двух показателей, имеющих собственную видовременную семантику (к этому типу относится, в частности, европейский плюсквамперфект); синтетический показатель (представленный единичными случаями) и так называемый «ретроспективный сдвиг» (термин впервые предложен в статье [Плунгян 1998]) — показатель, не имеющий собственной видо-временной семантики, а лишь модифицирующий значения различных финитных форм глагола и присоединяющийся к уже существующей в языке глагольной форме.

При рассмотрении семантики плюсквамперфекта автор отказывается от того, чтобы считать таксисное значение определяющим. Он выделяет целую группу дополнительных значений, которые возникают у плюсквамперфекта в языках мира, и постулирует, что плюсквамперфектные показатели в норме выражают в каждом языке несколько значений из этой группы. В зону полисемии плюсквамперфекта в общем случае входят различные модальные и эвиденциальные значения, а также прекращенная ситуация, результирующее состояние в прошлом, аннулированный результат, давнопрошедшее, экспериенциальное значение и различные дискурсивные функции.

По наблюдению Сичинавы, плюсквамперфект обычно является диахронически стабильной формой, сценарии же его эволюции основаны на переходе от таксисных употреблений к абсолютным, т. е. на развитии у показателя антирезультативной, ирреальной или эвиденциальной семантики.

Во второй главе первой части монографии описываются глагольные системы с двумя конкурирующими формами плюсквамперфекта, выделяются три основных случая возникновения такой конкуренции. В первом случае плюсквамперфекты образуются от разных форм глагола — результата, перфекта или аориста; во втором случае — различаются формой вспомогательного глагола: он может быть маркирован показателем аориста или имперфекта; в третьем — противопоставляются плюсквамперфект индикатива и конъюнктива. Завершается глава анализом конкуренции перфекта и плюсквамперфекта в дискурсивных употреблениях.

Эта тема получает дальнейшее развитие в следующей, третьей главе, посвященной особой группе употреблений плюсквамперфекта — дискурсивным функциям, которые рассматриваемая форма может принимать в нарративе. Данная глава основана на статье [Сичинава 2008], где вводится понятие «сдвиг начальной точки» — особая стратегия, при которой интродуктивный фрагмент нарратива может быть оформлен плюсквамперфектом (в некоторых случаях также перфектом), для того чтобы передать его отделенность от основной линии повествования. Схожим образом оформляются также фрагменты текста, содержащие фоновую информацию.

В четвертой главе, представляющей собой расширенную версию статьи [Сичинава 2007], описывается так называемая сверхсложная форма плюсквамперфекта — форма с причастиями вспомогательного и полнозначного глагола. Описание происходит

¹ Заметим, что из-за такой мозаичной структуры книги не всегда понятно, по каким критериям отбирались языки для исследования (в первой части) и какой материал использовался. При этом, как кажется, по объему данные индоевропейских языков (в особенности романских и германских) в книге значительно превосходят данные всех остальных языков мира.

по ареальному принципу: автор выделяет три ареала — западноевропейский, азиатский² и находящийся на их стыке славянский ареал. В каждом из ареалов сверхсложная форма развивает собственный набор значений: в западноевропейском — семантику прекращенного прошлого, в азиатском — эвиденциальную семантику.

Вторая часть монографии посвящена плюсквамперфекту в славянских языках, причем в ней присутствует и историческое описание, и анализ форм — потомков плюсквамперфекта на синхронном уровне. В первой главе (в основу которой положена статья [Сичинава 2004]) предлагается возможная реконструкция славянского условного наклонения — по предположению автора, источником его является конструкция, имевшая в праславянском как раз плюсквамперфектную семантику. Данная гипотеза кажется наиболее мотивированной (в том числе и типологически) по сравнению с другими, обсуждавшимися в славистике, и в целом этот раздел монографии представляется наиболее самостоятельным и значимым вкладом автора в славистику и типологию грамматических категорий.

Вторая глава (частично основанная на статье [Петрухин, Сичинава 2006]) представляет собой подробный анализ семантики древнерусского «книжного» плюсквамперфекта (формы, состоящей из *л*-причастия и вспомогательного глагола *быти* в имперфекте или аористе от имперфективной основы), а также сверхсложной формы (представляющей собой, согласно традиционной точке зрения, комбинацию *л*-причастия и вспомогательного глагола *быти* в перфекте).

Значительный объем второй части занимают главы с третьей по шестую, посвященные частицам *было* и *бывало* от XVIII в. до наших дней. В их основе лежат статьи [Сичинава 2012], [Сичинава 2009; 2011], [Сичинава 2010], [Сичинава 2013] соответственно. Автор указывает на то, что в языке XVIII в. данные частицы уже имели семантику, характерную для них в современном русском языке (в общем виде это «нарушение нормального хода ситуации»), однако дистрибуция их была более широкой.

В седьмой главе второй части приводится краткий анализ белорусского и украинского плюсквамперфекта.

Особый интерес представляет заключительная, восьмая глава второй части, «Постскриптум о плюсквамперфект(ум)е: лингвистический термин как языковой образ», основанная на статье [Сичинава 2014]. Она включает в себя анализ употребления термина «плюсквамперфект» в публицистической и художественной литературе авторами-нелингвистами. По наблюдению Сичинавы, эти употребления демонстрируют нам, что в обыденном сознании с плюсквамперфектом коррелируют прежде всего такие концепты, как временная отдаленность и прекращенность ситуации, т. е. те семантические компоненты, которые, будучи действительно присущими плюсквамперфекту с типологической точки зрения, тем не менее до последнего времени практически не выделялись у него в грамматических описаниях (особенно в традиционных).

В качестве послесловия к монографии приведена небольшая заметка Сичинавы о перспективах изучения плюсквамперфекта в дальнейшем. Книга содержит также список литературы, список сокращений, семантический указатель и список языков.

Позволим себе привести несколько критических замечаний, связанных в первую очередь со структурой книги. Скомпонованность из большого количества статей имеет, на наш взгляд, некоторые не вполне удачные для цельного исследования последствия, прежде всего известную несбалансированность и непоследовательность изложения, в результате чего часть вопросов, связанных с плюсквамперфектными формами, остается без четкого ответа.

Так, рассмотрение дискурсивных функций плюсквамперфектных показателей присутствует (в неравном объеме) в первой и второй главах первой части, третья же глава целиком посвящена этому вопросу; в результате повторяющаяся (или, наоборот, различная) информация по одной и той же проблеме оказывается разнесена по всей книге.

² В азиатский ареал Д. В. Сичинава условно включает территорию распространения большинства тюркских и иранских языков, а также Балканы, Кавказ и Поволжье.

Размышления о том, считать ли плюсквамперфектом формы, выражающие различные значения зоны полисемии плюсквамперфекта, но не несущие таксисного значения, встречаются на протяжении всей монографии, причем эксплицитного ответа на этот вопрос найти так и не удастся: так, на с. 17 утверждается, что «для плюсквамперфекта в языках мира характерна полисемия, а таксисное значение соответствующие формы сохраняют (или даже вообще развивают) не всегда», но при этом в дальнейшем форма, не имеющая таксисного значения, плюсквамперфектом часто не называется. Не до конца ясными остаются и вопросы о соотношении таких сущностей, как «ретроспективный сдвиг» и плюсквамперфект, перфект и плюсквамперфект.

Некоторые затруднения в восприятии примеров, приведенных в тексте, возникают из-за отсутствия в подавляющем большинстве случаев поморфемной нотации, причем это касается не только хорошо известных европейских языков, но и более экзотических. Формы, представляющие интерес в конкретных примерах, выделены подчеркиванием, однако читатель, не располагающий знанием грамматики конкретного языка, не во всех случаях может однозначно определить их грамматические характеристики.

Не вполне оправданным кажется синонимичное употребление терминов «проксиматив» и «авертив» (с. 29 и далее) для номинации антирезультативного значения, соотносящегося исключительно с неконтролируемыми процессами. В работе [Kuteva 2001], к которой делает отсылку Сичинава, как нам представляется, авертив (*avertive*) не отражает противопоставление по контролируемости/неконтролируемости — данный термин используется Кутевой как **гипероним** по отношению к тому, что в терминах работы [Плунгян 2001] может быть названо проксимативом и конативом. Зона антирезультативности пока не имеет общепринятой терминологии, однако решение Сичинавы представляется не слишком удачным.

Работа не свободна от опечаток — в том числе в нумерации разделов в оглавлении и в основном тексте. Впрочем, общее их количество незначительно и в целом на восприятие текста они не влияют.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что некоторая несбалансированность в композиционном строении монографии несколько не умаляет ее общей значимости. В книге представлено большое количество эмпирического материала, интересных наблюдений и языковых данных; текст написан очень живо и читается легко. Книга, несомненно, будет полезна как специалистам по глагольным категориям, так и типологам, славистам и широкому кругу филологов. Ее, безусловно, можно рекомендовать и студентам-лингвистам. Своим исследованием Д. В. Сичинава задал высокую планку в изучении плюсквамперфекта, преодолеть которую будет нелегко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Петрухин, Сичинава 2006 — Петрухин П. В., Сичинава Д. В. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193—214. [Petrukhin P. V., Sitchinava D. V. «Russian pluperfect» in the typological view. *Verenitsa liter: K 60-letiyu V. M. Zhivova*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2006. Pp. 193—214.]
- Плунгян 1998 — Плунгян В. А. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // Выдрин В. Ф., Кибрик А. А. (сост.). Язык. Африка. Фульбе: Сб. научн. статей в честь А. И. Коваль. СПб.; М.: Европейский дом, 1998. С. 106—115. [Plungian V. A. Pluperfect and markers of «retrospective shift». *Yazyk. Afrika. Ful'be: Sb. nauchn. statei v chest' A. I. Koval'*. Vydrin V. F., Kibrik A. A. (comp.). St. Petersburg; Moscow: Evropeiskii dom, 1998. Pp. 106—115.]
- Плунгян 2001 — Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Плунгян В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50—88. [Plungian V. A. Antiresultative: before and after the result. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 1: Grammaticheskie kategorii*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Russkie slovari, 2001. Pp. 50—88.]
- Сичинава 2004 — Сичинава Д. В. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Ландер Ю. А. и др. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 292—312. [Sitchinava D. V. Towards the problem of Slavic conditional mood.

- Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 3: Irrealis i irreal'nost'.* Lander Yu. A. et al. (eds). Moscow: Gnozis, 2004. Pp. 292—312.]
- Сичинава 2005 — Сичинава Д. В. Типология глагольных систем с синонимией базовых элементов парадигмы. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. [Sitchinava D. V. *Tipologiya glagol'nykh sistem s sinonimiei bazovykh elementov paradigmny. Kand. diss.* [Typology of verb systems with synonymy of basic elements of the paradigm. Cand. diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2005.]
- Сичинава 2007 — Сичинава Д. В. Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком // Иванов Вяч. Вс. (ред.). Ареальное и генетическое в структуре славянских языков: Материалы круглого стола. М.: Пробел-2000, 2007. С. 102—130. [Sitchinava D. V. Two areas of «temps surcomposes» in Eurasia: Slavic pluperfect between East and West. *Areal'noe i geneticheskoe v strukture slavyanskikh yazykov: Materialy kruglogo stola.* Ivanov Vyach. Vs. (ed.). Moscow: Probel-2000, 2007. Pp. 102—130.]
- Сичинава 2008 — Сичинава Д. В. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Гусев В. Ю. и др. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 241—274. [Sitchinava D. V. «Shift of the initial point»: use of some verbal forms in introductive function. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse.* Gusev V. Yu. et al. (eds). Moscow: Gnozis, 2008. Pp. 241—274.]
- Сичинава 2009 — Сичинава Д. В. Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с *было* по корпусным данным // Киселева К. Л. и др. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 362—396. [Sitchinava D. V. Trying to suppress at the grassroots level: the Russian construction with *bylo* according to corpus data. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike.* Kiseleva K. L. et al. (eds). Moscow: Probel-2000, 2009. Pp. 362—396.]
- Сичинава 2010 — Сичинава Д. В. Русские маргинальные конструкции с *было*: к постановке проблемы // Ремнёва М. Л., Князев С. В. (ред.). Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М.: МГУ, 2010. С. 192—200. [Sitchinava D. V. Russian marginal constructions with *bylo*: towards the problem statement. *Fonetika i grammatika: nastoyashchee, proshedshee, budushchee. K 50-letiyu nauchnoi deyatel'nosti S. K. Pozharitskoi.* Remneva M. L., Knyazev S. V. (eds). Moscow: Moscow State Univ., 2010. Pp. 192—200.]
- Сичинава 2011 — Сичинава Д. В. Комплексное исследование одноязычного и параллельного корпусов в грамматических исследованиях // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика — 2011». СПб.: СПбГУ, 2011. С. 316—332. [Sitchinava D. V. A complex investigation of a unilingual corpus and a parallel corpus in grammatic studies. *Trudy Mezhduнародnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika — 2011».* St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2011. Pp. 316—332.]
- Сичинава 2012 — Сичинава Д. В. Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 257—284. [Sitchinava D. V. The particles *bylo* i *byvalo* in XVIII-century Russian. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii.* 2012. No. 2 (24). Pp. 257—284.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. Частицы *было* и *бывало*: русские «вторичные модификаторы» в свете типологии и диахронии // Иванов Вяч. Вс. (ред.). Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов). СПб.: Алетейя, 2013. С. 175—194. [Sitchinava D. V. The particles *bylo* i *byvalo*: Russian «secondary modifiers» in the light of typology and diachrony. *Issledovaniya po tipologii slavyanskikh, baltiiskikh i balkanskikh yazykov (preimushchestvenno v svete yazykovykh kontaktov).* Ivanov Vyach. Vs. (ed.). St. Petersburg: Aleteiya, 2013. Pp. 175—194.]
- Сичинава 2014 — Сичинава Д. В. «Увы, для них всё это плюсквамперфект»: лингвистический термин как языковой образ // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 90—121. [Sitchinava D. V. «Alas, all this is pluperfect for them»: a linguistic term as a linguistic image. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii.* 2014. No. 1 (27). Pp. 90—121.]
- Шошитайшвили 1998 — Шошитайшвили И. А. Функции и статус плюсквамперфекта в глагольной системе. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 1998. [Shoshitaishvili I. A. *Funktsii i status plyuskvamperfekta v glagol'noi sisteme.* Kand. diss. [Functions and status of pluperfect in the verb system. Cand. diss.]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1998.]
- Kuteva 2001 — Kuteva T. *Auxiliation. An enquiry into the nature of grammaticalization.* Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Plungian, van der Auwera 2006 — Plungian V. A., van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung.* 2006. Vol. 59. № 4. Pp. 317—349.
- Reichenbach 1947 — Reichenbach H. *Elements of symbolic logic.* New York: McMillan, 1947.

J. Carroll, D. Parsons (eds). Perceptions of place: Twenty-first-century interpretations of English place-name studies. Nottingham: English Place-Name Society, 2013. xxxvii, 474 p. ISBN 978-0-904889-86-4.

Александр Игоревич Фалилеев

Alexander I. Falileyev

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, 199053, Россия
a.falileyev@gmail.com

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of
Sciences, St. Petersburg, 199053, Russia
a.falileyev@gmail.com

«Современный период развития мировой лингвистической науки характеризуется интенсивно ведущимися исследованиями в области ономастики», — писал Б. А. Серебренников в статье, опубликованной в этом журнале в 1959 г. Известный лингвист отмечал, что «литература по ономастике уже настолько велика, что об ономастике можно теперь говорить как о совершенно особой отрасли языкознания» [Серебренников 1959: 36]. За более чем полстолетия после выхода этой публикации количество литературы по ономастике многократно умножилось. Благодаря разделу «Книжная полка» и насыщенным рецензиям, публикуемых в каждом выпуске журнала «Вопросы ономастики» начиная с его первого тома (2004), российские лингвисты находятся в курсе основных ономастических новинок на академическом книжном рынке, а в элегантно и информационно насыщенной работе [Березович 2001] заинтересованный читатель найдет анализ истории отечественных топонимических штудий и освещение многих теоретических и практических проблем, стоящих перед отраслью в целом. Интерес к исторической топонимике остается стабильным, и нет сомнений, что рецензируемая книга привлечет внимание ономастов, причем не только тех, кто занимается топонимией Британских островов — в издании поднимаются и дискутируются многие общие проблемы топонимического исследования. Несомненно, она будет интересна для филологов-германистов, полезна для кельтологов и чрезвычайно информативна для специалистов по истории английского языка и историков Британских островов.

Книга открывается вводной статьей Дж. Кэрролл, посвященной обзору британских топонимических штудий с 1924 (выход в свет первой части «Введения к обзору английских географических названий») по 2013 г. и помещающей представляемую монографию в этот контекст. Удачный обзор современного состояния топонимических изысканий в Великобритании был недавно представлен В. В. Алпатовым (2013), что, очевидно, избавляет автора настоящей рецензии от необходимости рассмотрения предыстории вопроса, которая вместе с тем поднимается практически в каждой статье сборника. Впрочем, это вполне ожидаемо: каждая работа, опубликованная в книге, представляет собой синопсис современного состояния исследования различных аспектов топонимики, что, естественно, невозможно без исторического экскурса. Неудивительно в этой связи, что хронологическая глубина этих экскурсов разнится от Средневековья до начала XX в., но издание 1924 г. так или иначе упоминается в каждой статье. Кроме того, здесь следует упомянуть об особенностях современной парадигмы топонимических исследований Великобритании, четко сформулированной В. В. Алпатовым: «налицо тенденция “повторного прохождения” уже известного материала с помощью новых инструментов, в том числе порожденных новыми техническими возможностями, с углублением в семантику элементов, со смещенным фокусом внимания в сторону “человеческого фактора” и функциональности» [Алпатов 2013: 121], и само понятие «повторности» предполагает значительный библиографический компонент исследования. В итоге практически каждая статья рецензируемого сборника представляет собой в том числе и весьма полную энциклопедическую справку по истории и современному состоянию соответствующего направления в изучении географических названий Великобритании.

Посвященная преимущественно английским топонимам, книга содержит, как можно было ожидать, исследования иноязычных страт, и первая ее глава (с. 1—39), написанная О. Паделом, посвящена бриттским географическим названиям Англии. Известно, что плотность сохранившихся топонимов кельтского происхождения в этой части Соединенного

Королевства идет по возрастающей при движении с востока на запад, что имеет историческое объяснение. Падел уместно отмечает в этой связи опасность построения хронологии собственно языковых изменений исключительно на основании особенностей заимствования бриттской топонимики. Можно в связи с этим вспомнить, что «искажение топонимических и гидронимических названий может быть не только в результате фонетической адаптации, но и в результате действия новых фонетических законов» [Серебrenников 1959: 40], а вопросам адаптации иноязычных названий на территории Российской Федерации посвящено значительное количество работ. Приведенные британским исследователем примеры рефлекса бриттск. *crūg — *Crook, Creech, Creek, Crutch* и т. д., см. также полную подборку примеров в [Gelling, Cole 2000: 159—163] — весьма показательны. Действительно, интервокальное бриттское /m/ и его более поздний ленированный вариант /μ/ отражены в английских географических названиях, к примеру, на юго-западе острова, где одновременно появляются англо-саксы, также двояко, ср. англ. *Deofenas* (Девон) и *Tamar* (гидроним Тамар), оба из кельтского. Падел резонно отстаивает положение о противопоставлении бриттских (и галльских) лингвистических типов географических названий новобриттским (валлийским и т. д.) и анализирует с этой точки зрения целую группу кельтских и предположительно кельтских по происхождению топонимов Англии. Особое внимание уделяется так называемым тавтологическим сложным наименованиям типа *Crycbeorh* (ср. [Gelling, Cole 2000: 161]), содержащим иноязычные компоненты, и автор вводит понятие «неохотное заимствование» (*reluctant borrowing*) для объяснения частично адаптированных бриттских топонимов.

Скандинавскому пласту топонимов посвящены две статьи сборника. Г. Феллоуз-Йенсен анализирует раннюю топонимию Дании, отмечая, что для эпохи викингов — а, напомним, именно с ней связывают появление скандинавских географических названий на Британских островах — известно лишь ограниченное количество названий (например, с *-bý, thorp*), и для топонимический штудий в Скандинавии островные данные имеют первостепенное значение (с. 75—101). Многие из этих названий рассматриваются и в других статьях сборника — Д. Парсонс анализирует др.-англ. *þorp* в увязке со сканд. *þorp* (с. 66—69), а Р. Джонс изучает соответствующие топонимы в археологическом контексте (с. 196—197). В работе «Скандинавские географические имена в Англии» (с. 103—126) М. Тауненд отмечает, что за последние полвека не осталось ни одного аспекта в изучении этого пласта топонимии Англии, который так или иначе не был бы пересмотрен. Автор рассматривает несколько проблем в этой связи, отстаивая, между прочим, и тезис о значительном количестве скандинавских эмигрантов (а не просто о миграции элит) на территории средневековой Англии. Нет сомнений, что статья, в которой в том числе анализируется вопрос о причинах сохранения значительного количества гидронимов скандинавского происхождения в Великобритании и даются варианты ответа на него, заинтересует как топонимистов, так и историков. Понятно и ожидаемо, что скандинавский слой топонимии рассматривается и в помещенных в сборник статьях, посвященных неанглийским регионам Британских островов.

Романскому пласту топонимии Британии — латинским и англо-нормандским географическим названиям — не посвящена отдельная статья сборника. Англо-нормандские географические названия рассматриваются во вводной статье Дж. Каррол (с. xxxi—xxxv), и эти весьма интересные данные (как и латинские) лишь вскользь упоминаются в ряде помещенных в сборник работ. При той важности, которую изучение романских по происхождению топонимов составляет для изучения ономастического ландшафта Британии (о латинских названиях см., к примеру, [Gelling 1977] или [Coates 2000]), и в связи с тем, что анализ англо-нормандского и латинского пластов топонимии часто бывает переплетен (см., например, [Briggs 2009]), мы вправе были бы ожидать в этом сборнике отдельную работу.

Так или иначе, все статьи книги посвящены исследованию различных аспектов «первого закона топонимики» [Никонов 1961]. В блестящей работе Д. Парсонса (с. 43—72), основанной на глубоком знании как топонимии (напомним, он является соавтором нового словаря английских географических названий, на сегодняшний день вышло три тома, до *Cock-pit*),

так и социальной истории средневековой Англии, уделяется особое внимание изучению топонимов в контексте. Подход позволяет прийти к выводам, важным для историков и топонимистов, как в случае с достаточно распространенным названием *Kingston* < *cyninges tūn*, для чего становятся архиважными анализ соответствующих юридических и социальных понятий, с одной стороны, и дистрибуция топонима — с другой. Действительно, как было неоднократно отмечено, «вместе с носителями языка топонимические, а также гидронимические названия могут переноситься, иногда на довольно большие расстояния» [Серебренников 1959: 44], и каждый случай использования идентичного топонима нуждается во внимании и в этой связи. Примечательно, что именно пример с Кингстоном используется Р. Коутсом при анализе типов номинаций в английской топонимии (с. 146—147).

Соотношению археологических знаний о средневековых английских населенных пунктах с данными топонимии посвящена информативная статья Р. Джоунза (с. 181—207). Для специалистов по истории английского языка, похоже, особый интерес представляет работа П. Каллена (с. 161—179), посвященная географическим названиям и терминологии ландшафта и в целом продолжающая линию исследования, связанную с именем выдающейся английской ученой М. Геллинг (1924—2009), ср. также [Gelling, Cole 2000] и см. об этом направлении [Алпатов 2013: 118—119]. Хотя в отечественной науке ландшафтная терминология традиционно изучается при анализе географических названий (работы Т. А. Марусенко, В. М. Мокиенко, Н. И. Толстого и др., см. [Невская 1977: 5 и сл.]), в британской топонимике это направление исследования достаточно молодо, но уже дало существенные результаты, в том числе и для уточнения, а в некоторых случаях и для коренного пересмотра семантики соответствующих древнеанглийских и среднеанглийских апеллятивов. Рассуждения автора (с. 171—173) об англ. *doke* ‘впадина, углубление’ и ряде сходных слов в увязке с данными топонимии (*The Doke*, *Fellings Doke* и т. д.) и др.-англ. *dæl* важны как для этимологов, так и для лексикографов.

Историкам германских языков будет весьма интересно обширное исследование Дж. Инсли, посвященное использованию личных имен в топонимии (с. 209—249), в котором между прочим, отмечается и региональная вариативность в германской антропонимии. Автор достаточно подробно останавливается на семантической и морфологической классификации древнеанглийской субсистемы (с. 219—228); можно отметить, что выводы контрастивного порядка при этом не делаются, и, в принципе, семантическая систематизация древнеанглийского материала вполне сопоставима с тем, что мы находим в других германских языках. В этом отношении следует обратить внимание на монографию Т. В. Топоровой [Топорова 1996], где проводится последовательный анализ различных ранних германских антропонимических комплексов и применен в том числе контрастивный подход. При том, что Инсли, безусловно, является крупнейшим специалистом в своей области, неожиданны предпринятые этим автором выходы, из которых мы узнаем, к примеру, что «полабо-померанское» личное имя *Radomir* восходит к славянск. **radъ* ‘glad’ и **mirъ* ‘peace’ (с. 217), а для изучения рефлексов и.-е. **teutā* в ономастике рекомендуется известная монография [Krahe 1954]. Женским личным именам в английской топонимии уделяется внимание в статье К. Хоу (с. 251—281), которая посвящена женщинам в географических названиях, что и отражено в ее названии («Women in place-names»), и которая рассматривает также и апеллятивы. Эта работа, несомненно, представляет собой важное научное исследование, основанное на использовании исторических (и в том числе средневековых юридических) данных и выверенных лингвистических процедур.

В трех статьях рассматривается английская топонимия Британских островов за пределами Англии. Работа Х. Уина Оуэна посвящена Уэльсу (с. 321—353), в котором английские топонимы, по подсчетам автора, составляют десятую часть от всех географических названий. Впрочем, поскольку для него «английский» в данном случае означает «неваллийский» и здесь рассматриваются топонимы с различной языковой атрибуцией (включая латинские и фламандские, а также такие относительно недавние названия, как *Севастополь*, *Вавилон* и *Иерихон*), доля собственно английских географических названий должна быть

уменьшена. Оуэн рассматривает три типа географических объектов: только с английским названием, с валлийским и английским названием и с одним названием, которое проявляет следы фонетической адаптации в тот или иной язык. Наблюдения исследователя крайне любопытны, в том числе и для исторической лингвистики. Так, сочетание др.-англ. *prēosta* (род. пад. мн. ч.) и *tūn* 'farm of priests' (sic!, с. 350), которое регулярно отражается в топонимии Англии как *Preston*, в Уэльсе известно как *Prestatyn* в связи с явлениями просодического порядка, что подтверждается и другими данными, а на основании изучения некоторых названий можно говорить о заимствовании ср.-англ. *walles* 'стены' в валлийский, причем слово **walis* 'вал' является тополексемой (об этом понятии см., например, [Серебренников 1959: 37]) и не зафиксировано в письменных памятниках. К. Мур обсуждает различные стратегии в использовании английских топонимов в Ирландии в широком историческом контексте (с. 355—397); при обсуждении ирл. *ráth* 'вал' в средневековой топонимии можно было бы обратить внимание на важное исследование Г. Тонера [Toner 1998]. Т. Оуэн Клэнси в великолепной статье, посвященной Шотландии (с. 283—319), предлагает анализ не только собственно английской топонимии, но и географических названий других германских языков, в первую очередь — скотс (англо-шотландский, см. в этой связи [Павленко 2003]).

Р. Коутс в статье «Географические названия и лингвистика» (с. 129—158) рассматривает связи топонимики и исторического/синхронного языкознания. На основании изучения английских данных Коутс приходит к выводам, во многом известным специалистам, изучающим эту проблематику в иных языковых традициях. Так, согласно британскому исследователю, географические названия не обладают смыслом, но имеют значение, а их мотивация не связана напрямую с этимологией. Иными словами, как отмечал В. А. Никонов, «в топонимике нет заблуждения опасней, чем распространенное представление будто название “вытекает” из свойств самого объекта. <...> Даже если название указывает на признак объекта, то отбор этого признака продиктован только интересами общества» [Никонов 1961: 105], и эти положения разделяются всеми исследователями. Как отмечал В. В. Алпатов, особенностью нынешнего этапа в английской топонимике является «наметившаяся в последние годы тенденция отыскивать мотивацию названия и референцию его элементов, в противовес просто этимологии, которой довольствовались более ранние исследователи» [Алпатов 2013: 120]. Действительно, такие случаи, как потрясающая находка клада драгоценных англо-саксонских продуктов металлопроизводства непосредственно в населенном пункте с названием *Hammerwich* (*hammer* 'молот'), о чем пишет в сборнике Д. Парсонс (с. 64—65), чрезвычайно редки, однако долгий и кропотливый поиск мотиваций с учетом всех свидетельств, как лингвистического, так и экстралингвистического порядка, приносит свои плоды, о чем свидетельствуют и представленные в сборнике работы.

Коутс отмечает в своей работе проблему, которая на сегодняшний день, с его точки зрения, не нашла должного отражения в британской науке (с. 153—155): полионимия в географических названиях традиционно изучается при анализе топонимов в Уэльсе, Шотландии и Ирландии, что представлено и на страницах этого сборника, однако собственно английские случаи, где это явление присутствует на фонетическом и морфологическом уровнях, остаются недостаточно изученными и совсем не систематизированными. Автор уделяет значительное внимание проблеме номинации, в том числе и в прагматическом аспекте (продолжая серию работ, см. [Coates 2011]), и эта проблема поднимается практически во всех работах сборника. Так, анализируя скандинавский пласт топонимии, М. Тауненд (с. 111—114) говорит о двух существующих моделях объяснения процесса называния населенного пункта: топоним спонтанно получает название от соседей или оно сознательно присваивается имеющими на это право. Автор, анализируя эти модели, приводит различные доводы *pro* и *contra* и выдвигает третью модель, согласно которой сами жители данного населенного пункта оказываются ответственными за его географическое название. Поставленный 30 лет тому назад вопрос об «англо-саксонском путешественнике», давшем древнеанглийские названия населенным пунктам, затрагивается на многих

страницах этого труда, ср., к примеру, замечания П. Каллена на с. 175. О проблемах и сложностях создания «теоретической топонимистики как особой лингвистической дисциплины» написано немало, см. блестящий обзор проблематики в работе [Березович 2001: 35, 37 и сл.]. Представляется, что статья Р. Коутса с его анализом топонимии и с точки зрения синхронной лингвистики, и с точки зрения лингвистики диахронической является существенным в это вкладом.

Таким образом, нет сомнений, что появление рецензируемой книги должно оказаться событием в современной англистике и топонимике в целом, и мы должны поздравить наших британских коллег с публикацией этого важного во многих отношениях сборника. Эта публикация в очередной раз напоминает о необходимости создания учебного пособия по английской топонимике для российской высшей школы. Долгое время студенты-англисты могли опираться в этой связи на «Очерки англоязычной топонимии» В. Д. Беленькой [Беленькая 1977], однако эта монография, выпущенная почти 40 лет назад, отражает уже ушедший в прошлое этап истории топонимии Великобритании (о котором см. [Алпатов 2013: 118—119])¹, и 80 страниц, посвященных в этой книге Британским островам, в наши дни вряд ли достаточно для всестороннего описания проблематики. Появление подобного издания будет способствовать углублению образования филологов-англистов (германистов) сразу в целом ряде традиционно преподаваемых дисциплин (история языка, лексикология, историческая география и т. д.) и приведет к улучшению общего стандарта гуманитарного знания².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов 2013 — Алпатов В. В. Топонимические исследования в Великобритании (XX—XXI вв.): история, основные направления развития // Вопросы ономастики. 2013. Т. 14. № 1. С. 112—131. [Toponomastics in Great Britain (20th—21st centuries): history and main directions of research. *Voprosy onomastiki*. 2013. Vol. 14. № 1. Pp. 112—131.]
- Беленькая 1977 — Беленькая В. Д. Очерки англоязычной топонимии. М.: Высшая школа, 1977. [Belen'kaya V. D. *Ocherki angloyazychnoi toponimiki* [Essays on English-language toponymics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1977.]
- Березович 2001 — Березович Е. Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 34—46. [Berezovich E. L. Russian onomastics in modern times: critical notes. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2001. Vol. 60. No. 6. Pp. 34—46.]
- Невская 1977 — Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология. М.: Наука, 1977. [Nevskaya L. G. *Baltiiskaya geograficheskaya terminologiya* [Baltic geographic terminology]. Moscow: Nauka, 1977.]
- Никонов 1961 — Никонов В. А. Первый закон топонимии // I Międzynarodowa slawistyczna Konferencja onomastyczna. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1961. С. 103—107. [Nikonov V. A. The first law of toponymics. *I Międzynarodowa slawistyczna Konferencja onomastyczna*. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1961. Pp. 103—107.]

¹ Книги Т. В. Хвесько (Страноведение: История топонимии Великобритании. Учеб. пособие. Тюмень: Академия, 2006. 104 с. и Страноведение: этимология топонимов Великобритании. Учеб. пособие. Тюмень: Сити-пресс, 2007. 96 с.) недоступны автору настоящей рецензии и, вероятно, большинству заинтересованных читателей. Примечательно, что они не упоминаются и в недавнем обзоре проблематики [Алпатов 2013].

² Ср.: «В начале XI в. до н. э. началось вторжение в Британию и ее дальнейшее заселение кельтскими племенами, которое продолжалось до I в. до н. э. Кельты смешались с проживавшими на этой территории племенами скоттов и пиктов, и смешанное население, в основном кельтского происхождения, традиционно называют бриттами. Тесные контакты между представителями разных культур сказались на взаимных проникновениях одного языка в другой» (Давлеткулова Л. Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014. С. 82). Комментарии к этому пассажи излишни. Текст диссертации доступен в Интернете.

- Павленко 2003 — Павленко А. Е. Региональный язык и его статус: на материале языковой ситуации в равнинной Шотландии. СПб.: Наука, 2003. [Pavlenko A. E. *Regional'nyi yazyk i ego status: na materiale yazykovoi situatsii v ravninnoi Shotlandii* [Regional language and its status: based on linguistic situation in Scottish Lowlands]. St. Petersburg: Nauka, 2003.]
- Серебренников 1959 — Серебренников Б. А. О методах изучения топонимических названий // Вопросы языкознания. 1959. № 6. С. 36—50. [Serebrennikov B. A. On the methods of toponymic studies. *Voprosy jazykoznanija*. 1959. No. 6. Pp. 36—50.]
- Топорова 1996 — Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Языки славянской культуры, 1996. [Toporova T. V. *Kul'tura v zerkale yazyka: drevnegermanskie dvuchlennnye imena sobstvennyye* [Culture in the mirror of language: Germanic binominal proper nouns]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 1996.]
- Briggs 2009 — Briggs K. Clare, Clere, and Clères. *Journal of the English Place-name society*. 2009. Vol. 41. Pp. 7—25.
- Coates 2000 — Coates R. A surviving Latin place-name in Sussex: Firle. *Journal of the English Place-name society*. 2000. Vol. 30. Pp. 5—15.
- Coates 2011 — Coates R. Some consequences and critiques of the pragmatic theory of properhood. *Onoma*. 2001. Vol. 41. Pp. 27—44.
- Gelling 1977 — Gelling M. Latin loan-words in Old English place-names. *Anglo-Saxon England*. 1977. Vol. 6. Pp. 1—13.
- Gelling, Cole 2000 — Gelling M., Cole A. *The landscape of place-names*. Donington: Shaun Tyas, 2000.
- Krahe 1954 — Krahe H. *Sprache und Vorzeit*. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1954.
- Toner 1998 — Toner G. Settlement and Settlement-terms in Medieval Ireland: ráth and lios. *Ainm*. 1998. Vol. 8. Pp. 1—40.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

XIV Международная конференция «Ономастика Поволжья»

Василий Иванович Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, 400066, Россия
suprun@vspu.ru

9—12 сентября 2014 г. на базе Тверского государственного университета прошла XIV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья», посвященная 110-летию основателя поволжских ономастических форумов В. А. Никонова (1904—1988). В конференции участвовало около 100 ученых из 33 городов России и девять зарубежных коллег из Азербайджана, Белоруссии, Польши, Украины, Финляндии¹.

На двух пленарных заседаниях прочитано девять докладов, освещающих основные направления современных исследований ономастики. Н. В. Васильева (Москва) сообщила о персонажах-двойниках, рассмотренных в свете ономастической проблематики. И. М. Ганжина (Тверь) доложила о проекте научно-популярного исторического словаря тверских фамилий. Г. Ф. Ковалёв (Воронеж) сделал доклад «О чем говорят имена у А. С. Пушкина». М. В. Горбаневский (Москва) рассмотрел отношения между ономастикой и лингвокриминалистикой с точки зрения составления судебных экспертиз. И. В. Крюкова (Волгоград) остановилась на соотношении понятий «коннотоним» и «прецедентный оним». И. И. Муллонен (Петрозаводск) рассказала об одной субстратной финно-угорской топонимии в Верхневолжье. И. А. Королёва (Смоленск) в докладе выявляла ономастический фон лирики А. Т. Твардовского. А. А. Бурькин (Санкт-Петербург) познакомил собравшихся со своим проектом электронного

XIV International conference «Onomastics of Volga region»

Vasily I. Suprun

Volgograd State Social-Pedagogical University, Volgograd, 400066, Russia
suprun@vspu.ru

ономастического тезауруса «Библиотека лексикографа» в его приложении к ономастике.

Состоялось восемь заседаний секций. На объединенной секции «Теория и методология ономастических исследований» и «Проблемы топонимики» (председатели — Х. Л. Ханмагомедов, И. И. Муллонен) было обсуждено 13 докладов, в которых рассматривались проблемы топонимической этимологии, отношений между классами (разрядами) топонимов, а также взаимодействия разноязычных топонимических систем: русских, финно-угорских, тюркских. В. И. Супрун (Волгоград) выделил лингвокультурологическую и лингвокраеведческую составляющие современного ойконимического словаря. Н. В. Бубнова (Смоленск) представила подготовленное ею ономастическое пособие словарного типа на основе регионального материала. В докладе Х. Л. Ханмагомедова и А. Н. Гебековой (Махачкала) была рассмотрена тюркская топонимия северо-западной части Северо-Восточного Кавказа Волго-Каспийского макрорегиона. П. Я. Мульдьяров (Москва) проанализировал этнонимы в субстратной топонимии Чувашии. Д. В. Кузьмин (Петрозаводск) рассмотрел карельско-русское контактирование в Тверской области в свете данных географической терминологии. Т. В. Горлова (Кострома) на примере гидронима *Нерехта* и названия лесного массива *Келюхта* остановилась на субстратных топонимах с географическим детерминантом *-хта*. А. Л. Пустяков (Финляндия) рассказал о топонимах с компонентом *shVr* в Ветлужско-Вятском междуречье. Во втором коллективном докладе Х. Л. Ханмагомедова, С. Х. Гасановой и К. С. Джалиловой (Махачкала) анализировался фитонимикон и флоросфера Юго-Восточного Дагестана — южной территории Волго-Каспийского макрорегиона России. А. А. Макарова (Екатеринбург) подробно остановилась

¹ Статьи опубликованы в сборнике: Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции / Под ред. И. М. Ганжиной, В. И. Супруна. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. 358 с.

на терминологию землевладения в топонимии Белозерья. В. Л. Васильев (Великий Новгород) осуществил анализ гидронимов, мотивированных названиями прибрежных селений. М. В. Боброва (Пермь) определила темпоральный аспект лексики, реконструируемой на основе ойконимии. Нь. М. Иванов (Якутск) рассказал о связи языка и культуры в топонимии северо-запада Республики Саха. Т. В. Шангараев (Пенза) провел количественный анализ цитирований трудов В. Д. Бондалетова по ономастике.

На секции «Вопросы микротопонимики и урбанонимики» (председатели — А. А. Бурыкин, Р. В. Разумов) было заслушано 11 докладов. Т. П. Соколова (Москва) проанализировала наименования новых городских объектов. Р. В. Разумов (Ярославль) в своем докладе привел типологию систем урбанонимов русских провинциальных городов, выявил сходства и различия в системах *малый город / большой город*. Л. Ю. Кодынева (Великий Новгород) провела анализ религиозных названий улиц Великого Новгорода. М. И. Дорофеев (Белоруссия) рассмотрела пути репрезентации топонимического кода культуры в виконимии Белоруссии. Л. А. Климова (Арзамас) остановилась на функционировании нижегородской микротопонимии в условиях двуязычия. В. А. Сёмущкин (Воронеж) привел примеры микротопонимов с. Кучугуры Нижнедевицкого района Воронежской области. Э. О. Пархоц (Воронеж) рассмотрела микротопонимию с. Верхняя Плавница Верхнехавского района Воронежской области. Е. В. Цветкова (Кострома) определила отражение параметра времени в костромской микротопонимии. Ю. Ю. Гомырова (Ярославль) рассмотрела женские имена в составе комонимов Ярославской области. Ю. В. Зверева (Пермь) проанализировала микротопонимию Чердынского района Пермского края в лексическом аспекте. Н. А. Максимчук (Смоленск) говорила о проблеме вариативности при описании микротопонимов в лингвокраеведческом словаре.

На секции «Литературная и фольклорная ономастика» (председатели — Г. Ф. Ковалёв, И. А. Королёва) было заслушано пять докладов, вызвавших оживленную дискуссию. И. Н. Исакова (Москва) проанализировала антропонимы в пьесе А. Н. Островского «На бойком месте». Н. В. Волкова (Тверь) рассмотрела топоним *Россия* как маркер главной темы В. С. Высоцкого. Ю. Л. Василевская (Тверь) определила семантику имени в романе Л. М. Леонова «Вор». Н. В. Комлева (Вологда) выявила роль топонимов в лирике Б. А. Ахмадулиной. К. Ю. Курс (Смоленск) на материале анализа поэтических произведений М. В. Исаковского рассмотрела функции заглавий в художественном тексте.

На секции «Современные проблемы антропонимики» (председатели — А. М. Григораш, И. М. Ганжина) было прочитано семь докладов как по современной, так и по исторической антропонимии. А. М. Григораш (Украина) проанализировала личные перифразы в современной русскоязычной прессе Украины в аспекте глобальной политики и индивидуальной судьбы. Ю. А. Гурская (Белоруссия) выявила отражение динамики аксиологической картины мира языковой личности через призму ключевых антропонимов культуры. В. О. Максимов (Москва) рассмотрел особенности трансонимизации в русских оттопонимических фамилиях. Э. О. Пархоц в своем втором докладе проанализировала антропонимию с. Кучугуры Нижнедевицкого района Воронежской области. В докладе О. А. Образцовой (Кострома) на материале рукописных книг Е. В. Честнякова выявлялись личные имена крестьян поунженских деревень начала XX в. Т. А. Бойкова (Волгоград) остановилась на номинативных интенциях родителей. П. А. Ватолина (Пенза) привела опыт использования энциклопедических словарей универсального типа для изучения антропонимии полиэтнических социумов.

На секции «Изучение зоонимики, теонимики, мифонимики, ономастической периферии и педагогические аспекты ономастики» (председатели — Н. В. Васильева, И. В. Крюкова) было заслушано шесть докладов. Т. П. Романова (Самара) рассмотрела знаки адресата в прагматонимии рубежа XIX—XX вв. О. В. Врублевская (Волгоград) провела анализ языковой моды в гемеронимии. М. В. Ахметова (Москва) привела примеры названий детей по месту жительства в современном русском языке. А. И. Грищенко (Москва) изучил современное употребление и проблему этимологии русского экспрессивного этнонима *аллаеры*. Е. Н. Варникова (Вологда) исследовала клички легавых в «Родословной книге охотничьих собак Московского общества охоты им. императора Александра II». В докладе Н. С. Ганцовской и Г. Д. Негановой (Кострома) были рассмотрены мифологические персонажи в пространстве культурного ландшафта Костромского Заволжья.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны отчеты председателей секций. С приглашением на следующую встречу поволжских ономастов в 2016 г. выступила председатель оргкомитета XV Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» на базе Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского Л. А. Климова.

**XVI Международная конференция
SPECOM'2014****«Speech and computer»
(«Речь и компьютер»)****Родмонга Кондратьевна Потапова^{a, @},
Всеволод Викторович Потапов^b**

^a Московский государственный лингвистический университет, Москва, 119034, Россия; ^b МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия; [@]rkpotapova@yandex.ru

5—9 октября 2014 г. в г. Нови-Сад (Сербия) на базе факультета технических наук (FTN) Университета г. Нови-Сад состоялась XVI Международная конференция SPECOM'2014 «Speech and computer» («Речь и компьютер»).

Конференция «Речь и компьютер» является мероприятием, регулярно проводимым с момента первой конференции SPECOM в 1996 г., которая проходила в Санкт-Петербурге. Это конференция с уже сложившимися традициями, которая привлекает исследователей прежде всего в области компьютерной обработки речи: автоматизированного распознавания и понимания речи, обработки речевых сигналов, мультимодальной обработки речи, анализа—синтеза речи и др. По мнению специалистов, международная конференция SPECOM является идеальной платформой для обмена современными ноу-хау, особенно для лингвистов-прикладников, работающих со славянскими и другими высокофлективными языками, а также с более или менее ресурсно обеспеченными языками.

Конференции SPECOM организовывались попеременно в Санкт-Петербурге и Москве: Санкт-Петербургским институтом информатики и автоматизации Российской академии наук (СПИИРАН) и Московским государственным лингвистическим университетом (МГЛУ). Кроме того, она проводилась в 1997 г. Научно-исследовательским институтом вычислительной техники (г. Клуж-Напока, Румыния), в 2005 г. — Университетом г. Патры (Греция), в 2011 г. — Казанским (Приволжским) федеральным университетом (Российская Федерация, Республика Татарстан), в 2013 г. — Университетом Западной Богемии и факультетом прикладных наук и кибернетики (Пльзень, Чешская Республика). В 2014 г. было принято решение продолжить традицию. Место проведения конференции SPECOM в этом случае было выбрано с учетом интересов сообщества носителей славянских языков, кроме того, там,

**XVI International conference
SPECOM'2014****«Speech and computer»****Rodmonga K. Potapova^{a, @},
Vsevolod V. Potapov^b**

^a Moscow State Linguistic University, Moscow, 119034, Russia; ^b Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia; [@]rkpotapova@yandex.ru

где исследования по обработке речи имеют давнюю традицию.

Под руководством Московского государственного лингвистического университета и Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН конференция SPECOM 2014 г. (16-я по счету) проходила параллельно с 10-й конференцией DOGS 2014 г. («Обработка цифровой речи и изображений»), мероприятием, проводимым два раза в год и традиционно организованным на факультете технических наук Университета г. Нови-Сад. Параллельная работа двух конференций позволила обеспечить их участникам возможность присутствовать на заседаниях обеих конференций. Опытные и начинающие исследователи в области обработки речи и связанных с этим областях знаний имели возможность непосредственного общения и обмена опытом, с одной стороны, и обмена мнениями по поводу новых «прорывных» идей, с другой стороны. Было принято решение объединить работу обеих конференций для презентации и обсуждения пленарных докладов. На совместных пленарных заседаниях были заслушаны доклады А. Петровского (Белоруссия), Э. Брина (Великобритания), Г. Немета (Венгрия).

В работе конференции SPECOM'2014 принимали участие докладчики из Великобритании, Венгрии, Белоруссии, Сербии, Германии, Японии, Чехии, Словакии, Мексики, России, США, ЮАР. Было отобрано и представлено в общей сложности 58 докладов. Число авторов докладов — 142.

Наряду с пленарными заседаниями работа конференции проходила по следующим секциям: распознавание и понимание речи, системы речевой безопасности, речевого диалога (человек—машина), анализа—синтеза речи, аудиовизуальной коммуникации. В постер-презентации было представлено 23 доклада.

В заключительной части конференции был организован круглый стол, посвященный проблемам развития и применения речевых технологий в современном мире.

К началу работы конференции доклады были опубликованы, как и в случае с предыдущей конференцией, издательским домом Springer, публикации которого входят в систему Scopus и Web of Science. В полном объеме материалы представлены в трудах конференции [Proceedings 2014].

Доклад Э. Брина (Великобритания) «Формирование набора голосов с учетом их экспрессивности, предназначенных для использования в системах синтеза «текст—речь» посвящен проблеме преобразования текста в звучащую речь. Преобразование «текст—речь» (TTS — «text-to-speech») традиционно рассматривается в качестве компонента «черного ящика», где стандартные имеющиеся в наборе голоса соответствуют, как правило, профессионально подготовленному нейтрально-разговорному стилю речи. Для коммерчески наиболее престижных языков может быть предложено множество разнообразных голосов в похожем разговорном стиле. Заказчик, желающий использовать в коммерческих целях систему TTS, как правило, выбирает один из этих голосов. Единственной альтернативой является выбор в пользу решения «голос на заказ». В этом случае клиент платит за конечный продукт — создание, например, рекламы на базе преобразования «текст—речь» с использованием отобранного «голосового источника». Подобный подход позволяет реализовать некоторую предварительную «настройку» сценариев (скриптов) на используемый голос. В некоторых случаях могут быть добавлены определенные элементы сценариев, что необходимо для обеспечения большого охвата элементов сценария в области, указанной заказчиком. При подготовке конечного материала могут быть включены также специальные фразы, которые содержат примеры идеального произнесения конкретных фрагментов текста. При таком подходе процесс записи строго контролируется, а стандартные сценарии перерабатываются не с нуля, а расширяются. Подход «черный ящик» к TTS позволяет создать системы, которые удовлетворяют потребностям большого числа заказчиков.

Последние достижения в области применения систем «текст—речь» изменили мнение людей о том, как должен звучать и влиять на человека «компьютерный» голос. Оказалось, что для системы TTS (особенно в коммерческих сферах применения) гораздо важнее представить конкретное лицо, которое соответствует максимальному достижению цели коммуникации. Практика показала, что подобные системы требуют более яркого, оптимистичного и выразительного голоса. Подхода «черный ящик» уже недостаточно. Голоса для высокопроизводительных

«посредников» речевого общения в настоящее время явно «предназначены» для удовлетворения потребностей таких приложений. Эти голоса одновременно и выразительны, и легки, а также образуют контраст по сравнению с более «консервативными» голосами, используемыми традиционно на мировом рынке. Данный доклад в рамках проекта Nuance R&D посвящен описанию нового подхода к особому типу речевого синтеза TTS с использованием речевых образцов экспрессивного разговорного стиля.

Большой интерес вызвал пленарный доклад Г. Немета (Венгрия) «Нерешенные проблемы в области речевых технологий», в котором утверждается следующее: несмотря на то, что в последнее время наблюдается значительный прогресс в области использования и принятия в производство речевых технологий, в ряде развитых стран по-прежнему существуют серьезные пробелы, которые не позволяют большинству возможных пользователей найти конкретные решения, связанные с применением речевых технологий. В докладе перечислены некоторые из этих пробелов (нерешенных проблем) и предлагаются пути их ликвидации. Возможно, что наиболее значительным расхождением является мышление разработчиков программного обеспечения по типу «черный ящик», которые полагают, что ввод текста в систему преобразования текста в речь (TTS) приведет к голосовому продукту на выходе, который имеет отношение к данному контексту применения. Применительно к автоматическому распознаванию речи (ASR) разработчики ждут получения точной транскрипции текста на выходе, включая знаки препинания. При этом не принимается во внимание, что даже люди находятся под сильным влиянием априорного знания контекста, партнеров по коммуникации и т. д. По мнению докладчика, знания в области семантического моделирования все еще находятся в начальном состоянии. Для создания успешных приложений исследователи речевых технологий должны найти пути для создания «встроенного» априорного знания в среде приложений, адаптировать свои технологии и интерфейсы для данного сценария. Например, разборчивость и изменчивость скорости речи являются наиболее важными параметрами оценки TTS для слабовидящих пользователей. В то же время для информационных систем на железнодорожных станциях необходимы «человекоподобные» объявления с обычным темпом и в разговорном стиле. Увеличивающийся разрыв наблюдается между «большими» и «малыми» языками/рынками. Еще один пробел — между закрытыми и открытыми прикладными средами. Например, вряд ли существует мобильная операционная

система, которая обеспечивает переадресацию TTS при непосредственном телефонном разговоре, что является основной потребностью реабилитационных приложений для людей, испытывающих проблемы с речью. В этой ситуации может помочь создание открытой платформы, где «мелкие» и «крупные» игроки на поле могут одинаково внедрять свои средства/решения при надлежащем качестве продукта и больших доходах. В докладе приведены некоторые примеры попыток устранения указанных проблем.

В докладе П. Чистикова, Д. Захарова и А. Таланова (Санкт-Петербург) «Повышение качества синтеза речи с использованием базы данных аудиокниг» представлен подход к повышению качества синтезированной речи с использованием базы данных, полученных на материале аудиокниг. Данные включают речевой материал, прочитанный одним диктором. Звучащий материал сравнивался с соответствующими письменными текстами. Основные проблемы исследования связаны со следующими факторами: а) запись проведена в разное время в разных акустических условиях; б) диктор читает текст с разной интонационной и акцентно-ритмической вариативностью, что ведет к большей вариативности голосовых параметров. Кроме того, автоматические методы маркировки звукового файла приводят к большему числу ошибок из-за большой вариативности составляющих базы данных, особенно при наличии расхождений между текстом и соответствующими звуковыми файлами. Вышеуказанные проблемы существенно влияют на качество синтеза речи, поэтому надежный метод их решения так необходим для голосов, созданных с использованием аудиокниг. Подход, описанный в докладе, основан на статистических моделях голосовых параметров и специальных алгоритмах конкатенации и модификации речевых сегментов. Перцептивно-слуховое тестирование в значительной степени повышает качество синтезированной речи.

В выступлении М. Кото-Хименеса, Дж. Годдарда-Клоуза и Ф. М. Мартинез-Ликона (Мексика) «Оценка качества синтеза речи на основе НММ с использованием акустического анализа гласных» описана синтезированная речь, которая получена с использованием скрытых моделей Маркова (НММ). При сравнении с естественной речью данная синтезированная речь часто характеризуется наличием глухого тембра, чему есть несколько причин: некоторые тонкие характеристики естественной речи удаляются, минимизируются или существуют в скрытом виде; траектории изменения параметров получаемой на выходе речи становятся «сверхсглаженными» вариантами речевых

сигналов. Это означает, что каждый синтетический голос, созданный системой на основе НММ, должен быть проверен на качество речи. Как правило, требуется дорогостоящее субъективное исследование (эксперимент), поэтому было бы интересно разработать альтернативные подходы. В докладе рассматриваются девять акустических параметров, связанных с дрожанием (джиттер) и мерцанием (шиммер), а также их статистическая значимость как объективных измерений качества синтетической речи.

Доклад В. Делича, М. Сечуйски, Н. Вуйнович Седлар, Д. Мишковица, Р. Мака и М. Бояница (Сербия) «Как речевые технологии могут помочь людям с ограниченными возможностями» посвящен проблемам мультимодальной коммуникации «человек—машина». В речевой коммуникации «человек—машина», как правило, не используются невербальные средства коммуникации (например, ручная жестикуляция), а также паравербалика (например, окулесика). И человек, и машина используют вербалику, что может помочь людям с физиологическими или патологическими отклонениями. Помимо слабовидящих людей и людей с физическими недостатками, речевые технологии могут помочь людям с нарушениями речи и слуха, а также пожилым людям. Доклад представляет собой обзор речевых технологий, которые полезны для людей с различными ограничениями: физиолого-физическими отклонениями. Так, например, технологии преобразования письменного текста в звучащую речь TTS (текст—речь—технологии) применимы в случаях ослабленного зрения, то есть в ситуации замены зрительного канала слуховым. Автоматическое распознавание устной речи может применяться в ситуациях распознавания голосовых команд с малым по объему словарем в условиях смарт-жилища. Автоматизированное распознавание говорящего и его эмоционального состояния по голосу и речи может способствовать усовершенствованию диалога «человек—машина».

В совместном докладе Х. Эхизенья, К. Араки, Ю. Учида (Япония) и Э. Хови (США) «Метод автоматического постредактирования с использованием базы знаний по переводоведению, полученной путем статистического накопления общих интуитивно выделенных языковых фрагментов» предложен новый метод постредактирования для текстов — результатов машинного перевода. Метод предполагает использование при постредактировании базы знаний, полученной от перевода на основе параллельного рассмотрения лингвистических корпусов вне зависимости от лингвистического инструментария. Правила перевода, которые

приобретаются на основе интуитивного суммарного фрагментосодержащего континуума (Intuitive common parts continuum, ICPC), могут применяться при сопоставлении целостной структуры исходного и целевого высказываний без дополнительного лингвистического анализа. Более того, предлагаемый метод помогает получить более качественные переводы путем параллельного применения правил перевода и результатов перевода ICPC, полученного с использованием статистического накопления общих фрагментов машинного перевода. Полученные экспериментальным путем данные подтверждают эффективность применения предлагаемых правил перевода на базе статистического накопления общих интуитивно выделенных языковых фрагментов.

В докладе «Исследования региолектов на основе корпусов текстов: Казанский регион» К. Галиуллин, А. Гизатуллина, Е. Горобец, Г. Каримуллина, Р. Каримуллина и Д. Мартянов (Казань) рассмотрели специфику создания и использования электронных корпусов, созданных в Казани (Казанский (Приволжский) федеральный университет). Состав корпуса: словарь и текстовый корпус «Казанский край: язык русских документов (XVI—XVII вв.)», электронный корпус русских диалектов Казанского региона (XIX—XXI вв.), электронный корпус русских текстов, связанных с Казанским регионом / Республикой Татарстан (XX—XXI вв.). В докладе представлен информационный потенциал содержащихся в корпусах электронных ссылок с аннотационными данными и специфическими характеристиками Казанского региолекта (территориального варианта русского языка, используемого в Казанском регионе, который хорошо известен как регион межъязыковых контактов).

В докладе Б. Яковлевич, А. Ковачевича, М. Сечуйски и М. Маркович (Сербия) «Банк деревьев зависимостей для сербского языка: Начальные эксперименты» представлена разработка банка деревьев зависимостей для сербского языка, предназначенного для различных применений в области обработки естественного языка, прежде всего в области понимания естественного языка в рамках диалога «человек—машина». Банк данных создан с учетом добавления синтаксических аннотаций в Текстовый корпус сербского языка AlfaNum с метками частей речи (part-of-speech, POS). Аннотирование осуществляется в соответствии со стандартами, установленными Пражским банком дерева зависимостей, который был принят в качестве основы при разработке банков деревьев для некоторых родственных языков в данном регионе. Первые

эксперименты по парсингу (синтаксическому анализу) на основе грамматики зависимостей на материале уже аннотированной части корпуса, содержащей 1 148 предложений (7 117 слов), показали относительно низкую точность синтаксического анализа, как и ожидалось от банка деревьев такого размера в ходе проведения предварительных экспериментов.

В выступлении И. Йокича, С. Йокича, В. Делича и З. Перича (Сербия) «Влияние эмоциональной речи на автоматическое распознавание говорящих — эксперименты с использованием базы речевых данных GEES» описан эксперимент с использованием устройства автоматической идентификации говорящих по базе данных эмоциональной речи. Устройство автоматической идентификации говорящих основано на применении кепстральных коэффициентов значений частоты основного тона (в мелах) как признаков речи говорящего и ковариационных матриц модели говорящего. Модели формируются с использованием одного предложения эмоционально нейтральной речи для каждого говорящего. Другие предложения из той же базы речевых данных, в том числе нейтральные, а также характеризующие четыре эмоциональных состояния: счастье, страх, печаль и гнев, — используются для дальнейшего тестирования. Целью исследования является изучение влияния эмоциональной речи на точность автоматической идентификации говорящих.

А. Карпов, И. Кипяткова (Санкт-Петербург) и М. Железны (Чехия) («Условия записи аудиовизуальных речевых корпусов с микрофоном и высокоскоростной камерой») представили новое программное обеспечение для записи аудиовизуальных речевых корпусов с высокоскоростной видеокамерой (JAI Pulnix RMC-6740) и динамическим микрофоном (Октава МК-012), рассмотрев архитектуру программного обеспечения, разработанного для записи аудиовизуального корпуса русской речи, что помогает синхронизировать и объединять слияние аудио- и видеоданных, записанных с помощью отдельных датчиков. Программное обеспечение обнаруживает речь в аудиосигнале и сохраняет только информативные речевые фрагменты, отбрасывая неинформативные сигналы. При этом также учитывается и обрабатывается естественная асинхронность аудиовизуальных речевых модальностей.

В докладе К. Килгура и А. Вайбеля (Германия) «Нейронно-сетевая система поиска по ключевым словам, предназначенная для телефонной речи» предложена система поиска по ключевым словам на основе «нейронной сети» (NN), разработанная по программе IARPA Babel для разговорной телефонной речи.

Использование общего показателя оценки поиска по ключевому слову, т. е. «*реально взвешенного значения*» (ATWV), позволяет утверждать, что NN-система поиска по ключевому слову может достичь показателей, схожих с более сложной и более медленно функционирующей системой распознавания речи на основе «*гибридной глубокой нейронной сети — скрытой модели Маркова*» (DNN-CMM Hybrid) без использования декодера НММ или языковой модели.

В сообщении Д. Кочарова, П. Скредина и Н. Вольской (Санкт-Петербург) «Модели нисходящей частоты основного тона F_0 в русской речи» описаны разновидности нисходящей конфигурации частоты основного тона (F_0) для русской речи. Перед исследователями стояла задача: определить на базе корпуса русской речи, сформированного с использованием чтения текстов дикторами-профессионалами, разновидности понижения значений частоты основного тона (F_0) и на этой основе выявить существующие в русской речи модели понижения F_0 , связанные с различными интонационными контурами, чтобы подтвердить или опровергнуть зависимость типа «понижение F_0 —длительность», обнаруженную в других языках. Полученные результаты подтверждают прямую связь между понижением F_0 и длительностью высказывания. В то же время обнаруживается сильная зависимость понижения F_0 от общего интонационного рисунка высказывания: так, модель заверщенного утвердительного повествования характеризуется более крутым «наклоном» по сравнению с незавершенным повествованием. Вопросительные предложения, характеризующиеся подъемом основного тона, не обнаружили понижения основного тона на участке предакта. Результаты, таким образом, позволяют предполагать наличие отдельных индивидуальных стратегий в процессе предварительного планирования вида падения основного тона в интонационной фразе.

В докладе И. Кралевски, М. П. Биссири, Г. Стречи и Р. Хоффмана (Германия) «Анализ и синтез глоттализации в английской речи с немецким акцентом» описан анализ и синтез глоттализации в английской речи носителей немецкого языка. Глоттализация в начале слога (слова) отмечалась вручную на материале фрагмента корпуса английской речи носителей немецкого языка. Для каждого глоттализованного сегмента синтезировались значения нормированной по времени F_0 и «низкоэнергетические» контуры. Кроме того, был проведен анализ на множествах контура F_0 . Центростремительные контуры кластеров использовались для реконструкции контуров в экспериментах по повторному синтезу. Прототипные контуры

интонации и интенсивности накладывались на неглоттализированные гласные в начале слов с целью синтеза «скрипучего» голоса. Эта процедура позволяла автоматически создавать речевые стимулы, которые могли бы быть использованы в перцептивных экспериментах для проведения фундаментальных исследований в области глоттализации. Глоттализация рассматривалась в двух разновидностях: твердый приступ и «скрипучий голос» — твердый приступ как результат резкого смыкания и размыкания голосовых связок и «скрипучий голос» как своеобразный перцептивно-слуховой феномен, являющийся результатом нерегулярных, низкочастотных вибраций голосовых связок.

В выступлении Е. Красновой и Е. Булгаковой (Санкт-Петербург) «Использование речевых технологий в системах компьютерного обучения языку» рассмотрены способы применения автоматического распознавания речи (ASR) и технологии преобразования текста в речь (TTS) для систем обучения языку при помощи компьютера (CALL). Речевые технологии могут эффективно использоваться для таких методических целей, как отработка произношения, овладение навыками коммуникации, проверка словарного запаса студентов и навыки аудирования (понимания речи на слух). Несмотря на некоторые ограничения, в настоящее время в обучении можно применять различные типы речевых технологий, что является эффективным средством упрощения реализации процесса обучения. В докладе представлена интеграция ASR в систему CALL, разработанная Центром речевых технологий (Санкт-Петербург).

В докладе Е. Ляксо, А. Григорьева, А. Куразовой и Е. Огородниковой (Санкт-Петербург) «“INFANT.MAVS” — мультимедийная модель для изучения когнитивного и эмоционального развития детей» описана модель мультимодальной сенсорной среды «INFANT.MAVS», которая включает две базы стимулов с различной сложностью восприятия: а) простые стимулы (зрительные, звуковые, тактильные и графические) и б) набор сложных стимулов, синтезированных как комбинации простых. Программное обеспечение включает компонент управления базами данных и саму базу данных. Компонент управления создается с помощью Microsoft Visual Basic v.6.0 и предназначен для работы на операционных системах Windows. Результаты испытаний модели показали, что стимулы вызывали реакцию у детей — сосредоточенное внимание, вокализацию, улыбки и попытки повторить звуки; у взрослых они вызывали положительные эмоции. Полученные данные позволили сделать вывод, что модель

«INFANT.MAVS» соответствует целям, которые были поставлены разработчиками.

В докладе Л. Мохаси (ЮАР), М. Сечуйски, Р. Мака (Чехия) и Т. Нислера (ЮАР) «Сравнение двух подходов к моделированию просодии в языке сесото и сербском языке» речь шла о том, что точное прогнозирование просодических особенностей является одной из важнейших задач в рамках разработки системы преобразования «текст—речь», что особенно значимо для языков с ограниченными ресурсами и сложной лексической просодией. Авторы считают, что для того, чтобы синтезированная речь имела естественно звучащий интонационный контур, следует использовать адекватную просодическую модель. В данном исследовании сравнивается модель Фудзисаки и просодическое моделирование на основе НММ в контексте преобразования «текст—речь» для двух неродственных языков с богатыми просодическими системами: сесото, тонального языка семьи банту, и сербского, южнославянского языка с тоническим ударением. Результаты экспериментов показали, что для обоих языков использование модели Фудзисаки дает лучшие результаты, чем использование модели НММ при моделировании интонационных контуров высказываний. Модель Фудзисаки разработана специально для анализа значений частоты основного тона (F_0) естественного высказывания и ее сегментации на основные компоненты, которые совместно образуют контур F_0 , похожий на исходный оригинальный контур F_0 . К числу основных компонентов относятся: частота основного тона, часть фразы, которая включает как более замедленные изменения в контуре F_0 , так и более быстрые изменения в F_0 . Тоновые команды модели Фудзисаки являются индикатором тех или иных тонов в высказывании. Метод был впервые предложен Фудзисаки и его сотрудниками в 70—80-х гг. в качестве аналитической модели, описывающей изменения частоты основного тона.

В выступлении Э. Пакочи, Н. Яковлева, Б. Поповича, Д. Мишковица и Д. Пекара (Сербия) «Идентификация говорящего с использованием скрытых марковских моделей для конкретных звукотипов» представлено описание системы идентификации говорящего на основе использования скрытой марковской модели для конкретного звукотипа в сочетании с гауссовой моделью (моделью совокупности нормальных распределений). Использование данного подхода связано с тем, что система НММ на основе конкретного звукотипа может моделировать временные вариации, что обеспечивает возможность рассмотрения десятков конкретных звуков, а также ведет к эффективному

отбраковыванию значений. Эффективность системы была оценена на речевой базе данных, которая содержит речевые высказывания 250 говорящих — носителей сербского языка. Предлагаемая модель сравнивается с системой, основанной на гауссовой модели (модели совокупности нормальных распределений) и универсальной модели. Разработанная авторами модель продемонстрировала значительное повышение точности идентификации.

В. Потапов (Москва) («Речевые ритмические модели в славянских языках») представил описание сопоставительного экспериментального акустического исследования субъективных и объективных характеристик ритмической организации речи, проводимого на материале чешского, болгарского и русского языков. Настоящее исследование подтвердило справедливость гипотезы о существовании иерархии факторов, определяющих ритмический рисунок в рассмотренных славянских языках. Результаты акустического анализа выявили фонетическую специфику ритмических структур (РС) и ритмических схем синтагм (РСС), которая определяется фонетической структурой ударения в РС, реализуемого в исследуемых языках различными средствами: определенными комбинациями просодических характеристик гласных на границах РС в чешской речи, динамической составляющей в болгарской речи, а также спектральной и временной компонентами в русской речи.

Доклад Р. Потаповой, А. Собакина и А. Маслова (Москва) «О возможности идентификации говорящего с использованием Skype-канала (на основе акустических параметров)» посвящен описанию метода идентификации говорящего по речевому сигналу в системе Skype (в случае искусственной модификации внешности личности) на базе импульсного преобразования речи. В ходе эксперимента для сравнения исследовались речевые сигналы (гласные русского языка), записанные в безэховой камере, и те же речевые сигналы, прошедшие через канал передачи IP-телефонии Skype. И в том и в другом случае привлекались одни и те же дикторы. Цель исследования — определение индивидуальных особенностей функционирования голосового источника говорящего (фонации) в зависимости от канала передачи речевого сигнала для установления возможности идентификации говорящего по голосовым характеристикам в информационных системах. Результаты позволили установить ряд особенностей при порождении речи в условиях тракта IP-телефонии системы Skype, а также перспективность разрабатываемого метода.

В сообщении Р. Потаповой и Л. Комаловой (Москва) «Об основных подходах

к формированию аннотированных баз данных семантического поля «агрессия»» описаны основные критерии, использованные при разработке аннотированных баз данных семантического поля «агрессия», а также русских и английских цифровых полнотекстовых баз данных СМИ, содержащих вербальные составляющие семантического поля «агрессия». Каждая база данных включала 120 вручную аннотированных текстовых блоков, где представлены лексический, семантический и прагматический уровни языка. Каждый текст сопровождается специальными указателями и локальным словарем семантического поля «агрессия». Базы данных предназначены для научных исследований в области прикладного речеведения: для автоматизированных систем обучения по Интернету, дальнейшей разработки поисковых систем, включающих семантическое поле «агрессия» и др.

Доклад Р. Потаповой и В. Потапова (Москва) «Ассоциативный механизм восприятия иностранной разговорной речи (судебно-криминалистический аспект)» был посвящен проблеме восприятия на слух иностранной разговорной речи с целью формирования единиц интерферирования речи для сегментного состава. Эксперимент включал декодирование на слух ad-hoc материала иностранной разговорной речи, который был специально разработан и фонетически сбалансирован. В исследовании особое внимание уделяется слуховому восприятию, обусловленному межъязыковой интерференцией. В этой ситуации слушающий должен использовать различные наборы воспринимаемых образов фонетических единиц. Предполагается, что в случае декодирования на слух высказываний иностранной разговорной речи слушатели построят фонемную, слоговую, ритмическую и просодическую модели речевых высказываний на родном языке, а также модели звуковых и интонационных расхождений родного и воспринимаемого неродного языка, которые могут быть использованы в дальнейшем для построения системы line-up, включающей образцы интерферированной речи и их релевантных признаков. Проблема восприятия на слух разговорной речи связана с проблемами распознавания голоса и речи в области судебно-криминалистической фонетики и языковой компетенции экспертов-криминалистов. Предложена методика использования механизма ассоциативных связей на сегментном и супraseгментном уровнях.

В выступлении Д. Соутнера, Я. Зелинки и Л. Мюллера (Чехия) «О гибридной системе распознавания речи NN/HMM на базе RNN-ориентированной языковой модели» представлено описание новой системы распознавания

речи. Используемая акустическая модель на основе нейронной сети вычисляет апостериорные данные для состояний контекстно-зависимых акустических блоков. В качестве языковой модели использовалась нейронная сеть с максимальным расширением энтропии. Данная гибридная система сравнивалась с предыдущей гибридной системой, оснащенной стандартной грамматной языковой моделью. В экспериментах также сравнивались данные со стандартной системой GMM/HMM. Характеристики системы оценивались с использованием Речевого корпуса британского варианта английского языка некоторых предыдущих систем.

Я. Швец и Л. Шмидл (Чехия) («Обнаружение семантического объекта на материале переговоров при управлении воздушным транспортом») рассмотрели обнаружение необходимого семантического объекта в системах автоматического распознавания речи применительно к диалогам, относящимся к управлению воздушно-транспортным трафиком. Представленный метод предназначен для использования в автоматическом учебном пособии для авиадиспетчеров. Семантические объекты моделируются с помощью определенных экспертами контекстно-свободных грамматик. Использован новый подход, который позволяет обрабатывать неопределенные данные на входе в виде взвешенного преобразователя с конечным числом состояний. Этот метод был экспериментально оценен с привлечением реальных данных. Проведено также сравнение методов с использованием знаний в области условий ведения диалогов. Результаты показывают, что система со знаниями целевых семантических объектов снижает частоту ошибок с 24,7 % до 17,1 % по сравнению со стандартными системами обнаружения необходимого семантического объекта.

Доклад В. Верховдановой и В. Шапранова (Санкт-Петербург) «Обнаружение заполненных пауз и звуковых артикуляций, продолженных во времени, в зависимости от акустических особенностей спонтанной русской речи» посвящен акустическому анализу спонтанной речи. Акустический анализ спонтанной речи связан с рядом проблем, к числу которых относятся также так называемые «речевые паразиты». Хотя большинство из них легко обнаруживается самими говорящими и они, как правило, не вызывают каких-либо трудностей при понимании, для системы автоматического распознавания речи (ASR) их появление приводит к большому числу ошибок распознавания. В докладе рассматриваются наиболее частотные из них: заполненные паузы и артикуляционные «растяжки» на основе анализа их акустических параметров. Для выявления звонких хезитационных участков

применительно к звонким согласным и гласным использовался метод, основанный на функции автокорреляции, а для обнаружения хезитационных участков применительно к глухим согласным — метод полосовой фильтрации. Для экспериментов по обнаружению заполненных пауз и «растяжек» использовался специально собранный корпус спонтанных диалогов на русском языке (например, описание маршрута по карте и др.). Точность выявления озвонченных заполненных пауз и артикуляционных «растяжек» составила 80 %, оглушенных — 66 %.

Целью доклада З. Зайича, Я. Зелинки, Я. Ванека и Л. Мюллера (Чехия) «Сверточная нейронная сеть для уточнения диктор-адаптивной трансформации» является обсуждение метода уточнения акустической модели речи диктора с помощью сдвига линейной регрессии максимального правдоподобия (MLLR) в случае ограниченного количества данных по адаптации, что может привести к неполным матрицам преобразований. Предлагается метод подавления

влияния плохо оцененных параметров преобразования с использованием искусственной нейронной сети (ANN), в частности сверточной нейронной сети (CNN). Плохо оцениваемое преобразование сдвига MLLR распространяется через ANN (заранее прошедшую соответствующее обучение), а выходные данные сети используются в качестве новой уточненной трансформации. Для обучения ANN в качестве входных и выходных данных ANN используются полные и неполные преобразования сдвига MLLR соответственно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Proceedings 2014 — Proceedings of the 16th International Conference on Speech and Computer, SPECOM, 2014, ser. Lecture Notes in Artificial Intelligence (including subseries Lecture Notes in Computer Science), 8773 LNAI. Ronzhin A., Potapova R., Delic V. (eds). Cham: Springer International Publishing, 2014.

Конференция «Системные изменения в языках России»

Мария Юрьевна Пупынина^{a,®},
Аржаана Александровна Сярун^a

^aИнститут лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Россия; ®pupynina@gmail.com

16—18 октября 2014 г. в Санкт-Петербурге в Институте лингвистических исследований прошла конференция «Системные изменения в языках России», организованная отделом языков народов России ИЛИ РАН.

Общая тематика докладов естественным образом распределилась по двум направлениям. Первое направление касалось диахронического исследования изменений в системе одного языка. Как правило, в докладах такого плана обсуждались вопросы грамматикализации или изменений в синтаксисе рассматриваемых языков. Поскольку многие из языков, данные о которых были представлены на конференции, до XX в. были бесписьменными, диахронический анализ охватывал сравнительно небольшой период времени. В других докладах диахрония в расчет не принималась; основное внимание было уделено рассмотрению

International conference «System changes in the languages of Russia»

Maria Yu. Pupynina^{a,®},
Arzhaana A. Syuryun^a

^aInstitute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russia; ®pupynina@gmail.com

реализаций какого-то лингвистического факта по близкородственным идиомам и их сопоставлению. Очевидно, что языки, не имеющие «живых» и/или хорошо описанных родственников, могут быть проанализированы только первым способом, а второй вариант анализа является единственно возможным для изучения системных изменений в языках без письменной традиции.

Выступления были основаны на достаточно пестром языковом материале: привлекались данные нескольких языковых семей; были охвачены языки различного уровня сохранности — от алеутского и ительменского, насчитывающих менее десятка носителей, до тувинского и якутского, на которых говорят десятки тысяч человек.

Много докладов было представлено по языкам, относящимся к алтайской макросемье. Так, четыре выступления были посвящены тунгусо-маньчжурским языкам.

В докладе Е. В. Перехвальской и Н. Я. Булатовой (Санкт-Петербург) был представлен контрастивный анализ особенностей маркирования прямого объекта в двух тунгусо-маньчжурских языках: эвенкийском и удэгейском. К схожим чертам в маркировании основных актантов в этих языках относятся, в частности, наличие личного и неличного склонений и особых «возвратных форм» аккузатива. Основные различия авторы связали с неодинаковым количеством падежей в языках и распределением их функций. С. А. Оскольская (Санкт-Петербург) и Н. М. Стойнова (Москва) представили результаты изучения показателя рефактива в тунгусо-маньчжурских языках, который активно используется в южных тунгусо-маньчжурских и менее продуктивен в северных тунгусо-маньчжурских языках. По итогам исследования тунгусо-маньчжурские языки были разделены на три группы по продуктивности показателя и регулярности взаимодействия показателя с глагольными основами. А. М. Певнов (Санкт-Петербург) рассказал об особенностях проявления депалатализации в орокском языке. В орокском депалатализация является законом с некоторыми исключениями, а в остальных языках тунгусо-маньчжурской семьи она допустима лишь в редких случаях. Автор высказал некоторые предположения о причинах этого явления, а также о возможном контактном воздействии орокского на один из диалектов нивхского языка, в котором также засвидетельствована не свойственная нивхскому депалатализация. Доклад Б. Пакендорф (Франция) был посвящен системным изменениям в ламунхинском говоре эвенского языка, который значительно отличается от других диалектов эвенского. Сравнение ламунхинского говора с соседними диалектами и языками показало, что причинами изменений в говоре являются контактные влияния и независимые инновации. Примерами первых являются, в частности, полностью скопированные из якутского языка парадигмы должностного и ассертивного наклонений.

Ряд докладов освещал системные изменения, происходящие в тюркских и монгольских языках, распространенных на территории России.

А. Б. Шлуицкий (Москва) посвятил свое выступление изменениям, происходящим в области выражения собственно видовых значений в сибирских тюркских языках. Он рассказал, что в некоторых тюркских языках Сибири наблюдается аспектуальная нейтральность форм претерита и перфекта производных глаголов и, в зависимости от контекста, они могут выражать завершенную ситуацию. В аспектуальных

системах центрально-восточных и кыргызских групп тюркских языков автор наблюдает отклонение от тюркского стандарта и отмечает в них перестройку от словоизменительной системы к словоклассифицирующей. Доклад Д. Ф. Мищенко (Санкт-Петербург / Франция) был посвящен анализу процесса грамматикализации глаголов движения в башкирском языке. В тюркских языках источником развития грамматических значений у глаголов являются сложные глаголы. Автор отметила, что грамматикализации в аспектуальные показатели подвергаются глаголы движения с наиболее общей семантикой. На высокую степень грамматикализованности глагола указывает утрата собственной семантики, способность сочетаться с деепричастными формами от глаголов из широкого списка, способность сочетаться с собственной деепричастной формой и деепричастной формой от противоположного по смыслу глагола, а также неспособность вершинного глагола присоединять показатели актантной деривации или залога. Ф. Эбата (Япония) высказал предположение о том, что в якутском языке имеется не выделявшийся предыдущими исследователями показатель антикаузатива. Согласно традиции в якутской грамматике принято говорить о залоговых показателях рефлексива и пассива. В якутском языке показатель рефлексива *-(i)n* выражает рефлексивное и антикаузативное значение. Считается, что показатели пассива *-ilin* и *-n* являются алломорфами. Однако, проанализировав свой материал, автор предложил считать показатель пассива *-n* алломорфом рефлексива, выражающим антикаузативное значение. Из этого следует, что в якутском языке имеется три залоговых показателя: рефлексив *-(i)n*, антикаузатив *-(i)n*, пассив *-ilin*. А. А. Сюрюн (Санкт-Петербург) рассмотрела случаи удвоения показателей посессива и датива в речи носителей тувинского языка. Данное явление было зафиксировано не только в речи детей. Взрослые также допускают такую «оговорку», что может свидетельствовать о тенденции к изменениям в посессивной и падежной системах тувинского языка. Доклад В. В. Барановой (Санкт-Петербург) был посвящен одному из монгольских языков — калмыцкому. В данном языке имеются четыре неродственных (*uga*, *bišə*, *esə* и *biča*) и два дополнительных стяженных варианта (*-go*, *-šə*) показателей отрицания. Автор отметила, что носители калмыцкого языка осознают стяженные формы как синонимичные полным, в литературе же они упоминаются как взаимозаменяемые варианты. Однако, несмотря на это, существует тенденция к их распределению.

Часть докладов была представлена специалистами, занимающимися языками Центральной и Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, условно относимыми к палеоазиатским.

Несколько докладов было посвящено системным изменениям в структуре различных чукотско-камчатских языков — как правило, речь в них шла о грамматикализации. Доклад А. А. Мальцевой (Новосибирск) был посвящен грамматикализации морфем с семантикой начала действия в чукотско-камчатских языках, а М. Ю. Пупыниной (Санкт-Петербург) — грамматикализации связочного глагола *wa(-twa-)* ‘быть, находиться’ в чукотском языке. Юкари Нагаяма (Япония) в своем выступлении рассказала о грамматикализации некоторых легко инкорпорируемых корневых морфем в алюторском языке — например, таких как *ɲav-* ‘женщина’, *k-* ‘ребенок’. А. П. Володин (Санкт-Петербург) рассмотрел различные варианты показателя конъюнктива в чукотско-камчатских языках. Представленные данные свидетельствуют в поддержку гипотезы о том, что ительменский язык не является родственным чукотско-корякским языкам (чукотскому, корякскому, алюторскому, керекскому), а сходство между ними — результат контактных влияний. А. П. Володин полагает, что в форму конъюнктива из чукотско-корякских языков были заимствованы только показатели лица, а видо-временные противопоставления, свойственные именно ительменской системе, контактными процессами затронуты не были. В докладе Е. В. Головки (Санкт-Петербург) было проанализировано несколько морфем, недавно возникших в ряде диалектов алеутского языка. Приведенными примерами автор доказывает, что именно сопоставление данных различных параллельных диалектных форм вкупе с анализом вариативных форм внутри одного диалекта может помочь «поймать» промежуточные между синхронией и диахронией случаи, т. е. более четко прочертить границу между синхронным и диахроническим анализом. Ику Нагасаки (Япония) предложила гипотезу развития юкагирского релятивизирующего показателя *-je*. Вероятно, этот показатель ранее оформлял номинализации, что засвидетельствовано в текстах, записанных на рубеже XIX и XX вв. Докладчик указывает также, что развитие показателя от номинализации в сторону релятивизации — нередкий кросслингвистический паттерн. В докладе Ю. Галяминой и В. Андриянец (Москва) был поднят вопрос о том, как диахроническая фиксация фактов языка может помочь в разрешении споров о наличии/отсутствии падежной

системы в кетском языке. Многие аргументы, приведенные в пользу гипотезы об отсутствии такой системы, чаще иллюстрируются текстами 50—60-х гг., чем современными материалами, т. е. можно говорить о медленном формировании системы падежей, начавшемся около полувека назад.

Следующая обширная группа докладов была подготовлена исследователями-уралистами.

Несколько выступлений было посвящено селькупскому языку. В докладе А. Ю. Урманчиевой (Москва / Санкт-Петербург) была рассмотрена глагольная система плохо описанного южноселькупского диалекта в сопоставлении с более архаичной системой северноселькупского (тазовского) диалекта. Автор представила результаты анализа обширного южноселькупского текста, продемонстрировав на большом количестве примеров изменения, произошедшие с рядом южноселькупских глагольных форм. В частности, в южноселькупской системе инферентивный показатель получил перфектно-результативное значение и в ряде случаев используется как основная нарративная форма, вытеснив из этой функции аорист. Северноселькупская форма будущего времени употребляется только в значении дезидератива, а оптатив, наоборот, расширен до будущего времени. Лексическим заимствованиям из русского языка в южные диалекты селькупского языка было посвящено исследование С. В. Ковылина (Томск). О. А. Казакевич (Москва) рассмотрела распределение стандартных и нестандартных форм глагольной отрицания по северным селькупским говорам. Самодийская тематика была продолжена в докладе Л. Лейсиё и Т. Салминен (Финляндия) «Системные изменения в ненецком и нганасанском языках», в котором были рассмотрены изменения значений некоторых падежных показателей по различным диалектам этих языков. И. П. Сорокина (Санкт-Петербург) рассказала о самодийских послелогах, которые возникли в результате грамматикализации существительных. В докладе были также представлены дальнейшие этапы перехода послелогов в разряд словоизменительных и словообразовательных показателей. Системные изменения в синтаксисе придаточного предложения в восточнохантыйских диалектах были продемонстрированы в докладе О. С. Потаниной и А. Ю. Фильченко (Томск). Например, в записях васюганского диалекта, сделанных в начале текущего века, фиксируется указательное местоимение, вводящее относительные придаточные предложения, в то время как ранее при вводе таких придаточных использовалась

лакунарная стратегия. Г. А. Некрасова (Сыктывкар) рассказала о процессе грамматикализации пространственных послелогов в языке коми. Выяснилось, что в ряде случаев послелог изначально возникали в результате калькирования моделей русских послелогов. Н. В. Кузнецова и Д. В. Сидоркевич (Санкт-Петербург) исследовали феномен глухих гласных в двух прибалтийско-финских идиомах: нижнелужском диалекте ижорского языка и контактном финско-ижорском говоре Омской области. Противопоставление модальных и глухих гласных — типологически редкое явление, которое, тем не менее, с уверенностью фиксируется в указанных идиомах, несмотря на то, что глухие гласные редуцированы и часто выпадают в спонтанной речи (в соответствии с типологической тенденцией). Материал прочих прибалтийско-финских языковых вариантов позволяет проследить исходную точку развития и конечную точку утраты глухих гласных и дает возможность создать структурную модель развития прибалтийско-финских глухих гласных, которая и была представлена в докладе. Ф. И. Рожанский и Е. Б. Маркус (Москва/Эстония) рассказали о том, как системные изменения в фонетике могут привести к изменениям на других уровнях языка (фонологическом, морфонологическом, морфологическом). В качестве иллюстрации было представлено несколько примеров из водского языка — в частности, было показано, как под влиянием перехода количественного противопоставления конечных гласных в качественное произошли значительные изменения в падежной системе некоторых водских говоров. В докладе М. З. Муслимова (Санкт-Петербург) были подробно представлены фонологические и морфонологические изменения в войлахтском говоре вепсского языка, длительное время находящемся в тесном контакте с русским языком.

В двух выступлениях были представлены материалы по языкам индоиранской ветви индоевропейских языков.

Доклад А. П. Выдрина (Санкт-Петербург) был посвящен косвенной речи в осетинском языке, в т. ч. описанию функций грамматикализованного показателя *зæгъгæ*, который вместе с частицей *дæм* является основным маркером осетинской косвенной речи. Он отметил, что косвенная речь в осетинском только начинает формироваться. Ее характерные особенности заключаются, например, в необязательности парафразов и в отсутствии сдвига местоименного дейксиса. Интересное объяснение возникновения конструкций будущего времени предложено в выступлении К. А. Кожанова

(Москва), посвященном развитию сложного будущего времени в языке русских цыган. В частности, большое внимание в докладе было уделено типологически необычному случаю грамматикализации глагола *лæлæ* 'брать, взять' в качестве вспомогательного в конструкциях будущего времени. Кожанов предлагает аргументированную гипотезу, согласно которой такое сложное будущее развилось, копируя конструкцию с глаголом 'возьму', широко распространенную в языках восточных славян на момент первого контакта с цыганами (XV в.).

Один доклад включал данные по системным изменениям в одном из представителей нахско-дагестанской семьи: Т. А. Майсак (Москва) рассказал о результатах контактного влияния азербайджанского языка на удинский язык. Примером такого влияния может служить заимствование полифункционального показателя условного наклонения *=sa*. Глубина контактного воздействия азербайджанского на удинский проявляется в том, что была заимствована не деривационная, а словоизменительная морфема. В результате произошли изменения в структуре удинского языка: с заимствованием азербайджанского *=sa* не только расширились функции показателя условного наклонения, но и появились отсутствовавшие в удинском грамматические модели, которые, однако, свойственны другим лезгинским языкам.

Большой массив данных, представленных на конференции, позволяет предполагать, что даже в языках, имеющих не более чем вековой период фиксации, при наличии достаточного большого количества текстов можно обнаружить некоторые весьма существенные структурные изменения.

Также по итогам конференции можно сделать вывод о том, что, возможно, для языков с хотя бы небольшой письменной традицией, с одной стороны, и наличием нескольких родственных идиомов, с другой стороны, изучение системных изменений было бы более продуктивным при совмещении двух стратегий анализа материала. Сопоставление записанных ранее материалов с современными (вкупе с наблюдением вариативности в рамках одного идиома в синхронном срезе), совмещенное с рассмотрением диалектного варьирования, может помочь сделать и более широкие заключения — например, вынести окончательный вердикт по поводу наличия/отсутствия в языке определенной грамматической категории, или же выявить некоторые промежуточные (между синхронией и диахронией) состояния языковой системы, происходящие у нас на глазах.

Польский вклад в развитие кельтологии: хроника конференции в Познани

Марина Юрьевна Снесарева

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991,
Россия; msnesareva@gmail.com

Традиционно считается, что регулярное и систематическое изучение языков, истории и культуры кельтов в первую очередь связано с теми районами, где они когда-то жили, а особенно со странами, где и сейчас живут их потомки (Ирландия, Шотландия, Уэльс). На этом фоне особого внимания заслуживает Польша, так как, даже несмотря на отсутствие прямой связи с наследием кельтов, кельтология в этой стране развивается весьма широко. К настоящему времени в Польше сложился целый ряд центров, которые регулярно принимают участие в научных мероприятиях и публикуют результаты своих исследований в данной области.

Так, одним из ведущих центров является Католический университет Люблина имени Иоанна Павла II (Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II), где открыто единственное в стране самостоятельное отделение кельтологии, на котором предлагаются курсы современного ирландского и валлийского языка, а также ряд других предметов. Кроме того, уже на протяжении нескольких лет университет выпускает серийное издание «Lublin studies in Celtic languages» («Люблинские штудии в области кельтских языков») (в прошлом году вышел восьмой том). Данное издание включает в себя как сборники статей (например, опубликованный в 2011 г. сборник «Formal and historical approaches to Celtic languages» («Формальный и исторический подходы к кельтским языкам»), так и индивидуальные монографии, среди которых можно отметить «Ancient sound changes and Old Irish phonology» («Древние звуковые изменения и древнеирландская фонология») (Krzysztof Jaskuła, 2006 г.) и «Translating in times of turmoil: Liam Ó Rinn's Irish language translations of Adam Mickiewicz» («Перевод в смутное время: переводы Адама Мицкевича на ирландский язык, выполненные Лиамом О'Ринном») (Mark Ó Fionnain, 2014 г.).

Кельтология занимает важное место и в программе Лодзинского университета (Uniwersytet Łódzki), на базе которого в 2009 г. прошел Четвертый международный colloquium общества «Кельто-Славика». Наконец, в последнее время исследования в области кельтских языков уделяется все больше внимания и в Университете им. Адама Мицкевича (Uniwersytet im. Adama

Celtic studies in Poland: Poznań conference chronicle

Marina Yu. Snesareva

Lomonosov Moscow State University, Moscow,
119991, Russia; msnesareva@gmail.com

Mickiewicza w Poznaniu, Познань), где 18–19 октября 2014 г. состоялась I Познаньская кельтологическая конференция. Мероприятие было организовано сотрудниками факультета английского языка с целью познакомить зарубежных кельтологов с научной деятельностью их польских коллег, а также узнать о новейших исследованиях в данной области. В конференции приняли участие около 30 докладчиков из университетов Польши, Ирландии, Великобритании и ряда других стран. Также были представлены доклады российских лингвистов Московского университета и Института языкознания РАН, где исследования в области кельтологии ведутся уже одно десятилетие.

Как следует из названия конференции, подобное мероприятие в Познани проходило впервые, однако ему предшествовал ряд секций по кельтологии, проводившихся в рамках Познаньских лингвистических встреч в 2007–2013 гг. К началу конференции был приурочен и выпуск первого номера журнала «Res Celticae», издаваемого кафедрой кельтских языков и литературы. Ответственными за выпуск журнала и организацию мероприятия стали сотрудники кафедры, в частности проф. Майкл Хорнсби (Michael Hornsby, Польша), докт. Каролина Росиак (Karolina Rosiak, Польша) и Марта Клоновска (Marta Klonowska, Польша). Так как в конференции участвовали исследователи из разных стран, английский был выбран в качестве основного рабочего языка. Здесь необходимо отметить, что, несмотря на сравнительно большое число участников конференции, Люблинский университет на мероприятии не был представлен. Сам по себе данный факт не показателен, однако не исключено, что это может быть связано с неясным противостоянием научных центров. Как бы то ни было, результатом возникшего соперничества должно стать еще большее развитие кельтологии в Польше.

Открытие конференции началось с обращения заместителя декана факультета английского языка Университета им. Адама Мицкевича, проф. Петра Гашиоровски (Piotr Gašiorowski, Польша), который отметил необычайно быстрый рост интереса к кельтологии на факультете. Так, изучение кельтских языков и литературы

в университете началось в 2004 г. в рамках факультета английского языка (Faculty of English), однако уже в 2007 г. была разработана программа бакалавриата по английскому языку и кельтологии (English and Celtic studies), а еще через три года у студентов появилась и возможность обучения в магистратуре по данной программе.

За выступлением заместителя декана последовала первая пленарная лекция, посвященная проблеме мэнского языка, возрожденного после смерти последнего говорящего на традиционном диалекте в 1974 г., и языковой идентичности его современных носителей в их собственном восприятии. В ходе выступления докладчик Тайг О'Х и фьярнань (Tadhg Ó hÍfearnáin, Ирландия) опирался на полевые исследования и данные опросов 2003 и 2013 гг., которые отразили динамику числа носителей языка, их личное отношение к нему, а также роль родства мэнского и других языков гэльской группы (ирландский, шотландский) для его дальнейшего возрождения.

В рамках еще одного пленарного заседания обсуждалась проблема валлийских политических пророчеств, возникших до тюдоровского периода. Выступающий Брент Майлз (Brent Miles, Канада) отметил, что, несмотря на анонимность пророчеств и невозможность их датировки, они всегда рассматривались в контексте восстания Оуайна Глиндур и валлийской борьбы за освобождение от английского господства и являются отражением этого непростого периода в истории страны.

Помимо пленарных докладов, на конференции был представлен и ряд параллельных секций, тематика которых не ограничивалась исследованиями в области кельтских языков. Так, наряду с лингвистическими секциями («Кельтская лингвистика», «Древне- и среднеирландский язык», «Языковое планирование и контакты», «Валлийская социолингвистика» и др.) участники имели возможность посетить заседания, посвященные искусству и литературе («Кельтская литература», «Кельтское искусство»). Осветить столь богатое и разнообразное содержание конференции в рамках одной хроники невозможно, поэтому представляется обоснованным остановиться подробнее лишь на докладах, связанных с языкознанием.

Как уже отмечалось выше, в симпозиуме приняли участие и российские лингвисты, интересующиеся вопросами кельтских языков. С докладом о «тяжелом» субъекте в современном ирландском выступила М. В. Шкапа (Москва), подробно остановившись на использовании подобных конструкций, их допустимости в языке, а также основных способах избежания громоздкого «тяжелого» субъекта в речи (левая дислокация, глагольная реприза и разрыв именной

группы). Палатализации в ирландском языке было посвящено выступление М. Ю. Снесаревой (Москва), в котором рассматривалась дистрибуция палатальных и непалатальных согласных в речи выросших в Дублине билингвов с английским в качестве основного языка общения. Большое внимание было уделено отклонениям в произношении и причинам возникновения тенденции к отсутствию палатализации у таких носителей. По мнению докладчика, несмотря на то, что одним из факторов бесспорно является ситуация языкового контакта и влияние первого языка говорящих, необходимо также учитывать тип согласного, его позицию в слове и фонетическое окружение.

Стремление организаторов продемонстрировать состояние кельтологии в современной Польше нашло отражение в составе участников конференции, треть из которых составили исследователи из польских университетов. Среди представленных ими докладов следует выделить выступление Майкла Хорнби (Michael Hornsby, Польша), где была затронута проблема транслингвизма в Уэльсе. По словам докладчика, отличие данного явления от более подробно изученного переключения кодов состоит в том, что оно используется говорящими для достижения понимания в разных языковых группах. Кроме того, был приведен ряд примеров обыгрывания данного феномена в рекламе и передачах для привлечения внимания зрителей или достижения комического эффекта. Валлийскому был посвящен доклад Марты Клоновска (Marta Klonowska, Польша), в котором рассматривалось использование фразовых глаголов в современном языке. Распространение данного типа глаголов нередко связывается с английским влиянием, однако в результате сравнения валлийского с другими кельтскими языками (особенно с бретонским) и анализа употребления фразовых глаголов в произведении литературы докладчику удалось продемонстрировать место явления в системе языка и постепенное изменение реакции на него говорящих.

Исследованию развития кельтских геминат с типологической точки зрения было посвящено выступление Кормака Андерсона (Cormac Anderson, Польша), рассказавшего о существующих теориях превращения бриттских геминат в спيرانты и их недостатках. Данное развитие объяснялось, как правило, через промежуточную стадию, на которой звук представлял собой аффрикату (*t > *tθ > *θ) или простой смычный (*t > *t > *θ). Докладчиком была предложена еще одна теория развития геминат, согласно которой на промежуточной стадии звук имел преаспирацию (*t > *ht > *θ). В свою очередь

Вит Питрзак (Wit Pietrzak, Польша) обратился к вопросам литературоведения и посвятил доклад критическим эссе Йейтса, в которых поэт отразил свои взгляды на творчество и роль поэзии в формировании ирландской культуры. Особое внимание в выступлении было уделено описанию идеала Йейтса — так называемого общества поэтической культуры с поэтическими символами и образами в качестве основных ценностей.

Что касается остальных участников конференции, также интересно отметить выступление Моны Якоб (Mona Jakob, Ирландия), в котором обсуждалась предсказуемость рифмы (наличие устойчивых пар слов, регулярно рифмующихся друг с другом) в древне- и среднеирландской поэзии на примере «Saltair na Rann». Также были рассмотрены несколько коротких стихотворений, в которых, во многом в силу их длины, повторяющихся пар рифмующихся слов не было обнаружено. Связь древности с современностью нашла отражение в докладе Киран МакДона (Ciaran McDonough, Ирландия), рассказавшей о переводе древнеирландских текстов на английский

язык в Ирландии XIX в. Необходимость в переводе, возникшая из-за незнания ирландского языка как простым населением, так и многими учеными того периода, способствовала усилению интереса к древним текстам — и в то же время свидетельствовала о языковой ситуации в стране, где уже тогда многие считали ирландский обреченным на вымирание. Наконец, из выступления Бернарда Бауэра (Bernhard Bauer, Австрия) можно было узнать об ирландских заимствованиях в других кельтских языках, при этом особое внимание было уделено словам, засвидетельствованным во всех трех бриттских языках — валлийском, бретонском и корнском.

Последний день конференции был отмечен собранием ее организаторов и подведением итогов мероприятия, которое, по мнению многих участников, оказалось весьма успешным и плодотворным. Основное содержание представленных докладов и пленарных лекций отражено в сборнике тезисов; по материалам конференции планируется также издать сборник докладов на английском языке.

Подписано к печати 30.06.2015	Дата выхода в свет 24.08.2015
Формат 70×100 ^{1/16} Усл. печ. л. 13,0	Усл. кр.-отт. 5,2 тыс. Уч.-изд. л. 15,5
Бум. л. 5,0 Тираж 398 экз.	Зак. 364 Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

И з д а т е л ь: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

А д р е с р е д а к ц и и: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6